



Петр Хомяков

СВОИ

И

ЧУЖИЕ

ДРАМА ИДЕЙ

*Моему деду, русскому крестьянину Иллариону Хомякову,
добровольцу Великой Отечественной войны,
погибшему, защищая Москву в 1941 году,
посвящаю*

Оглавление

Предисловие

ЧАСТЬ I

Человек, государство, цивилизация и нация. Развенчание мифов и поиск гармонии

Глава 1. Экология антропогенеза

1. Рассуждение о методе, или почему экология
2. Водная обезьяна. Начало пути: выпрямление, безволосость, камень в руке, первые проявления эмоциональности
3. Следственный эксперимент. Каннибализм и альтруизм. «Любовь и кокетство». «Свои» и «чужие». Раздвоение
4. На линии огня. Следственный эксперимент. Могущество слабых. Непосредственный предок
5. Первая научно-техническая революция. Вслед за огненным валом. Старые учителя. К вопросу о труде. Homo sapiens
6. Неандертальцы и кроманьонцы. Ледник. Реванш злобных дебилов. Последний мамонт. Неолитическая революция. Победа разума
7. Заметки на память. Суть человека. Осознавать, а не стыдиться. Если не хочешь стать питекантропом

Глава 2. Родимые пятна государственности

1. Древние цивилизации и государства. Фараоны-ленинцы
2. Как пауки оказались в банке. Экологический кризис в окрестностях долин великих рек
3. Этика взаимоистребления. К чему приводит скученность населения
4. Баланс взаимных злодейств. Какой ценой произошло «упорядочивание беспредела»
5. Обреченные на деградацию. К вопросу о происхождении и перспективах поливного земледелия
6. Земледелие и цивилизация. Мифы о присваивающем и производящем хозяйстве
7. Двуногий скот. Истинная сущность земледельческой революции
8. Государственность и цивилизация. Заинтересован ли император в

процветании империи?

9. Родимые пятна государственности. Неужели это все свято?!
10. Государство и аристократия. Экология аристократии
11. Не обожествление, а использование. Может ли юрист быть антигосударственником?
12. Забегая вперед, или можно ли ухудшить плохое

Глава 3. История технологий и технология истории

1. Естественно-научные основания истории технологий. Развитие и выживание. Этика эволюции. Паразитарные структуры
2. Суть развития территорий, государств и хозяйственных комплексов. Паразитарное перерождение структур управления
3. «Нелирическое» отступление. О морском и континентальном пути развития всерьез
4. Лимитирующие факторы развития и их преодоление в процессе производства. Путь земледельца и путь скотовода
5. Политика и производство. Сколько раз на земле был построен социализм?
6. Реалии прогресса. Преодоление марксизма
7. Продолжение темы. Деньги, деньги
8. Специфика нынешнего момента. Противоречия развития. Замечание о военной разведке. «Негосударственное» государство

Глава 4. Национализм без социализма

1. Повторение пройденного. Эволюция нравов
2. Проблемы многоплеменных государств. К пониманию эволюции государственности
3. Нация и цивилизация. Истоки национализма
4. Национализм, социализм и идеологии солидарности. «Смесь бульдога с носорогом»
5. Устойчивое развитие. В кадре и за кадром
6. Кто «беременей» социализмом? Цивилизация в опасности!
7. Национализм без социализма
8. Национальная аристократия. - Возможно ли язычество в XXI веке?

ЧАСТЬ II

Русская тайна

Глава 1. Ледовый рубеж

1. Краткая лекция о ледниковом периоде
2. По долинам и по взгорьям. Огонь на снегу
3. Чувство меры, чувство времени, алгоритмика, уникальность. Арийская наука

4. Нашествия с юга. Кровь с молоком. Желтая ветвь
5. «Характер нордический» — пропагандистские мифы и реалии выживания. Система «человек—природа»
6. Незабудки для Прекрасной Дамы
7. Конец эпохи. Сотворение мира
8. Самая первая победа Севера. От Черного моря до Валдая и Арден
9. Биология, антропология, политика. То, о чем не удастся промолчать

Глава 2. Первая империя

1. История глазами ученого-естественника, инженера, пропагандиста, политтехнолога. Историки — следователи или культурологи
2. Первая империя. Начало экспансии. Палестинский узел
3. Геополитика и новые технологии бронзового века. «Первая любовь, первая женщина и первая жертва» имперского монстра
4. Теория гегемонии. Религиозные поиски. Театр, секс, кайф. Современное продолжение темы
5. Имперская наука. Имперская мистика
6. Система «человек—человек». Механизмы самосохранения. Что могут короли? Имперские нравы
7. Семитское детище, или неожиданная разгадка еврейских парадоксов
8. Реплика для недобросовестных оппонентов. «Жидо-масон — антисемит»
9. Начало конца. Античный капитализм. Арийские альтернативы. Когда лук стал священным

Глава 3. Железный марш

1. Железо и бронза. Геология, экология, технология
2. Железная революция. Реконструкция былых реалий
3. Волшебный меч. Упоение справедливостью. Белое возмездие. Геополитика железа против геополитики бронзы
4. Железный марш. Истоки рыцарства. «Арийские грабли». Нордическая аристократия. Полемика с «партайгеноссен»
5. Сварог и Христос
6. Роль жреца. Проблема кшатриев
7. «Железная логика» исторического пути
8. Цивилизационная и стратегическая инвариантность альтернативных историй
9. Чужие

Глава 4. Русская тайна

1. Антропология, цивилизация и ментальность Севера. Русские наследники приледниковья
2. Генофонд и мемофонд. «Рано, видимо, плевать на королей». Истоки русской силы и истоки русской слабости

3. Клубок противоречий. Была ли Россия русской? Парадоксы российской государственности
4. Армейская тема отдельной строкой. Что общего между Ермаком Тимофеевичем и Сципионом Африканским? Красноармейцы эпохи Цинь
5. К вопросу об экспансии. Кстати о нефти Центральной России
6. Государство и религия. Боги свои и чужие
7. «Зачем прощать тому, кто тверд в грехе»
8. Последний император. Слово о Сталине
9. Последний акт. Взгляд из 1993 года
10. Русский эпизод белой драмы. Общие проблемы белой цивилизации. Решения английские, немецкие, русские
11. Итоги расследования. Разгаданные загадки русской души. Феномен русской интеллигенции
12. Казачья песня в качестве эпитафии для эпилога. «Вашу руку, пан Корчинский!»

ЧАСТЬ III

Русская перспектива

Глава 1. Россия и золотой миллиард

1. Общество потребления
2. Экологический кризис
3. Неожиданное спасение
4. Золотой миллиард
5. СССР и общество потребления
6. Россия и золотой миллиард

Глава 2. Россия в новом мировом порядке

1. Что такое новый мировой порядок?
2. Кому нужна стабильность?
3. Россия в новом мировом порядке
4. Стабильность — враг национального возрождения России

Глава 3. Технические реалии новой цивилизации и ее политические последствия

1. Суть научно-технического развития
2. Ресурсные и технологические тупики современной цивилизации
3. Контуры очередной научно-технической революции и технические реалии новой цивилизации
4. Экологические реалии новой цивилизации
5. Новые приоритеты во всемирной битве за ресурс
6. Новая политика и новая геополитика. Перспективы и интересы России в

новой цивилизации

Глава 4. Идеология и стратегия оптимизма

1. Почему я их не люблю? Певцы и «интеллектуалы» мотыги. Двойные стандарты «борцов с прогрессом». Завещание деда
 2. Неизбежность развития. Еще раз о Божьем замысле. Так ли страшен близкий «конец света»?
 3. Как избежать ошибок? Манифест интеллектуального бесстрашия
 4. Новый порядок, этика, эстетика. «Каждому свое». «Лишь тот достоин жизни и свободы...». «Баня против пляжа»
 5. Глобальные выводы. Русский оптимизм
- Послесловие, или размышления о национальной идеологии

Слово об авторе

Предисловие

Все смешалось в современном мире. Париж на глазах становится арабским городом, Берлин — турецким, Москва — кавказским. Вчерашние союзники становятся врагами. Враги — друзьями. Впрочем, есть ли друзья в современном мире? И могут ли они быть вообще?

Бесполезное дело давать оценки современности и, заламывая руки, восклицать: «О времена! О нравы!» Наверняка бывали времена и похуже. Однако современному человеку (впрочем, не только современному) иногда очень хочется разобраться в происходящем. Увидеть его корни. И, если повезет, увидеть еще и «свет в конце тоннеля».

Во всяком случае, этого, несомненно, хочется части современного человечества. И уж наверняка некоторым русским, еще успевшим получить достаточно добротное образование до начала развала всего и вся в России. А теперь недоуменно вззирающих на сумасшедший дом современной жизни.

И если докопаться до самой глубины этого желания, до того минимума, который хотелось бы узнать такому задумывающемуся человеку, то это будет ответ на вопрос: «А кому верить?» В данном случае автор формулирует этот вопрос для русского читателя. Возможно, европеец задал бы его в другой форме, хотя по сути он был бы тем же.

И автор может сходу ответить на этот вопрос: «Верить надо своим. И только своим». «Профанация!» — воскликнет иной читатель. «Кто же такие эти, с позволения сказать, «свои»? И кто же тогда «чужие»?»

А вот на этот вопрос сразу и не ответишь. На этот вопрос и призвана ответить данная книга. Ибо чтобы понять, кто такие «свои» и кто такие «чужие», надо рассмотреть многое.

Как возник человек? Как возникло государство? Как развивается цивилизация? Каково место той или иной расы и нации в развитии цивилизации? В чем противоречия этого развития? Как и с кем эти противоречия можно преодолеть?

Согласимся, вопросы более чем масштабные. Однако ответы на них есть. Разумеется, ответы далеко не исчерпывающие. Однако достаточные, чтобы разобраться в искусственно запутанных хитросплетениях современной жизни.

Разобраться и решить для себя, кто и что является своим, а кто и что чужим.

А разобравшись, либо принять все это к сведению, либо становиться соавтором... Чего? Тут ответы зависят от личных пристрастий и воспитания каждого. Кто-то скажет — Судьбы, кто-то — Истории. А кто-то, возможно, и Божьего замысла.

Впрочем, «каждому свое».

На этом нам бы хотелось закончить наше предисловие. Однако есть определенные требования к предисловиям вообще. В них необходимо определить жанр книги, если он не ясен уже из названия и оглавления. Наша книга не детектив и вообще не беллетристика. В то же время это и не научный труд.

Подобный жанр наилучшим, по нашему мнению, образом определил Л. Н. Гумилев. Это жанр трактата. Иногда этот жанр определяют как эссе. Я не вижу особой разницы между этими жанрами. Разве что трактат несколько более научен и целенаправлен. А эссе несколько более публицистично и многопланово. Но грань между ними весьма зыбкая.

Особенностями жанра является свободное оперирование информацией, большая часть которой известна любому образованному человеку, а меньшая часть известна специалистам.

Принципиальная новизна выводов определяется не новизной информации, тем более не ее эксклюзивностью, а новым взглядом на соответствующие проблемы и широтой междисциплинарных обобщений.

В этом жанре плодотворно работали многие оригинальные русские мыслители. Мы уже упоминали Л. Н. Гумилева, который в конце 1970-х и в первой половине 1980-х годов был прямо-таки законодателем интеллектуальной моды у московской читающей публики. Однако мы можем напомнить более ранние и классические работы подобного жанра. Знаменитый основатель славянофильства А. С. Хомяков сформулировал основные постулаты своей идейной доктрины в трактате «Семирамида».

Подобный подход по сути является строго научным, но без педантизма и академизма. Тем более, что академизм в научно-публицистических работах, а тем более в работах мировоззренческих, функционально излишен. Попытки оформить откровенные агитки в академичном стиле всегда вызывали у автора, профессионального ученого, откровенную улыбку. В данной ситуации эти попытки напоминают примитивное кривляние дилетантов.

Вместе с тем имеются отдельные моменты, взятые из самых последних научных исследований, которые в силу этого не могут быть широко известны, но без которых невозможно наше изложение. Эти моменты сопровождаются соответствующими ссылками в тексте.

Однако это довольно редкие исключения. А в остальном автору остается лишь уповать на доверие читателя. Ибо автор, хотя и эмоционально пристрастен, тем не менее, не нуждается в фальсификациях и передержках для доказательства своих идей.

Впрочем, отсутствие академизма не помешало моим предшественникам в жанре трактата быть интересными, занимательными, злободневными и научными одновременно.

Завершая освещение научных аспектов нашей книги, заметим, что автор является принципиальным противником новомодного поветрия отрицания ряда базовых научных доктрин. Под маской этакого научного модернизма на самом деле протаскивается все тот же ненавистный нам иррационализм.

Вдвойне противен он нам в исполнении недоучек и дилетантов. Поэтому мы остаемся приверженцами и эволюционизма, и материалистического подхода к явлениям реальности. Другое дело, что в книге используются последние модернизированные и уточненные концепции ряда «заслуженных» научных учений. Того же эволюционизма, например.

В этой связи особо стоит отметить вопросы поведения сложных систем, в частности, проблемы смены состояний сложных систем, существования принципиальных границ предсказуемости и непредсказуемости их поведения, проблемы влияния малых воздействий на эволюцию сложных систем. Автор специализируется именно в этой области. Этим проблемам посвящена как минимум треть нашей докторской диссертации.

И именно поэтому автор является принципиальным противником модного ныне бездумного кривляний с бесконечным повтором заклинаний типа «Ах, синергетика!», «Ах, бифуркации!», «Ах, непредсказуемость!», «Ах, хаос!» в рассуждениях об эволюции и поведении биологических и социальных систем.

Как правило, «хаосом» и «непредсказуемостью» наукообразно прикрывают элементарное незнание и неумение строить соответствующие прогнозы. Автору знакомы эти спекуляции как в науке, так и в идеологии. И я считаю большую их часть все тем же оправданием ненавистного мне иррационализма, а в конечном счете злобной тупости.

Да, тоннельные эффекты, эффекты при смене различных состояний очень интересны. Но они вполне рационально объяснимы. И, более того, в определенной степени прогнозируемы. Во всяком случае, прогнозируемы с той степенью точности, которая позволяет строить рациональные стратегии поведения заинтересованных сторон, вовлеченных в эти сложные процессы.

А это особенно важно в сфере политики и идеологии. Особенно при поиске «своих».

В заключение автор благодарит всех, кто так или иначе помогал ему на разных этапах этой работы — Авдееву Ирину Борисовну, Авдеева Владимира Борисовича, Духовлинова Андрея Дмитриевича, Иванова Владимира Дмитриевича, Косолапова Игоря Анатольевича, Рохлина Льва Яковлевича, Севастьянова Александра Никитича, Стебелькова Владимира Альвиановича, Титова Михаила Михайловича.

Особую благодарность автор выражает Валерию Захаровичу Вдовенко, без поддержки которого было бы невозможным не только это издание, но и само написание данной книги.

ЧАСТЬ I

**Человек, государство, цивилизация и
нация. Развенчание мифов и поиск
гармонии**

Глава 1

Экология антропогенеза

1. Рассуждение о методе, или почему экология

Употребление понятия «экология» в последние десятилетия стало более распространенным. Оказалось, что спровоцированные ресурсным, энергетическим, демографическим и экологическим кризисом проблемы можно решить только в совокупности, в контексте общей эволюции биосферы и общества. Таким образом, из частной биологической науки о взаимоотношениях организмов и среды их обитания экология стала основой общенаучной методологии. Именно в такой трактовке употребляется сейчас термин «экология», когда говорят об экологии культуры, экологии городов, астральной экологии и т. п.

Суть экологического подхода состоит в рассмотрении любого объекта во взаимоотношениях с окружающей его средой. При этом неважно, что представляет собой эта среда — природные экосистемы, городские агломерации или вообще что-то нематериальное (для идеальных объектов). Важно другое. Объект, функционирующий в некотором окружении, сам является неотъемлемой частью этого окружения. Находясь под постоянным влиянием внешней среды, завися от нее, он в то же время сам влияет (зачастую решающим образом) на эту среду.

Именно эти процессы взаимного влияния изучаемого объекта и среды его обитания являются сутью экологического подхода. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что экологический подход начинает себя оправдывать тогда, когда предмет нельзя «выдернуть» из его окружения, значительно не изменив его сути. Иными словами, над ним нельзя поставить контролируемый исследователем натурный эксперимент.

В классической экологии это утверждение очевидно. Действительно, нельзя многократно по своему произволу «экспериментировать» с природой большого региона, можно только наблюдать последствия, если такой «эксперимент» невольно состоится в результате чьей-то нерадивости.

Именно поэтому экологический подход обычно опирается на научную методику т. н. имитационных (с помощью ЭВМ) экспериментов, мысленных экспериментов (логическая реконструкция ситуации) и т. п. методы. В прикладной экологии, при исследовании ресурсных проблем, демографических проблем, вообще любых проблем, связанных с принятием решений в условиях

уникального выбора подобные методы не только оправдали себя, но и стали основными в данных областях.

Однако экологический подход как методология и мысленный эксперимент как методика отнюдь не ограничиваются вышеперечисленными отраслями знания и деятельности. По существу, подобный подход в неявном виде давно используется в палеогеографии, антропологии, хронологии и отчасти археологии. Незаменим он и в исследовании происхождения человека. Действительно, исследователи этой проблемы часто прибегают к рассуждениям такого рода: «Человек, освоив то-то и то-то, вызвал такие то изменения природной среды (например, уничтожил некий вид промысловых животных)», — или еще: «Обезьяна, выпрямившись (взяв в руки палку и т. п.), получила такие-то преимущества, которые дали ей возможность вытеснить своих конкурентов из таких-то экологических ниш».

К сожалению, подобные утверждения бывают в значительной степени голословны. Зачастую исследователи не задаются вопросом: в чем же конкретно (в тех условиях!) должны были состоять упомянутые преимущества, давшие предку человека развиваться дальше. Иными словами, мысленный эксперимент остается незавершенным, а экологический подход не реализуется.

Автор, будучи специалистом по экологии и природным ресурсам и одновременно по методам применения ЭВМ для организации имитационных экспериментов по широкому кругу проблем, попытался в свое время совместно с группой биологов, антропологов, палеогеографов и историков довести до логического завершения ряд концепций происхождения человека. При этом проверялась реализуемость соответствующих сценариев антропогенеза с экологической, эволюционно-генетической, популяционной и биомеханической точек зрения с помощью соответствующих имитационных и мысленных экспериментов. А по механическим аспектам иногда проводились натурные эксперименты, некоторым аналогом которых могут служить следственные эксперименты, принятые в криминалистике. В результате была выявлена наиболее правдоподобная и непротиворечивая версия, «склеенная» из разных официально фигурирующих в науке концепций. Эту версию мы и представляем читателю.

«Логическим скелетом» данной версии является цепь построений, в рамках которых, во-первых, определяется, в результате каких процессов, когда, в каких условиях и в какой последовательности приобретались нашими предками черты, отличающие их от животных; во-вторых, в результате чего данные черты могли закрепиться, какие именно преимущества и в каких конкретных условиях данные черты обеспечивают (или обеспечивали), и какова «цена» обретения данных преимуществ.

При изложении наших выводов основное внимание будет уделено

реконструкции узловых моментов антропогенеза. Временная привязка будет дана только в общих чертах.

Автор должен извиниться перед читателем за слишком, может быть, научную форму изложения в этой части в общем-то популярной работы.

В дальнейшем попытаюсь излагать материал более понятно и «занимательно». Вместе с тем выше мы попытались показать читателям, что наши построения не являются- полуграмотной «байкой» в стиле большинства подобных опусов наших политизированных авторов, любящих рассуждать на темы антропологии, а являются результатом, пусть не до конца оформленных, однако достаточно продолжительных и корректных междисциплинарных научных исследований. Этот результат мы и сообщаем любознательной публике.

2. Водная обезьяна. Начало пути: выпрямление, безволосость, камень в руке, первые проявления эмоциональности

Прежде, чем начинать отслеживать собственно человеческий путь, рассмотрим, что же из вроде бы человеческих (или проточеловеческих) качеств имеется уже у животных, в частности обезьян. При этом мы не ставим целью дать определение человека, мы ставим целью показать, что не может считаться определением человека. Здесь неспециалиста ждет немало удивительных открытий. Оказывается, обезьяны, которые очень любят подражать друг другу («дразниться») и другим животным, могут усваивать полезный опыт и затем передавать его следующим поколениям.

Например, зафиксирован факт, как случайно обнаружив удобство мытья грязных плодов в реке вместо их отскребывания, одна обезьяна «научила» этому все стадо. Этот опыт затем распространился и на соседние популяции обезьян данного вида.

Далее, использование различных предметов для добычи себе пропитания вообще не является прерогативой обезьян. Даже некоторые хищные птицы берут, например, камень в клюв и с его помощью разбивают крупные яйца других птиц (в частности, страуса), чтобы выпить их.

О сложности социального поведения животных вообще не приходится говорить. Современная этология (наука о социальном поведении животных) дает немало примеров, однозначно свидетельствующих, что взаимоотношения в коллективах животных не менее сложны, чем в человеческих. А уж «политики»-интриганы у тех же шимпанзе иногда гораздо более искусны и коварны, нежели «испорченные» интеллектом люди.

Таким образом, ни усвоение чужого полезного опыта, ни использование подручных предметов, ни социальное поведение как таковые не являются прерогативой человека и не могут служить его отличительными чертами. Этими

качествами обладают современные животные, этими качествами обладал и гипотетический обезьяний предок человека.

Следует заметить, что процесс эволюции протекает зачастую следующим образом. Некоторый вид, эволюционируя, осваивая новую для себя экологическую нишу, приобретает ряд свойств, несомненно, полезных для «решения этой задачи» (да простят меня биологи за столь вульгаризированное выражение своей мысли, однако суть моих рассуждений, надеюсь, не вызовет резких возражений). Специфика же физиологии такова, что одни изменения связаны с другими. Поэтому в процессе эволюции могут возникать признаки, которые не принесут преимуществ в данный момент, однако могут «пригодиться» в дальнейшем. Грубейшим упрощением является попытка все приобретенные на каком-то этапе эволюции признаки объявить полезными, обеспечивающими выживание именно в данных условиях.

Посмотрим, не являются ли первые признаки, определившие начало отделения человека от остальных приматов, именно такими «побочными» приобретениями, полученными в результате освоения какой-либо новой для обезьян экологической ниши.

При этом мы сразу отбросим совершенно необоснованную концепцию, согласно которой при деградации тропических лесов в саванны (тропические лесостепи) наши предки, лишившись привычных деревьев, спустились на землю и распрямились.

Эксперимент № 1. Посмотрим, что дает распрямление обезьяне, «лишившейся» своего дерева. Выигрыша в скорости перемещения она не получает. Освобождение рук, в которых может быть зажат камень, ничего не дает с точки зрения охоты. Любой из потенциальных промысловых видов имеет скорость передвижения, как минимум, на 10-20 км/час большую, чем современный человек. Тем более, это верно для только что вставшей на ноги обезьяны. Так что здесь можно лишь со злости кинуть камнем вслед убегающей дичи.

Ничего не даст камень и с точки зрения защиты от хищников. Попробуйте, неуверенно держась на ногах, нанести существенный урон камнем хотя бы домашней собаке, если она вас не боится. Однако с чего ей (вернее, волку или шакалу, не говоря уже о льве или леопарде) было бояться какую-то обезьяну, лишившуюся своего дерева? Правда, можно охотиться на мелких животных, грызунов, например, или выкапывать корни, но для этого надо не распрямляться, а, наоборот, быть «ближе к земле».

Наш вывод однозначен. Если бы обезьяна спустилась с дерева на землю, то распрямление, освобождение рук и разрежение волосяного покрова не только не принесли бы ей каких-либо преимуществ, но и привели бы ее к гибели.

Экологическая реконструкция № 1. Восстановим ситуацию нарастания сухости климата в тропиках. Сокращение площадей тропических лесов должно идти отнюдь не равномерно и не повсеместно. Кустарниками и редколесьями замещаются сначала наиболее сухие места. Деревья и влажные леса в целом даже в условиях сильного нарастания засушливости климата сохраняются в долинах рек. Мало того, на определенном этапе нарастания засушливости долинские леса даже увеличивают свою продуктивность.

Оказавшись в подобных условиях, обезьяны, скорее, будут постепенно перемещаться в долинские леса, концентрируясь там, чем «слезут с дерева» и побегут в незнакомую саванну. Некоторый рост продуктивности долинских лесов на начальном этапе нарастания засушливости обеспечит, несмотря на растущую концентрацию обезьянних стад, соответствующую кормовую базу.

Тем не менее, на каком-то этапе прижатые к рекам, живущие на относительно узких полосках пойменных лесов обезьяны почувствуют недостаток пищи. На этом мы закончим нашу реконструкцию и поразмышляем о том, какой выход они могут найти из этого положения.

Собственно, выхода у них только два. Первый: значительно сократить численность, т. е. вымереть от голода. Второй: освоить новый источник питания. И он есть. Практически под боком. Берега рек и прибрежные речные мелководья усеяны упавшими плодами. Причем это именно те плоды, которыми обезьяны питаются, живя на деревьях. Чтобы взять их, надо только спуститься с деревьев, но не на землю, а на берег реки.

Именно так и поступили наши предки, не смирившиеся с перспективой вымирания от голода. Оригинальные доказательства подобного развития событий приводит шведский ученый, путешественник и писатель Ян Линдблад. Действительно, что помимо разума и связанных с его наличием анатомических особенностей наиболее резко отличает человека от остальных приматов? Комплекс черт, которые появляются при освоении млекопитающими сухопутными животными водной среды. Именно в воде обитатели суши теряют волосяной покров, распрямляют скелет, приобретают подкожный жир и «обтекаемое» строение тела.

Именно такие черты примерно в той же экологической ситуации получили бегемоты, освоившие тропические реки. Еще более резко эти черты проявились у китов и дельфинов, ушедших в море. Предчувствуя возражения внимательных читателей, готовых привести в пример носителей самых прочных мехов именно у водных млекопитающих, например, выдр или бобров, скажем, что адаптационные механизмы могут быть разными: в одних случаях в теплых водах закрепляется адаптационный механизм бегемотов, в других — выдр и котиков.

В данной ситуации важно не наличие нескольких возможных механизмов адаптации к водной среде, а то, что эти механизмы проявляются достаточно самостоятельно. Мы не исследуем вопрос, почему у водных обезьян развилась именно безволосость и появился жир, а не имел место другой процесс приспособления. Важно лишь, что процесс адаптации к воде с потерей волосяного покрова имеет место в эволюции, и именно он стал наиболее адекватен для водных обезьян.

В связи с этими вопросами есть еще одно интересное соображение. Известно, что физиологические различия полов у человека достаточно сильно представлены. Одной из гипотез, объясняющих более полное выражение т. н. «водных» черт у женщин является гипотеза о том, что на первых порах антропогенеза водная среда была более безопасна для водных обезьян, и самки проводили в воде большее время, чем самцы. Именно поэтому самки водных обезьян потеряли больше волосяного покрова и имеют большую долю жира в организме.

Итак, среди приматов только человек имеет подкожный жир, лишен сплошного волосяного покрова, имеет обтекаемое строение тела (ноги человека гораздо больше внешне походят на лапы лягушки, если конечно не принимать во внимание перепонки, чем на ноги других приматов). Очень важно то, что только нос человека устроен так, что позволяет ему пребывать под водой, другие приматы не могут погружаться под воду, они там просто захлебнутся. Кроме того, строение половых органов человека, отличающее его от всех других приматов (глубокое влагалище у самок и длинный член у самцов), также функционально оправдано только для животных, ведущих водный (или полуводный) образ жизни.

Рудименты этого водного этапа эволюции нашего предка можно наблюдать, помимо всего прочего, в экспериментах поклонниц метода рожать в воде. Уверенное поведение в водной среде новорожденных говорит о наличии не востребуемых сейчас, однако когда-то ранее эволюционно сформировавшихся черт человека. Кстати, длинные волосы на голове (в особенности у женщин) имеют функциональное значение также только в водной среде. За них могут цепляться дети в случае необходимости срочного перемещения матери. Интересно, что перед родами волосы у современных женщин начинают расти более интенсивно.

Касаясь биологии воспроизводства у речных обезьян, следует заметить, что некоторое выпрямление скелета на этом этапе не приводило к существенному усложнению родов, ибо для существ, значительную часть жизни проводящих в воде, выпрямленность скелета не мешает донашивать детенышей. Пример тому дельфины и киты. Сложности с родами возникнут у нашего предка позже, когда понадобится донашивать детенышей, находясь в выпрямленном состоянии, но уже на суше. Именно тогда и появятся проблемы рождения по животным

меркам «недоношенных», длительное время совершенно беспомощных детенышей.

С экологической точки зрения совершенно очевидно, что окончательно покидать сушу предку человека было невыгодно. Гораздо большие преимущества давал «водно-прибрежно-древесный» образ жизни. Поэтому наши речные обезьяны сохранили возможность перемещаться по суше. Особенно освоенными в подобной ситуации оказывались отмели и мелководья. При этом наши предки просто не могли «пройти мимо» возможности пополнять свой рацион качественными животными белками, поедая речных моллюсков. Кстати, на отмелях много камней. И уж если хищные птицы могут взять камень в клюв для того, чтобы разбить скорлупу чужого яйца, то для обезьяны это вовсе не проблема.

Именно на отмелях камень был впервые взят в руки нашими предками для того, чтобы разбивать раковины речных моллюсков. Желеобразное тело моллюсков из разбитой раковины удобнее не выгрызать, а высасывать. У речных обезьян развился сильный «ловкий» язык и уменьшилась массивность зубов. Такое строение языка, конечно же, еще не означало предопределенности к появлению речи. Однако речная обезьяна уже физически могла произносить недоступные другим приматам сложные звуки.

И, наконец, последнее «достижение» речной обезьяны. Более продолжительный половой акт (в связи с углублением влагалища), в процессе которого лишённые волос тела партнеров плотно соприкасались, отдавая тепло друг другу, привели к появлению некоего прообраза «чувства нежности», которого лишены другие приматы.

Таким образом, не прибегая к каким-либо экстравагантным эволюционным, биомеханическим и экологическим построениям, можно убедительно объяснить целый ряд анатомических черт, обусловивших исходный «отрыв» предка человека от других приматов.

Перечислим эти черты: относительная распрямленность скелета, потеря волосяного покрова, появление подкожного жира, активное использование камней, развитие «ловкого» языка, предпосылки к повышенной «эмоциональности».

Еще раз подчеркнем — эти черты приобретаются совершенно «обыденно» с эволюционной точки зрения. Ничего специфически человеческого здесь пока нет. Есть только перспективная предпосылка развития человеческих черт. Между тем, описанное существо чисто внешне гораздо больше похоже на нас, чем любая современная человекообразная обезьяна.

Речная обезьяна сформировалась, во всяком случае, более 5 миллионов лет назад, намного раньше пресловутых питекантропов. Так что говорить о каких-то

особых, аномально быстрых, темпах эволюции предков человека на данном этапе следует гораздо осторожнее, чем это делалось еще сравнительно недавно.

3. Следственный эксперимент. Каннибализм и альтруизм. «Любовь и кокетство». «Свои» и «чужие». Раздвоение

На этом месте у читателя может возникнуть вопрос: неужели автор, объяснив столь естественно «зоологически» такое большое количество черт, которые мы считаем сугубо человеческими, думает и дальше следовать этой линии? А как же, в таком случае, единодушное мнение всех ученых о том, что в появлении человека было нечто экстраординарное?

Да, практически ни одна из даже сильно враждующих антропологических школ не обходится без сценариев экстраординарной мотивации в развитии человека. Одни предполагают некую сильную мутацию, обусловленную радиацией, другие говорят о «сошедшей с ума» обезьяне, третьи призывают на помощь пришельцев из Космоса, четвертые придерживаются буквальной трактовки Божественного Творения.

Впрочем, в последнее время гипотезы водного происхождения человека появляются все чаще. Хотя, к сожалению, эти теории, в отличие от взвешенных рассуждений Линдблада, не свободны от склонности к преувеличениям. Впрочем, «на каждый роток не накинешь платок». И мы не будем (да и не можем) комментировать каждую скороспелую теорию, а тем более их откровенно бредовые популярные интерпретации. Тем не менее, наиболее важные дискуссионные моменты серьезных теорий будут упомянуты нами несколько позже, в конце первой главы второй части нашей книги.

Пока лишь заметим, что не стоит в стороне от сверхъестественности в объяснении эволюции человека и марксизм. Говоря несколько упрощенно, марксизм предполагает некий неизвестно откуда взявшийся позыв к труду, в результате которого и язык развился, и рука. Непонятным при этом остается следующее: откуда взялись чисто физиологические предпосылки для развития того же языка, ведь чтобы сказать что-то, пусть даже и весьма нечленораздельное, надо иметь физиологическую возможность это сделать; не говоря уже о том, как это в голове у обезьяны возник образ предмета, который она целенаправленно претворяла в вещь в процессе труда? В противном случае, это не труд, а инстинктивная деятельность, как у паука или пчелы.

Однако всем очевидно, что некий «рывок» в эволюции человека должен был быть. Если говорить строго научно, то этот «рывок» не что иное, как отрезок ускоренной эволюции нашего предка, в результате которой образовались зачатки т. н. второй сигнальной системы, а популярно говоря, разума. Иными словами, появление структур мозга, управляющих поведением человека помимо инстинкта, а иногда и вопреки инстинкту, на основе информации, которую в

индивидуальном порядке человек получает при жизни.

Что ж, попытаемся реконструировать ситуацию этого «рывка» и определить, в чем же он состоял. Однако предварительно отметим, что, разбивая на камнях и камнями раковины моллюсков, наш предок должен был «часто попадать мимо». Используемые камни обкалывались, приобретая зачастую острые грани. Этими гранями можно было гораздо эффективнее колоть раковины. Мы не склонны думать, что в то время наш предок целенаправленно «изготавливал» такие «рубилы». Просто на тех местах, где годами кололи раковины, оказывалась масса таких «рубил», использование которых было предпочтительнее для колки раковин.

Экологическая реконструкция № 2. При приближении к нашей эпохе (в геологическом масштабе времени, разумеется), которое характерно активизацией горообразования (так называемый альпийский орогенез) и нарастанием предпосылок оледенений, нарастали амплитуды изменений природной среды и климата.

При этом часть территорий оказывалась в зонах засухи. Реки мелели, приречные пойменные леса частично разреживались. И хотя поймы крупных и средних тропических рек являлись и являются богатейшими на земле по биопродуктивности местами, недостаток пищи мог ощущаться и здесь. Некоторые ареалы распространения речных обезьян вполне могли оказаться в условиях недостатка пищи. Ареалы зачастую представляли собой замкнутые Пространства — уйти было некуда. В подобных ситуациях популяционного стресса у всех животных наблюдается нервозность, а зачастую нарастают тенденции к каннибализму. Теперь проведем следующий мысленный эксперимент, опирающийся, кстати, на обобщение довольно большого количества натуральных ситуаций, который вполне можно назвать следственным.

Эксперимент № 2 (следственный). Итак, в нашем первом эксперименте мы не обнаружили никаких преимуществ для наших предков, если бы они оказались в саванне в распрявленном состоянии с камнем в руке. Предок человека «сделал шаг» к распрявлению своего позвоночника, погрузившись в реку. Это распрявление могло быть достаточно сильным, однако могло быть и не столь интенсивным.

Рассмотрим, в какой ситуации и с каким противником более распрявленный предок человека получал решающие преимущества.

Крупные хищники, обладающие мощными зубами, отпадают. Действительно, пока стукнешь его камнем или даже «рубилком» по голове (а по другим местам не стоит и пытаться, ибо урон будет незначительный), он успеет поразить неприкрытый мягкий живот нашего распрявленного предка. Такое распрявленное положение явно не годится в борьбе против хищника с

мощными когтями и зубами, нацеленными на нижнюю часть тела распрямленной речной обезьяны.

Следует отметить, что с точки зрения биомеханики удар рукой с камнем (или рубилом) сверху вниз наиболее сильный из всех тех, который может нанести стоящее на ногах человекообразное существо. Именно поэтому мы и рассматриваем эту ситуацию.

Какой же противник был в наиболее невыгодном положении по отношению к более распрямленному предку человека? Этот противник должен был быть, во всяком случае, не намного более быстрым; он не должен был обладать когтями и зубами, достаточно мощными, чтобы быстро нанести тяжелые ранения в незащищенный живот своего контрагента. Он должен был быть ниже своего контрагента, однако его голова должна была находиться не намного ниже пояса этого контрагента, в противном случае удар камнем сверху вниз будет ослаблен из-за нехватки длины руки.

Единственным кандидатом на роль такого неудачливого противника является менее распрямленный сородич нашего предка. Драка за большую раковину моллюска на отмели или большой плод в условиях бескормицы и стресса вполне могла окончиться обменом ударами рубил по головам. В процессе этого обмена наибольшими преимуществами обладал наиболее распрямленный (и высокий) противник.

Чтобы завершить наш эксперимент, следует только добавить, что разъяренная обезьяна зажатая в руке острым камнем вполне может проломить череп своему сородичу. Если при этом в популяции есть предрасположенность к каннибализму, то привыкшая к высасыванию моллюсков из раковин речная обезьяна вполне может высосать желеобразную массу мозга своего более согнутого и менее удачливого в драке сородича.

Нам кажется, что в процессе нашего мысленного эксперимента мы наиболее правдоподобно воссоздали ситуацию, когда наш предок мог стать на путь «адельфофагии», или пожирания представителей своего вида. На обязательном наличии такой стадии в антропогенезе настаивал наш известный антрополог профессор Б. Ф. Поршнев. Однако ни Б. Ф. Поршнев, ни его интерпретаторы не могли однозначно объяснить, почему при этом предок человека должен был чувствовать некое «раздвоение сознания», которое и стало, на взгляд последователей Б. Ф. Поршнева (с которыми мы полностью согласны), причиной появления второй сигнальной системы.

Действительно, мы достаточно корректно обосновали, что на этом этапе речная обезьяна была еще обычным животным. Каннибализм широко известен в животном мире и, в частности, распространен у многих млекопитающих. Мы не ставим задачу подробно рассматривать это явление. Заметим лишь, что одни

виды в сходных ситуациях переходят к каннибализму, другие — нет. Можно сказать лишь, что в ситуациях скученности и стресса каннибализм, скорее, правило, чем исключение. Однако это, по большей части, эпизодическое состояние, и никакого «раздвоения сознания» даже очень развитые (по меркам животного мира) виды при этом не испытывают. Таким образом, сам факт каннибализма, который на определенном этапе развился у речных обезьян, ничего еще не доказывает.

Однако рассмотрим дальше развитие ситуации с нашими предками. В условиях скученности популяции и стресса, когда драки возникали повсеместно, более распрямленные и высокие особи получали решающее преимущество. Скорость отбора здесь была очень высокой, ибо сокращение популяции проходило со скоростью, характерной не для природы, а для современных селекционеров: быстро и по ограниченному кругу признаков.

Причиной этой быстроты было следующее: каннибализм дал возможность резко повысить калорийность и качество питания «победителям». Таким образом, процесс пошел по принципу цепной реакции. Наблюдалось уже не сокращение популяции до приведения ее численности в соответствие с кормовой базой, а использование большей части этой популяции в качестве кормовой базы.

Вспомним, однако, что оставались более распрямленные (аномально распрямленные, если рассматривать все другие функции, кроме драки) особи. Кроме того, подобное распрямление совпало по времени с засухой. Следовательно, соотношение времени водного и сухопутного времяпрепровождения изменилось. Речные обезьяны стали более сухопутными.

Для самок это означало невозможность донашивания детенышей. рождались в прямом смысле недоношенными, беспомощными и требовали длительной опеки родителей, а зачастую только общая помощь всех взрослых особей стада могла обеспечить продолжение рода. Таким образом, обеспечение полноценного воспроизводства популяции требовали альтруизма и солидарности, а победа в борьбе за выживание требовала не просто агрессивности (это было бы вполне естественно), но постоянного агрессивного каннибализма, в общем не свойственного другим видам в течение длительного времени их развития (вспомним: «ворон ворону глаз не выклюет»). Эти требования были в данном случае взаимоисключающими, ибо распространялись на близко живущих особей своего вида.

Ситуация осложнялась еще одним фактором. Наиболее эффективная помощь детенышам всей группы (стаи, стада) осуществлялась только при наличии у самцов «возможной уверенности», что эти детеныши — его дети. Для этого самцы должны иметь если не регулярный, то эпизодический или хотя бы теоретически возможный доступ ко всем самкам группы. Подобная схема коллективного поведения имеется у некоторых приматов, например, у обезьян

верветок. При этом самки-верветки не имеют четко выраженных, как у других обезьян, периодов половой активности, выражающихся в появлении четких внешних признаков. Эти признаки сохраняются у них в течение всего времени их взрослой жизни.

И хотя верветки предпочитают находиться в связи с одним самцом, но «кокетничают» они со всеми и хотя бы ограниченное число раз вступают в половой контакт с большинством самцов стада. Интересно отметить, что степень выраженности помощи всем детенышам своего стада со стороны самцов у приматов увеличивается в соответствии со степенью выраженности схемы коллективного поведения, наблюдаемого у обезьян верветок.

Мы в данном случае не собираемся обсуждать очень интересную тему об альтруизме у других видов. Нам важно другое. Альтруизм по отношению к беременным самкам и детенышам своего стада (стаи) есть у многих видов, но у обезьян-верветок он проявляется в одной из наиболее завершенных форм. У приматов (за исключением человека) эти свойства обезьян-верветок выражены наиболее четко. Поэтому и описанный механизм обеспечения альтруизма можно считать у приматов наиболее эффективным.

Итак, альтруизм по отношению ко всем детенышам, «нежность чувств» к половым партнерам, постоянное, содержащее элемент неопределенности, «кокетство» самок. И одновременно — необходимость регулярно убивать особей своего вида и пожирать их. Вот, по нашему мнению, в чем суть того раздвоения, которое «свело с ума» нашего предка. Необходимость в зависимости от целого ряда причин постоянного переключения режимов поведения, не определенного инстинктивными, и привела к возникновению второй сигнальной системы,

Следует подчеркнуть, что само по себе возникновение элементов системы еще не решало всех проблем. Решения, принимаемые с помощью этой системы, должны были быть конструктивными, непротиворечивыми. В описанной нами ситуации эта непротиворечивость могла быть достигнута только одним путем — разбиением популяции на резко отделенные друг от друга группы. Применительно к своим должен был проявляться максимальный альтруизм, применительно к чужим — агрессивность и каннибализм.

Специфика «проточеловеческой» ситуации состояла в том, что выделенные группы состояли из особей одного вида, эволюционировали в одном направлении, их представители могли вступать в половые связи и иметь общих детей. Наконец, группы могли увеличиваться и распадаться в процессе «борьбы коалиций», кстати, весьма распространенной в животном мире и не являющейся прерогативой человека, о чем однозначно свидетельствует современная этология. Никаких универсальных, безошибочных, инстинктивных механизмов отличия своих от чужих, присущих остальным животным, не было. Поэтому

данная задача была поистине не простой, и вторая сигнальная система работала во всю силу, снимая постоянно возникающее «раздвоение сознания».

Будет логично предположить, что именно в это время для решения нетривиальных задач распознавания «свой—чужой», когда возможности традиционных, инстинктивных механизмов выполнения подобной функции были значительно ослаблены, наши предки использовали дополнительные возможности звуковой сигнализации, которые предоставлял им «ловкий язык».

Подчеркнем, что освоение этой сигнализации должно было достигаться еще в детстве, в то время как у остальных животных аналогичные звуковые коммуникации начинают играть функциональную роль в более зрелом возрасте.

Действительно, человек должен с помощью языка суметь объяснить, что он «свой», но не тогда, когда ему потребуется половой партнер или соратник для охоты, а тогда, когда его захотят сожрать, а это может случиться в очень раннем возрасте. Именно эти процессы и заложили основу возникновения языка как средства «внешнего информационного обслуживания» второй сигнальной системы.

Кстати, последствия проявления именно этой функции языка мы можем наблюдать и поныне на бытовом уровне. Интенсивным разговором, зачастую бессодержательным и не имеющим отношения к сути конфликта, конфликтующие стороны могут предотвратить драку. В этой ситуации с помощью активной беседы на подсознательном уровне пытаются вызвать у потенциальных противников мнение: «Мы «свои», мы говорим на одном языке!»

Именно этим эффектом пользуются также политики и ораторы. В данном случае часто встречающееся отсутствие логики в их речах не столь уж нелогично. Ибо вопрос состоит не в доказательстве неких тезисов, а в демонстрации с помощью самого факта свободного разговора на родном языке (речи) того, что выступающий «свой».

Кстати, данные современной лингвистики свидетельствуют о том, что понятия «свой» и «чужой» относятся к самым древним пластам языков, во всяком случае языков индоевропейских. Можно сказать, что именно с этих позиций и начинается язык вообще.

4. На линии огня. Следственный эксперимент. Могущество слабых. Непосредственный предок

Описанная нами драма становления проточеловека с раздвоенным сознанием происходила на фоне следующих изменений внешней среды. Засушливые эпохи сменялись влажными и наоборот. Ареалы обитания наших речных обезьян то расширялись, то опять сужались. Впрочем, это были уже не совсем речные

обезьяны. Распрямившись и прочно встав на ноги в процессе битв со своими сородичами-противниками, эти обезьяны ходили по суше как современные люди. Вероятно, именно в это время они стали отваживаться переходить из долины одной реки в другую, если засуха лишала их привычного местообитания. Но рацион их питания при этом существенно не изменился — те же плоды, моллюски и... сородичи из других групп.

Хотя в процессе миграций могли осваиваться и другие виды питания: мелкие животные, некоторые корни и плоды, — это расширение рациона не могло быть решающим. По мере привыкания к калорийной, богатой белками и витаминами относительно мягкой пище: полуразмокшим в воде плодам тропических деревьев, речным моллюскам, мозгам своих противников, — у наших предков значительно уменьшилась массивность зубов, и теперь они вряд ли охотно осваивали более жесткую и менее качественную пищу сухих саванных междуречий. Хотя при определенных условиях были вынуждены использовать и ее.

Вероятно, останки именно этих прямоходящих существ и обнаружил Р. Лики (находка 1470). Уверенное прямохождение упомянутых человекообразных дает основание некоторым исследователям назвать их *Homo erectus* — «человек стоячий» или «человек распрямленный». Возраст «человека стоячего» около полутора миллионов лет. Кстати, заметим, что после своего достаточно резкого «очеловечивания» *Homo erectus* весьма большой срок эволюционировал медленно, плавно увеличивая степень выраженности своих чисто человеческих черт.

Итак, уже не пресловутая речная обезьяна, а «человек распрямленный», обладатель достаточно большого мозга, имеющий зачатки второй сигнальной системы, пересекал саванны в поисках лучших мест. Повторим, что лучше, чем у реки, мест не было, и отогнать нашего предка из приречных лесов могла только засуха, иссушившая реку, либо более сильная группа врагов-сородичей.

Мы не думаем, что более слабые группы оказались полностью оттесненными от рек, гораздо вероятнее и более соответствует популяционной экологии то, что они оказались вытесненными на окраину ареала распространения своего вида, а именно на границу сухих саванн и долинных лесов. При этом вытеснение носило эпизодический характер. Слабые группы чаще бывали на внешних границах долинных лесов, но не жили там постоянно.

В чем состояла относительная слабость этих групп? Совершенно очевидно, что это не могла быть слабость дегрантов. «Недораспрямившиеся» и у родных рек не удержавшиеся аутсайдеры погибли бы в менее комфортных условиях на границе саванн. Гораздо вероятнее другое: распрямились и стали на ноги все, кому суждено было выжить. Однако по завершении этого эволюционного рывка конкуренция продолжалась. И на данном этапе преимущество получили более

массивные и агрессивные, они-то и остались на лучших местах у воды. Хотя следует отметить, что во время катастрофических засух и эти особи бывали вынужденными пересекать участки саванн в поисках более влажных участков.

Чем же выделялась граница долинных лесов и сухих саванн?

Экологическая реконструкция № 3. Согласно данным науки о лесных и степных пожарах — пирологии — граница саванн и долинных тропических лесов исключительна по своей пожарной опасности и горючести. С одной стороны, здесь достаточно сухо, чтобы весь древесный, кустарничковый и травяной материал каждый год хотя бы на короткое время был достаточно сухим, с другой стороны, этого потенциально горючего материала очень много. Кроме того, именно над долинами рек обостряются все атмосферные процессы и наиболее часты грозы — источники очагов возгорания. Натурные наблюдения и расчеты показывают, что здесь практически каждый год бывают пожары той или иной интенсивности. На этом закончим экологическую реконструкцию и посмотрим, как может реагировать на пожары стая вытесненных сюда «людей распрямленных» — *Homo erectus*. Заметим, что это стая уже аномально стрессирована своими более сильными и удачливыми конкурентами. Есть вариант поведения, согласно которому в этих условиях она может и не так сильно реагировать на огонь как на еще один стрессирующий фактор. Во всяком случае, вполне спокойно используя для своей текущей деятельности черные обгорелые палки, эти человекообразные могут уже и отличать остывшие головешки (или их остывшие концы) от головешек и концов горячих. Во всяком случае, знание огня и его последствий у этой стаи гораздо большее, нежели у их более сильных сородичей у реки.

Ситуационная реконструкция № 1. Напомним, что каннибализм как один из основных источников питания распрямленного человека в описываемых нами ситуациях пока сохраняется, и групповая охота на сородичей — обычное явление. Допустим, группа «сильных речников» вышла на войну-охоту на «окраинных» сородичей. Напав врасплох на нескольких представителей более слабой популяции, удачливые людоеды начинают преследовать их. Совершенно очевидно, что слабые пытаются убежать. Они, разумеется, стараются бежать от реки «к себе». Один из них или группа вырывается на недавно выгоревшую поляну. Не тут-то было: с другой стороны поляны заходит еще одна группа «силачей». Камней под рукой нет. Преследуемые хватают палки, головешки, оставшиеся после пожара. Хватают, разумеется, за остывшие концы. Один из преследуемых схватил головешку, противоположный конец которой еще тлеет. Бегущий наперерез силач выпрямляется во весь рост и заносит свое ужасное каменное рубило... Конечно, хрупкой обгоревшей палкой бить навстречу бесполезно, да и размахнуться уже не успеешь, можно только так, бессознательно ткнуть палкой вперед... Ужасный рев оглашает окрестности. Выронив рубило, зажимая руками ожог на животе, силач в ужасе бежит куда глаза глядят.

В этой ли или в иной ситуации осознали наши предки силу горящего дерева в поединке с себе подобными — неизвестно, однако совершенно очевидно, что, осознав ее, они не упустили возможности пользоваться именно этим приемом.

Любовь и привычка к огню сравнивали шансы на победу «силачей» и «слабаков». Именно тогда «слабаки» и превратились в «умников», которые близость к огню на границе лесов и саванн уже не рассматривали как поражение, но как свою среду обитания. При этом вполне могло активизироваться и каннибальское по целям «контрнаступление умников на силачей» с помощью горящих головешек.

Однако «на войне как на войне», и баланс сил в этой ситуации был весьма хрупок. Пока есть источник огня, «слабаки» в выигрыше, нет его — они в проигрыше. Так или иначе, распрямленный человек с зачатками второй сигнальной системы, постоянно живя, что называется, на линии огня, не мог не догадаться об использовании его себе во благо. На первых порах — пассивно, сохраняя его естественные очаги.

Однако даже это дало толчок для новых достижений. Например, в описанной выше ситуационной реконструкции использование подожженной с одной стороны палки могло привести к появлению первого копья. Ведь если у палки подпалить только конец, то, даже если огонек потухнет, обожженный конец останется плотным и слегка заостренным. Колющее движение снизу острым предметом, не свойственное обезьянам и пока не освоенное «силачами», выравнивает шансы бьющих сверху высоких «силачей» и менее рослых «слабаков», которым открывается незащищенный живот их противников.

Итак, война на истребление закончилась. Теперь бои идут на равных. Какой же эпизод может сдвинуть хрупкое равновесие?

Ситуационная реконструкция № 2. Ночь. У огня на поляне сидит группа «умников». С какой стороны могут подкрасться нападающие «силачи»? Конечно, с подветренной, ибо обоняние у наших предков пока еще не уступает животным, т. е. очень чуткое. Треск костра приглушает шорохи нападающих. Они изготовились к атаке. Резкий порыв ветра раздувает костер. В огне вспыхнувшего пламени один из сидящих у костра замечает тени врагов. Недолго думая, он хватает горящую головню и бросает в кусты. Растущие куртины сухого тростника (а гигантский тростник растет по окраинам долинных лесов) вспыхивает как порох. В страхе, не осознавая, что делают, сидящие у костра следуют примеру своего собрата. Порыв ветра, раздувший огонь, поднимает внезапно вспыхнувший вал огня и несет его на нападающих...

Ну, здравствуй, предок, ты еще не Homo sapiens — «человек разумный», но скоро станешь им.

Используя силу огненного вала, начал свое победное шествие по земле наш предок. Теперь ему не было равных ни среди животных, ни среди бывших

сородичей. Первые додумавшиеся до этого люди получили реальную власть над миром.

Какова была численность этой группы, и было ли этих групп несколько? Данные современной генетики говорят, что человеческая популяция прошла через т. н. «бутылочное горлышко». Это известная ситуация в популяционной динамике, когда некий вид, освоив потенциально очень богатую, ранее не освоенную экологическую нишу, быстро размножается и распространяется на большие территории. При этом в дальнейшем может быть и гибридизация с родственными видами, однако генетически вся разросшаяся популяция является прямым потомком узкой группы особей. Последние данные подтверждают, что именно так было с человеком. Анализ возможных ситуаций позволяет сделать вывод, что другого настолько же эффективного средства борьбы за существование, каким является спровоцированный пожар, у нашего предка не было. При этом заметим, что в те времена это средство было гораздо эффективнее, чем это может показаться сейчас, ибо во всех без исключения ландшафтах запасы горючего материала были большими. Этот тезис мы разъясним несколько ниже, а пока посмотрим, кто же вырвался вперед в эволюционной гонке наших предков.

Это были человекообразные существа, получившие уверенное прямохождение и зачатки второй сигнальной системы наряду со своими сородичами в процессе жестокого самоистребительного каннибальского отбора. Это были существа, которые могли пройти данный этап эволюции только в составе некой группы, освоив групповую стратегию борьбы за выживание, идентифицирующие свою групповую принадлежность, в частности, с помощью зачатков языка. Это были альтруисты со своими и каннибалы с чужими. В то же время, это были «самые неагрессивные» из каннибалов, самые оппортунистичные из агрессоров, самые слабые из «силачей». И в силу своего наиболее угрожаемого положения — самые умные.

Но что, пожалуй, наиболее важно — это были существа принципиально раздвоенного, не свойственного никому из животных, мировосприятия. По животным меркам это были сумасшедшие». Но гениальные «сумасшедшие», которые, тем не менее, не могли не стремиться восстановить единство мировосприятия, однако уже на уровне второй сигнальной системы.

5. Первая научно-техническая революция. Вслед за огненным валом. Старые учителя. К вопросу о труде. Homo sapiens.

Экологическая реконструкция № 4. В момент освоения тактики «огненного вала» нашими прямыми предками экологическая ситуация на земле отличалась следующими особенностями: гораздо меньше было пустынь и степей. Некоторые специалисты считают, что степей и пустынь в то время не было вообще. На территориях, не занятых лесами, располагались саванны,

кустарниковые редколесья и лесостепи. Значительные территории были заняты так называемыми лесами паркового типа — относительно сухими лесами с богатыми, близкими по плодородию к степным, почвами и могучими, относительно редко стоящими деревьями, имевшими в отличие от редколесий сомкнутые кроны.

Все эти ландшафты были в той или иной степени подвержены пожарам. Запасы относительно сухого растительного материала были весьма значительны. От полного выгорания их спасало относительно малое (до появления человека) число источников огня. В настоящее время подавляющее большинство территорий с подобными лесорастительными условиями заняты пустынями, степями, кустарниковыми пустошами.

Вот в этих-то условиях и вышла на арену истории малая группа наших предков. Она быстро вышла из долинных лесов, влажные местообитания были ей теперь ни к чему. С помощью огненного вала началась загонная охота на крупных животных. Почему именно крупных? Да потому, что это было «экономнее». Зачем мелочиться, если можно добыть сразу много мяса?

Видимо, поначалу в качестве собственно загона использовали мысовые участки при впадении одной реки в другую. Пищи, причем белковой, калорийной было в изобилии. Появляются даже симптомы переедания наиболее вкусными для человека лакомствами — печенью и костным мозгом, по консистенции напоминающими речных моллюсков и мозги бывших собратьев.

В то время среди освоенных орудий наверняка были только каменное рубило, палка и копьё с обожженным в костре концом. Однако этого было достаточно, чтобы добывать согнанных огнем загон на ограниченное пространство обгорелых, испуганных, покалечивших друг друга в давке и панике крупных животных.

Последнее уточнение очень важно. Оно дает ключ к пониманию того, что мы называем теперь научно-техническими революциями. Суть этих революций прежде всего в освоении человеком новых видов энергии. Чем больше разница в потенциальных запасах вновь освоенного энергетического источника с аналогичными показателями старых, тем радикальнее революция. И эта первая революция была поистине глобальной. До нее источником энергии была лишь мускульная сила самого человека. Теперь у человека была в руках энергия огня, сконцентрированная в огромных запасах горючего материала готовых к огненной жертве густых лесостепей и парковых лесов.

Отдельным вопросом является то, с каким КПД используется эта энергия и что остается на земле после ее применения, но это тема отдельного разговора, и мы затронем ее ниже.

Заметим, что роль орудий в процессе освоения новых видов энергии строго

ограничена. Человек может начать освоение нового энергетического источника, имея только минимум средств для его активизации и использования результатов. Этот минимальный «набор инструментов», конечно же, расширяется и совершенствуется со временем. Рационализируется и сам процесс потребления энергии, повышается его КПД. Однако это уже не научно-техническая революция, а научно-техническая эволюция. Если такая эволюция не создаст предпосылок для новой революции, то источник энергии иссякнет (а все источники когда-нибудь да иссякают), и «отставших в развитии» ждет конец.

В результате «революции огненного вала» у человека появился досуг и возможность «избыточного творчества». В этой ситуации орудийный парк нашего предка стремительно нарастал.

Уточним возможные причины этого процесса. Они не могли быть только утилитарными, скорее, наоборот. Никаких существенных преимуществ лучшая обработка камня или дерева во все тех же копиях, рубилах (топорах) первоначально не дает. Мало того, появление, например, средств охоты на птицу или мелкую дичь в условиях, когда имеется зафиксированное антропологами переделение мяса крупной дичи, вообще малообъяснимо, если... не принять гипотезу о появлении «спортивной охоты».

Современная наука стремительно переоценивает роль в развитии цивилизации «избыточной деятельности» — искусства, в том числе прикладного, и т. п. видов деятельности. Мы не будем касаться здесь этой проблемы, она подробнее изложена нами ниже во второй и третьей главах.

Здесь лишь отметим, что имеется очень веская гипотеза о том, что раздвоенная психика человека стремится воссоздать утраченное единство инстинктивного мировосприятия уже на уровне второй сигнальной системы путем построения различного типа моделей мира — в философии, искусстве, науке и т. п. Это и есть творчество. При этом тяга к творчеству настолько сильна, что, помогая ее реализации, можно даже лечить тяжелые болезни, о чем у нас в России неоднократно докладывал академик В. П. Казначеев. Иными словами — дайте человеку возможность рисовать или петь, и у него пройдет хронический холецистит, например. Это не выдумка, это клиническая практика наиболее широко мыслящих ученых-медиков развитых стран.

Представим, однако, ситуацию, когда еще нет письменного языка и других «технических средств» обслуживания творчества. В этом случае человек будет реализовывать «модели мира» в виде предметов. Но умеет он делать только те предметы, которые делает в настоящий момент. Вот тогда-то и появляется «творческое исполнение», «вариации на тему»... копия, например, наконечник которого стремятся сделать совершенным, как коготь тигра.

Именно таким путем, путем «творчества на досуге у костра» и начал

совершенствоваться парк орудий нашего предка. Скорее всего, первой в качестве нового, более технологичного (вследствие большей податливости в обработке) конструкционного материала была освоена кость. Ибо разбивать ее камнями для того, чтобы достать костный мозг, человек начал, по-видимому, сразу с началом массовой охоты. Наряду с этим стали использоваться жилы и шкуры животных.

Загонная охота требует координации усилий многих людей, оперативной оценки обстановки, пространственного воображения. Наверное, именно в это время окончательно оформился язык как средство общения наших предков. В условиях изобилия, «творческого фейерверка» реализовалось большинство, если не все потенциальные возможности человека, заложенные еще со времен водной обезьяны и каннибализма. Вторая сигнальная система получила дальнейший стимул к развитию. Альтруизм с сородичами, нежность к подругам, любовь к детям — все это формировало эмоциональную сферу человека.

Разумеется, именно с этим периодом было связано и начало употребления жареной пищи. Желудок человека сократился, так как жаренная пища быстрее усваивается. В этих условиях каннибализм был почти забыт. Увеличилась продолжительность жизни. Появились старики, которых не было в условиях каннибальского противостояния, ибо люди обычно не доживали до своей старости.

Так как расширившийся орудийный парк тогда мог тиражироваться только методом непосредственного подражания, появление стариков — живых хранителей опыта и знания — привело к сохранению «технического опыта» и накоплению орудий.

Очевидно, только после этого стало возможным массовое тиражирование орудий и создание их новых образцов. Венцом подобной практики стало появление лука — практически первого по-настоящему сложного орудия. Этому предшествовало, наверное, освоение гибкой лозы для плетеных ловушек (плетней, прикрывающих ямы-ловушки, «калиновых мостов» для Змеев Горынычей русских сказок).

В кратком изложении перечислять далее основные достижения человека уже невозможно. Следует сделать лишь одно существенное замечание. Мы еще раз повторяем, что все основные анатомические черты человека как вида: вторая сигнальная система, предпосылки к развитию эмоций, начало завоевания человеком господства над природой — были заложены еще в отсутствие трудовой деятельности как таковой.

Не труд (осмысленное создание орудий с утилитарной целью), а сугубо экологические предпосылки: мощный стресс «раздвоения сознания» В период каннибализма, организация загонной огневой охоты на больших пространствах,

«творческая игра в условиях избытка» — сформировали «человека разумного» (*Homo sapiens*).

Только в финале этого формирования появились орудия в полном смысле этого слова и труд, в основном, как процесс их тиражирования.

6. Неандертальцы и кроманьонцы. Ледник. Реванш злобных дебилов. Последний мамонт. Неолитическая революция. Победа разума

Загонная огневая охота смерчем прошла по пространствам земли. Парковые леса сменялись лесостепями. Саванны-лесостепи сменялись степями. Степи сменялись пустынями. Человек уходил из тропиков, оставляя после себя в прямом смысле слова выжженную землю.

Подобное уничтожение лесов вело, в свою очередь, к дальнейшему иссушению климата в тропических, субтропических и умеренных широтах. Влажных лесов, где спрятались «силачи» — бывшие собратья Человека — становилось все меньше. Часть «силачей» была «вышвырнута» в выжженную саванну и пошла следом за бывшими собратьями.

Наверное, «человек разумный» как близкородственный вид не потерял способности скрещиваться с «силачами». Тем более, что те, оказавшись в сходных (однако худших) условиях, в значительной степени вынуждены были повторять эволюционный путь новаторов. Именно здесь, возможно, пригодилась «силачам» обезьянья привычка к подражанию. Некоторые отставшие группы «человека разумного» смешались с силачами и передали им часть своих навыков создания простейших орудий, а главное — «секрет огня».

Открытия, сделанные семьей ученых Лики, подтвердили по известным причинам «подпольно» бытовавшие в среде российских антропологов взгляды, начисто отрицающие «марксистскую» теорию происхождения человека. Из открытий Лики вытекает, что несколько менее миллиона лет назад на земле одновременно существовали различные формы Человекообразных, существенно различающиеся по своей эволюционной продвинутости. Таким образом, питекантропы и синантропы — не предки человека, а тупиковые ветви, отделившиеся, возможно, еще от «силачей» и в дальнейшем окончательно деградировавшие и вымершие.

Среди этих тупиковых форм особенно интересна судьба неандертальца. Непосредственные предки современных людей — кроманьонцы И неандертальцы — дожили сообща до относительно недавнего прошлого. Причем, если кроманьонцы — это современный тип людей, даже можно сказать, что «наилучшая» реализация этого типа, то неандертальцы — несколько размытая по своим признакам группа менее развитых человекообразных, сильно напоминающих современных больных акромегалией — сильных и выносливых

тупиц с массивным скелетом. Заметим, кроманьонцы могли смешиваться с неандертальцами. Как же произошло, что «человек разумный», навеки вроде бы завоевавший землю, вдруг вынужден был делить ее с «аутсайдерами» эволюции? Объяснения здесь достаточно просты.

Поднявшись из тропиков в умеренные широты, «человек разумный» вторгся в приледниковую зону Европы и Азии. Заметим, что «человек разумный» шел за огненным валом преимущественно по открытым междуречным пространствам. Этот период его эволюции очень скудно обеспечен находками соответствующих останков, ибо поиски ведутся в основном в долинах рек и пещерах. Именно поэтому появление кроманьонца уже в европейском приледниковье, значительно лучше зафиксированное археологами и антропологами, позволяет некоторым исследователям говорить о «внезапности» возникновения современного человека. Как видим, эта «внезапность» мнимая.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что окончательное оформление кроманьонца, скорее всего, произошло именно в приледниковье, где неординарные природные условия на первых этапах освоения этих регионов «отфильтровали» лучших из огненных охотников. Однако дальнейшее «запредельное» ужесточение климатических условий по мере наступления ледников способствовало скорее деградации популяций «человека разумного», нежели его эволюционному совершенствованию.

Вероятно, часть популяции «человека разумного» была отрезана наступающими одновременно с севера, с Альп, и с Урала ледниками в некоторых замкнутых ареалах и деградировала. Часть отошла на юг (если имела за спиной не совсем выжженную землю). В это время климат в некоторых из сотворенных человеком пустынь стал влажнее, и нашедшие возможность следовать по следам «человека» наиболее развитые из «силачей» оказались в резко улучшившихся условиях.

В процессе циклов наступления и таяния ледника происходили соответствующие миграции «человека разумного», а также «силачей» и выходящих в период межледниковий из изоляции «деградантов». Смешиваясь в разных пропорциях, эти человекообразные особи (в данной главе мы, несколько упрощая вопрос, назовем их «неандертальцами», хотя это могли быть и более «дальние родственники» кроманьонца; подробнее об этом мы поговорим в первой главе второй части) к концу последнего оледенения значительно потеснили «чистокровного» кроманьонца. Причины здесь просты. Значительно лучшее качество каменных орудий, развитость, разумность, внутригрупповой альтруизм и т. п. факторы перестали приносить кроманьонцу решающие преимущества, как только неандертальские маргинальные группировки освоили огонь и загонную огневую охоту. Кроме того, неандертальцы, судя по всему, относились к так называемому «стайерскому» адаптационному типу.

Это понятие ввел в науку академик В. П. Казначеев. «Стайерский» адаптационный тип отличается немедленным падением жизненной активности в плохих условиях, однако длительным сохранением жизнеспособности в этой ситуации. В противовес этому «спринтерский» адаптационный тип поначалу совершенно не реагирует на вызовы внешней среды, сохраняя заданную активность. Зато потом происходит так называемый «срыв адаптации», и «спринтер» становится подвержен болезням. «Спринтеры» лучше учатся, добиваются больших спортивных результатов, но чаще болеют и чувствуют недомогание после периодов активизации. Среди жителей Европейской России, Украины, стран Европы подавляющее большинство «спринтеров». Среди якутов, чукчей — «стайеров». Стайеры» выживут в условиях, в которых для «спринтеров» лучше надолго не оказываться, зато «стайеры» «пороха не изобретут».

Итак, в условиях ледниковых холодов стайерские маргинальные группировки неандертальцев успешно конкурировали с кроманьонцами на полях загонных охот. К концу последнего оледенения их в Европе было уже значительно больше кроманьонцев. Потомки «силачей» взяли временный реванш.

С уходом последнего ледника на просторах Северной Евразии развернулась последняя драма борьбы «человека разумного» с его «дебильными» родственниками. Дело в том, что циклы оледенений не позволили кроманьонцам и неандертальцам окончательно уничтожить в умеренных широтах так называемую мегафауну — фауну крупных животных. Именно представители мегафауны (такие как мамонты) были основным объектом промысла и для тех, и для других. С уходом последнего ледника участь мегафауны была предрешена.

Соотношение жизненных циклов представителей мегафауны (мамонта, различных видов быков и т. п.) и человекообразных таково, что окончательное истребление жертв происходило стремительно, в течение жизни одного-двух поколений человекообразных. После этого разразился кризис.

Не успевшие перейти к другому образу жизни, туповатые неандертальцы вымерли в одночасье. Население Европы сократилось примерно в четыре раза. По-видимому, кроманьонцы, постепенно оттесняемые торжествующими неандертальцами от благодатного «корыта» загонной охоты, уже в конце последнего ледниковья постепенно переходили на альтернативные способы жизнеобеспечения, прежде всего на скотоводство. Описываемое оттеснение имело прямой смысл. Кроманьонцы были вынуждены покидать территории, наиболее благоприятные для загонной огненной охоты, и на худших участках строить альтернативную систему жизнеобеспечения. Это и позволило им пережить кризис.

Здесь уместно сделать одно важное замечание. Последнее время некоторые исследователи пытаются обосновать тезис о том, что альтернативной загонной охоте в качестве системы жизнеобеспечения могло быть земледелие. Подобное утверждение не выдерживает критики. Простейшие ресурсно-экологические расчеты показывают, что в умеренных широтах, а тем более в приледниковье (в отличие от тропиков и субтропиков), земледелие может прокормить население только при активном использовании тяглового скота и металлических орудий. Всего этого у кроманьонцев не было. Во всяком случае, скотоводство, обеспечившее приручение животных, должно было возникнуть раньше. А земледелие, зачатки которого, вполне возможно, присутствовали у кроманьонцев, носило вспомогательный характер и было, если так можно выразиться, некоторой смесью огородничества и собирательства.

По-видимому, животноводство не могло оставаться только мясным. Потребление молока началось вместе с приручением животных. В данной связи интересно отметить, что именно у индоевропейцев пищеварение генетически предрасположено к потреблению молока в течение всей жизни. Приспособленность к молочной пище коррелирует еще с целым рядом биохимических особенностей организма. Характерно, что эти особенности наиболее ярко выражены у т. н. «арийских» народов, происхождение которых связывают именно с европейским приледниковьем.

Итак, кроманьонцы остались единственными гоминидами на земле (если не считать гипотетического реликтового неандертальца — т. н. «снежного человека»). Вместе с тем, нельзя не отметить, что неандертальцы, по-видимому, перед своим уходом со сцены попытались взять реванш и «реанимировать» каннибализм, от которого они, наверное, окончательно не отказывались никогда. Однако на этот раз кроманьонцы победили именно благодаря своей «цивилизованности» в почти современном понимании этого слова.

Мы уже говорили, что относительно лучшие орудия не могли дать решающего преимущества кроманьонцам после того, как неандертальцы освоили огонь. Однако кроманьонцы могли лучше организовываться в большие группы, среди их сообществ было меньше междоусобиц.

Скорее всего, неандертальцы в этот период «ренессанса» каннибализма в значительной степени самоуничтожились, воюя не столько с кроманьонцами, сколько друг с другом. Кроме того, не освоив никаких альтернативных источников питания, они испытывали значительно более сильный голод, чем кроманьонцы, в результате чего слабели.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что кроманьонец вообще активно не боролся с неандертальцем за место под солнцем, особенно на финальных стадиях развернувшейся драмы. Кроме того, имело место и частичное смешивание кроманьонцев с неандертальцами (какая война проходит без насилий).

Однако, так или иначе, «человек разумный» победил. Избавившись от своего основного конкурента, он снова оказался владельцем избыточных, с точки зрения примитивного поддержания жизни, ресурсов, ибо исчезновение ледника вызвало ресурсно-экологический всплеск в северной Евразии, который лишь немного «омрачился» исчезновением мамонтов, но кроманьонцы в своем жизнеобеспечении уже не были «заиклены» только на сверхкрупную дичь. Эта избыточность и вызвала неолитическую революцию — новый всплеск творческой активности, приведший к появлению шлифованных каменных орудий, за которым следовали со все ускоряющимся темпом новые научно-технические революции, будто торопясь закрепить победу разума.

7. Заметки на память. Суть человека. Осознавать, а не стыдиться. Если не хочешь стать питекантропом

Окончательно оформившийся в результате победы над неандертальцами и неолитической революции «человек разумный» (*Homo sapiens*) является современным нам в биологическом смысле человеком. Антропогенез, на первый взгляд, закончен. Однако не все так просто.

Кроманьонцу предстояло еще разойтись по всей земле, в частности, «снова вернуться в тропики. При этом в разных частях земли, у разных рас и народов в целом незначительная, однако существенно различная доля неандертальской (и не только неандертальской) крови. Эта примесь, сочетаясь со спецификой среды обитания и особенностями исторического нуги, предопределила существенные расовые различия населения Земли.

Есть еще одна проблема. Те свойства человеческого организма и человеческого ума, которые раньше ничего не значили для успеха его адаптации к среде, в условиях бурного развития цивилизации стали выходить на первое место. Те различия, которые незаметны у охотников или скотоводов, оказались весьма существенными у программистов или летчиков. Последние столетия в современных развитых странах идет последовательное увеличение доли «спринтеров» в населении и так называемого грациального типа людей. Эти типажи лучше приспособлены к созданию и обслуживанию современной техники, к инновационной деятельности в любых сферах жизни и производства.

Помимо этого, имеются еще некоторые только что открытые различия в типе адаптационных реакций у разных социальных слоев населения одной, казалось бы, расы и одного народа. Одним словом, человек не только создает искусственную среду, но и приспособливается к ней. Это дает основание некоторым исследователям говорить о незаконченности процесса расогенеза и даже антропогенеза. Но не это сейчас для нас важно. Развитие зачастую не искореняет старые свойства, но накладывает на них. Сильны у человека глубоко спрятанные в подсознании пережитки и стереотипы далекого

эволюционного прошлого, готовые вырваться наружу при попадании в «нечеловеческие» экстремальные условия. Следует помнить, что человек выделился из животного мира, развил свое сознание, начал формировать искусственную среду отнюдь не из-за повышенного альтруизма или некоего благостного трудового побуждения смиренно и в поте лица своего. В самой основе собственно человеческого этапа эволюции человекообразных лежал свирепый каннибализм, который не смог развиться до своего логического конца только по причинам физиологических ограничений, связанных с продолжением рода у прямоходящих млекопитающих. Следует осознавать, что альтруизм человека-самца этой же глубинной его сутью обусловлен хотя бы потенциальной доступностью ему всех самок группы, которую он считает своей.

Человек преодолел трагическую раздвоенность сознания, появившуюся у него в период каннибальского этапа эволюции, только на пути непрерывного, зачастую совершенно бесполезного творчества, обусловившего, в свою очередь, непрерывное совершенствование своей «искусственной среды» — орудийного парка, только на пути непрерывного, опережающего, зачастую бесполезного, с сиюминутной точки зрения, развития знания. Причем этот процесс по большей части был и остается возможным только при наличии перспективы улучшения или хотя бы уверенного неухудшения условий своей жизни. Однако при этом человек проявил себя (и продолжает проявлять до сих пор) совершенно безответственным хищником по отношению к природе, вызвав (еще не имея никаких особых технических средств) поистине глобальный экологический кризис. Только ледниковое отрезвление, только нашествие неандертальцев не дало нашему «благородному», «альтруистичному», «творческому» кроманьонцу прикончить себя вместе со своей кормовой базой. Следует помнить, таким образом, что экологические инстинкты человеку от природы, увы, не свойственны.

Все эти «ужасные» для иного моралиста противоречия надо осознавать, а не стыдиться их, загоняя вглубь сознания, ибо человек раздвоен по самой своей сущности. Эта раздвоенность и сделала его человеком. «Простые, цельные натуры», натуры, лишённые этой раздвоенности, которых так любят иные наши писатели и политики, — это не образец для спасения, а первый шаг к питекантропу, за которым бесславное дикое самоуничтожение и вымирание, ибо для питекантропов в современной биосфере мест (экологических ниш) нет.

И если мы не хотим стать питекантропами, нам надо научиться повышать уровень жизни и улучшать ее качество, сохраняя при этом природу и всячески стимулируя любое творчество. Однако автор не уверен, что человек сможет сделать это, в очередной раз не пожертвовав «чужими». Ибо напомним еще раз — противопоставление «своих» «чужим» заложено в глубинной природе человека. И это противопоставление невозможно уничтожить разговорами об «общечеловеческих ценностях».

Глава 2

Родимые пятна государственности

1. Древние цивилизации и государства. Фараоны-ленинцы

Современный этап развития любой науки характеризуется непременным налетом некоей сенсационности. Не избежала этого и история древнейших цивилизаций. Одни исследователи склонны отодвигать время зарождения цивилизаций долин Нила и Междуречья вглубь тысячелетий чуть ли не к концу последнего ледникового (10-12 тысяч лет назад). Другие склонны «сжимать» историю и готовы медный и бронзовый век расположить в начале нашей эры. Это интереснейшие проблемы, однако не они представляют для нас сейчас интерес.

Главное другое. Все исследователи единодушны в том, что впервые цивилизации зародились в долинах крупнейших рек в тропических и субтропических широтах. Места зарождения этих цивилизаций сейчас и, по-видимому, к моменту их основания, были окружены пустынями. Все цивилизации неразрывно связаны с определенными государствами. И мало того, все государственные институты как таковые, зародившиеся в те времена, дожили до наших дней. Нас не удивляет пристальное внимание марксистских теоретиков к структуре тех древнейших государств. В трудах классиков, а особенно в работах их эпигонов и популяризаторов, четко прослеживается желание подкрепить свои логические построения примерами из древности. Мало того, иногда кажется, что примеры из древности гораздо более ярко иллюстрируют процессы классового разделения общества, схемы функционирования силовых структур и прочие атрибуты, на исследование которых направлено такое пристальное внимание теоретиков социализма, чем примеры из более близкой нам истории. Говоря еще более резко, можно предположить, что, касаясь данной темы, господа марксистские теоретики как будто находятся на действительной службе в соответствующих структурах неких «фараонов-ленинцев», находя всяческое оправдание их людоедским новациям ссылками на «прогрессивность» оных.

Далее мы покажем, что такая «любовь» коммунистов к этим временам не случайна. Но это не главная цель нашей работы, она гораздо шире. Мы хотим рассмотреть (конечно, крайне схематично), в каких условиях создавалось государство как управленческая структура и какие черты органично присущи данной структуре. Для этого мы применим уже упомянутый в предыдущей части экологический, в расширенном толковании этого термина, подход.

Итак, мы начинаем нашу работу с реконструкции экологических условий формирования первых на земле государств.

2. Как пауки оказались в банке. Экологический кризис в окрестностях долин великих рек

Как мы упоминали ранее, первый человек огненным шквалом пронесся по тропикам, уходя все дальше на север из мест своего появления. Последовавшие затем оледенения и сопутствующие им периоды увлажнения субтропиков и тропиков способствовали некоторому (однако далеко не полному) восстановлению экологического потенциала данных территорий. Сюда пришли и здесь обосновались те, кто двигался за первой волной огненных охотников. Они тоже были потомками *Homo erectus*, в итоге тоже стали *Homo sapiens*, но представляли аутсайдеров марша на север. Подробнее о них мы скажем во второй части. Здесь лишь заметим, что стали они в итоге охотниками и пастухами. И оставались таковыми достаточно долго.

Тропические, саванные лесостепи представляли собой идеальные условия для кочевого скотоводства. Высокий потенциал естественного плодородия травянистых растительных сообществ сочетался в этих местах с относительно мягким климатом и наличием достаточных источников водоснабжения (реки, ручьи, родники). Единственным скрытым пока недостатком являлась неустойчивость экологической ситуации в данных условиях. Однако этого пока не ощущали скотоводы саванных лесостепей. Они быстро размножились вместе со своими стадами. Травянистая растительность при этом уничтожалась в процессе выпаса. Кустарники и редколесья вырубались на костры, ибо пища готовилась на открытом огне (как, впрочем, и сейчас в этих местах). При этом, как известно, для приготовления пищи на кострах идет дров в три-четыре раза больше, чем при готовке на очагах. И последним «пожирателем» растительности как травянистой, так и древесной стали участившиеся пожары. Нет, это не были шквалы огненных загонов, это были просто пожары от все более многочисленных неосторожно не погашенных костров кочевников.

Для саванных лесостепей не надо слишком большого воздействия, чтобы сдвинуть экологическое равновесие. Расчеты и реконструкции показывают, что при определенной численности кочевников перечисленных факторов было вполне достаточно, чтобы растительность начала оскудевать.

Далее процесс пошел в убыстряющемся темпе. Кочевники отнюдь не снизили интенсивность выпаса, они этого просто не могли сделать. Следовательно, то же число стад и костров располагалось на все более сокращающемся кустарниково-травяном ковре.

Спецификой данной ситуации является то, что с некоторого момента оскудевание растительности, особенно сокращение кустарников и участков

редколесья, ведет к уменьшению осадков. Сухость нарастает. Дальше — больше. По тем или иным причинам полностью оголившиеся участки почвы не могут под ярким субтропическом солнцем восстановить растительный покров. Начинается опустынивание. Пыльные и песчаные бури создают и приводят в движение барханы, которые засыпают последние клочки некогда благодатных степей. Редкие дожди не питают источников, а бурными паводками быстро по голой земле скатываются в реки. Стадам не только нечего есть, но и нечего пить. Людям тоже.

Что в этих условиях попытаются делать люди, привычно разделенные на группы (теперь они называются родами и племенами)? Поначалу они попытаются отвоевать скудеющее пастбище у соседа, «застолбить» за «своими» большее число иссякающих источников. И они делают это. Взаимная вражда растет. Спящие инстинкты просыпаются. Конечно, не как прежде, в дочеловеческие времена, теперь противников не едят. Их просто уничтожают как сорняк, мешающий обрабатывать «свое поле». Иногда эта тактика приносит плоды. Численность кочевников и стад сокращается. Пустыня медленно оживает и может снова превратиться в степь. Однако это случается не всегда. В процессе опустынивания может быть уже пройдена критическая точка, когда даже полное снятие воздействия человека уже не приведет к восстановлению степей. Именно такая ситуация, судя по современному состоянию этих территорий, и имела место в окрестностях Нила, а также в районе Месопотамии. При этом следует особо подчеркнуть, что финальные особо катастрофические для человека стадии этого процесса проходят очень быстро, в течение жизни одного-трех поколений.

Озверевшие, обезумевшие от голода и жажды толпы кочевников идут туда, где есть хотя бы вода — в густые влажные заросли в долинах крупнейших рек, пересекающих новоявленную пустыню транзитом. Эти толпы прямо-таки «сваливаются» в долины рек, продолжая в процессе этого взаимные войны на истребление и доедая стада, которые в густых зарослях нечем кормить. Следует отметить, что и отношение к природе нового местообитания у пришельцев не лучшее. Эта природа глубоко чужда и враждебна вчерашним кочевникам, она во всем противоположна условиям, в которых они жили ранее. Поэтому, если в саваннах они могли по-своему эту природу любить, то в душных жарких зарослях, дополненных паразитами и змеями, они эту природу ненавидят.

Говоря о процессах «обвальных» ресурсно-экологических кризисов в тропических саванных лесостепях в результате экстенсивного скотоводства, мы должны понимать, что современные аналоги этим явлениям найти трудно. Скотоводство в степях умеренных широт происходит в совершенно другом, с экологической точки зрения, режиме. Некоторым, но более слабым аналогом описываемого нами Великого кризиса Сахары может служить современный кризис на южной окраине Сахары, в так называемом Сахеле.

3. Этика взаимоистребления. К чему приводит скученность населения

Итак, на относительно узком пространстве долинных лесов крупнейших транзитных рек оказываются даже по современным понятиям плотные толпы людей, собравшиеся сюда «со всей необъятной Сахары» (далее, чтобы не разбрасываться, мы некоторое время будем рассматривать только Египет, хотя аналогичные процессы шли во всех древних цивилизациях). Эти толпы разбиты на группы, ведущие друг с другом войну на уничтожение. Эти толпы ненавидят окружающий их мир, в котором они оказались поневоле. Эти толпы очень сильно скучены, как никогда не был еще скучен собственно «человек разумный», становление которого как вида сопровождалось именно выходом на простор из ограниченных местообитаний.

Биологами однозначно доказано, что аномальная скученность порождает глубокое психическое и физиологическое расстройство у особей всех видов. Крысы, например, теряют шерсть и могут приобретать пятнистую окраску. Однако, если столь глубоки органические нарушения, то что говорить об изменениях в поведении. У скученных на ограниченных пространствах особей большинства видов позвоночных появляется каннибализм, исчезают родительские инстинкты и т. д. и т. п. Кстати, живущие рядом, но на больших (однако не столь богатых) территориях особи тех же видов имеют альтруистическое поведение. Таким образом, и человеческие, и биологические особенности в описываемой нами ситуации «сбора» в долинах транзитных тропических рек кочевников с огромных пространств степи, ставшей в одночасье пустыней, толкают людей только к одной линии поведения, по существу, людоедской.

Мы не будем пока касаться эколого-ресурсных и хозяйственных деталей вариантов выхода из этого положения. Скажем лишь, что этот вариант по сути только один — переход к земледелию. При этом земледелие может быть по преимуществу только поливным. Интересным выводом из анализа возможных хозяйственных структур, проведенных для подобного типа ситуаций, является вывод об относительно малом (иногда вообще нулевом) использовании в этом типе хозяйств тягловых животных. Ниже мы обоснуем и его. Пока лишь еще раз заметим, что кардинальным выходом из подобного ресурсно-экологического тупика является поливное земледелие, которое на первых порах достаточно продуктивно даже при использовании минимального набора орудий. Теоретически говоря, эти орудия не обязательно должны быть металлическими (на первом этапе). Но что совершенно необходимо для этого типа хозяйства, так это концентрация усилий достаточно больших масс людей. Рассмотрим, в каких же социальных условиях происходит становление этого типа хозяйствования. Согнанные в плотные массы толпы людей иступленно, как никогда до этого, воюют друг с другом за территорию и ресурсы. При этом свойственный людям альтруизм к членам своей группы сильно приглушен. Из более глубоких слоев

сознания поднимаются установки на агрессивный внутривидовой каннибализм без разбора. Но агрессивное людоедство не может быть бесконечным по объему. Поэтому данные настроения имеют лишь один результат — снижение порога восприятия между «своими» и «чужими», уравнивая их на одинаково высоком уровне неприятия и ненависти.

Теперь проанализируем, может ли какая-нибудь группа добиться кардинальной победы в этих условиях. Преимущества пока дают:

- а) несколько большая исходная численность группы;
- б) несколько лучшие орудия;
- в) несколько лучшие физические качества группы.

Ни одно из этих преимуществ не носит в этой ситуации «нарастающего» характера, когда каждая победа существенно увеличивает ресурсы для дальнейшей борьбы.

Действительно, механизмы включения «чужих» в свою группу пока ограничены, подобной массовой практики человек до этого не знал. Несколько лучшие физические качества тоже не улучшатся намного в результате победы (или серии побед). Так же обстоят дела и с лучшими орудиями. Любая серия побед дает лишь расширение территории. В условиях скученности, скудости ресурсов, постоянной войны без пауз, неоформившегося окончательно типа хозяйства прибавка территории не дает нарастающего разрыва сил между победителями и побежденными, зачастую, наоборот, чем больше контролируемая территория, тем больше количество врагов по периметру расширившихся границ.

Анализ ситуации показывает, что наиболее быстро реализуемым вариантом в этом случае является практика использования побежденных, причем именно возможного использования их для дальнейшей борьбы. Мы можем найти реальные естественные предпосылки такой практики еще до появления земледелия — предпосылки, из которых при определенных ситуациях эта практика сложилась бы. Они известны.

Если говорить в общем, то это вполне естественное для недавних скотоводов использование пленников (а они, принадлежа к другим группам, рассматривались древним человеком как представители других видов) в качестве двуногого скота. Реальные примеры такого использования мы можем себе представить.

Это, во-первых, обусловленное вполне естественными причинами, свойственное человеку использование женщин побежденных группировок. У некоторых примитивных племен на Земле еще в недавнем прошлом бытовало следующее использование пленных женщин: мужчины племени совокуплялись с ними, а детей от такого совокупления съедали.

Во-вторых, пленников-мужчин могли использовать как «человеческий скот». Чтобы такой пленник не убежал, он мог быть искалечен. При этом для других враждебных групп (не склонных к длительному содержанию пленников) он бы сразу становился жертвой в случае попадания к ним в качестве трофея.

Отмеченной многими исследователями особенностью «раннего рабства» должно было быть частично добровольное пребывание в нем. Действительно, насильно удерживаемый раб в условиях тотальной войны вполне может сбежать, и его практически некому будет ловить.

Предпосылками к созданию такого механизма поведения могла быть только описываемая нами ситуация тотальной межгрупповой войны с весьма динамично меняющимися условиями и сильной внутригрупповой агрессивностью. В этой ситуации любой бежавший из одной группы «живой трофеей» сразу становился таковым же, попав в любую другую группу, а с большой вероятностью, даже вернувшись в свою прежнюю, где потерявшие человеческий облик родичи быстро забывали своих. Ничего не поделаешь — запредельный стресс порождает именно такие механизмы поведения. Последнее соображение, тем не менее, не является решающим, ибо попадание именно к своим бывшим сородичам в случае ухода от хозяев в условиях борьбы между собой массы мелких групп маловероятно.

Однако эти предпосылки говорят только о возможном «накоплении» первых рабов у побеждавших по тем или иным причинам группировок. Прорыв же был осуществлен теми, кто первыми осмелились использовать рабов в войне. Гораздо более поздним аналогом такой тактики служат средневековые примеры использования галерных рабов в безвыходных для их хозяев ситуациях морских боев.

Итак, именно с началом использования «рабов-воинов» и начал формироваться один из основных принципов подавляющего большинства массовых армий будущего: у «своих» хозяев (командиров) есть хоть какие-то шансы выжить, у «чужих» их нет совсем.

Использование пленников сразу же сделало победу «самоусиливающимся» процессом. Противоборство пошло по типу цепной реакции. Из множества мелких враждующих группировок образовались более крупные объединения. Укрупнение территорий и концентрация пленников, достигнув определенной величины, сделали возможным развитие поливного земледелия. Это очень важный момент в истории хозяйствования. Поливное земледелие, требующее концентрации усилий довольно больших групп людей на ирригационных работах и некоторого минимума устойчиво контролируемой территории, не могло быть возможным (более оптимальным, выгодным по трудовым затратам и т.д. и т.п.), пока некоторое число людей не могло быть сконцентрировано на некоторой территории, не затрагиваемой постоянной войной.

Таким образом, последовательность событий может быть только такой:

- 1) использование пленников в качестве «двуногого скота»;
- 2) решение использовать их в войне;
- 3) завоевание и устойчивый контроль за некоторой территорией;
- 4) решение использовать пленников (самых небоеспособных) на работах;
- 5) развитие поливного земледелия, которое, вероятно, родилось из более примитивного собирательства и какого-то подобия «огородничества», о чем мы более подробно скажем ниже.

4. Баланс взаимных злодейств. Какой ценой произошло «упорядочивание беспредела»

С этого момента война в долине приобрела упорядоченный характер. война стала войной организованных групп. Очевидно, что укрупненные группировки контролировали полностью некоторые отрезки долины Нила, которая была нарезана между ними, как батон колбасы, крупными ломтями. Саму долину окружала пустыня, причем пустыня весьма суровая. В такой ситуации у каждой группировки было по два противника на относительно узких фронтах — с севера и юга.

Моделирование конфликтов в таких условиях однозначно свидетельствует, что победа в этом случае окончательно становится самоусиливающимся процессом. Малейшие преимущества каждой из группировок мгновенно закреплялись в последующих конфликтах. Сила победителя нарастает, а фронт не увеличивается. В подобных условиях окончательная победа одной из первоначально незначительно вырвавшейся вперед группы становится очень быстрой.

Так и произошло на самом деле. Отметим, что от начала «великого бегства» из Сахары до начала «всеобщей войны» в долине Нила сменилось всего одно-три поколения. Мы не знаем сколько времени прошло с начала войны до решения одной или нескольких групп использовать идейных в бою, но это время по силе стрессов и аномальности человеческих отношений не уступало финальным стадиям «великого бегства», и скорее превосходило их.

Далее, всеобщая война после начала использования пленников и процесса укрупнения группировок должна была закончиться очень быстро: за одно-два поколения. Таким образом, построение некоторой структуры управления населением и хозяйством всей долины в историческом плане было очень быстрым.

Какие же люди собрались «для мирного земледельческого труда»? Совсем недавние озверелые враги, которые еще одно-два поколения назад калечили и даже пожирали друг друга, которые в значительной части утратили внутригрупповой альтруизм, изначально свойственный человеку, и которые в

связи с быстрым объединением недавних врагов-побежденных вообще утратили и чувства, и разум, позволяющие проводить внутригрупповую идентификацию. В то же время это было сообщество, практически не имеющее внешних врагов, отгороженное от других сообществ: с севера морем, с запада и востока пустыней, с юга тропическими джунглями, которые в то время не были интенсивно освоены человеком (да и в наши дни эти территории освоены недостаточно).

Однако это сообщество без внешних врагов имело лидирующую группировку, которая отбиралась в условиях тотальной войны всех со всеми, которая умела и до умопомешательства (в прямом смысле этого слова) любила воевать, для которой большая часть населения психологически была недавними смертными врагами, оставлять которых в живых можно только из соображений военной целесообразности. Однако справедливости ради следует сказать, что и масса «ведомых» также представляла собой толпу бывших врагов, отнюдь не пылавших любовью друг к другу. Интересно отметить, что масса рабов была разноплеменного состава, что тоже работало на их разобщенность. Кстати, не отсюда ли неосознанная любовь иных современных идеологов и политиков к многонациональным государствам?!

Даже предвзятый читатель заметит, что эта ситуация — действительно уникальная в истории. Вся свирепая энергия самых умелых и удачливых убийц, в других ситуациях «стравливаемая» в войнах с внешним противником, была направлена вовнутрь, на принуждение вчерашних противников или подчиненных, неполноценных рабов-солдат к работе. Войны больше не было. Был первый в мире и самый большой за всю историю, окруженный рукотворной пустыней, концентрационный лагерь для побежденных, побежденных вчера или позавчера, но все равно побежденных. И, как во всяком лагере, здесь не мог не царить беспредел охранников и паханов. Но это был беспредел меньшинства, который, следует отметить, закономерно сменил совершенно безумную войну на уничтожение всех против всех.

А ирригационное земледелие получило неограниченные трудовые ресурсы, своих рабов и надсмотрщиков над ними. Причем и рабы, и надсмотрщики не испытывали «экологического чувства» к этой земле и были готовы уродовать ее, как придется.

5. Обреченные на деградацию. К вопросу о происхождении и перспективах поливного земледелия

Как видно из названия нашей работы, мы рассматриваем в ней проблемы становления государства. Но, чтобы понять суть того или иного социального процесса, очень важно правильно оценить глубинную сущность типа хозяйства, при котором этот процесс развивается. Тем более, что, как наверно уже догадался читатель, поливное мотыжное земледелие вообще не могло

осуществляться без рабства и вне древнего государства. Поэтому следующие три раздела мы посвятим исследованию проблем примитивного поливного земледелия как типа хозяйства и, еще Шире, как типа жизнеобеспечения.

Итак, мы реконструировали условия начала поливного земледелия. Перечислим их: наличие многочисленных трудовых ресурсов с возможностью их неограниченной эксплуатации, относительно умеренное обеспечение земельными ресурсами, чрезвычайно высокое качество этих ресурсов (богатейшие почвы пойм и террас тропических рек), высочайший климатический потенциал (колоссальное количество тепла и большое количество воды в случае, если организовать ее сохранение при паводках или доставку от реки по каналам).

Умеренный объем земельных ресурсов требовал вовлечения в сельхозоборот практически всех возможных для организации поливов земель долины. Поэтому естественных угодий было мало, для них оставались лишь весьма малопродуктивные опустыненные места. Анализ сельскохозяйственной практики показывает, что рабочий скот в этих условиях имеет ограниченное применение, ибо питание скота не может быть обеспечено на данном уровне развития только с пахотных земель. Необходимо наличие больших массивов пастбищ, площадь которых должна быть как минимум равна площади пашни.

Итак, основным источником энергии в подобных условиях была мускульная сила раба. Основными орудиями — некоторые подобия мотыги и лопаты. Такая оснащенность земледельца может давать возможность прокормить его, его семью и отдать что-то на содержание надсмотрщика только в уникальных условиях богатейших почвенно-климатических ресурсов. Однако не все решают ресурсы. Возможное отчуждение некоторых излишков при столь примитивном труде и практически нулевой энергообеспеченности не превышает одну десятую валового продукта.

В этих условиях верхушка, желающая получить как можно больше прибавочного продукта (естественное желание хищников, не ограниченного экологическим инстинктом), может только недокармливать работников, эксплуатируя их на износ (но тогда их надо восполнять пленниками в постоянных войнах, которые, в свою очередь, требуют людских и материальных затрат), одновременно расширяя площади поливного земледелия.

Сначала это расширение идет за счет тотального освоения долимы, затем предпринимаются попытки освоить близлежащие водоразделы. Экологические проблемы начинаются еще в долинах. Специалистам известно, к чему ведет неумеренная распашка земель на поймах и террасах: сильнейшая эрозия во время паводков смывает плодородный слой на землях, лишенных естественной защиты. Однако еще более катастрофические последствия имеет попытка «поливать» водоразделы в пустынях и сухих степях. Земли, имеющие слабый

естественный дренаж, быстро заболачиваются и в условиях субтропиков и тропиков засаливаются. Соленые воды поступают в долину, ухудшаются условия водоснабжения населения, начинают развиваться болезни. Да и сельхозугодья стремительно теряют продуктивность вследствие засоленности, заболоченности, развития ветровой эрозии на засоленных землях (соленая почва выдувается намного интенсивнее из-за своей большей рыхлости).

Именно так была окончательно загублена Месопотамия, бывшая когда-то цветущей, однако превращенная человеком в солончаковую пустыню. Долина Нила не была настолько изуродована, однако и ее почвы испытали ряд периодов катастрофического падения плодородия, когда оно уменьшалось в несколько раз. Примерно так же в несколько других условиях жадными центрально-американскими помещиками были превращены в полупустыни плодороднейшие земли. И самый яркий пример того, что человечество в экологическом плане ничему не научилось, являет нам бассейн Арала и зона Каракумского канала.

Полупустыни, бывшие неплохими пастбищами, в первые 5-7 лет после начала ирригации дававшие высокие урожаи, превращены сейчас в солончаковые, ни на что не годные болота, где нельзя ни пахать, ни пасти. Они не скоро станут (если вообще станут) хотя бы безопасными для окружающих регионов, ибо с их поверхности ядовитая соль уносится ветром, достигая даже Китая. Население этих мест болеет и фактически вымирает (доля здоровых среди новорожденных не превышает 10%).

Не лучшие тенденции имело и развитие хозяйства древнего Египта. Такова цена развития поливного земледелия — системы хозяйства, впервые сложившейся в результате кризиса, реализуемой бездушными рабами под предводительством жадных убийц, насильников над людьми и природой. Такое хозяйство не имеет перспектив, примером чего являются практически все последующие (вплоть до наших дней) попытки масштабной ирригации, предпринимаемые обычно либо алчными хищниками, либо бездарными прожектерами, не понимающими законов природы.

6. Земледелие и цивилизация. Мифы о присваивающем и производящем хозяйстве

Читатель, учившийся в средней школе и хорошо выучивший представленную в учебниках схему, изумится, почему автор ничего до сих пор не сказал об освоении металлов и их роли в становлении и ирригационного земледелия, и первых государств. Наверное, столь же изумится и внимательный читатель, уже заметивший «слабость» автора к вопросам научно-технического развития. Рассеем же эти сомнения читателей.

Хотя серьезные специалисты по древним цивилизациям крайне осторожны в

выводах, хрестоматийная версия процессов их становления выглядит на редкость целостно и однозначно. Согласно этой версии человек сначала освоил металлы. Первым из них была медь. Металлические орудия и использование тягловой силы прирученных до этого животных давали возможность нескольким работникам кормить одного лишнего. Это и побудило группы людей заставить работать на себя некие эксплуатируемые массы. А для оформления этого процесса эксплуатации и было создано государство.

Начнем с освоения меди. В бассейне Нила имеются месторождения самородной меди. Именно она была первым в истории человечества освоенным для целей производства металлом. Однако доказано, что сначала медь фигурировала как украшение.

Это утверждение находит все больше доказательств. В качестве примера можно привести древнейшие цивилизации Центральной Америки — майя и ацтеков. В этих цивилизациях интенсивно использовались драгоценные металлы для изготовления украшений. Однако практики массового применения металлов в хозяйстве не было. Между тем, эти цивилизации обладали сложнейшими системами государственного устройства и были типичными древнеземледельческими цивилизациями, по многим важнейшим свойствам напоминавшими древний Египет и Месопотамию.

Однако еще более впечатляющие результаты дают недавние раскопки древних центров медной промышленности на Урале. В результате этих раскопок собран богатейший материал, поддающийся корректной статистической обработке. Согласно статистике свыше 90 % добытой меди тратилось на производство предметов культа, украшений и оружие. И только 10 % тратилось на производственные и хозяйственные нужды.

Весьма характерно, что даже на оружие тратилось меди меньше, чем на производство предметов культа и украшений.

Как видим, подобное распределение добытой меди в древности было повсеместным и определялось не местной спецификой, а некими общими свойствами массовой психологии человека.

Так же было и в Древнем Египте.

Мы не будем вдаваться в детали, как и когда могла быть освоена медь в более практических целях. Скажем лишь, что она никак не могла вначале использоваться в орудиях земледелия. Совершенно очевидно, что медь, с гораздо большей эффективностью для целей выживания отдельных групп, могла быть использована в оружии или орудиях охоты (что для тех времен одно и то же). Но, как мы видим на примере Урала, даже на оружие она отпускалась весьма скупо.

Далее, первые изделия из меди не могут давать решающего преимущества в войне на выживание. Действительно, много ли преимуществ у копья с медным наконечником перед копьем из твердого дерева с обожженным концом? Подобных сопоставлений мы можем представить очень много. Любой читатель может и сам придумать соответствующие «тестовые ситуации». При этом надо только помнить, что имеется в виду мягкая самородная медь, которой, кроме того, не так уж и много.

Другим аспектом данной проблемы является сам по себе факт освоения меди. Здесь ничего экстраординарного нет. Люди, освоившие производство довольно сложных каменных орудий, умеющие работать с камнем, очевидно, не пройдут мимо возможностей, которые дает такой камень, как самородная медь. Ну, а поняв особенности этого камня, люди, уже владеющие огнем и освоившие гончарное производство, используют эти возможности полностью.

Из вышеперечисленного следует вывод: люди бассейна Нила совершенно естественным образом могли освоить использование самородной меди. Однако на первоначальных этапах эта медь использовалась для производства оружия и украшений, но никак не для «мотыг и лопат». При этом, как в оружии, так и в мотыгах и лопатах использование меди само по себе не дает решающих преимуществ, которые могли привести к возникновению принципиально нового типа хозяйства, каковым является поливное земледелие и соответствующего ему типа общественного устройства.

Из этого следует, что отнюдь не научно-техническая «революция меди» наподобие «революции огня» сформировала новый образ жизни человечества (вернее, уже его части).

Однако, может быть, есть еще какие-то чисто технические аспекты перехода к земледелию, которые существенно изменили информационный и технический уровень тогдашнего человека? Напрашивается очевидный ответ, что это — культивирование растений как таковое. Однако мы не можем согласиться со столь, на первый взгляд, очевидным суждением. И вот почему. Человек, произойдя от преимущественно растительноядных приматов, никогда не был стопроцентным хищником. Особенное значение растительная пища приобрела с началом ее термической обработки (жарка и варка), а затем при перемещении человека из тропиков на север. И хотя растения не были и не могли быть основными источниками питания человека, но они составляли существенный источник витаминов, и, на более поздних стадиях, лекарств. Источником растительной пищи было собирательство.

Вместе с тем нельзя отрицать и весьма высокую вероятность появления в окрестностях «базовых стоянок» охотников и скотоводов некоего подобия огородов. Вполне возможно, что эти «огороды» поначалу обслуживали в основном «интересы медицины». Как известно, в ранних обществах шаманство

и врачевание осуществляется совместно. Поэтому растениеводство первоначально могло иметь и сакральный смысл, о чем все больше свидетельствует современная наука.

Следовательно, поливное земледелие по своей «научно-технической» сути является не революцией, а только значительным расширением и некоторой модификацией уже существовавшей практики. Дотошный читатель тут же возразит, что эта практика, тем более осуществляемая в условиях полива, потребовала новых инженерных решений, и поливное земледелие именно в этом качестве выступило катализатором прогресса. Но читатель, находящийся в плену стереотипов, опять будет не прав.

Сама по себе организация поливов обеспечивалась (и продолжает в большинстве случаев обеспечиваться и поныне!) на редкость примитивным набором мероприятий, извините за упрощение, канавами и дамбами. Древний человек, на финальных этапах загонной охоты делал колоссальные (длиной до нескольких километров) загоны из камня и земли. Их остатки сохранились поныне. Некоторые исследователи именно с такого рода сооружениями отождествляют знаменитые очень древние земляные валы в Воронежской и Орловской областях (хотя есть и иное объяснение появления данных валов). Делались также огромные многометровые ямы-ловушки для крупных животных типа мамонтов.

Поэтому к моменту описываемого нами «Первого сахарского кризиса» человек вполне освоил практику земляных работ и при этом не только умел рыть большие ямы и насыпать протяженные земляные загородки, но и активно использовал частоколы, плетни и т. п. средства. Так что в условиях влажной мягкой почвы поймы Нила применение всех этих навыков не являлось технической революцией.

Однако есть еще одно соображение, на первый взгляд не согласующееся с нашей концепцией. Марксистская традиция (да и не только она) четко делит типы хозяйства на присваивающие и производящие. Ярчайшим представителем последнего, по мнению подобных исследователей, является земледелие. Как мы показали в нашей работе, первым примером типа хозяйства, где земледелие было основой, стало поливное земледелие.

Посмотрим внимательно, в чем суть производящего характера земледелия. Да, собиратели и охотники берут из окружающей среды готовые продукты, которые не были ими выращены. Земледелец выращивает свой урожай. Однако разве земледелец, выращивая урожай, не истощает почву? Собиратель берет из природы растение и превращает его в пищу. Земледелец берет из природы почвенные ресурсы (расходует гумус почв, зачастую хищнически) и в результате тоже получает пищу.

Аналогично охотник промысловит дикое животное, а скотовод выращивает свой скот. Однако скотовод использует пастбище, трава на котором выросла сама.

Так чем же отличается производящее хозяйство от присваивающего? Более бережным расходованием природных ресурсов? Однозначно нет. Мы показали выше совершенно губительные для природы последствия орошаемого земледелия и некоторых типов скотоводства. Примерами истощения земледельческими цивилизациями (не только древними) природных ресурсов наполнена вся история человечества. Земледелие может быть неистощительным? Да. Но и охота тоже может быть неистощительной. И примеры подобной системы охотничьего хозяйства есть.

Может быть, орошаемое земледелие потребовало лучшего оснащения орудиями, чем охота и скотоводство? Также нет. И мы об этом говорили выше. Однако еще раз подчеркнем, что долгое время основным орудием древнего земледельца была мотыга и лопата, предметы не более сложные, чем копье и нож. И материалы на копье и мотыгу шли одинаковые. Сначала просто дерево. В итоге — дерево и металлический наконечник (только разной формы).

Таким образом, особых отличий мы пока назвать не можем. И уж во всяком случае не в присвоении тут дело. Любое производство есть присвоение. Присвоение земли или леса, присвоение руды или нефти, присвоение и дальнейшее использование человеком того, что создано не им, а природой. Без этого присвоения нет производства. Вопрос лишь в длине технологических цепочек от исходного природного ресурса до конечного продукта. Поэтому не в самом факте присвоения разница.

Итак, с точки зрения новизны в использовании тех или иных природных ресурсов или с точки зрения усложнения орудийного парка, короче, с точки зрения научно-технического прогресса первоначальное орошаемое земледелие не было ни революцией, ни результатом революции.

7. Двуногий скот. Истинная сущность земледельческой революции

Между тем переход к земледелию, действительно, был революцией. Именно осознание революционности этого перехода и довлеет над всеми исследователями, не давая им возможности отстранение взглянуть на вещи и сформулировать истинный смысл этой революционности.

Рассмотрим энергетику жизнеобеспечения с точки зрения энергозатрат (трудозатрат) самого человека. Известны следующие факты изучения современных примитивных племен охотников и собирателей. Для поддержания своей жизни им необходимо не так уж много трудиться. В некоторых условиях мужчинам достаточно в среднем не более четырех часов в день проводить на охоте, чтобы прокормить семью. Таким образом, значение отношения объема продукции к трудозатратам в этом типе хозяйств гораздо большее, чем в

земледелии.

Аналогично обстоят дела и в скотоводстве. Даже примитивный скотовод, имея в достатке пастбищные угодья и источники воды, может, помимо своей семьи, прокормить десять человек. И это в то время, как десять примитивных земледельцев могут прокормить только одного человека помимо своих семей. Таким образом, относительная доля «прибавочного продукта», выражаясь марксистскими терминами, может быть (и бывает, когда этот продукт отчуждается) гораздо выше у охотника и скотовода-кочевника. Следовательно, пресловутое соотношение продукции к трудозатратам у кочевника-скотовода гораздо выше, чем у земледельца.

Однако и охотнику, и скотоводу-кочевнику нужны большие территориальные ресурсы. Там, где разместится один кочевник, может разместиться десять земледельцев. Поэтому примитивный земледelec отличается от своего предшественника скотовода-охотника (совмещающего эти два занятия) не тем, что мог производить больше прибавочного продукта, а тем, что тратил больше своего труда, но занимал меньшую территорию. Затратами своей энергии, своего труда он как бы компенсировал недостаток территории.

В этой связи интересно напомнить, что во всех земледельческих регионах мира исторически сложилась так называемая «крестьянская этика». Общемировой чертой земледельческой крестьянской этики является известная концепция «ограниченного блага». Согласно этой концепции избыточный труд не может принести дополнительного блага. Любое дополнительное благо имеет источником отнятие этого блага у другого. Эти положения очень ярко характеризуют осознание соответствующими сообществами факта резкого ограничения природных ресурсов и необходимость преодоления этого ограничения истощительным трудом. Возможности иных способов преодоления ресурсных ограничений «крестьянская этика» не признает. Именно поэтому дополнительное благо может быть только отнято, а не заработано — дополнительный труд при недостатке ресурсов не рентабелен (в широком смысле этого слова). Совершенно очевидно, что идеология и этика любой научно-технической революции объясняет как раз возможность преодоления ресурсных ограничений на путях технического прогресса. Но это еще раз показывает, что становление земледелия не было технической революцией.

Ни одно животное (человек в том числе) не станет сам увеличивать сверх определенного лимита собственные энергозатраты (трудозатраты) на жизнеобеспечение. Это заложено в природе. Экономия собственных ресурсов и прежде всего их — одно из важнейших правил поведения, обеспечивающих выживание. Это не пресловутая «лень» — это природная сущность всего живого. Человек по своей природе в этом отношении отнюдь не выделяется из животного мира. Исключением является лишь творчество, которое, как мы

показали в предыдущей части «Экология антропогенеза», является механизмом преодоления изначальной для человека двойственности восприятия мира. Творчество, таким образом, есть некое подобие психотерапии, снятия существенного психического дискомфорта. Для человека это тоже элемент жизнеобеспечения, но жизнеобеспечения не физиологического, а психологического. Элемент этот сугубо специфический, выделенный из общего порядка процесса жизнеобеспечения. Более того, с точки зрения жизнеобеспечения творчество, даже такой его вид, как «исполнительское», всегда избыточно.

Поэтому резкое увеличение трудоемкости жизнеобеспечения, не соответствующее биологической природе человека, могло произойти только в условиях стресса, аномального состояния психики и под давлением внешних обстоятельств.

Переход к более трудоемкому процессу производства материальных благ — процесс вынужденный, обусловленный ограниченностью территории. При этом экономное размещение по территории не есть бережное отношение к природе. Имеющуюся территорию первые земледельцы истощали ничуть не меньше, чем их предшественники — охотники и скотоводы.

Таким образом, революционность перехода к земледелию заключается в резком усилении трудоемкости производства при экономии только одного вида ресурса — территории как таковой. Это проясняет и характер революционности перехода к земледелию. Новым источником энергии, причем источником хорошо контролируемым и управляемым, стал сам человек. Однако этот источник рассматривался пользователями, организаторами этого процесса, как внешний. Используемый человек, представитель побежденных, но не уничтоженных группировок, субъективно воспринимался как объект другого вида — «говорящий скот».

Это не издержки антиэксплуататорской пропаганды, это психологическая реальность. Такой тип использования «разумной энергии» мог состояться, когда эксплуатируемый не был членом своей группы, а значит, по понятиям древних людей, не был и человеком.

Именно для обеспечения такого «ресурсопользования» (а также благодаря ему) и возникла древнейшая государственность, характерные черты которой мы рассмотрим несколько ниже.

8. Государственность и цивилизация. Заинтересован ли император в процветании империи?

Рассматривая государство как особый механизм общественного управления, мы должны определить, какие специфические задачи могли быть решены с помощью этого и только этого механизма. Для этого нам надо сравнить его с

ранее бытовавшими механизмами, в существовании которых не следует сомневаться. Действительно, иерархические структуры в группах существуют уже у многих млекопитающих. Но многогранная деятельность человека, протекавшая в очень разных природно-климатических условиях, была уже с момента его похода за «огненным валом» намного разнообразнее и сложнее, чем у любого из животных. Ни загонная охота, ни скотоводство, ни последняя битва с неандертальцами не могли протекать, не опираясь на достаточно развитые структуры группового управления. Однако сколь бы развиты и иерархичны они не были, это были структуры самоуправления, где человек своей группы никогда не был объектом, но был субъектом. Цели этих управленческих структур были очевидны, а беспрекословность выполнения приказов базировалась на их очевидной функциональной целесообразности, а главное — на том самоотверженном, поистине человеческом единстве всех членов группы, где все были в какой-то степени родными. Такие структуры управления, помимо всего прочего, были сильны органичным сочетанием иерархичности, базирующейся на профессионализме, талантах и творческой инициативе, опирающейся на полное доверие в сочетании с контролем «душой и сердцем».

Это было коллективное управление. Однако эта коллективность не является аналогом в достаточной степени окарикатуренных парламентских процедур. Коллективность управления в данном случае определялась (и определяется до сих пор в хорошо «сыгранных» командах) делегированием принятия конкретного решения наиболее компетентному в данной проблемной области человеку. Аналоги такой схемы управления сохранились до наших дней. Например, непосредственно в момент охоты на кита команды на китобое отдаёт не капитан, а гарпунер. Подчеркнем, что такая система отнюдь не отрицает наличие лидера. Просто лидер в этой системе — это элемент, которому несколько более часто делегируется принятие решений.

У нас нет сейчас возможности описывать все тонкости подобной структуры. Заметим лишь, что именно по такой схеме работает человеческий мозг. В данном случае различные структуры мозга не «командуют» одна другой, но передают управления друг другу. При этом для каждой важнейшей функции имеются дублирующие структуры. «Усталые» участки, чаще обычного принимающие ошибочные решения, временно исключаются из «оперативной» работы. Однако оценка адекватности тех или иных действий ведётся мозгом в целом.

Автор отдаёт себе отчет в крайней популяризации, даже примитивизации изложения вышеприведенного примера и просит извинения у читателя-специалиста. По-другому трудно объяснить сложнейшую схему в одном абзаце. Здесь важно другое. А именно — однозначно установленное наукой отсутствие строгой иерархичности в работе мозга. Между тем на ранних этапах изучения физиологии мозга сторонники иерархического подхода серьезно искали группу клеток, которая руководила бы всей его деятельностью. Однако в мозгу это не

так. В мозгу над принятием решения работают все его структуры.

Заметим, что то же происходит в сыгранной команде, в дружной артели, в хорошей семье и в древнейших человеческих сообществах (просьба не пугать с сообществами дикарей-деградантов, чудом сохранившихся до наших дней). Близкая система управления наблюдается и в волчьих стаях. Однако не всех, а долгое время складывающихся и использующих одну территорию. Бродячие, преследуемые, стрессированные, истребляемые и вымирающие стаи такой структурой не обладают. Повторим, такая система управления наилучшая. Однако она не всегда возможна.

Действительно, для такой системы управления требуется отлично налаженная система информационных коммуникаций, обеспечивающих возможность быстрого обмена сигналами. Кроме того, очень важна однозначная интерпретация информации, т. е. взаимопонимание. Утрата этих качеств неизбежно ведет к нарастанию иерархичности в системе управления.

Однако можно ли было ожидать взаимопонимания и налаженных связей в быстро образовавшемся огромном сообществе? Разумеется, нет. Существовавшие до этого системы связи базировались на устной речи и были рассчитаны на непосредственный контакт. Этот контакт был утерян при быстром разрастании сообщества. А взаимопонимание было невозможно в сообществе, состоящем в основном из недружественно настроенных друг к другу членов. Таким образом, неизбежным стало возникновение строжайшей иерархии с фараоном (императором, царем и т. п.) во главе.

Иными словами, образование государства сопровождалось потерей качества управления, а характер управления стал строго иерархичным.

Теперь рассмотрим цели управления в догосударственных сообществах и в государстве. Они, на первый взгляд, вообще идентичны. Это защита своей территории, населения, организация и координация хозяйственной деятельности, обеспечение совместного проживания. Разве эти цели не достигались успешно в течение тысяч лет догосударственного существования человека?

Эти цели обеспечиваются и государственным управлением, только гораздо менее эффективно, если сравнить относительные объемы затрат ресурсов на их осуществление. Однако у государства¹ возникают новые цели. Эти цели

¹Применяя выражения типа «...у государства появились цели...», «...государство было вынуждено...» и т. п., мы имеем в виду следующее. Государство, как эволюционно сформировавшаяся структура управления, чтобы существовать, должно быть конкурентоспособно альтернативным структурам. Для этого должны решаться определенные управленческие задачи. Постановка и решение этих задач с помощью государственной структуры для краткости и описывается подобными «антропоморфными» терминами

обусловлены задачами управления хозяйством, основной эксплуатационный ресурс которого люди. Кроме того, все вышеперечисленные базовые цели жизнеобеспечения сообщества, начиная с защиты территории и т. п., осуществляются в режиме ослабленных коммуникаций и отсутствия взаимопонимания. Значит, государство, чтобы существовать, должно найти механизмы подобного управления.

Таким образом, было всего две уникальные задачи, которые впервые поставило и решило государство. Это управление хозяйством, основным ресурсом которого были люди, и организация управления аномально большими, по старым меркам, массами людей в условиях слабых информационных коммуникаций. Государство решило эти две задачи. В этом его роль в развитии цивилизации. При всем нашем эмоциональном отношении к исходному варианту реализации государства как управленческой структуры, мы должны признать, что обе эти задачи, особенно вторая из них, имеют большое значение для развития цивилизации. Человечество получило инструмент, позволяющий ему концентрироваться на решении важнейших и труднейших для себя задач. Проблемы применения этого инструмента — вопрос отдельный. Хирургический скальпель

тоже произошел от ножа (хотя и скальпель могут использовать не только хирурги).

Есть и третья специфическая задача государства. Все вышеперечисленные традиционные и новые задачи оно решало в экстремальных ситуациях. Правда, эти ситуации были спровоцированы теми же процессами, которые и привели к образованию государства. Интересно отметить, что по мере исчезновения упомянутых задач — недостатка ресурсов, компенсируемого эксплуатацией человека, плохих информационных коммуникаций и экстремальности — государство как система управления теряет свою конкурентоспособность по отношению к другим возможным системам управления. Мы пока знаем их как догосударственные. Однако возможно (и даже очень возможно), что существуют и постгосударственные системы управления, строение которых нам пока неизвестно.

Еще один важнейший момент, который мы не раз будем упоминать в дальнейшем. Поскольку в государстве как структуре заинтересованы в первую очередь его творцы и хозяева, они очень часто (осознанно или подсознательно) не дают решаться тем проблемам, которые ведут к понижению конкурентоспособности этой структуры. Хрестоматийным являются многочисленные попытки правителей ввергнуть свои страны в войну ради войны, а не ради победы. Таким образом, нерациональная до безумия политика многих империй объясняется очень просто — императорам нужна экстремальность, мирное развитие для них губительно.

Подчеркнем, что цели защиты территории, населения, хозяйства могут при этом

вообще игнорироваться.

В этой связи интересно привести пример древнего Китая, который также является собой один из вариантов древнейшей государственности и раннеземледельческой цивилизации. Там одной из основных целей войны было не только уничтожение противника, но и максимальные потери своих солдат. Таким образом осуществлялся «сброс поголовья» излишнего населения.

Вообще тема государства и войны, государства и обороны неисчерпаема. Некоторые исследователи склонны даже рассматривать государство прежде всего как структуру, созданную для отражения внешней угрозы. Сторонникам такого взгляда мы предлагаем задуматься над следующим моментом. Первые государства окончательно оформились, только когда внешняя угроза для них перестала существовать. Их окружала рукотворная пустыня с очень редким населением, находящимся на грани вымирания. И людские ресурсы, и организационные возможности первых древнеземледельческих государств были неизмеримо выше, чем их соседей. К этому фактору вскоре присоединилось и превосходство в вооружении (на более поздних этапах, правда, утраченное). Поэтому внешней угрозы для первых государств практически не было, их войска были «внутренними». Поэтому силовой, террористический характер сложившихся структур древнеземледельческих государств-империй не определялся внешней угрозой в момент их оформления.

Интересно отметить, что государства такого типа вообще не блистали победами. В последующие периоды малочисленные кочевники, во многом сохранившие старые догосударственные структуры управления, наносили сокрушительные поражения колоссальным империям, население и армия которых превышали численность населения и армии нападающих в сто и более раз. История Египта, Китая, средневековых государств долины Аму-Дарьи полна такими примерами.

9. Родимые пятна государственности. Неужели это все свято?!

Итак, мы рассмотрели, в каких экологических, ресурсных, информационных, хозяйственных, психологических и социальных условиях сформировались первые государства.

Напомним вкратце эти условия. Состояние длительного, в течение нескольких поколений стресса, вызванного ресурсно-экологическим кризисом, неосторожно спровоцированным самим человеком. Этот стресс снизил у человека интенсивность сугубо человеческих чувств внутригруппового альтруизма и всколыхнул еще дочеловеческие каннибальские инстинкты. Сложившийся в этих условиях тип жизнеобеспечения (хозяйства) был основан на использовании физической энергии большей части вновь образовавшегося сообщества в интересах победившего меньшинства. С точки зрения ресурсопользования это

была истощительная стратегия, а говоря проще, стратегия растянутого во времени убийства побежденных непосильным трудом, не позволявшим выжить, но дававшим шанс на выживание. Шанс небольшой, однако несколько больший, чем шанс выжить «без всего» в совершенно голой пустыне Сахаре либо в поединке с лучше вооруженным и заведомо более сильным победителем.

Отсутствие сопротивления победителям со стороны сконцентрированных в значительно большие массы побежденных обуславливалось на первых порах не столько балансом сил, сколько взаимной враждебностью друг к другу самих побежденных — недавних врагов. Правители-победители были в этом отношении в значительно лучшем положении. Они были представителями немногих (а может быть, вообще одной) групп. Однако и они перенесли не без последствий всплеск людоедских инстинктов и снижение внутригруппового альтруизма, что продолжалось в течение нескольких поколений. Кроме того, среди победителей также были представители былых соперников (однако это были наиболее «давние» враги, успевшие перед окончательной победой в течение продолжительного времени побывать соратниками). Таким образом, теплота и беззаветность отношений к «своим» была утеряна и правящей верхушкой. Мало того, она не могла закрепляться вновь, через чисто биологические механизмы, что произошло бы в относительно малой группе, где все вскоре опять стали бы кровными родственниками. Этому мешала, прежде всего, практика «широкого пользования» победителями женщин-рабынь из побежденных.

В подобной ситуации и возникла необходимость в неких структурах, которые бы обеспечили:

1) непрекращающуюся разобщенность эксплуатируемых масс; 2) подавление любой попытки части этих масс изменить порядок вещей; 3) максимально возможную монолитность правящей группировки при отсутствии твердых психологических и биологических предпосылок к ее единству.

Жизненная необходимость привела к возникновению данных структур, и именно они впоследствии были названы государственными институтами. Это прежде всего аппарат силового подавления, аппарат, по самой своей сути представляющий собой недавнюю армию, действия которой направлены вовнутрь. Следует подчеркнуть, что это были войска, которые по окончании формирования древних государств в условиях отсутствия внешнего противника в одночасье стали «внутренними». Однако внутри они действовали по старым схемам войны на уничтожение (других они пока не знали). Тем более, что их задачей было не только и не столько подавление, сколько устрашение возможных смутьянов. Это устрашение и было частью мер по решению первой задачи.

Помимо институтов подавления и устрашения были созданы и институты,

попросту говоря, оболванивания. Целей у них было немного: а) наряду с устрашением способствовать разобщению низов и б) способствовать сплочению верхов. Как и институты подавления и устрашения, институты оболванивания также были лишены умеренности, ибо создавались в одной морально-психологической обстановке. Эти институты насаждали «мифы и предрассудки», не дающие привести в порядок психику низов и провоцирующие проявления большой трусости и мелкой агрессивности к ближнему. В то же время они создавали красивые легенды для верхов, стремясь скрепить их на базе «общих идеалов», заменивших естественное, родовое и племенное «чувство своих».

Что же является основной чертой государства как института управления? Эта черта следующая: государство как институт управления, возникший в особо экстремальных условиях, был изначально ориентирован на обеспечение истощительной эксплуатации человеческих ресурсов в интересах явного меньшинства населения. Отсутствие у человека «экологического инстинкта» и специфика экстремальной ситуации образования государства обуславливали не просто нерациональную или истощительную, но на первых порах попросту истребительную стратегию эксплуатации данного ресурса.

Эта базовая черта государства определяет и другие его важнейшие свойства. Коль скоро ресурс эксплуатируется в чьих-то интересах, то у него есть владелец. Правящая верхушка государства и есть его коллективный владелец. Коль скоро условия образования государства экстремальны, то и конструировали его люди со смещенным в экстремальных условиях сознанием. Поэтому институты государства не рассчитаны на естественные для нормального человека чувства и успевшие стать сугубо человеческими инстинкты. Именно из-за этого чисто государственная идеология производит впечатления лицемерия, неестественности.

Однако изначально государство было не только неестественной (с точки зрения соответствия природе человека), но и по большей части нефункциональной структурой. Решая вопросы обороны, управления территорией и ее ресурсами (в том числе трудовыми), технологического развития и т. п., оно делает это хуже, чем аналогичные негосударственные структуры (о чем мы говорили в предыдущем разделе на примере решения государством задач обороны). Причина этого в том, что, несмотря на жесткость методов и идеальную по тем временам управляемость, оно не ставило целью защитить свой основной ресурс — подданных. Не ставило оно поначалу и задачу рационализации управления этим ресурсом, ибо рассматривало последний как избыточный.

Вот поэтому подобная изначально нефункциональная, людоедская и неестественная конструкция (не в эмоциональном, а в прямом смысле этих определений) объявлялась и продолжает объявляться некоторыми заинтересованными идеологами и политиками как конечная цель их усилий, ибо

анализ функциональности государственных институтов сразу привел бы к «антигосударственническим» выводам. Для этого созданы целые группы приемов, ставящие целью придание данной конструкции образа некой изначальности и святости.

Симптоматично, что «обожеествляются» обычно самые несимпатичные институты государства, функциональная неполноценность которых показывалась многими и вот теперь математически строго доказана нами. К этим институтам относятся в первую очередь деспотические, монархические (или вождистские) иерархично построенные системы управления; массовые армии-полчища, состоящие из солдат-рабов; лживые системы оболванивания, названные идеологиями. Однако именно они и составляют суть государства в его чистом, первоизданном виде.

Рассказав о рождении этого объекта обожествления, мы спрашиваем читателя: «Неужели это все действительно свято?!»

10. Государство и аристократия. Экология аристократии

Именно на этом месте иной читатель попытается прервать меня. «Да, свято», — скажет он. — «Свято не для раба, но для господина, не для Спартака, но для Красса». И тут он опять покажет, что попал в ловушку штампованных истин.

Во-первых, выше мы говорили не о конкретном государстве, государстве-стране. Мы говорили о государстве как управленческой структуре. Причем о структуре в ее чистом виде. И мы показали, и еще покажем ниже, что данная управленческая структура в ее первоизданной чистоте бывала реализована в истории не так уж часто. Следовательно, если читатель в данном случае имеет в виду Рим, или Россию, или еще какое-нибудь конкретное государство, вернее, страну, то он нас просто не понял. Мы не покушались на патриотические чувства г-на Красса или какого-либо иного элитарного патриота другой страны

Во-вторых, такой читатель, сам того не ведая, поднял очень интересный вопрос. И, боюсь, рассмотрение этого вопроса приведет к неутешительным выводам для тех, кто рассчитывает быть хозяевами государства, не учитывая его специфики, как структуры.

Господа! У государства нет хозяев, у него есть лишь слуги. И если для вас совмещение аристократа и слуги в одном лице допустимо, тогда мы с вами расходимся в терминологии, о которой, как известно, спорить бесполезно. Но проблема государства и аристократии, конечно же, требует хотя бы краткого рассмотрения.

Античные мыслители ввели в употребление обозначения различных типов управления: аристократия, демократия, монархия, а также их искаженных, «плохих» аналогов — олигархия, охлократия, тирания. Мы не склонны

вдаваться в детали и оспаривать классиков, однако все данные и концепции, приведенные в этой книге, дают основание утверждать, что так называемые «хорошие» варианты данных типов государственного управления — лишь наши идиллические представления о них.

Там, где проявило себя древнее государство, еще не доросшее до своей противоположности — государства национального (о каковом мы скажем ниже, но само понятие которого появилось не раньше XVIII века), — все политические институты, все способы правления несут на себе печать людоедства, коварства, раздвоенной психики. Поэтому, соглашаясь с великими, что аристократия — наилучший способ правления, заметим, что аристократии они не знали, а имели дело с теми или иными проявлениями олигархии.

Что же такое олигархия? Попробуем объяснить, исходя из наших концепций развития государства как управленческой структуры. Олигархия — это способ правления, когда правящая группа ограничивает власть деспота (императора, царя, фараона и т. п.) или вообще ликвидирует пирамидальную структуру управления в верхних слоях социальной пирамиды. Но это не влияет на людоедскую суть государства. Население остается его главным хозяйственным ресурсом. И этот ресурс эксплуатируется истощительно, строго говоря — «неэкологично».

Можем ли мы употребить этот термин в данном случае? Можем. Ибо экологический подход к эксплуатации возобновимых ресурсов предполагает ощущение человеком себя как части природы. То есть части этого самого ресурса. Восприятие низших классов как возобновимого ресурса, как двуногого скота, имевшее место в древности, предполагает, что к этому ресурсу тоже может быть, по крайней мере, два подхода: экологичный и неэкологичный.

Неужели мы можем предполагать, что в древности был распространен экологичный подход к одному из видов ресурсов — человеческих? Нет, конечно. Человечество осознало необходимость экологичного подхода к эксплуатации природных ресурсов только в XX веке. Но неэкологичная эксплуатация ресурсов вызывает ресурсно-экологический кризис, в результате которого зачастую гибнет и сам пользователь данного ресурса. Таким образом, проблема истощительной эксплуатации трудовых ресурсов актуальна и для эксплуатируемых, и для эксплуататоров. С этих точек зрения мы ее и рассмотрим.

Для народных масс олигархическое правление было, пожалуй, наихудшим. В экологии известен самый эффективный метод стабилизации системы «хищник—жертва». Над хищником надо поставить еще одного хищника или паразита. Тогда активность первого хищника резко падает. Не этот ли эффект интуитивно чувствовали народные массы, практически всегда приветствуя приход тирании на смену олигархии, первыми жертвами которой становились именно олигархи?

Это внутреннее чувство своей прямой выгоды и лежит в основе любых верноподданнических народных устремлений в ситуациях, пока государство остается прежде всего людоедом, а не защитником. В национальном государстве, переставшем быть людоедской системой (для своего народа), император (вождь, монарх, царь и т. п.) не нужен. Но, как мы покажем ниже, национальные государства — совсем недавно образовавшаяся структура.

Таким образом, олигархия является весьма неустойчивой системой, которая неизбежно провоцирует кризис и эволюционирует в сторону тирании. Но в тирании не могут быть заинтересованы «лучшие люди» — аристократы. Они потому и лучшие, что не нуждаются в помощи силовых структур для доказательства своего превосходства. Но мы не можем называть некие группы, кормящиеся от государства по лучшей норме в обмен за службу этой людоедской структуре, лучшими людьми. Как великолепно показал Александр Зиновьев, в такой структуре побеждает далеко не лучший: не самый сильный, не самый отважный, не самый честный и уж, конечно, не самый умный и талантливый. Людей, имеющих опыт жизни в СССР, в этом особо убеждать не надо.

Кстати, интересно отметить, что само понятие аристократии вошло в обиход не в азиатских деспотиях, а в Европе, где государство было в силу ряда причин в значительной степени «усмирено». В деспотиях существуют вельможи — обласканные милостями чиновники высшего уровня, но не аристократы.

В этой связи интересно задуматься, а для чего (функционально) существуют наследственные аристократические привилегии? Ведь потомственный аристократ, человек, имеющий хорошую наследственность, с детства получивший соответствующую подготовку, носящий оружие и реально распоряжающийся большим объемом материальных средств, просто не может опасаться «хама». Последний будет попросту раздавлен в любом конфликте с аристократом. Аристократу для победы над «хамом» не надо демонстрации никаких регалий, надо просто вынуть меч, которого нет у простолюдина и которым простолюдин не научен владеть. Перед кем же тогда необходимо так настойчиво утверждать свое превосходство? Да перед государством, конечно. Оно-то, в отличие от «хама», сильнее любого аристократа. Вот и надо постоянно напоминать ему, что с аристократом «не положено» поступать как с «хамом». Но государство в этих вопросах такое забывчивое... Вот и уничтожаются аристократы, вытесняемые холопами-олигархами, и не поможет этим аристократам никакое кастовое закрепление их привилегий, пока сильно государство.

Однако были ли хоть когда-то истинные аристократы — лучшие люди, которые брали себе не первый кусок, но принимали первый удар? Конечно же, были. Сообщества огненных охотников, кроманьонские роды и племена были построены именно по такому принципу. Наиболее талантливые, сильные,

отважные и щедрые всегда были впереди: и в охоте, и в бою с врагами, и в творчестве. Именно они принимали решения в самых трудных ситуациях, что в более поздних интерпретациях выглядело как «руководство». Смутные легенды о них сохранились у всех народов, по которым не прошел «каток» древнейших государств.

Эти легендарные персонажи одновременно дарят людям огонь и металл, спасают племена от истребления соседями, они одновременно и гении, и герои: греческий Прометей, русский Сварог, иранский Кова. Их потомки составляют древнюю аристократию. Как ученый, автор не склонен излишне доверять легендам. Это кстати позиция, характерная не только для ученых, но и для ответственных деятелей культуры. Напомним слова великого Вагнера: «Не ищите исторического в нибелунгах, ищите нибелунгово в истории».

Последуем сему совету и мы. По-видимому, все лучшие люди древних племен составили собирательный образ этих гениев-героев и их детей. Но их детьми было все племя, ибо для древних племен и родов не было своих и чужих детей среди сородичей. Кроме того, таких героев-гениев больше любили соплеменницы, и у них больше, чем у кого-либо были веские основания считать большую часть племени своими родственниками: Поэтому древним племенам не было нужды особо выделять прямых потомков тех или иных героев. Таким образом, древняя аристократия в прямом смысле этого слова — власть лучших. Эти лучшие не противопоставлялись племени и не имели особых привилегий в потреблении.

Означает ли это в описываемой «аристократической» структуре управления отсутствие неравенства как такового? Конечно же, нет. Лучшему охотнику давался лучший лук, лучшему воину — лучший меч. Разумеется, это было весьма почетно и приятно для лучших «специалистов». Наверное, даже в условиях дефицита питания лучшему воину находился и лишний кусок перед решающей битвой. Но это не были так называемые «привилегии». Это было вполне функционально с точки зрения жизнеобеспечения племени в целом. При этом ни для кого из племени не было повода сомневаться в реальности данной целостности.

Таким образом, древнеаристократическое неравенство — это неравенство функциональное, а следовательно — ситуационное. Сегодня самыми нужными были лучшие кузнецы, завтра — воины, послезавтра — знатоки по поискам водных источников и т. д. и т. п. Это резко отличает данную структуру от государственно-олигархической, где всегда впереди специалисты одного профиля — интриганы в своем кругу, тираны с низестоящими.

Итак, главная привилегия древних аристократов — радость быть самыми нужными для своих сородичей.

Не стоит упрекать автора в некотором «либеральном украшательстве». Я в очередной раз повторю: особенность древнего мировоззрения не в отсутствии жестокости вообще, а в отсутствии жестокости к своим. Тот же Сварог, согласно некоторым легендам, не просто научил славян ковать железо. Одновременно он организовал их для войны на истребление киммерийцев. Это племена, которые вследствие лучшей обеспеченности соответствующим сырьем в эпоху бронзы превосходили славян в вооружении и брали с них дань людьми. Но освоение железа изменило ситуацию. И славяне, согласно этим легендам, просто уничтожили киммерийцев. На современном языке это называется геноцидом. Но не так ли поступаем и мы, уничтожая микробы йодом? Наше здоровье нам дороже жизни тысяч микробов. Благополучие своего племени дороже существования другого. Но ведь аристократы принадлежали к конкретным племенам и народам, а у своих народов они были радостными, сильными, добрыми и щедрыми богами. Это радостное, героическое, щедрое мировосприятие не могло не стать одним из положительных стереотипов. Потеря этого стереотипа составляла одну из важнейших утрат в процессе становления древнегосударственного озлобленного сумеречного сознания. Поэтому тираны и олигархи всячески стремились связать себя с этими гениями героями генеалогической связью. Но, скорее всего, этой связи не было. В госструктурах всегда побеждали не самые достойные, а самые подлые.

Мы уже не раз говорили, что государство возникло первоначально как структура в нескольких совершенно определенных регионах долин крупнейших транзитных рек тропических пустынь. Но государство как управленческая структура имело ряд преимуществ на том этапе развития, и потому медленно распространялось по земле. При этом оно не могло, как, кстати, и мотыжное земледелие, не трансформироваться по мере своего распространения на территории с различными условиями. Иные институты государства заимствовали у первых империй прежде всего в одних местах, другие — в других, но заимствование шло непрерывно.

Поэтому вполне резонно говорить о разложении родоплеменного строя там, где не было шока древнегосударственного кризиса общественной организации, но было опосредованное влияние этого кризиса. Именно там, на окраинах тогдашнего цивилизованного мира и могло сформироваться общество, которое уже не было родоплеменным в чистом виде, но еще не стало государственным. Именно это переходное общество, по нашему мнению, сформировало тот образ правления, который можно назвать аристократией в соответствии с его эмоциональной оценкой античных классиков. По нашей же терминологии это уже была все же не аристократия, но еще и не олигархия.

Если учитывать инерционность общественного развития при отсутствии глубоких кризисов, это было общество, стремившееся скорее сохранить лучшие черты родового строя, чем ринуться на путь древнегосударственного

людоедства. Логично представить, что трансформация нравов происходила в двух направлениях. Аристократия стремилась сохранить лучшие традиции древних «кроманьонских» взаимоотношений в своем кругу. В то же время происходило медленное отчуждение аристократии от основной массы племени. Таким кратким переходным моментом и определялось лицо истинной аристократии, запечатленное древними авторами. Концом этого переходного момента был переход некой грани, когда аристократия окончательно обособилась от основной массы. Тогда очень быстро оформились классические государственные институты по эксплуатации соплеменников как ресурса. Аристократия по функциям переродилась в государственную олигархию с быстрым последующим насыщением последней людьми с низкими моральными устоями.

Поэтому аристократия, запомнившаяся древним авторам, действительно привлекательна. Она привлекательна как весна или как золотая осень. Привлекательна динамичностью, гармоничным сочетанием, казалось бы, несовместимых свойств. Однако научная честность требует уточнить наши оценки. Это именно привлекательность неустойчивого режима, захватывающего душу балансирования на грани. Аристократическое правление в то время не выдержало испытания на «экологичность». Как только аристократия сделала однозначный выбор в сторону огосударствления (как мы покажем ниже, это, по существу, социалистический выбор она запустила процессы ресурсно-экологического кризиса в отношении человеческого ресурса, ставшего для государства основным.

Кризис закончился крахом. Государству не нужны аристократы, ему нужны только холопы. Холопы с разной степенью комфортности содержания, но все равно холопы. И эту драму всегда понимали истинные аристократы. «Меж рабами себя он чувствовал рабом», — сказал об одном венгерском графе поэт Шандор Петефи.

И, наконец, последнее замечание по поводу аристократии. Аристократической форме правления соответствовало и определенное мировоззрение. Не являясь культурологом, автор не хотел бы допустить некорректные научные построения. Однако можно утверждать, что в целом именно этому периоду может соответствовать язычество — система воззрений и верований, опирающаяся на глубокое и ясное понимание природы, светлая, щедрая, радостная. Это система, сочетающая активность и ответственность, система, где человек выступает как бы соавтором творения. В то же время аристократическое язычество не есть некая «идеология разгула», как пытаются изобразить ее некоторые недобросовестные критики. Будучи связанной с аристократической системой управления, это религия дисциплины и иерархии. Но дисциплины осознанной, вытекающей как бы из самих законов природы. В этом ее отличие от подавляющего рабства оболванивающих идеологизированных монотеистических госрелигий.

В данном месте автор менее всего хотел бы задеть чьи-либо религиозные чувства. Данное определение религиозного мировоззрения, скорее, чисто внешнее, «функциональное». В дальнейшей истории мы часто видим, как конкретные религии, независимо от конфессиональной принадлежности, в разное время могут быть основами совершенно различных жизненных установок. И мы не отвергаем возможностей религиозного обновления тех или иных конфессий. Однако жизнерадостный настрой древнего язычества не может не вызывать отклика в душах борцов и искателей.

Итак, в процессе медленного перехода к «заимствованной у других» государственной структуре у ряда древних племен довольно долгое время могла существовать аристократия — фактическое правление лучших. Традиции этих времен долгое время могли сохраняться и в дальнейшем. Тем не менее, и аристократия как форма правления, и язычество как форма религии были неуместны после окончательного оформления государственных институтов. И они сменились олигархией, быстро сметенной более эффективной в тех условиях тиранией и сопутствующим монотеизмом.

Возвращение к аристократии в истинном понимании этого термина стало возможным только с эволюцией древнегосударственных структур в национальное государство. Но об этом речь пойдет в последней главе этой части нашей книги.

11. Не обожествление, а использование. Может ли юрист быть антигосударственником?

Преыдущие разделы, наверно, вызвали даже у самого широко мыслящего читателя некоторый шок. Между тем автор не является неким «сакральным врагом» государственности. Мы хотим сказать только одно: государство является лишь инструментом решения проблем, стоящих перед народом. И применять этот инструмент надо грамотно, помня, как он создавался, как модернизировался и как применялся. Цели к применению ставятся не инструментом, но людьми, которые его применяют. Подменять их цели инструментом, обожествляя государство, бессмысленно, если это делается не в корыстных интересах производителей такой подмены.

Выше мы показали, как возникло государство, и объяснили причину появления тех его родимых пятен, которые и сейчас просматриваются сквозь модернизационные наслоения позднейших эпох. Совершенно очевидно, что подобная конструкция не могла быть устойчивой. Она начала рушиться сразу с момента своего создания. Тех процессов, которые развивались в результате этого, и их итогов мы коснемся в этом разделе.

Интересно отметить, что когда раньше человек имел дело только с природными ресурсами, то нерациональное их использование приводило к экологическим

кризисам, которые стимулировали процесс освоения новых ресурсов и совершенствование орудийного парка. Когда часть населения сама стала лишь ресурсом для использования, нерациональная хозяйственная деятельность провоцировала, помимо этого, социальные кризисы и стимулировало совершенствование старых и создание принципиально новых структур управления. Таким образом, социально-политические кризисы по своим глубинным механизмам в чем-то сродни кризисам экологическим.

Вот в такой «политико-экологический» кризис не могли не попасть древнейшие государства вскоре после своего появления. Суть этого кризиса обуславливали следующие процессы.

Первое. Резкое падение плодородия почв и, как следствие, резкое падение сельскохозяйственного производства. Плодородие может упасть в 2-5 раз вследствие эрозии после превышения некоторой критической нормы распаханности пойм, и у нас нет оснований предполагать, что этот процесс не имел места. Особенно если сравнить первые легендарные урожаи, свидетельства о которых можно найти в исторических источниках, и последующее состояние дел. Конечно, мы не склонны буквально следовать источникам, согласно которым можно оценить общее падение урожаев за время эксплуатации поймы в несколько десятков раз.

Однако весьма обоснованным может быть утверждение, что долина Нила пережила несколько периодов резкого падения плодородия, при этом каждое такое падение было не менее, чем в 2 раза. Первый такой кризис, согласно реконструкциям, мог произойти уже через 50-100 лет после начала сельскохозяйственного освоения поймы.

Второе. Вымирание рабского населения стало носить катастрофический характер. Свидетельства об этом имеются в ряде документов древнейших государств. Убыль рабов привела к тому, что этот ресурс вскоре перестал быть избыточным.

Третье. Постоянно возникали серьезные проблемы в налаживании процесса государственного и хозяйственного управления, ибо первоначальные структуры управления сложились стихийно и пока не имели адекватных технических средств обеспечения типа системы письменных распоряжений, отчетности и т. п.

Четвертое. Правящая верхушка, составленная из самых агрессивных особей, не могла в условиях отсутствия внешних угроз долго сохранять монолитность. Древнейшая история изобилует свидетельствами и легендами о почти непрерывных заговорах, дворцовых переворотах и т. п. явлениях, которые, говоря на столь милом современным российским политикам языке, не что иное, как разборки бандитских по своей психологии верхов.

Без решения этих задач древнейшее государство как структура не выжило бы. И оно их решало. Первой, еще типично древнегосударственной попыткой их решения был набор следующих мероприятий: походы на беззащитное малочисленное население окрестных племен за новыми рабами, усиленное расширение площади поливной пашни за счет освоения все более дальних от реки территорий, усиление режима террора тирана (фараона, императора, царя и т. п.) по отношению к верхушке.

Нетрудно показать, что все эти мероприятия носили паллиативный характер и не давали радикального решения выше поставленных задач. В войнах гибло не намного меньше солдат, чем удавалось приводить пленников. Расширение площадей поливной пашни усугубляло ресурсноэкологическую ситуацию. Чудовищный террор практически не оставлял возможности любому «случайно оступившемуся» вельможе пути к отступлению и стимулировал изощренность и упорство новых заговорщиков.

Наряду с этим были и более конструктивные попытки решения насущных проблем. Так, очевидно, задачи управления на больших территориях потребовали создания принципиально новой системы передачи информации, что, по-видимому, стимулировало появление письменности. Постепенно рационализировались способы ведения хозяйства. Интенсифицировались пропагандистские идеологические усилия по консолидации правящей верхушки.

Вышеупомянутые задачи, вероятнее всего, решались одним и тем же слоем «жрецов-интеллектуалов-идеологов». Именно они по мере исчерпания возможностей чисто силового управления все больше брали в свои руки реальную власть.

Даваемая государством возможность концентрации усилий на решение отдельных, даже очень трудных, задач, очевидно, принесла плоды. Стремительно развивалась наука, как отдельный вид деятельности. Усложнялся институт религии. В целях идеологической обработки населения стали строиться колоссальные храмовые комплексы. Это, в свою очередь, потребовало определенного развития инженерии. Короче говоря, шли поиски нового знания и его применения.

Правда, все это, если взглядеться, имело подспудный отпечаток некоторой «полицейщины», чем вообще отличается государство. Так, например, не все знают, что система доказательств в геометрии (землемерии) первоначально возникла для обеспечения управленческих и судебных процедур, а отнюдь не для решения инженерных задач. Для сбора налогов, а позднее для целей торговли землей необходимо было доказывать равнозначность тех или иных участков, количественно сравнивать их площадь, в то время как контуры участков постоянно изменялись вследствие освоения новых земель и

деградации старых.

Интересно отметить, что в данном примере мы имеем дело уже с необходимостью применения некоторой системы доказательств, пусть и в рамках полицейской структуры. Это уже, строго говоря, «разложение» классического государства. Ибо государство в чистом виде — это система произвола, построенная на балансе страха.

Там, где появляется закон, государство в нашем его понимании уже ограничивает себя. Ограничивать подданных оно может и без всякого закона. А вот для самоограничения уже нужен закон. Поэтому специалисты в области законов — юристы — по сути своей должны быть антигосударственниками, ибо они работают в рамках системы, сложившейся для целей ограничения государства.

Мы, конечно же, понимаем парадоксальность и условность наших построений. Практика «подмены функций» в тех или иных подсистемах управления известна читателю на чисто бытовом уровне. Однако в данном случае мы говорим о подобной структуре управления (правовой системе) в чистом виде, без ее паразитарных искажений.

Впрочем, мы не будем сейчас вдаваться в подробности процесса дальнейшего развития древнеземледельческих цивилизаций и ранних государств. Этот интереснейший вопрос мы рассмотрим во второй главе второй части нашей книги. Здесь же отметим лишь три очевидные особенности их развития.

Одну из них мы уже упомянули — это «интеллектуализация» процесса управления хозяйством и идеологического обеспечения сохранения государственных структур. Эта интеллектуализация имела для государства, которое поначалу было исключительно силовой структурой, вынужденный характер. Силовики и рационалисты-интеллектуалы постоянно соперничали в борьбе за способ осуществления власти, а следовательно, за свое участие в ней, смутная информация о чем дошла до нас в многочисленных легендарных сюжетах противоборства жрецов и воинов. Правда, независимо от исходов этой борьбы, шло общее увеличение знаний, которое иногда проявлялось в виде колоссальных скачков в науке и культуре.

Второй особенностью развития древнеземледельческих цивилизаций был процесс создания некой рациональной вертикали управления, когда соответствующий представитель государства обладал полномочиями фактического владельца территорий, людей и ресурсов. Здесь происходило постоянное противоборство двух тенденций. Изначально в древнеземледельческих деспотиях все земли и рабы были коллективной собственностью правящей верхушки. Мы можем наблюдать ярчайшие проявления стремления монархов и ряда элитных чиновничьих группировок

сохранить этот коллективный, государственный характер всей собственности, как это происходило в древнем Китае, империи инков, Ассирии и том же Египте.

Однако естественное стремление знати подражать в своей обыденной жизни роскоши фараонов вело к появлению больших объемов личной собственности. В этой ситуации управляющий-распорядитель не мог не путать свой карман с государственным. Несмотря на чудовищные репрессии (вспомним изощренное антикоррупционное законодательство древнего Китая), распорядитель желал и становился владельцем хотя бы части вверенной ему в управление собственности. А где часть, там и целое.

В конечном итоге, чтобы сохранить единство в верхушке власти, фараоны, императоры, цари и т. п. вынуждены были узаконить собственность «на средства производства», говоря марксистскими терминами. А где собственность, там и согласование интересов, правила обмена и т. п. процессы, которые в итоге ограничивали возможности принятия произвольных решений самим государством.

Третьей особенностью развития древнеземледельческих цивилизаций был процесс постоянного притока людей из окрестных кочевых племен в силовые структуры, а оттуда и в аппарат высшей власти. Этот процесс начался тогда, когда крупные государства вошли в соприкосновение друг с другом. Оказалось, что недоедающее истощительно эксплуатируемое население этих государств не может обеспечить призывной контингент хорошего качества.

Многочисленность рабов-солдат не компенсировала их слабосилия (вспомним, что в зоне Каракумского канала и в Каракалпакии здоровые дети составляют менее 10 % от всех новорожденных). Привлечение в ударные воинские части здоровых кочевников вело к проникновению вместе с ними в среду правящего класса нелицемерной догосударственной системы ценностей.

Интересно отметить, что избавление от государственного гнета прямо-таки с боем отвоевывалось отдельными социально-профессиональными группами, волею судеб (или волею самого государства) оказавшимися на верхних ступенях общественной иерархии. Первое, что делает любая социальная группа, почувствовавшая свою силу, — это избавление от государственного гнета. Различия в степени свободы от государства являются основой сложной системы реальных привилегий (говоря марксистскими терминами, системы классового неравенства), в рамках которой высшие классы отличаются от низших.

В идеале верхи всегда хотят быть полностью свободными от государства, стать такими «аристократами» среди толпы рабов. Чего, как мы показали выше, быть не может в принципе. И подобные «аристократы» всегда становятся жертвами собственного бездумного эгоизма, хотя при этом могут быть весьма неплохо

обеспеченными в бытовом плане. Еще раз подчеркнем, что подобные «аристократы» ни в коей мере не являются истинными аристократами, жившими в догосударственное время, но лишь жалкими карикатурами на них.

Интересно отметить одну особенность подобного процесса «классового расслоения». Государство, часто будучи не в силах рассчитаться с притязаниями взявших силу социальных слоев иными способами, попросту отдает им часть своих полномочий по эксплуатации единственного своего «неисчерпаемого» ресурса — населения.

Для внешнего наблюдателя или исследователя может показаться, что именно в интересах этих-то классов и создано само государство, что оно и его гнет вторичны по отношению к гнету, обусловленному классовым неравенством. Именно это положение является одним из краеугольных камней марксизма.

Согласно же нашим логическим построениям все оказывается наоборот. Сначала формируется государство с присущей ему формой тотальной эксплуатации всего населения. А уже затем отдельные профессиональные группы, прежде всего сама бюрократическая верхушка, отвоевывают себе особые, функционально не оправданные привилегии, этикие «вольности дворянства».

Если мы внимательно посмотрим на общеизвестные примеры происхождения различных привилегий в Средневековье, например, то увидим, что наша схема гораздо ближе к истине, чем марксистская. Возвышение того же служилого сословия начинается с его освобождения от налогов (его повинность — служба), предоставления в его пользование природных (прежде всего, земельных) ресурсов и завершается дарованием ему прав на сугубо государственную привилегию — эксплуатацию части лишеного всех прав населения.

Не все привилегированные сословия удастаиваются последнего из перечисленных «благ». Некоторые так и «застревают» на первых этапах социального восхождения. Например, стрельцы, или так называемые «посадские-беломестцы» в средневековой России. Впрочем, тут мы несколько забежали вперед. Однако эти хорошо известные средневековые примеры достаточно показательны для понимания сути процессов, начавшихся еще в древности.

Поведение низов в описываемой ситуации эволюции государственности сложнее. Они хотят по мере своих возможностей также освободиться от государственного гнета. Однако если это не получается, то делаются попытки отобрать привилегии у верхов.

Именно равенство всех перед государственным террором является искомой практически всех учений о «социальной справедливости». Отчасти это логично, ибо неравенство обязанностей перед государством является основой ненужного,

с точки зрения целей общего выживания и процветания, усиления естественно обусловленного неравенства. С другой стороны, равенство перед государственным террором отнюдь не является гарантом благоденствия низов. Зачастую наоборот.

Тем не менее, в целом историю творят те слои, которые имеют реальную силу и которые, естественно, стремятся употребить ее на освобождение от государственного гнета. Именно поэтому с течением времени государство, как управленческая структура, скорее ослабляется, чем усиливается. Хотя иногда высшая бюрократия в союзе с низами устраивает «государственно-бюрократический ренессанс».

Однако современным государственнымникам все же, к счастью, не удастся полностью скопировать структуры управления классических государств — древних Египта и Китая, Ассирии, империи инков и т. п. Подобное происходит, как мы покажем ниже, потому, что с развитием цивилизации все большее число непосредственно не принадлежащих к центральной бюрократии социальных и профессиональных групп завоевывают себе необходимый для их профессиональной деятельности объем прав и гарантий. В вышеприведенных примерах, касающихся древнеземледельческих государств, это были региональные управленцы, некоторая часть военных, религиозная верхушка. Несколько позже к ним присоединились купцы и ремесленная элита.

Вышеперечисленные особенности постепенно размывали целостность исходной государственной структуры, идеологии, мировосприятия. Затем к ним присоединялись все новые факторы.

Дальнейшее развитие государства как института шло уже по пути приспособления его имманентных свойств к требованиям жизни. Стремясь сохранить главное конструктивное достижение государства как системы управления — возможность концентрации больших сил для решения трудных задач — человечество избавлялось от его родимых пятен.

Как современное энерговооруженное земледелие принципиально отличается от ирригационного мотыжного земледелия древнейших цивилизаций, так и современное государство значительно отличается от своего родоначальника. То государство, которое мы описывали в этой работе, похоже на современное государство так же, как бешеный волк похож на выдрессированную собаку. Правда, чтобы понимать собаку, неплохо знать ее родословную и представлять, что может с ней стать, если она одичает.

12. Забегая вперед, или можно ли ухудшить плохое

Завершив изложение главы «Родимые пятна государственности», мы не можем не сделать краткое примечание для наших заинтересованных читателей, уже знакомых с нашими предыдущими работами и, в первую очередь, с «Национал-

прогрессизмом» («Национал-прогрессизм» Теория и идеология национального выживания и развития России. М.: Паллада, 1994. 64с.). Таким читателям может показаться нелогичным наша теория «паразитарного перерождения» государственных структур, разработанная в «Национал-прогрессизме» (а в настоящем издании изложенная несколько ниже в следующей главе) с точки зрения приведенного здесь взгляда об *изначальной* порочности государственных институтов.

Дело в том, что, согласно концепции «паразитарного перерождения», этому процессу могут подвергнуться функционально оправданные структуры управления вследствие потери ими своих полезных качеств. Однако мы пока столь много говорили об *изначальной* порочности государства как структуры, что у читателя, уже знакомого с концепцией паразитарного перерождения, может возникнуть вопрос: как же может еще ухудшаться и без того столь уродливая структура? Однако это мнимое противоречие. Чтобы разрешить его, надо четко осознать следующие моменты.

Первое. Существуют объективно некие цели коллективного выживания. Для достижения этих целей должны быть сформированы соответствующие структуры. Современный человек не знает иных структур подобного рода кроме тех, которые сформированы государством либо под влиянием государства. Поэтому современный человек неосознанно отождествляет соответствующие цели и государственные институты.

Второе. Современное государство в значительной мере отошло от тех принципов, которыми характеризовалось государство как структура в момент своего появления. Поэтому современный исследователь наблюдает значительно более адекватные коллективным интересам государственные структуры, которым, образно говоря, «есть куда ухудшаться».

Третье. Государство, как мы показали выше, стихийно сложившаяся структура. Конструктивных целей у этой структуры не было. Поэтому оно, хотя и вынужденное выполнять определенную конструктивную роль, было, тем не менее, *изначально* не адекватно этой роли. Или, говоря в терминах «Национал-прогрессизма», изначально подвержено паразитарным перерождениям.

Таким образом, современный исследователь может констатировать: во-первых, *изначальную* паразитарность древнейших государств; во-вторых, он может наблюдать изживание этой паразитарности в процессе эволюции государственных институтов; в-третьих, он может проследивать в отдельных случаях «государственно-бюрократический ренессанс» и «вторичное» паразитарное перерождение уже более или менее удачно сформированных государственных структур.

В итоге мы можем утверждать, что никакого противоречия между приведенной

в настоящей работе теорией происхождения государства я разработанной нами ранее (и изложенной ниже) концепцией паразитарного перерождения нет.

Глава 3

История технологий и технология истории

1. Естественно-научные основания истории технологий. Развитие и выживание. Этика эволюции. Паразитарные структуры

В данном разделе мы хотим более подробно коснуться ряда вопросов, которые были схематично изложены нами в более ранних работах, но которые становятся до конца понятными только в сочетании с материалом предыдущих глав «Экология антропогенеза» и «Родимые пятна государственности». В следующих двух разделах строится более общая база для ряда утверждений, фигурировавших в этих главах, а также в последующих главах нашей книги.

Строго говоря, можно было бы обойтись и без подобного уровня обобщений. Однако нам важно показать, что наши схемы есть не просто обобщение некоторого ограниченного объема эмпирического материала, а *вывод из фундаментальнейших законов развития жизни*. В этом мы стремимся соответствовать лучшим традициям науки XX века и российской науки в первую очередь. Ведь еще наш знаменитый соотечественник Вернадский утверждал, что закономерности развития сферы разума и человеческого общества органично вытекают из законов развития биосферы.

Автор, однако, отдает себе отчет в том, что материал такого рода не может быть изложен достаточно занимательно и живо. Единственно, что остается нам в этой ситуации сделать — это изложить упомянутые вопросы по возможности сжато, заранее извинившись перед читателем за сухость и конспективность изложения.

Судьба любой особи и любого вида в биосфере земли — это непрекращающаяся борьба за ресурс жизнеобеспечения. Появление человека не отменило этого состояния, а лишь усложнило его. Человек стал эффективнее других животных бороться за ресурсы жизнеобеспечения с помощью орудий, поставив себя в зависимость уже от ресурсов, необходимых для поддержания и развития своего орудийного парка.

В этой борьбе за ресурсы есть только три возможные стратегии.

Первая. Захватить недостающие ресурсы у других. Это стратегия завоевания (захвата).

Вторая. Расширить круг ресурсов, с помощью которых решаются заданные

проблемы. Например, расширить пищевой рацион (для животных) или расширить круг используемых материалов — медь, железо, а затем алюминий — и энергоносителей — дрова, уголь, а потом нефть и газ (для человека). Это стратегия универсализации.

Третья. Увеличить эффективность добычи и использования ресурсов. Например, увеличить эффективность охоты и «чище обглаживать кости» (для хищных животных) или увеличить КПД двигателей (для человека). Это стратегия специализации.

Стратегия завоевания у всех одна. Вторая и третья стратегии не могут осуществляться каждым отдельным видом животных с равным успехом одновременно по физиологическим причинам (нельзя одновременно хорошо и плавать, и бегать).

Только человек смог осуществлять обе эти стратегии одновременно с помощью орудий, обойдя тем самым физиологические ограничения.

Таким образом, с точки зрения ресурсопотребления человек отличается от животных, во-первых, массовым применением орудий для своих целей, во-вторых, возможностью осуществления с равным успехом всех трех стратегий и, в-третьих, вовлечением в сферу своей деятельности не только биологических ресурсов жизнеобеспечения, но и ресурсов для производства орудий.

Человек освоил орудия только с помощью знаний. В любом виде орудийной деятельности знания первичны. Чтобы произвести изделие, надо, как минимум, знать, что же ты хочешь создать.

Иными словами, «знание — сила». Только знание может реально компенсировать недостаток ресурсов (включая трудовые) или орудий. «Избыток удобрений не спасает от недостатка ума», — сказал в начале века великий Менделеев в дискуссии по проблемам агрохимии.

Новое знание появляется в значительной степени вследствие избыточных с точки зрения непосредственного жизнеобеспечения областей деятельности — религии, искусства, технического обслуживания бытовой роскоши, а в последнее время и фундаментальной науки.

Человек, как и животные, эксплуатирует открытые системы — берет энергию и ресурсы, которые не им созданы. Так что человек, после того как произошло разделение труда, может производить так называемый прибавочный продукт не потому, что это прерогатива трудового процесса, а потому, что это свойство **всех** открытых систем.

Человек в процессе труда как бы тратит вовлекаемые энергию и ресурсы, чтобы изготовить «парус», с помощью которого он может улавливать «ветер» (поток

энергии и те же ресурсы) в гораздо больших объемах, чем это было затрачено на шитье «паруса». Именно на подобный характер труда как деятельности по жизнеобеспечению обращали внимание многие исследователи, в частности наш соотечественник Н. Подолянский и известный современный американский ученый и политик Линдон Даруш.

Отличие человека от животных в эксплуатации открытых систем биосферы и литосферы только одно: именно он может в процессе творческой деятельности (причину появления которой мы объяснили в главе «Экология антропогенеза») направлять избыточные ресурсы на решение «абстрактных» проблем, которые затем могут воплотиться в новое знание.

Развитие человечества определяется, прежде всего, увеличением орудийного парка, его совершенствованием и расширением круга ресурсов (не созданных человеком), вовлеченных в процесс производства, что осуществимо только после появления соответствующего знания.

Можно ли считать эволюцию «бесцельным» процессом? Коль скоро появилась жизнь, цель живого — выживать. Однако среда постоянно меняется, одни виды ресурсов заменяются другими. Живому организму для выживания надо постоянно иметь некоторый избыток жизненной прочности, надо «давить» на косную среду, чтобы она своими неожиданными колебаниями не уничтожила жизни. Поэтому эволюция, понятая именно как попытка соединить стратегии универсализации и специализации, не случайность, а **единственно возможное средство** сохранения жизни.

Иными словами, цель эволюции — сохранение жизни как явления. То, что в процессе эволюции организмы усложняются, а в итоге появляется разум, лишь объективное следствие попыток реализации ее целей. Значит, выживание невозможно без усложнения организации живого и появления разума.

Поэтому будем считать безусловно положительными с точки зрения сохранения жизни вообще и человечества в частности, а также, если хотите, соответствующими Божьему замыслу любые процессы, ведущие к усложнению строения природы и увеличению количества знаний и мощи разума у человека.

При этом не прогресс как таковой, а его диспропорции, безграмотное и некомпетентное использование его результатов, надежда на каждом новом уровне прогресса остановить его и удержаться только в рамках бездумной стратегии захвата — вот причины экологических кризисов от древнего Египта до наших дней.

Можно сформулировать и этические принципы эволюции:

- Выживание — цель эволюции.

- Прогрессивное развитие — единственная возможность реализации целей эволюции.
- Опережающее развитие интеллекта — единственно возможный путь прогрессивного развития человечества.

То, что противоречит эволюции, прогрессу, интеллекту — противоречит выживанию человека и биосферы в целом, то и является плохим с точки зрения этики эволюции.

Оценивая коллизии эволюции, мы отделяем понятие хищник от понятия паразит, хотя и тот, и другой эксплуатируют популяцию жертвы как ресурс для своего жизнеобеспечения. Можно доказать, что хищничество нейтрально с точки зрения этики эволюции, в то время как паразитизм оценивается отрицательно.

Сейчас на пропагандистской волне экологического бума практически бездоказательно во многих работах утверждается тезис об абсолютной ценности любых видов живых организмов.

Между тем в процессе эволюции с арены земной жизни сошло огромное количество видов. Исходя из сформулированных выше принципов этики эволюции мы можем утверждать, что существование отнюдь не каждого вида представляет безусловную ценность. Эволюция живого, реализуясь до появления человека методом «проб и ошибок», вполне допускала и сохранение результатов своих ошибок какое-то время. Однако ошибки исправляются, и утверждать, что необходимо сохранение паразитов — явная передержка.

В данном контексте примечательно соответствие принципов «этики эволюции» библейской мудрости. «Он же сказал в ответ: всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Мтф., 15:13).

В чем же отличие паразита от хищника? Образно говоря, паразит — это сапрофит (эволюционно низкий организм, перерабатывающий мертвую органику), благодаря ошибкам эволюции оказавшийся в живом высокоорганизованном организме. Его эволюционная цель — утилизировать, извините, дерьмо для обеспечения жизни (высоко полезная функция), а не истощать эту жизнь, потребляя соки эволюционно продвинутых организмов. Хищничество в отношении более развитых организмов — вот что такое паразитизм, если охарактеризовать его максимально кратко.

С точки зрения этики эволюции паразиты вредны. Запомним этот тезис — паразитизм возникает при «подмене функции» жизнеобеспечения в сообществе организмов каким-либо видом. В результате этой подмены паразитарный вид получает возможность физиологически комфортно существовать, своей деятельностью «не работая на эволюцию». Попутно отметим, что хищничество

либо нейтрально по отношению к эволюционному развитию, либо (что бывает значительно чаще) способствует ускорению эволюции.

По аналогии с паразитарными видами можно определить паразитарную структуру.

Назовем паразитарной такую структуру, которая возникает при «подмене функции» жизнеобеспечения в сообществе организмов одного вида какой-либо, занимающей определенное положение в иерархии или в ином разделении обязанностей, группой особей этого вида. В результате этой подмены паразитарная группа получает возможность комфортно существовать, своей деятельностью «не работая на выживание и эволюцию».

Организационные структуры, обеспечивая реализацию эволюционных процессов, эволюционируют сами. И возникновение паразитарных структур, также как и возникновение паразитических видов, является результатом «ошибок эволюции».

2. Суть развития территорий, государств и хозяйственных комплексов. Паразитарное перерождение структур управления

Исходя из предложенной концепции, судьбу любого человеческого сообщества, живущего на определенной территории (в частности, население какого-нибудь государства, а еще точнее — страны) можно представить в самом общем виде следующим образом. Оно контролирует указанную территорию и расположенные на ней ресурсы жизнеобеспечения (возобновимые ресурсы биосферы) и ресурсы для создания орудий (в основном это невозобновимые минерально-сырьевые ресурсы). Невозобновимые ресурсы в процессе эксплуатации безвозвратно истощаются. Возобновимые меняются более сложным образом. Если не подорван потенциал воспроизводства, то возобновимые ресурсы самовосстанавливаются (вырастают леса, восстанавливается плодородие почвы и т. п.) и их объемы колеблются во времени. Колебания определяются как собственными свойствами биосферы, так и внешними воздействиями — изменениями климата, интенсивностью эксплуатации и т. д.

Потенциал страны, помимо трудовых ресурсов, определяется системой «(1) возобновимые ресурсы — (2) невозобновимые ресурсы — (3) орудия — (4) знания». На начальных этапах развития цивилизации, когда третий и четвертый компоненты изменяются крайне медленно, а второй компонент в силу небольших объемов производства также меняется незначительно, львиная доля текущего потенциала и амплитуда его колебаний определяются динамикой первого компонента. Вследствие того, что существуют естественно обусловленные колебания экологического потенциала (засушливые и дождливые годы, колебания численности промысловых животных и т. п.

процессы), возобновимые ресурсы территорий меняются со временем.

На восходящих этапах роста ресурсного потенциала происходит рост мощи стран (и соответствующих государств), который при наличии соседей и возможностей захватить их территорию зачастую толкает усиливающуюся сторону на агрессивные войны, что является попыткой реализации стратегии захвата.

Колебания ресурсного потенциала на соседних территориях причудливым образом соотносятся друг с другом, что обусловлено изменениями климата, исходными объемами эксплуатации и т. п. Изменения потенциала, связанные с увеличением территории или ее потерями, накладываются на естественные колебания этого потенциала.

Все это дает совершенно неожиданные соотношения сил различных государств во времени.

Понятие пассионарности популяции, введенное Л. Н. Гумилевым, с точки зрения ресурсно-экологической не что иное, как режим функционирования популяции на восходящем витке ресурсного потенциала.

Агрессия пассионарной популяции (и государства, ею населяемого) вовне, в том виде, в каком ее изображал Л. Н. Гумилев, не что иное, как попытка реализовать стратегию захвата, пользуясь неожиданно увеличившейся мощью.

Трагедия безудержного захвата заключается в ее бессмысленности. Если нет существенной разницы в техническом уровне (а именно так по большей части было в древности), то захватываемые территории имеют, как правило, меньший потенциал (иначе они были бы населены более сильными соседями).

В подобном случае вполне естественно, что пассионарная популяция «растворяется» в захватываемых соседях, как хорошее вино в кувшине с простой водой. В итоге среднее качество популяции и среднее качество территории в расширяющемся государстве «пассионариев» неизбежно падает.

Тем не менее, в процессе укрупнения государств может происходить и прогрессирующее накопление потенциала. Подобное происходит, если удастся захватить большие территории, **мобилизовать** большие объемы (вследствие именно величины территорий, а не их относительного богатства) доставшихся ресурсов, существенно увеличить оружейный парк и все это **сконцентрировать** на деятельность, способствующую резкому накоплению суммы знаний.

Слова «мобилизовать» и «сконцентрировать» являются в данном случае ключевыми. Однако мы должны ясно отдавать себе отчет, что это есть не что иное, как ограбление. И исходно более скудные захватываемые территории становятся еще беднее. А расширяющееся государство «пассионариев» в итоге,

в среднем, все же ускоренными темпами «скудеет», если говорить о его территории в целом.

Однако гораздо более важен вопрос, куда будут направлены сконцентрированные «пассионариями» ресурсы. Концентрация ресурсов на цивилизационный прорыв (что по силам именно государству как специфической структуре) далеко не правило, а лишь одна из возможностей.

Следует, однако, заметить (и об этом мы еще будем говорить ниже), что только реализация подобных сценариев является главным оправданием сохранения государства как структуры с точки зрения цивилизационной и эволюционной целесообразности.

Любой же захват в «чистом», если так можно выразиться, виде, рано или поздно вновь ставит вопросы выживания, но на большей территории и для большего числа подданных (да еще и после мерзостей и потерь грабительских войн, а потому в еще более острых формах). Невозобновимые ресурсы медленно, но неуклонно расходуются. Объем потребления возобновимых подходит к своему пределу, за которым начинает сказываться жесткая зависимость колебания потенциала от колебания объема возобновимых ресурсов.

А возможности соседей могут в любой момент возрасти. Поэтому угроза вымирания от голода либо уничтожения в войне никогда не покидала совершенно народы древности и Средневековья.

Собственно, накопление знаний в то время имело бессистемный характер. Основным источником знаний были религия, искусство и техническое обслуживание бытовой роскоши. Фундаментальная наука находилась в зачаточном состоянии. На современном этапе она стала основным источником новых знаний, однако роль вненаучных источников знания пока тоже сохраняется.

Мы зачастую недооцениваем вненаучные источники знания на определенных этапах развития цивилизации. Между тем они сыграли и продолжают играть колоссальную роль в развитии человечества. Приведем только несколько примеров.

Культурные растения и животные, как установлено современной наукой, первоначально использовались в первобытных религиях как культовые элементы. Таким образом, животноводство и земледелие выросло из религиозного поклонения неким поначалу «бесполезным» растениям и животным.

Медь сначала использовалась в украшениях, в то время как люди еще пользовались в основном каменными орудиями. Таким образом, первая металлургия изначально выросла из обслуживания «индустрии роскоши».

В рамках ювелирного искусства позднего Средневековья были отработаны технологии, на которых базировалось первоначальное примитивное приборостроение, без которого невозможно было бы навигационное обеспечение регулярных плаваний в Америку (к новым богатым ресурсам!).

Первая винтовка была выполнена в качестве подарка королю Франции как диковинка с нарезкой ствола в виде лилии. И только потом выяснилось тактико-техническое превосходство нарезного оружия. Да и сейчас на Западе множество внедрений та же военная промышленность черпает из новинок электроники, разработанных для развлекательных нужд.

Таким образом, можно утверждать, что отсутствие науки не есть отсутствие инноваций. **Исключительная** роль науки состоит, возможно, не столько в самом поиске инноваций, сколько в их систематизации и **тиражировании**. Наука не дает (во всяком случае, не должна давать) новым знаниям исчезнуть. Инструментом этого служит теоретическое осмысление новых фактов, позволяющее затем «на кончике пера» восстановить любую один раз зафиксированную и осмысленную ситуацию.

Однако знания все-таки накапливались и в «донаучные времена». Удачливые государственные правители поощряли роскошь и искусство, жертвовали средства на развитие церквей. Случайное бессистемное знание, аккумулируясь, давало иногда возможность для технологических прорывов.

Научно-технические революции обычно протекали следующим образом. Сначала в результате накопленного знания появлялась и реализовывалась идея расширить круг потенциально используемых ресурсов. Ярким примером служит здесь металлургия, начавшая с использования самородной меди, а затем освоившая все медные руды, оловянные руды, железные руды различной степени богатства и т. п.

Как правило, это расширение сразу давало колоссальный выигрыш трудозатрат.

Затем начиналось медленное эволюционное совершенствование технологий. Целенаправленно, а зачастую просто по логике производства, методом проб и ошибок постепенно увеличивался коэффициент полезного использования материалов и энергии. Яркий пример тому — появление все новых поколений двигателей внутреннего сгорания, где КПД медленно, но растет.

Уровень специализации не так ярко проявлялся в успешном увеличении производственного потенциала, однако был как бы автоматически предопределен самим процессом производства.

Любой технологический прорыв (реализованное знание!) тут же закреплялся в военной сфере.

Выигрыш в битве за глобальный ресурс получал самый умный. Фактически никто не отменял жестоких правил борьбы за выживание. Однако эволюционно не закреплялось голое животное хищничество древних деспотий, а лишь хищничество, обслуживающее эволюцию.

В конечном итоге, в процессе конкуренции выигрывал тот народ, который с помощью растущего знания успешно реализовывал одновременно стратегии универсализации и специализации. Возможность захвата чужого ресурса была лишь **дополнительным** поощрением способному «ученику», которое должно было стимулировать дальнейший поиск.

Как уже видно из вышесказанного, борьба за ресурс и цивилизационное лидерство не прекращалась с самого начала развития цивилизации. Разумеется в этой борьбе не мог не использоваться такой инструмент, как государство. Именно внешние функции государства, направленные на концентрацию усилий (а именно это основная функциональная ценность государства как структуры) по обеспечению борьбы за цивилизационное лидерство (а именно к этому в конечном итоге сводилась наиболее напряженное межгосударственное противоборство) соответствовали этике эволюции. Государство «рационализировалось», превращаясь из «подлого паразита» в «благородного хищника».

Соответственно, рационализировались и другие структуры управления, созданные под влиянием государства. Именно положительные, эволюционно оправданные свойства различных управленческих структур и соответствующих социальных слоев дают возможность создавать их благоприятный образ в общественном сознании.

Однако следует признать, что изначальные черты «антиэволюционности» и, следовательно, паразитарности никогда не были изжиты до конца ни государством, ни создававшимися под его эгидой социальными институтами. Более того, неоднократно наблюдался обратный процесс паразитарного перерождения вроде бы обретших цивилизационный смысл управленческих структур.

Хрестоматийными примерами подобного рода могут служить коррумпированные полицейские структуры, слившиеся с преступным сообществом, и армии, используемые для выполнения внутренних, а не внешних функций. Здесь, однако, все слишком очевидно — структуры, потребляющие общественные ресурсы для выполнения определенных целей (в приведенных случаях это борьба с преступниками и внешними врагами) делают нечто совершенно противоположное. И основой здесь является очевидное «выпадение» соответствующих профессиональных слоев из общества в целом, что, в общем-то, вполне естественно для атомизированной людской массы древних и средневековых государств, не изживших свои отрицательные черты в

рамках становления национального государства, о чем мы будем говорить ниже.

Однако для лучшего понимания процесса паразитарного перерождения рассмотрим следующий более сложный пример, не сводимый к «родимым пятнам государственности».

В условиях осознания человечеством истины «знание — сила» особую роль заняла фигура организатора, предпринимателя, промышленника, который собирает материальные ресурсы для реализации некой новой идеи в производство.

Отнюдь не всегда обладая некими значительными ресурсами (материальными, земельными, денежными), предприниматель находит пути соединения возможностей собственников денег (банкиров), земли (государство или землевладельцы) и т. п. для реализации некой идеи.

В случае успеха, каждый доверивший свои средства (в широком понимании этого слова) предпринимателю получает свою долю выигрыша. А сам предприниматель получает свою. Мы уже говорили ранее, что в силу открытости биологических и производственных систем говорить о прибавочной стоимости бессмысленно. Она, условно говоря, присутствует всегда в любом акте жизнеобеспечения. Предприниматель же в данном случае организует более эффективный процесс, материально-энергетический выигрыш от которого выше, чем наблюдался ранее.

Успешное предприятие дает выигрыш по сравнению с другими, не использовавшими данную идею. Предприниматель по своей прогрессистской сути — заинтересованный организатор прогресса. Развитие предпринимательской деятельности по идее должно создать такое «плотное» востребование новых идей, чтобы ни одна из них не пропадала втуне.

Однако используя институт частной собственности, предприниматели, зачастую, направляют его на цели, по сути, глубоко чуждые назначению предпринимательства. Распространяя институт частной собственности не на **результаты труда и идеи**, которые, действительно, можно считать созданными конкретными людьми и которые этим людям должны принадлежать, а на **природные ресурсы**, предприниматели пытаются эксплуатировать «созданное Богом».

Вместо прогрессивной «погони за идеями», для чего нужен предприниматель, начинается «погоня за ресурсами», для чего лучше подходит бюрократ или военный. Налицо паразитарное перерождение и подмена функций предпринимательства.

Особенно показательным в контексте данного примера развитие института финансов. Интенсификация обмена ресурсами и орудиями привела к

необходимости информационного обслуживания этого процесса. Появился всеобщий эквивалент товаров — деньги и структуры, обеспечивающие их учет. Это информационная функция. Однако паразитарное перерождение информационной функции ведет к появлению так называемых спекуляций, когда нет ни реальных товарных потоков, ни объективной информации. Биржевые дельцы «делают деньги» на искажении информации, т. е. прямо противоречат своему целевому назначению.

Показательно, что сейчас в мировом хозяйстве только малая часть денежных потоков (по оценкам некоторых специалистов — не более 2,5%) сопровождает соответствующие потоки энергии, ресурсов и товаров. Остальная часть задействована в чисто спекулятивных фиктивных операциях, что исподволь готовит глобальный кризис мирового хозяйства. Поразительно — этот кризис в наибольшей степени ударит именно по финансистам. Однако они, полностью соответствуя паразитам из животного мира, эгоистически способствуют гибели «хозяина», вмещающего организм (а значит и своей собственной), ради сиюминутных благ.

3. «Нелирическое» отступление. О морском и континентальном пути развития всерьез

Сформулированная выше эскизная модель развития территорий, государств и хозяйственных комплексов дает возможность, в частности, довольно просто и вместе с тем достаточно научно изложить суть пресловутой проблемы о «морском» и «континентальном» пути развития. По нашему мнению, эта проблема дается в нашей научной и научно-пропагандистской (да простит читатель это определение) литературе весьма запутано, эмоционально и политизировано.

Понятна и оправданна известная «литературщина» и идеологизация в освещении данной проблемы теми, кто впервые поставил и развил ее в прошлом веке. Но в третьем тысячелетии просто неприлично путать жанры примитивных агиток и серьезных трудов. Еще более неприлична претензия выдавать тома не содержащих ни одной цифры бессодержательных заклинаний иных наших «геополитиков» за капитальные теоретические работы.

Поэтому мы постараемся кратко, ясно, но корректно изложить данный вопрос. Пусть мы и пишем в несколько облегченном жанре трактата.

Малоизвестен, но очень интересен следующий факт. Свыше 50 % мирового промышленного потенциала сосредоточено в 200-километровой прибрежной полосе всех морей и океанов Земли. Это объясняется тем, что расходы на транспортную инфраструктуру значительно осложняют освоение внутриконтинентальных районов (для примера, в России сейчас в среднем около 50% себестоимости продукции занимают транспортные расходы).

Прибрежное положение региона в силу облегченности транспортных расходов прямо-таки диктует региональную специализацию и опору на межрегиональный обмен. Это способствует развитию экономики, но в совершенно определенном направлении. Можно утверждать, что «прибрежный» тип развития отличается:

1. Опорой на обмен и межгосударственную торговлю.
2. Более высоким (при прочих равных) уровнем жизни населения.

И вследствие этого:

3. Развитием паразитарных структур в сфере финансов, предпринимательства и неэквивалентного межгосударственного обмена.
4. Традиционно большей долей «индустрии роскоши» во внеученных источниках знаний.
5. Специализированной научной традицией, сильной своей аналитикой, но слабой в плане синтеза знаний.
6. Идеологией «глобальности», интернационализма, что в конечном счете сводится к требованиям открытости чужих источников сырья.

Как видим, все это основные постулаты того типа (или тех типов) цивилизации, которую иногда называют западной, но которая, по существу, является прибрежной. Япония и Сингапур не менее (если не более) «западны», чем Англия или Франция.

Сказанное не значит, что все прибрежные государства автоматически реализовывали свои возможности (например, Япония в прошлом веке), однако, судя по всему, сейчас это осознано и будет реализовано всеми, эти возможности имеющими.

Другой момент связан с тем, что западный (будем называть его условно так) стиль связывается с правами человека и демократией. Нет оснований полагать, что это детерминировано. Англия демократична, Сингапур авторитарен. Скорее всего, это просто случайность, обусловленная исторической конкретикой.

Континентальное положение региона в силу большой величины транспортных расходов диктует региональную универсализацию и опору на собственные силы. С другой стороны, внутренние части континентов богаче как возобновимыми ресурсами (в силу меньшей хозяйственной истощенности относительно труднодоступных территорий), так и минерально-сырьевыми (хотя бы в силу большей площади суши). Однако они требуют гораздо больших усилий для обеспечения общегосударственных структур (транспорт, связь,

управление).

Можно утверждать, что «континентальный» тип развития отличается:

1. Опорой на собственные силы и ресурсы.
2. Менее высоким (при прочих равных) уровнем жизни населения. И вследствие этого:
3. Развитием паразитарных структур в сфере внутреннего управления (бюрократия).
4. Традиционно большей долей религии и искусства во вненаучных источниках знаний, а также относительно большой «государственной наукой».
5. Синтетической научной традицией, с относительно слабой аналитикой, однако сильной своими обобщениями, возможностями интегрировать чужое знание.
6. Идеологией «региональности», национализма, что в конечном счете сводится к требованиям: «чужого не надо, своего не отдадим».

Континентальную традицию трудно назвать «восточной», ибо под Востоком понимается более узкая идеология. Нельзя считать ее так же традиционно авторитарной и антигуманной. Достаточно вспомнить хотя бы «Русскую Правду» Ярослава Мудрого или казачью военную демократию.

Наиболее ярко континентальная традиция воплотилась в России. Россию можно назвать вообще единственно «чистым» представителем континентализма.

Все остальные национальные типы цивилизаций, даже тяготеющие к континентализму, обязательно имеют в своих традициях значительную долю «океанического».

В настоящее время континентальная традиция, несмотря на кажущийся крах, имеет возможность дать пример решения глобальных задач.

В частности, после угрозы ядерной войны, экологический кризис стал одной из наиболее опасных угроз человечеству. Избежать его можно только громадным опережающим развитием науки и всех источников знания вообще.

Западная методика решения экологических проблем путем переваливания их на другие регионы с помощью торгово-финансового грабежа в длительной перспективе обречена. С другой стороны, развитие науки и знания без видимых результатов их немедленного использования также вне западных традиций. В случае ослабления притока ресурсов извне Запад пожертвует своей наукой

одной из первых.

С другой стороны, Россия пока не может решить проблемы своего выживания, не решив проблемы построения национального государства по возможности в наиболее чистом виде.

Только убрав паразитарные барьеры, Россия сможет на основе своих континентальных традиций решить проблемы экологического кризиса на путях высокой духовности, безусловного авторитета знаний, синтетической научной школы, относительной скромности в потребностях.

Итак, построение национального государства в России — единственная возможность выжить для нее и, более того, дать пример выживания для всего мира в условиях надвигающегося ресурсно-экологического кризиса.

На этом мы закончим изложение естественно-научных основ концепции истории развития технологий и эволюции структур управления и продолжим наше повествование дальше.

4. Лимитирующие факторы развития и их преодоление в процессе производства. Путь земледельца и путь скотовода

Теперь посмотрим еще раз на производство как на процесс жизнеобеспечения. Допустим, мы научились измерять, причем в неких общих единицах, трудовые ресурсы, возобновимые ресурсы, невозобновимые ресурсы, количество орудий, количество знаний. Мы сейчас отвлечемся от того, что такая задача чрезвычайно трудна и составляет, возможно, предмет отдельной научно-исследовательской программы. Итак, допустим, что эта задача решена.

В чем же тогда будет состоять оптимизация процесса производства? В получении возможно большего количества продукции при фиксированных затратах всех видов ресурсов. Иными словами, отношение продукции к сумме, затраченной на ее производство ресурсов (трудовых + возобновимых + невозобновимых + количества орудий), должно быть максимальным. Знания мы исключаем из рассмотрения, ибо их использование не сокращает их количества. Такая схема видится в идеале.

На самом деле, некоторых ресурсов может быть в избытке, некоторых в недостатке. Кроме того, как мы показали в главе «Родимые пятна государственности», естественным стремлением человека как всякого живого существа является, прежде всего, сокращение расхода своих трудовых ресурсов на единицу продукции. Поэтому организация производства в каждой конкретной ситуации является более простой.

Мы уже можем определить, исходя из материала, изложенного в главах «Экология антропогенеза» и «Родимые пятна государственности», целевые

установки, по крайней мере, для двух типов производства: догосударственного охотничье-скотоводческого и ирригационного древнеземледельческого. Для первого, как мы показали ранее, непосредственная деятельность имеет целью достижение максимума отношения продукции к затрате трудовых ресурсов. Для ирригационного мотыжного земледелия целевая функция иная: достижение максимума отношения продукции к затратам возобновимых ресурсов, а еще точнее, только части возобновимых ресурсов — территории.

Иными словами, древние охотники, совершившие революцию при помощи огня, искали новые возможности все более результативной охоты, искали новые виды возобновимых ресурсов и более экономных, с точки зрения расхода своих усилий, способов добычи этих ресурсов. При этом они не были стеснены территорией: все саванны и степи мира были в их распоряжении. А верхушка древнеземледельческих государств поначалу искала возможности максимально расширить площадь поливной пашни и не была стеснена в использовании трудовых ресурсов своих рабов.

Заметим, что наши построения, как и всякая схематизация, описывают ситуацию лишь в первом приближении. И мы в данном случае хотим лишь показать, что одни ресурсы расходуются максимально бережно в процессе повседневной производственной практики, а другие расточительно, хотя это не всегда значит, что их просто бессмысленно уничтожают. В данном случае существуют и промежуточные варианты, однако, в каждой ситуации, как мы надеемся, уже ясно читателю, есть очевидные предпочтения. С учетом этой оговорки мы будем и дальше придерживаться подобной схематизации, ибо она позволяет понять очень многое.

В данных примерах мы исключили из рассмотрения орудия, ибо их «расход» в процессе производства в столь примитивных условиях был относительно невелик. Однако по мере вовлечения в производство изделий из меди (учтем, что медь сравнительно редкое ископаемое) целевая функция производства изменилась и выглядела как стремление к максимизации отношения продукции к сумме расходов земельных ресурсов, невозобновимых ресурсов и орудий, в которых ценился прежде всего не труд, затраченный на их производство, а материал.

Железный век, пришедший на смену бронзовому, поначалу снял вопрос о дефиците руды для основного конструкционного материала — железа, ибо железных руд было неизмеримо больше, чем медных. С другой стороны, орудийный парк все более возрастал (к орудиям в данном случае следует причислить и рабочий скот). Недостаток орудий мог существенно ограничивать производство. В этой ситуации целевая функция феодального производства предстанет перед нами как стремление достичь максимума отношения продукции к расходам земельных ресурсов, орудий и отчасти труда.

Последний ресурс эксплуатировался при феодализме, конечно же, расточительно. Однако на ранних этапах, когда земля в Европе была еще не в таком дефиците, как в долине Нила, трудовые ресурсы надо было если не беречь, то хотя бы не истреблять, как в древнем Египте или Ассирии. Поэтому в хозяйственной структуре феодализма и возникли механизмы, несколько смягчающие непроизводительные расходы трудовых ресурсов. Хотя «идеальной» схемой феодального хозяйства можно все же назвать стремление к максимуму прежде всего отношения продукции к расходам земельных ресурсов и орудий.

Мы не рассматриваем сейчас производство предметов роскоши, где, конечно же, роль невозобновимых ресурсов, т. е. запасов руд драгоценных металлов, всегда была решающей. Изготовление предметов роскоши лежало вне непосредственных потребностей жизнеобеспечения.

Капитализм, где труд был наемным, опять изменил целевые установки производства. Основной целью стала максимизация отношения произведенной продукции к сумме расходов трудовых ресурсов, орудий, невозобновимых, а также возобновимых ресурсов. Однако это несколько идеализированная схема. На самом деле, классический капитализм в Англии, а затем в США стремился сделать возобновимые и невозобновимые ресурсы как можно более доступными, чтобы их можно было бы расточительно и в идеале исключить из целевой функции производства.

Для земельных и других возобновимых ресурсов эта цель в XIX веке если не была достигнута, то, во всяком случае, значительно приближена в США и ряде других стран. Вовлечение огромных земельных массивов на вновь освоенных территориях сделало землю на какое-то время очень дешевой. Ценилась не территория как таковая, а ископаемые или коммуникации на этой территории (городская земля). Последний случай можно схематично рассматривать как некий объем «зарытого в землю оборудования», а не землю как таковую. В это же время в США, Канаде, Австралии неосвоенные территории для сельскохозяйственного производства зачастую предоставлялись переселенцам-фермерам за символическую плату, покрывающую расходы только на канцелярское оформление собственности.

В данном случае можно возразить, что при капитализме предприниматель и оплату труда стремится тоже сделать как можно меньше. Однако это не всегда и не везде так. Вспомним, например, Генри Форда, увеличившего оплату труда в 2,5 раза и разбогатевшего, помимо всего прочего, от реализации отдаленных последствий этой акции. Но дело даже не в этом. Сам факт регулярной оплаты труда не позволяет расточать его расточительно, «немерено». И если в отношении ресурсов лидеры капиталистического мира в целом упорно «играли на понижение» как минимум в последние 100-150 лет, то в оплате труда такой тенденции не наблюдается. Наоборот, во второй половине XX века она

возрастала практически повсеместно в развитых капиталистических странах.

Хотя в последние годы реальная заработная плата в странах Запада, по некоторым данным, вновь начала снижаться, это еще ни о чем не говорит. Налицо некие значительные колебания зарплаты в странах — мировых лидерах, что контрастирует с упорно реализуемой тенденцией неуклонно снижать стоимость сырья.

Социализм, получивший наиболее яркое воплощение в СССР при Сталине (ниже мы обоснуем этот свой тезис), породил новую целевую функцию производства: максимизацию отношения продукции к расходу (амортизации) орудийного парка. Земля и другие возобновимые ресурсы, ископаемые, а тем более труд расходовались в СССР при Сталине крайне неограниченно, бережное отношение было только к производственным фондам.

Следует подчеркнуть полное отсутствие эмоционального оттенка в наших оценках. Это лишь констатация фактов, не более того. Итак, мы показали существенно разные внутрипроизводственные стратегии в различных социально-экономических условиях. Все они вызваны наличием в каждой ситуации различных лимитирующих факторов. Древним земледельцам не хватало земли, капиталистам — денег на наем персонала и покупку оборудования и сырья (т. е. не хватало желаемого объема трудовых ресурсов, оборудования и сырья). А хозяйству СССР в 1930-е годы не хватало, прежде всего, оборудования для растущей промышленности, тем более после того, как оно было уничтожено и расхищено в гражданскую войну. При этом в распоряжении государства были огромные массы крестьянства, высвобожденные из деревни в результате коллективизации, и уникальные минерально-сырьевые и природные ресурсы одной шестой части суши земли. Поэтому вышеперечисленные факторы никак не ограничивали производство.

В данном разделе мы не ставили своей задачей наметить некие исторические закономерности развития систем управления производством. Отдельные приведенные примеры должны, на наш взгляд, убедительно подтвердить только один вывод. В зависимости от конкретной хозяйственной и ресурсно-экологической ситуации перед производством, как перед системой жизнеобеспечения и самовоспроизводства, стоят разные цели. Настроенность на выполнение этих целей предполагает создание адекватных управленческих структур, систем оценки результатов и систем стимулирования оптимальных стратегий.

Очевидно, что в организационном смысле эти системы управления при столь различных целях будут совершенно различны. Именно поэтому так непохожи экономические системы рабства, феодализма или капитализма.

5. Политика и производство. Сколько раз на земле был построен социализм?

Говоря пока только о производстве и экономике, мы надеемся, что показали достаточно убедительно различие хозяйственных механизмов в зависимости от целевой функции производства. Но, помимо решения внутривы производственных проблем, каждая хозяйственная система требует и внешнего обеспечения.

Зачем оно нужно, спросит иной читатель. Коль скоро автор показал возможность построения производственно-хозяйственных систем (назовем их экономическими системами), адекватных любой возникавшей ситуации, то пусть бы они и менялись себе спокойно с изменением внешних условий. Это, очевидно, не так. Отбросим пока субъективный фактор. Обратимся к объективным закономерностям. В главе «Родимые пятна государственности» мы показали, что мотыжное земледелие потому и было мотыжным, что для прокорма рабочего скота в древнеземледельческих цивилизациях не было достаточного количества пастбищных угодий. И этого скота там просто не было. Допустим, Сахара вдруг снова стала бы цветущей лесостепью. Разве можно было бы ирригационным земледельцам в одночасье снова стать вольными скотоводами при отсутствии достаточного количества скота?

Это простейший пример. Однако вся история хозяйствования говорит о том, что очень трудно при изменении условий изменить хозяйственную структуру, переналадить орудия, переучить персонал, изменить систему коммуникаций и решить массу т. п. задач. Именно поэтому первая реакция человека на изменение условий, влияющих на производство, — это Сохранение (или восстановление) непроизводственными способами старых условий. При этом, зачастую, не важно, в какой степени они были благоприятны.

Вспомним, чтобы выбраться из ресурсно-экологического кризиса, разразившегося в бассейнах и долинах великих тропических рек, человеку нужно было создать такую внеэкономическую структуру, как государство — коллективного людоеда, единственная положительная роль которого состояла в создании механизма концентрации слабо понимающих друг друга и враждебных друг к другу людей для решения неких общих задач. Решение этих задач привело к созданию принципиально новой системы хозяйства. Эта система характеризовалась целевой функцией достижения максимума отношения продукции к используемым земельным ресурсам.

Раз возникнув, государство, как один из инструментов управленческой структуры, продолжало существовать. Его уже использовали для обеспечения внешних условий при сложившейся системе хозяйствования. Не стало хватать рабов — пошлем армию в поход за пленниками. Не менять же хозяйственную структуру.

Аналогично в XVII-XX веках рассуждали руководители колониальных государств. Не хватает ресурсов для бурно развивающегося производства — возьмем их в колониях, не перенастраивать же систему хозяйства, где эффективность производства измеряется деньгами. А ведь деньги в первую очередь оценивают (а следовательно, экономят) только затраты труда, живого либо овеществленного в орудиях (правы были в этом классики марксизма). Вот и дымили канонерки у чужих берегов, стимулируя менее продвинутых в технике дикарей делиться ресурсами, которых не было в Англии или Франции.

А вот кочевникам ни ископаемые, ни люди не были нужны. Им была нужна территория. Зачем кочевнику рабы, если скот сам пасется. Поэтому они просто уничтожали людей и хозяйственную структуру на завоеванных территориях, чтобы там не могло снова возникнуть оседлое население, занимающее землю, на которой должны пастись стада. Это потом, когда кочевники вошли в контакт с рабовладельцами-мелиораторами, они часть пленников начали продавать им. Но это побочное замечание. Нам важно другое. Кочевники тоже не собирались отказываться от своей системы хозяйства, а использовали собственные слабо оформившиеся государственные, и прежде всего военные, структуры для достижения оптимальных условий при сложившейся у них системе хозяйства.

И в СССР 1930-х годов также использовалась вся мощь государства, чтобы обеспечить возможность расточительного расходования трудовых ресурсов. Интересно, что пока в конце 20-х годов промышленность только набирала обороты, когда массу безработных еще нельзя было обеспечить орудиями труда и «дать им фронт работ», вопрос о коллективизации не вставал. Сталин даже поддерживал Бухарина. Однако, когда в самом начале 30-х годов расширяющееся производство, не привыкшее экономить трудовые ресурсы, потребовало их, была сменена не целевая функция этого производства, а была произведена организованная государством «трудовая интервенция» из деревни на заводы, фабрики и рудники.

Приведенные примеры этого раздела не представляют некой системы. Мы просто показали, что сплошь и рядом сложившимся системам хозяйства активно помогает государство. Это произошло с самого начала возникновения данной структуры.

Однако государство не только может обеспечивать функционирование уже работающего хозяйственного механизма, но и являться инициатором создания новой хозяйственной парадигмы. Вспомним, что зародилось государство во время краха кочевого скотоводства. Именно благодаря государству стало возможным мотыжное поливное земледелие. Можно привести и более близкие примеры такого рода.

Современные западные государства, испытав экологический кризис, проводят своеобразную революцию, заставляя хозяйственную систему перейти на новую

целевую формулировку, стимулируя производителей учитывать прямые и косвенные затраты природных ресурсов своих стран, ибо капиталистическая производственная система сама по себе этого не может сделать (при этом, однако, те же государства продолжают мировую борьбу за ресурсы чужих стран).

Последовавшая после Великой Отечественной войны «вялая капитализация» СССР, завершившаяся перестройкой, в хозяйственном отношении была тоже не чем иным, как реакцией на утрату избыточности в трудовых ресурсах (результат войны). Их нельзя было расходовать расточительно. В целевую формулу надо было ввести учет расхода трудовых ресурсов.

В данных построениях мы предполагаем, что государство поддерживает определенную систему хозяйства, а в некоторых ситуациях заставляет ее измениться, спасая от катаклизмов (хотя и действует не всегда успешно и адекватно условиям, но это другой вопрос). Крах системы хозяйства принесет крах государству. Мы отдаем себе отчет в том, что не все так просто, однако в первом приближении мы принимаем именно эту схему.

Однако государство, создавая внешние условия для функционирования системы хозяйства, должно иметь в своем распоряжении определенные средства для этого. Тут могут быть разные модели. Одной из них является модель, когда государство одновременно является и некой внешней, по отношению к собственно хозяйственной системе, силой, и единственным собственником всех ресурсов, орудий, территорий и, фактически, людей. Последнее не обязательно понимать как рабство древнеегипетского типа. Здесь важно понять, что человек перед государством просто не имеет никаких альтернативных (негосударственных) возможностей жизнеобеспечения и, следовательно, никаких прав, хотя может и достаточно комфортно жить.

Такая система собственности была во всех древнеземледельческих первых цивилизациях Египта, Месопотамии, древнего Китая. Подобная система собственности была у майя, инков, ацтеков. Почти такая же система была в средневековых цивилизациях долины Аму-Дарьи. Эта система собственности, а еще шире — система управления — очень эффективна для решения экстремальных задач, когда производство по тем или иным причинам заходит в тупик.

Мы не будем дальше держать читателя в неопределенности и скажем сразу: именно такую управленческую структуру мы называем социализмом. Все построения Маркса и его последователей в этом вопросе представляются нам достаточно пугаными. Единственным однозначно понимаемым признаком социализма из всех марксовых выкладок представляется госсобственность на все виды ресурсов, включая трудовые. И известная полемика по этому поводу Энгельса с Дюрингом не является здесь аргументом. Энгельс не смог

противопоставить Дюрингу никакой управленческой и экономической реальности или хотя бы реальности мысленного эксперимента, реальности ситуационной. Социализм есть госсобственность на все, И другого социализма нет. Так примерно утверждал Дюринг. И жизнь показала его правоту.

В противовес этому утверждению можно было бы привести только два существенных аргумента, но и они не выдерживают никакой критики.

Аргумент первый. Социализм является прежде всего обществом, обеспечивающим социальные гарантии. Это не так. Не только социализм дает социальные гарантии. И не он как таковой обеспечивает возможность их реализации. Подробнее этот вопрос мы рассмотрим ниже.

Аргумент второй. Социализм — это общество, реализующее идеологию равенства. Я вынужден извиниться перед читателями, но подобные утверждения я бы не рассматривал, как не рассматривают патентные бюро проекты вечного двигателя. Идеология не есть наука. С помощью идеологии опытный демагог может представить наилучшей любую управленческую структуру.

А вот жизненный опыт свидетельствует, что социальное неравенство при социализме отнюдь не уменьшается. Скорее наоборот. Так было в годы Гражданской войны, когда голодающим и вымирающим населением управляла дорвавшаяся до царских палат обжираловая банда большевиков. Так было практически во все годы Советской власти, за исключением последних десятилетий, когда практически началась «ползучая капитализация» социалистического режима. Аномалии структуры потребления на различных слоях общественной пирамиды в СССР очень напоминают Древний Египет, Вавилон, Ассирию и т. п. государства.

Таковы реалии. А идеология — дело, извините, десятое. Далеко за примерами ходить не надо. Сколько политических деятелей, далеких от христианских принципов равенства и всеобщей любви, также успешно использовали христианство отнюдь не в христианских целях? И ничего. Чем же лучше социалистическая идеология всеобщего равенства в условиях вопиющего неравенства в жизни соцстран?

Итак, социализм есть общество с господством госсобственности. Но если социализм именно таков, то его можно представить на любом витке общественного развития. Социализм мотыжного земледелия — это древний Египет и другие древнейшие цивилизации. Социализм в эпоху «коня, быка и железного плуга» — это средневековые государства Аму-Дарьи и средневековый Китай. Социализм индустриальной эпохи — это СССР 1930-х годов.

Менее четко оформленный вариант индустриального социализма — национал-социализм в Германии и фашизм в Италии. Эти структуры, что характерно,

сформировались в результате длительного периода безработицы, т. е. избытка трудовых ресурсов.

Социализм эффективен всегда, когда назревает ресурсно-хозяйственный кризис при избытке (фактическом или потенциальном) трудовых ресурсов. Избыток трудовых ресурсов обязателен, ибо, как мы показали в главе «Родимые пятна государственности», изначальная природа государственных институтов состоит в их ориентации на экстенсивную Эксплуатацию этого типа ресурса. Социализм нацелен на эффективное решение любого кризиса через экстенсивную эксплуатацию трудовых ресурсов. При реализуемости данной стратегии социализм — наиболее конкурентоспособный способ управления.

В кризисных ситуациях иной природы, когда трудовые ресурсы недостаточны, государственное регулирование не может быть пущено на полную мощь. Оно имеет место быть. Но при этом государство вынуждено самоограничиваться (или быть ограниченным обществом) в методах, а, следовательно, не столь эффективно и в результатах.

Когда, в какой последовательности, в рамках каждой хозяйственной парадигмы наступают кризисы того или иного характера, совершенно не ясно. Поэтому закономерности наступления социализма в той или иной хозяйственно-производственной формации совершенно непредсказуемы априорно (хотя, зная текущую ситуацию, ближайший кризис можно предсказать). Таким образом, этот процесс исторически индивидуален. Все мотыжное ирригационное земледелие во всех без исключения странах было с самого начала социалистическим. А в индустриальном обществе социализм был не везде, и то только на финальных этапах развития этого общества в преддверии перехода к постиндустриализму.

Наряду с государственной имеются и иные виды собственности. Однако уже рассмотрение периодов господства госсобственности, где не выявляется никакой тенденции и никакой периодичности, позволяет нам утверждать, что сами по себе смены форм собственности не являются основной системой для понимания закономерностей развития человеческого общества.

6. Реалии прогресса. Преодоление марксизма

Тем не менее, очень многие ученые видели, а скорее интуитивно ощущали некие закономерности последовательного необратимого развития человечества. Действительно, есть же разница между первобытным охотником-скотоводом и инженером конструкторского бюро. Есть же разница между разбросанными по необъятным просторам земли разрозненными группами землянок и шатров и сетью современных городов. Конечно, есть, и вроде бы развитие достаточно последовательно идет в определенном направлении.

Именно это, скорее интуитивное, видение развития попытался научно

сформулировать Маркс. В то время, когда он писал свои основные труды, только начала оформляться теория эволюции, практически не было антропологии, никто не рассматривал производство как систему управления. Наука об управлении появилась только после смерти Маркса, еще не были поставлены и не изучены экологические проблемы, роль знания как фактора производства тоже не была оценена (патентное право оформилось уже после написания основных трудов Маркса и Энгельса).

Как мы показали выше, именно эти отрасли знания активно используются в решении тех проблем, о которых так много писал Маркс. Поэтому совершенно очевидно, что он просто не мог не то что правильно решить их, но во многом даже правильно поставить. Как мы показали (надеюсь, убедительно) в главах «Экология антропогенеза» и «Родимые пятна государственности», все построения марксизма в области происхождения человека, причин и процессов возникновения государства просто безграмотны.

С другой стороны, именно Маркс попытался охватить сразу огромный пласт проблем в их совокупности, интуитивно почувствовав их связь. Не нам судить: чем это было — научной смелостью или научной наглостью. Однако не при помощи марксизма могут быть конструктивно решены данные проблемы. Здесь гораздо ближе к их решению подошел В. И. Вернадский и его последователи.

Этими рассуждениями мы подводим предварительный итог имеющимся в данной работе полемическим упоминаниям классиков марксизма с их классами, формами собственности, теорией политической борьбы, которая зачастую есть не борьба, а просто возня. Именно возня, в которой современных политиков намного превзошли бы вожаки стад шимпанзе, умей они говорить. Это данные этологии, современной науки о социальном поведении животных, а не эмоциональные оценки автора.

Вместе с тем наш итог не может быть окончательным. Ибо Маркс, к сожалению (или к счастью?) затронул слишком много вопросов, на которые сам не дал ответов, хотя попытался представить их решенными. Но которые, тем не менее, требуют решения в рамках формирования целостного мировоззрения.

Итак, не смена форм собственности определяет направление поступательного развития человечества.

Развитие человечества определяется, прежде всего, увеличением орудийного парка, его совершенствованием, расширением круга природных ресурсов — как тех, что вовлечены в процесс производства, так и тех, что могут быть вовлечены в производство, исходя из существующего объема знаний. Разумеется, постоянно, пусть и с некоторыми колебаниями и потерями, расширяется круг знаний человека о природе и о себе. При этом возврат к старому невозможен. Природа постепенно теряет объем и качество своих ресурсов. Сейчас даже для

самых скромных потребностей древнего человека не хватило бы месторождений самородной меди — они исчерпаны. А древним охотникам (даже если бы их осталось на земле всего несколько миллионов) негде было бы устраивать свои огненные загоны и некого загонять.

Поэтому, назад дороги нет. Нет пути не только к охоте, но и к более поздним типам хозяйства. Сейчас уже нет тех почв, которые прокормили бы полностью человека с мотыгой.

Да только ли возврат назад есть гибель? Разве не «звереют» современные государства в борьбе за нефть, которая все равно кончится по прогнозам пессимистов через 25 лет, а оптимистов — через 150 лет. Никакая война за ресурс здесь не поможет. Или человек найдет «у себя под ногами» новый вид энергии, заменяющий дефицитную нефть на более доступный источник энергии, как в свое время заменило распространенное в любом болоте железо дефицитную медь, или он вымрет. Так что не только возвратиться, остановиться — и то нельзя. И человечество, понявшее это, не останавливается.

Мы в данном случае не рассматриваем вопрос о тупиках развития. В них попадают не от самого процесса развития, а от неумения прогнозировать и управлять его последствиями. Человек падает в яму не только и не столько от того, что идет или бежит, а от того, что не смотрит под ноги.

Есть ли все же остановившиеся? И были ли они раньше? Есть и были. Но все, кто остановился, рано или поздно отдавали свои ресурсы, земли и жизни тем, кто находил в себе силу и волю идти вперед. В самом начале пути человек, только становящийся разумным, силой огня победил обленившихся превосходивших его физически громил. Потом кроманьонец победил неандертальца. Потом владеющие железом победили владеющих медью. Ружье победило меч, и так вплоть до атомной бомбы.

Итак, сам процесс выживания, будь это в условиях мира, войны или хитрого невоенного противоборства, требует от человека развития, увеличения объема знаний и овеществления их в орудиях. Мы не устанем повторять: «Без развития нет выживания, без наращивания знаний нет развития».

Таким образом, орудийный парк человечества аккумулирует в себе все большее количество знаний. Все большее наименование возможных ресурсов может использоваться в производстве и идти на потребности жизнеобеспечения человека. В то же время ранее вовлеченные в производство виды ресурсов литосферы исчерпываются, а возобновимые ресурсы биосферы требуют все больших усилий для предотвращения экологических кризисов.

Однако это чисто производственные аспекты, характеризующие необратимость процесса развития. Есть ли у этого процесса социальная составляющая?

Конечно же, есть. Все большая энерговооруженность и интеллектуализация труда предъявляют все большие требования к персоналу и, следовательно, требуют, с чисто прагматических позиций, все более бережного обращения с трудовыми ресурсами.

В чем это выражается, покажем на следующем примере. Для воина-пехотинца желательно быть сытым. Однако и голодный пехотинец тоже вполне может воевать. Голодный летчик сверхзвуковик по физиологическим ограничениям, в **принципе, не может** производить полеты.

Военнослужащий, специфика деятельности которого предполагает определенную квалификацию и определенную «бережность» отношения к нему со стороны начальства, обычно является офицером, а не солдатом. В наиболее «древнем» роде войск — пехоте — доля офицеров составляет несколько процентов, в современной авиации офицеров около половины. Таким образом, прогресс вооружения требует предоставления офицерского статуса все большему числу военнослужащих.

Мы привели здесь армейский пример только вследствие его наглядности. Но он демонстрирует всеобщую тенденцию повышения социального статуса трудящихся с усложнением производства. Причем это *не результат благих пожеланий или борьбы классов, а внутреннее требование самого производства*. Другое дело, что по причине инерционности социальных систем такое повышение статуса часто запаздывает. И достижение адекватного состояния часто предстает в виде некой политической борьбы (а иногда по «закону маятника» захватывается и неоправданно большой объем прав и гарантий, превращающихся в привилегии). Однако суть дела не в перипетиях и издержках этой борьбы, а в объективных закономерностях развития.

Таким образом, повышение научно-технического уровня оружейного парка с неизбежностью определяет (в среднем, на уровне тенденции) повышение уровня материальных благ и уровня психологического комфорта основной массы населения. Разумеется, идет и повышение уровня образования населения. Иными словами, происходит неуклонное (опять же на уровне тенденции) повышение уровня социальных гарантий населения. Это и есть то, что называют социальным прогрессом человечества.

Как видим, социальные гарантии и социализм отнюдь не одно и то же. Если социалистическое государство ставит перед собой цели ускоренной модернизации производства, то, расточительно расходуя на начальном этапе модернизации трудовые ресурсы, оно затем, по мере достижения поставленных целей научно-технического развития, объективным ходом истории вынуждено ускоренно вводить социальные гарантии для все более квалифицированной массы населения.

Наша схема вполне объясняет особенности развития России в XX веке, Сумма социальных гарантий в 30-е годы, за исключением гарантии от безработицы и возможности получения образования (что соответствовало требованиям ускоренной индустриализации), была минимальной. Для этого достаточно послушать рассказы людей, живших и работавших в то время. Бараки и коммуналки в качестве жилья. Скудное питание строжайшие правила выдачи больничных листков о нетрудоспособности, да и то на очень ограниченные сроки. И это в то время, когда значительная часть людей в лагерях вообще была обречена на гибель.

Социальные гарантии более поздних времен, которые с такой ностальгией воспринимаются сейчас, появились не ранее, чем модернизированное хозяйство потребовало квалифицированного персонала. Однако и в это время затраты на социальные нужды в СССР ни в абсолютных, ни в относительных цифрах не превышали аналогичных затрат в США, но были намного меньше. Например, в 1988 году по всем источникам финансирования на здравоохранение в СССР было выделено 25,5 млрд рублей, в США — 200 млрд долларов, на образование соответственно — 46,7 млрд рублей и 300 млрд долларов, на охрану труда в пересчете на одно рабочее место соответственно — 55 рублей и 280 долларов.

Нынешний упадок социальной сферы в России не более, чем следствие упадка технического уровня производства, ориентированного на добывающие отрасли, требующие минимальной квалификации занятых в них, свертывания фундаментальной и прикладной науки и образования. Если мы хотим возрождения социальной сферы, нам надо добиваться модернизации хозяйственного комплекса, а не плакать о потерянном рае социализма.

И последний аспект проблемы развития. Научно-технический и социальный прогресс, очевидно, меняют образовательный уровень населения, его мировосприятие, даже психологический облик и психофизиологические особенности (напомним приводимый ранее в главе «Экология антропогенеза» пример о нарастании доли людей со «спринтерским» адаптационным типом в более развитых регионах). Добавим к этому примеру еще один. Со временем человек получает все больше зрительной информации. Как показали исследования, согласно ряду косвенных данных можно утверждать, что еще в бронзовом веке человек получал не менее 15 % информации звуковой и не менее 5 % через обоняние и осязание. На зрение, таким образом, приходилось не более 80% всей информации. Современный человек получает не менее 90 % зрительной информации, около 9 % звуковой и не более 1 % через обоняние и осязание.

Можно ли при этом говорить, что все сферы, связанные с чувственным восприятием и духовными запросами человека, могут оставаться неизменными в процессе развития человека, столь радикально меняющем даже его физиологию чувств? Разумеется, нет. Поэтому мы наблюдаем радикальные

смены религиозных систем, эстетических критериев, типов искусства и культуры.

Мы не утверждаем, что, помимо указанных нами факторов, не существует других причин подобных перемен. Мы не утверждаем также, что в самой культуре отсутствуют внутренние закономерности развития. Отнюдь. Все это имеет место, но автор, не являясь специалистом в данной области, не берется судить об этом.

Однако мы утверждаем другое. Даже названных нами психофизиологических факторов достаточно, чтобы утверждать, что смена религий, мировоззрения, искусства и культуры со временем неизбежна. И эти сферы человеческого бытия оказываются, как правило, однозначно связанными с определенными этапами развития цивилизации, государства и самого человека.

Именно подобные этапы развития, закономерно сменяя друг друга, образуют череду общественно-экономических формаций. Сама суть смены формаций определяется, как мы только что показали выше, процессами научно-технического развития, процессами взаимообусловленной эволюции биосферы, техносферы (в расширенном толковании данных терминов) и самого человека. Однако в силу специфики общественных наук в центре внимания соответствующих исследователей оказываются не эти процессы, а варианты оформления их последствий в нормах права, религии, культуры, этики и т. п.

Мы далеки от утверждения, что традиционное обществоведение исчерпало свои возможности. Однако для понимания глубинной сути проблем развития человечества и цивилизации необходимы усилия прежде всего инженеров, экологов, антропологов и, конечно же, специалистов по управлению, системологов и системотехников. Именно такой системный взгляд поможет правильно оценить проблемы и перспективы развития человечества.

7. Продолжение темы. Деньги, деньги...

Специфика ситуации в России в те годы, когда пишется эта книга (конец 1990-х - начало 2000-х годов) такова, что «все просто помешались на деньгах». Не обошло это и идеологов. У представителей разных течений деньги то выступают причиной всех зол современного либерального общества, то чуть ли не главным двигателем прогресса.

По нашему мнению, в обоих этих случаях имеет место либо откровенное непонимание, либо пропагандистский перехлест.

Сразу подчеркнем, нам ненавистен паразитизм ростовщиков, прикрывающихся «либеральными» идеями. Это наше отношение к данной социальной группе и к данному явлению должно быть достаточно очевидным читателю из всей нашей книги.

С другой стороны, нам ясно, что вполне понятная ненависть любого труженика и творца к ростовщичеству, являющемуся неотъемлемой частью либерально-капиталистической модели, используется зачастую иными «певцами» архаики и регресса в качестве инструмента для дискредитации весьма широкого круга идей и тенденций, далеко выходящих за рамки капитализма и либерализма.

Именно поэтому стоит рассмотреть вопрос: при каких условиях деньги могут приносить доход и быть товаром? И почему именно в современном западном обществе получило массовое распространение это явление?

Рассмотрим сначала проблему в чистом виде, по возможности **без паразитарных искажений**. В таком случае деньги есть просто мерило неких товарных потоков. Об этом мы говорили выше в начале настоящей главы.

В данном случае уместно опять обратиться к началу главы и вспомнить образную аналогию материальных объектов производственного назначения с «парусом». С помощью этого «паруса» удастся уловить большие объемы материалов и энергии (в частном случае энергии человеческого труда), нежели те, которые затрачены на его «пошив».

Например, если применить энергетический эквивалент, на постройку гидроэлектростанции затрачивается гораздо меньше энергии (по всей соответствующей технологической цепочке), чем она даст за время своей работы.

Это правило верно для любого производства. За исключением случаев, когда производство деградирует, а население вымирает. Другое дело, что в большинстве случаев этот «повышающий коэффициент» не столь высок. В архаических обществах выигрыш (или прибыль, в расширенном понимании данного термина) не превышает 10%.

В данном случае мы оставляем за скобками проблему «качества» энергии. Действительно, с точки зрения ценности **для жизнеобеспечения человека** одна калория в нефти не равна одной пищевой калории. И трата 10 калорий горючего на создание одной пищевой калории еще не означает нефункциональность цивилизационной модели.

Впрочем, исследователи цивилизационных моделей, пытающиеся создать энергетические характеристики всей совокупности технологий тех или иных производственных укладов, давно отметили эту проблему. Было даже предложение ввести понятие «эксэргии», или энергии, умноженной на определенный «коэффициент ее ценности» для жизнеобеспечения человека.

Впрочем, так или иначе, но и по отдельным видам производства и по всей совокупности технологий теоретически возможно оценить затраты различных

типов энергии. И здесь теория только подтверждает интуитивно очевидный вывод — в нормально функционирующем производственном «мегакомплексе» производится больше, чем тратится на производство.

Пусть это звучит несколько некорректно, но непредвзятому читателю, очевидно, понятно то, что мы имеем в виду.

Однако вернемся к нашему изложению. «Производственный выигрыш» становится очень высоким, если происходит радикальная модернизация, когда в производство начинают вовлекаться большие объемы доступных ресурсов, которые ранее не могли быть использованы по техническим причинам.

Напомним, что именно такой была ситуация становления цивилизации огненных охотников. Именно с такого гигантского выигрыша и начинался современный человек разумный. Именно такая ситуация является идеальной **согласно биологической природе** человека как вида. Именно это положение зафиксировано в легендах большинства народов земли как «золотой век».

Этот пример можно назвать получением сверхприбылей от внедрения достижений очередной НТР.

Другим примером подобного рода является случай, когда более развитое производство начинает использовать ресурсы новых территорий. Тех, где раньше производства подобного уровня не существовало. Этот пример можно назвать получением сверхприбылей от освоения колоний.

В последнем случае, несомненно, имеет место хищничество. Но, подчеркнем, именно хищничество, а не паразитизм. Если следовать нашей терминологии. Заметим также и то, что колониальный захват в итоге будет все же процессом вторичным. Без производственной модернизации бессмысленно вовлекать в дело ресурсы колоний. Их можно разве что одноразово ограбить. Но это все равно, что уничтожить улей, взломав его, для того чтобы достать мед. Данная акция возможна, но не будет длительной.

Итак, основой возможностей реального получения сверхприбылей от вложения сил и средств является все же производственная модернизация. В подобных случаях мы можем потратить деньги на «пошив паруса», и реально **произвести** потом с его помощью гораздо больше, чем потратили.

Еще раз подчеркнем, что в данном случае деньги только способ измерения объема материальных ресурсов. Специфика данной ситуации состоит не в том, что эти ресурсы оцениваются в деньгах, а в том, что целесообразно накопление этих ресурсов.

При этом не простое создание в неких разумных объемах резервов на случай

форс-мажорных обстоятельств (это стараются делать в любом вмняемом обществе в любых ситуациях), а накопление с целью пустить сэкономленные ресурсы в прибыльное дело. Во все расширяющееся производство (прав здесь Маркс, постоянно педалирующий значение **расширенного** воспроизводства при капитализме).

Заметим, что охарактеризованная нами ситуация имела место при формировании современного западного общества. Ниже мы покажем, что это общество есть финальный этап «революции железа», стремительный (по историческим меркам) период окончательного «взросления» железного века. В чем-то аналогичный периоду жизни от 20 до 35 лет современного «здорового приличного мужчины без вредных привычек».

Впрочем, мы несколько забегаем вперед. Пока лишь заметим, что весь период становления современного «западного» общества был периодом непрерывно сменяющих друг друга волн модернизации и колониальных захватов.

В этой ситуации, краткой по историческим меркам, но весьма длительной по меркам человеческим, имелись реальные предпосылки получения «производственных» сверхприбылей. И эта возможность, сохранявшаяся почти непрерывно в течение, по крайней мере, 500 лет, совершенно логично стала восприниматься как естественная.

В данном случае имел место еще один важный момент. Размер сверхприбылей сильно зависел от интенсивности и радикальности модернизации и от интенсивности колониальной экспансии. А эти процессы были весьма различными по темпам в разных странах и для разных производств.

В итоге сложилось следующее положение. С одной стороны, имелись объективные предпосылки для того, чтобы накопление денег (а фактически — реальных средств и материалов, которые можно на них приобрести) и их последующее вложение «в дело» стало рациональным, дающим возможность для получения сверхприбылей. И такое положение послужило базой для возникновения моделей поведения, оформленных потом в т. н. «протестантскую этику».

С другой стороны, рядовой обыватель, имеющий возможность что-то скопить, был, как правило, не осведомлен, где можно получить максимальную прибыль. И он мог «поделиться» этой прибылью с человеком, который (исключим пока мошенничество) знал, где эта прибыль максимальна.

Реально это происходило следующим образом. Владелец денег «продавал» их знающему человеку. Тот, оптимально используя средства, получал сверхприбыль, оставляя часть ее у себя, а часть выплачивал в виде процентов заимодавцу.

Вот вам процесс, превращающий деньги в товар. И для понимания этого не надо трех томов «Капитала». Достаточно только посмотреть на развитие человечества не с точки зрения пресловутой «надстройки», а с точки зрения «базиса». А еще лучше — технологий и ресурсов.

Автор понимает, насколько примитивно, а главное, тривиально выглядят его рассуждения для специалиста. Тем не менее, не все в них так уж тривиально, хотя все предельно просто. Ибо в наших простейших рассуждениях присутствуют три важнейших вывода, которые, конечно же, знакомы специалистам, но которые, как правило:

- а) тонут в море частных;
- б) весьма редко высказываются вместе;
- в) замалчиваются в идеологически ангажированных приложениях экономических теорий.

Первое. Возможность получения сверхприбылей именно в процессе «честного производства», а не спекуляций, на определенных этапах развития цивилизации имеется. Отметим, что именно это наиболее яростно отрицают сторонники архаики и «нераскаившиеся красные».

Второе. Если бы этой возможности не было вообще, в принципе, то вряд ли возникли бы условия для «превращения денег в товар», протестантской этики и т. п. явлений и тенденций, в сумме как раз и составляющих то, что называется иногда «капитализмом», иногда «западной цивилизацией» и т. п. терминами.

Третье. Указанная возможность всецело определяется модернизацией. Таким образом, необходимой предпосылкой для создания условий для возникновения «западного капитализма» является модернизация производства в результате освоения достижений НТР. Желательно, перманентная модернизация.

Нет модернизации — нет капитализма.

Но модернизация есть проявление развития. А как мы показали выше, без развития нет выживания. Таким образом, само выживание (если говорить о гарантированном выживании) естественным образом позволяет на определенных этапах появляться капитализму. Он не противоречит выше сформулированной «этике эволюции».

И эти этапы отнюдь не ограничиваются только определенным периодом «железного века». Они, очевидно, имели место и во всех остальных цивилизационных моделях (о «псевдокапитализме» цивилизации бронзы мы скажем ниже). Более того, будут иметь место и в будущем.

Далее, вопрос состоит лишь в том, является ли капитализм необходимым условием реализации модернизации в странах-лидерах (догоняющую, навязываемую извне модернизацию мы не рассматриваем; ибо если нет «лидерской» модернизации, то нет и догоняющей — некого догонять)?

Или капитализм лишь возможен, но имеются ли другие модели социума, оформляющие модернизацию в странах, начинающих ее осуществление?

Таким образом, проблема рассматривается несколько иначе, чем у Маркса. В центре внимания стоит модернизация. Она первична. И как цель, и как причина формирования тех или иных общественно-политических моделей. А уж являются ли деньги товаром или имеется частная собственность на средства производства — дело десятое. Все это, по большому счету, частности.

От ответа на поставленный вопрос зависит многое. Ибо в одном случае (необходимость капитализма) стоит искать пути смягчения его негативных аспектов и бороться с паразитарными перерождениями вполне функциональных структур. А в другом случае (возможность других, не менее оптимальных, моделей оформления модернизации) следует (или, но крайней мере, можно) бороться с капитализмом как таковым.

Есть, правда, и третий путь — отрицание самой модернизации под видом борьбы с капитализмом. Это отдельная проблема. И мы ее коснемся ниже. Здесь лишь, несколько забегаая вперед, отметим, что отказ от модернизации как таковой — это путь в тупик. Подобный вывод читатель может сделать уже и из материала предыдущих глав. Однако здесь есть много весьма злободневных аспектов. И мы вынуждены будем подробно разобрать их ниже.

Вернемся, однако, к главной теме данного раздела. То, что деньги при становлении современной западной капиталистической цивилизации стали товаром, вполне естественно и оправдано.

Однако паразитарное перерождение очень многих аспектов «денежного варианта» управления экономикой несомненно. Мы уже упоминали выше, но сейчас фактом является то, что мировые финансы уже по большей части представляют собой механизм функционирования паразитарных структур, сложившихся вокруг денежного оборота.

Ибо не более 2,5 % мирового денежного оборота связано с информационным обслуживанием организации мирового товарного потока.

Разумеется, мерзости паразитарного перерождения капитализма не могут вызвать ничего, кроме отторжения. Но для построения правильной стратегии их изживания нужно четко ответить на поставленный выше вопрос: «Возможна ли модернизация без капитализма».

Кроме того, стоит учесть, что одной из альтернатив капитализму является социализм, в нашем широком понимании этого термина. «Прелести» же социализма нам известны. И их тоже не хочется переживать вновь.

Не будем далее попусту интриговать читателя. Ответы на все эти вопросы у нас есть. И мы их дадим ниже. Они будут не «по Марксу». Но и не в стиле неолиберальных критиков марксизма. И не в стиле дремучих традиционалистов.

Забегая вперед, лишь заметим, что паразитарное перерождение любых структур и моделей особенно сильно проявляется тогда, когда эти модели начинают разрушаться изнутри. Чтобы понять, почему же с капитализмом это неоднократно происходило и происходит сейчас, надо четко уяснить, что капитализм возможен без экспансии и без эксплуатации.

Но капитализм невозможен без модернизации. Именно с ослаблением темпов модернизации, ее прерывистым, непостоянным характером в прошлом были связаны кризисные явления в капиталистическом обществе.

Помимо всего прочего, это наше утверждение вполне корреспондируется с теорией кондратьевских циклов. Напомним, в рамках этой теории кризисы капиталистического производства связаны с определенными этапами периодически повторяющегося масштабного технического перевооружения.

Однако наше утверждение имеет еще более общий характер. Не только пресловутые кризисы, но абсолютно все кризисные явления капитализма, весь комплекс паразитарных перерождений его структур, опасность вообще скатиться в феодализм — порождены замедлением модернизации или ее прекращением.

Именно резкое ослабление модернизации при всех внешних проявлениях НТР (как мы покажем ниже — виртуальной НТР) во второй половине XX века стало причиной того, что мир катится к новому витку социал-феодализма. Капитализм без модернизации погибает. Он гниет на корню. И поэтому столь пышным махровым цветом расцветают паразитарные перерождения капитализма.

Нынешние денежные спекулянты затормозили выход на новый виток НТР (при всей видимости «перманентной модернизации» последних лет, но модернизации фиктивной, виртуальной). Тем самым они проложили путь к своей собственной гибели.

Впрочем, об этих проблемах мы поговорим несколько ниже. Здесь же будет уместно коснуться еще одной весьма интересной проблемы, связанной с деньгами. Как мы только что показали, превращение денег в товар и их видимое всесилие свойственны именно классическому капитализму.

Но еще раньше было показано, что целевой функцией «классического»

капиталистического производства в развитых странах была максимизация отношения выпуска продукции к затратам трудовых ресурсов. И в данном случае Маркс абсолютно прав, формулируя теорию «трудовой стоимости» товаров.

Более того, деньги идеально подходят именно в качестве мерила затрат труда. Тем более это качество в неявном виде было затвержено в мировом масштабе после становления капитализма и промышленной революции.

В классическом случае, при избытке ресурсов для производства, деньги, выражая в первую очередь затраты труда, действительно всесильны, как всесилен сам труд. Люди обмениваются плодами своих усилий и имеют полное моральное право предлагать **любые** свои услуги в обмен на услуги других.

Ситуация коренным образом меняется в феодально-социалистическом обществе, испытывающем дефицит ресурсов. Здесь стоит сделать одно разъяснение. Дефицит времени тоже есть дефицит одного из видов ресурсов.

А в производстве дефицит времени — это отсутствие материальных фондов и инфраструктуры. Ибо даже при наличии природных и трудовых ресурсов необходимо некоторое время, чтобы они стали набором готовых изделий и коммуникаций. Есть некое видимое противоречие в том, что деньги, если понимать их как мерило аккумулированного в продукте живого труда (т. е. в итоге — того же рабочего времени) не могут в условиях дефицита времени восполнить этот дефицит. В итоге «время» не в силах восполнить... «времени».

Однако это противоречие мнимое. Чтобы заменить в условиях дефицита времени «то, что надо», «тем, что уже сделано», надо иметь большой запас разнообразных продуктов. Только тогда с помощью денежного механизма можно сразу купить то, что надо. Если же этого запаса нет, то, помимо затраты денег, надо еще ждать, пока на эти деньги товар будет **не куплен**, а сделан, т. е. помимо денег нужно еще живое время.

Подчеркнем, в классической капиталистической экономике эта проблема весьма четко понимается. Хозяйственный механизм Запада всегда функционирует с большими резервами товаров и еще большими резервами производственных мощностей. Без этого резервирования просто нет рынка в западном понимании.

Таким образом, эффекты от дефицита природных ресурсов (как В Древнем Египте) или дефицита производственных фондов при наличии природных ресурсов (как было большую часть времени существования СССР) приводят к одним и тем же социально-экономическим тенденциям.

Но, как мы показали выше в главе «Родимые пятна государственности», в подобной ситуации дефицит ресурсов не компенсируется трудом, а следовательно (в рафинированно чистом случае) — деньгами.

И тогда возникает вполне закономерная, естественная для данного положения ситуация, когда «за деньги всего не купишь».

Вопросом вкуса остается выбор, что лучше — жить там, где «все покупается и все продается», или там, где «ничего просто так не купишь».

Однако наиболее интересная проблема в другом. Мы уже упоминали ранее, что хозяйственный механизм консервативен. Буржуа, даже перед лицом ресурсного кризиса, не будет спешить ограничивать свое потребление и свои прибыли. А бюрократ, видя угрозу для себя в «жиреющем» народе, поспешит в целях самосохранения создать дефицит. Ибо, напомним название одной из предыдущих глав, император не заинтересован в процветании империи.

Несомненно, перед СССР стояло много неотложных задач, которые надо было решать с помощью напряженных планов. Но, тем не менее, при взгляде на наше недавнее прошлое невольно напрашивается вопрос: всегда ли напряженность планов была вызвана реальной необходимостью? А может быть, очень часто «планов громадье» было просто механизмом создания дефицита времени?

Ведь в условиях такого дефицита государство проявляет свое несомненное превосходство как управленческая структура. А круги, заинтересованные в феодально-социалистической модели развития, всегда очень тонко, на интуитивном уровне, чувствуют, что надо, чтобы государственная машина не испытывала эрозии.

В этом месте иной дотошный читатель определенных взглядов может ехидно заметить: «Ишь ты, иррациональность поведения буржуа покритиковал в одной строке, а перекосы социализма в двух абзацах». Дорогой социалист! Капиталистическую действительность я знаю лишь в теории. Поэтому о ней пишу лишь то, что можно узнать из книг и вывести логически.

И не надо говорить, что в России уже более десяти лет капитализм. В России на рубеже тысячелетий осуществляется модель, совмещающая режим колонии и остатки феодально-социалистического режима. Это отнюдь не то, что можно назвать капитализмом в его классическом понимании.

Итак, капитализма автор не знает из непосредственного личного опыта. А вот социализм нам знаком досконально. Поэтому о чем больше знаю, о том и больше пишу.

Но по смыслу и духу данной книги любой беспристрастный читатель может понять, что нам **одинаково** противен и лицемерный западный капитализм, и хамский социал-феодализм.

Мы ищем свой русский путь. Путь, намеченный русским академиком Вернадским. И не надо ставить нас перед ложным выбором между нерусским

Марксом (коммунизм) и нерусским Хайеком (неолиберализм).

8. Специфика нынешнего момента. Противоречия развития. Замечание о военной разведке. «Негосударственное» государство

Современный этап развития человечества является в определенном смысле переломным в его истории. Это не значит, что подобные переломные этапы не случались ранее. Мы показали в главах «Экология антропогенеза» и «Родимые пятна государственности», что по глубине изменений более ранние этапы были отнюдь не менее кардинальными, чем нынешний. Однако для нас по вполне понятным причинам наше время представляет наибольший интерес. Итак, особенности современной ситуации таковы.

Первое. Невозможность крупномасштабных войн, соответствующих современным техническим возможностям. Это, однако, не означает, что мир стал добрее. Он стал сильнее и умнее. Современная война бессмысленна, ибо для любого победителя потери многократно превысят его трофеи. И мир (вернее его наиболее развитые страны) это осознает. Однако осознание этого факта не приводит к однозначному отказу от попыток реализации стратегии захвата.

«Бескровной» реализацией такой стратегии стал неэквивалентный торговый обмен, осуществляемый благодаря особенностям сконструированной Западом мировой финансовой системы. Мы не будем здесь более подробно развивать данный тезис, он достаточно подробно будет проиллюстрирован нами ниже в третьей части, в главах «Россия и золотой миллиард» и «Россия в новом мировом порядке».

Второе. Появление ресурсно-экологических кризисов, вызванных косвенным воздействием на биосферу (загрязнения). Вовлечение новых видов ресурсов сразу требует высокой степени полезного использования (чем ниже коэффициент полезного использования, тем выше объем отходов на единицу полезной продукции). Фактически там, где раньше на отшлифовку технологий, что проявлялось прежде всего в повышении коэффициента полезного использования, отводились десятилетия, если не века, сейчас надо затрачивать на это считанные годы.

В связи с этим резко возросла роль технических наук, помимо всего прочего целенаправленно совершенствующих существующее производство. В современной ситуации нельзя выпускать новое изделие » производство и эксплуатацию, не доведя его до очень высокого уровня в процессе теоретических исследований, компьютерных, модельных Экспериментов, лабораторных и стендовых испытаний. Отныне для гармонично развитого цивилизованного государства дополнительным поощрением будет чистота собственной природы, а не возможность захвата чужих ресурсов.

Третье. Знания, овеществленные в орудиях, стали такой заметной силой, что это

было осознано людьми. Необходимые для поддержания приемлемых темпов прогресса затраты на науку возросли. Возникли целые отрасли информационной индустрии (человеческой деятельности, направленной исключительно на добывание информации, например, метеослужба, картографическая служба, государственная геологическая служба). Наука плюс отрасли информационной индустрии занимают значительную долю в бюджете, а то, что оценено в деньгах, не отдается даром.

Интересно в этой связи привести пример, «осязаемо» показывающий хозяйственный эквивалент знаниям. Известно, чтобы добыть, например, нефть, надо знать, где и как она залегает. По существу, и сама добыча нефти, и получение информации о ее залегании осуществляются в значительной степени благодаря одной и той же технической операции — бурению.

Зачастую затраты на поиск и разведку нефти составляют до 40 % от общих затрат на ее добычу. Однако, если искусный геолог по ряду косвенных признаков (благодаря своим знаниям) правильно определит положение нефтяной структуры, это многократно сократит объемы разведочного бурения. Таким образом, знание одного (или нескольких) человека оказывается эквивалентно затратам труда и оборудования для тысяч метров бурения. Сэкономленных благодаря знаниям средств бывает достаточно для организации добычи практически до половины объема месторождения.

Аналогичных примеров достаточно и в военном деле. Недаром говорят, что один хороший разведчик (источник информации) стоит танкового корпуса (сосредоточение материализованной силы). В идеале, который пока недостижим, гарантия знания о всех замыслах противника резко, на много порядков, сокращает расходы на оборону.

Впрочем, на уровне тенденций это проявляется уже сейчас. Так, согласно исследованиям конца 1980-х годов, один рубль, вложенный в военную разведку, вносит такой же вклад в обеспечение безопасности страны, как 7 рублей, вложенных в силы общего назначения. Заметим, что один рубль, вложенный в стратегические ядерные силы, аналогичен 5 рублям, вложенным в силы общего назначения.

Таким образом, военная разведка с точки зрения обеспечения безопасности страны эффективнее даже ядерного оружия. И, разумеется, гораздо эффективнее толп пехоты (пусть и моторизованной), построенной по имперским принципам. Эта тенденция усиления роли информационной составляющей в любом виде деятельности имеет общий характер. Просто в военном деле она проявляется наиболее ярко в силу большой ценности успеха или ошибки.

В этой связи можно напомнить, что США вдвое меньшими силами выиграли сражения за Мидуэй во Вторую мировую войну, переломив тем самым весь ход

войны на Тихом океане, прежде всего благодаря расшифровке японских кодов. После чего замыслы противника буквально «читались» американцами. Неценима аналогичная роль соответствующих служб союзников и в битвах за Северную Атлантику в середине 1940-х годов.

Весьма интересно, что чем более «технологична» война, чем большая огневая мощь и энерговооруженность войск, тем большую роль играет военная разведка. Это вполне понятно. Чем более мощен любой технологический комплекс, тем более безошибочна и предсказуема должна быть его работа. В противном случае, он представляет большую угрозу прежде всего для собственного владельца или создателя.

В самом деле, пьяного заснувшего возницу лошадь сама может привести домой. Заснувшего за штурвалом летчика вряд ли привезут даже на кладбище. Нечего будет вести.

Итак, экстраполируя охарактеризованные тенденции в будущее, можно утверждать, что недалек тот день, когда военная разведка станет основой вооруженных сил.

Но, повторим, это только частный случай всеобщей тенденции развития цивилизации, информационная составляющая которой становится все более и более важной. В таких условиях передача скромной документации, содержащей результаты некоторых исследований, соответствует передаче результатов труда и материалов, достаточных для производства огромного количества реальных материальных благ.

Разумеется, государствам и субъектам хозяйствования далеко не безразлично, куда пойдут полученные знания. Традиционная стратегия захвата ресурсов дополнилась стратегией захвата знаний. И, более того, специальными стратегиями противоборства в области знаний.

Четвертое. Мы говорили ранее, что стратегия захвата, осуществляемая по принципу «железный меч перерубит медный», фактически поощряла наиболее развитые народы и государства, стимулируя ускорение прогресса. Однако это было верно только до тех пор, пока, во-первых, направления эволюции не были осознаны человечеством и, во-вторых, сохранялась вероятность масштабных конфликтов между наиболее развитыми государствами.

По мере исчезновения указанных факторов стратегия захвата перестает усиливать эволюционную селекцию, а лишь отвлекает силы от сознательного внутригосударственного поощрения прогрессивного развития. Соблазн реализации стратегии захвата у развитых государств становится тормозом прогресса и способствует развитию паразитарных структур.

В этой ситуации только один путь преодоления кризисов остается

перспективным в долгосрочном плане — ускоренное развитие прогресса, в частности, опережающее развитие науки и образования. Но для всего этого нужна определенная концентрация усилий, т. е. усиление роли государства. Однако здесь мы вступаем в некоторое противоречие.

Наиболее перспективный научный поиск и процесс внедрения в производстве идет в творческой атмосфере. Но, как мы упоминали ранее, творчество — это, прежде всего, свобода поиска, творчество не является элементом непосредственного жизнеобеспечения. Таким образом, для создания «творческого изобилия» надо решить проблемы жизнеобеспечения, исходя из наличных ресурсов. В условиях фактической мировой борьбы за ресурсы это может обеспечить лишь достаточно сильное государство.

Между тем государство как структура всегда будет носить «полицейские» черты, которые чужды творческой атмосфере. Гигантские затраты государства на научно-техническое развитие в условиях отсутствия творчества и конкуренции могут использоваться малоэффективно (либо вообще не использоваться). Да и дальнейшая деятельность по реализации научных достижений в практику далеко не оптимальна в «полицейских» условиях.

Ярчайшими примерами такого рода наполнена недавняя история нашей страны. Концентрация усилий, организованная государством, принесла успех в реализации аэрокосмической и ядерных программ. Однако в то же время, несмотря на научный приоритет, были безнадежно утрачены позиции в биологии, электронике, кибернетике. Между тем эти отрасли имеют не только общехозяйственное, но и оборонное значение, что вроде бы предполагало их активное использование насквозь пронизанным силовыми структурами милитаризованным государством.

Таким образом, научно-технический прогресс поставил перед современной цивилизацией одну из труднейших задач — создать управленческую структуру, которая бы могла осуществлять государственные функции концентрации усилий больших масс людей для решения определенных проблем, но при этом отказаться от государственных, «полицейских», по сути «людоедских», форм решения этих проблем.

Заметим, что данная проблема имеет определенную новизну, однако в истории бывали и некоторые аналоги решения подобных задач. Не раз те функции (правда, не связанные с концентрацией усилий), которые обычно вот уже несколько тысяч лет выполняет государство, осуществлялись негосударственными структурами. Классическими примерами здесь служат самоуправляющиеся группы золотоискателей в Калифорнии, на Аляске и в Австралии, а также существовавшее длительное время в раннем Средневековье (кажется, в жутчайшие времена) самоуправление в Исландии. В определенной степени к аналогичным структурам относятся элементы казачьего

самоуправления. Интересно, что эти структуры осуществляли типично охранительные силовые функции, которые обычно не мыслятся вне государственных институтов.

Следует выделить одну интересную черту всех негосударственных структур. Они отдают предпочтение различного рода поощрениям (кстати, не только материальным) перед наказанием. При этом основным наказанием является не убийство или причинение различного рода физических страданий и ограничений, а факт исключения из данной структуры — изгнание из золотоискательского или переселенческого поселка, объявление «вне закона» в Исландии времен викингов, увольнение с работы при капитализме, наконец (а частнособственническая экономика также есть негосударственная структура). Таким образом, основным благом в негосударственных структурах считается сам факт принадлежности к данному сообществу, и лишение этого блага, перевод из «своих» в «чужие» есть самое страшное наказание.

Интересно отметить, что структуры типа мафии мы не можем, исходя из вышесказанного, назвать негосударственными. Это по сути псевдогосударственные структуры, управляемые теми же методами, что и государство. Скажем больше — по сути это рецидив раннего, дикого, еще нецивилизованного государства.

Итак, повторим, основная проблема современного этапа развития управления — невозможность достижения необходимой для современного уровня развития степени концентрации усилий для решения актуальных задач в рамках негосударственных (по характеру стимулирования) структур. Иными словами — это проблема построения «негосударственного государства».

Наиболее масштабной попыткой решения данной проблемы является частнособственническая экономика, которая осуществляет одну из функций, изначально осуществляемую государством, — управление хозяйством. В целом частная экономика более «творческая», однако она даже сейчас не способна обойтись без помощи государства.

Движущей силой частнособственнического уклада, как известно, является буржуазия. Буржуазия не может обойтись без государственной поддержки при обеспечении ей доступа к дешевым ресурсам. Таким образом, буржуазия постоянно балансирует на грани. С одной стороны, она вроде и не желает зависеть от государства, боится государственно-социалистических тенденций. С другой стороны, безудержным потреблением ресурсов она же провоцирует кризисы, из которых ей не выйти без усиления роли государства. Вся история XX века со всеми революциями и мировыми войнами являет собой иллюстрацию этого опасного балансирования.

Есть только один неиссякаемый ресурс — знания. Однако для понимания

важности этого ресурса у буржуазии не хватает образования и культуры, ибо, когда данная социальная группа формировала свою идеологию и социальные стереотипы, роль знаний была еще не столь очевидна. Поэтому буржуазия неадекватно воспринимает роль знаний и технологий в современном обществе. В данном случае правы «левые» критики капитализма.

Но, в отличие от них, мы считаем, что это не ее вина. Это, скорее, беда буржуазии. Возможно, непонимание роли знания, а зачастую просто его неприятие являются инстинктивным нежеланием делиться реальной властью с носителями знаний. Делиться властью с чиновником буржуа исторически худобно, но научен, с интеллектуалом же — пока нет.

Автору могут возразить, приведя примеры гениальных инженеров-предпринимателей типа Генри Форда. Однако не они, а финансовые воротилы определяют лицо современного бизнеса. Последние же не столь технически образованы, а зачастую просто пещерно безграмотны в области техники и естественных наук.

В этом месте дотошный читатель наверняка напомним о самом богатом человеке Земли Билле Гейтсе, который как раз является изобретателем в области программного обеспечения. Увы, Билл Гейтс как раз подтверждает наши рассуждения. Ибо навязанная всему миру (кстати, с помощью государственной помощи в лице ЦРУ и Госдепа США) программная стряпня его фирмы имеет мало общего с техникой и производством. Современная информатика вообще только четвертой частью своих разработок обслуживает реальный сектор.

В остальном она работает на банковское дело, которое стало сейчас почти полностью паразитарным, и шоу-бизнес. Так что студент-недоучка Билл Гейтс отнюдь не бизнесмен-производственник. Он и его корпорация есть техническая служба финансовых спекулянтов и шоуменов. И именно к этим социальным группам примыкают сейчас лидеры т. н. «новой экономики». Впрочем, ниже, в главе «Технические реалии новой цивилизации и ее политические последствия» 3-й части мы еще коснемся данного вопроса.

Поэтому в итоге основным выразителем стратегии научно-технического развития становится государство (это не домысел автора, а вывод Комиссии по конкурентоспособности США, содержащийся в ее докладе за 1992 год). Но тенденции современного мира, как мы показали выше, требуют очень осторожного оперирования институтами государства, ибо пример сверхсильного государства — это социализм со всеми его пороками и тупиками развития.

На примере частнособственнической экономики можно проследить одну интересную закономерность развития. Негосударственные структуры управления, несомненно, более свободные и творческие, чем государственные. Однако они лишены неких механизмов самоограничения.

Поэтому, эффективно организуя производство, а еще шире — жизнеобеспечение, они экономят живой труд и, в целом, интенсивнее потребляют природные ресурсы. Но последние иссякают. И тут, в кризисной ситуации недостатка природных ресурсов (относительный избыток ресурсов трудовых) становятся конкурентоспособнее древнегосударственные, социалистические структуры управления. Государство разрушает самоорганизующиеся негосударственные образования.

Этого не происходит, если недостаток ресурсов бывает преодолен еще до наступления кризиса в процессе новой научно-технической революции. Тогда вводятся в оборот новые, ранее не использовавшиеся виды ресурсов, которые снова оказываются в избытке. В такой ситуации негосударственные структуры опять становятся эффективнее государственных.

Как мы показали несколько выше, именно такая перманентная модернизация и была характерна для всего периода становления капитализма (негосударственной экономики) в Европе и США. И только в таких условиях могли закрепиться стереотипы современного западного общества.

И именно таким образом научно-технические революции XX века спасли буржуазию от уничтожения интернациональным социализмом, или национал-социализмом. С ростом объемов ресурсопользования процесс научно-технической революции должен стать перманентным. Это требование жизнеобеспечения, о чем мы уже не раз говорили. Но, помимо жизнеобеспечения, реализация данного требования непрерывного развития есть единственный шанс для спасения от социализма. Этот путь развития вполне реален. Но для его осуществления необходимо, чтобы буржуазия поделилась властью с носителями интеллекта. Противоречия современного мира определяются неготовностью класса буржуазии сделать это.

Глава 4

Национализм без социализма

1. Повторение пройденного. Эволюция нравов

Настала пора признаться читателю, что включенные в эту книгу работы, и в первую очередь глава «Экология антропогенеза», помимо удовлетворения чисто творческой (в том смысле, о котором мы говорили в данной работе) потребности осознать некоторые научные проблемы, прояснить для себя «картину мира», могут, опять же в полном соответствии с нашей теорией, иметь также прикладное значение: конструктивно Объяснив ряд противоречий современного переломного момента развития Цивилизации, определить наилучшую стратегию выживания для русской нации.

Напомним, что согласно нашим построениям, обезьяна стала человеком благодаря попаданию в исключительную с точки зрения эволюции ситуацию, когда инстинкты стали бессильны. Эту раздвоенность психики человек преодолел благодаря появлению второй сигнальной системы и языка.

Основой, на которой стабилизировалось мировосприятие человека, стало четкое разделение особей одного вида на «своих» и «чужих». При этом **эволюционный смысл имел сам по себе процесс подобного разделения.** Первоначальным **механизмом** реализации этого процесса и его закрепления **на биологическом уровне** стали кровно-родственные связи в группах «своих» и соответственные модели социального поведения. Кроме этого, раздвоение мировосприятия преодолевается в процессе творчества, которое необходимо для здоровья психики так же, как витамины необходимы для здоровья организма.

Однако это изначальное раздвоение так и не было до конца преодолено. Этот процесс продолжается. Тем более он не был закончен ко времени «здания государства. Государство как структура, созданная в момент глубочайшего кризиса, закрепило новые противоречия в психике человека. Эти противоречия были наложены на уже имеющуюся раздвоенность сознания. «Свои» и «чужие» оказались снова трудно различаемыми.

Появилась целая система градаций принадлежности к «своим». Например, свои сородичи. Но это очень узкий круг — семья, но не род и не племя (уничтоженные вместе с появлением государства), а малая его часть. Или сограждане одного социального уровня, просто сограждане.

При этом чисто **биологические механизмы** идентификации своих (за исключением ближайших родственников) оказались совершенно выключены.

Однако все лучшие, чисто «человеческие» качества эволюционно сформировались только по отношению к своим. И это как раз явилось причиной появления новых противоречий в психике человека, о которых мы ранее упоминали.

Если мы будем говорить об «эволюции нравственности», то появление человека разумного — это гигантский рывок вперед. Ни один животный вид не имеет такого устойчивого стереотипа солидарного и альтруистического поведения к столь относительно большой родоплеменной общности, как человек. Однако государство — на много порядков большая общность, чем род. Тем не менее, человек не относится (биологически) к согражданам, как к «своим». Они «полусвои». А по большей части — вообще «не свои».

Государство, тем не менее, было заинтересовано в некоем, не обеспечиваемом биологически, способе самоидентификации подданных (хотя бы, чтобы не подрались). Постоянный баланс страха было необходимо подкрепить чем-то «положительным», хотя бы для верхушечной части государства. И такое подкрепление имело. Вспомним, что язык возник прежде всего как средство групповой самоидентификации. На сознательном и подсознательном уровнях он стал самостоятельным элементом этой самоидентификации. Однако, не будучи подкрепленным другими биологическими и психофизиологическими механизмами, этот элемент не мог обеспечить отношение к соответствующим людям, как к «своим», они были только «четверть свои».

Закрепив язык письменностью, построив на базе языка «государственную культуру» и государственную религию, «верхушка» государства несколько повысила роль языка вообще. Через приверженность к письменному языку и выросшей на его основе культуре, она создала «культурно-языковую» самоидентификацию, имеющую психофизиологическую базу несколько более прочную, чем она была бы при использовании «бесписьменного и бескультурного» языка. Как и все «верхушечные» достижения, культурно-языковая самоидентификация постепенно распространялась и на более низкие социальные уровни.

Повторяем, что это средство самоидентификации было единственным позитивным, обеспечивающим общность населения механизмом в государствах, помимо многочисленных средств голого устрашения и идеологического оболванивания. И именно этот механизм поддерживал в государствах тот минимум взаимной терпимости, то специфическое отношение к согражданам как к «полусвоим», характерное для цивилизованного человека.

Таким образом, сломав (или воспользовавшись сломом) ранее сложившиеся средства обеспечения групповой общности, государство создало новую систему этой общности. Однако лучшие человеческие качества, проявлявшиеся в старой системе, не распространялись на эту новую, невероятно разросшуюся

общность. Выиграв в масштабности, государственная система групповой самоидентификации проиграла в качестве.

Упомянутая потеря в качестве человеческих отношений распространилась и на наиболее биологически predetermined общность людей — семью. Относительно маленькие семейные коллективы, соприкасаясь непосредственно со множеством «чужих», не выдерживают массивного давления иных стереотипов и не соответствуют теперь высоким догосударственным нормам отношений. Правда, автору могут возразить, приведя в пример т. н. патриархальные семьи. Увы, по большей части легенды о таких семьях являются результатом внешних наблюдений и не отражают их истинной сущности.

Хотя, следует заметить, разница в отношениях в различных семьях очень велика. В некоторых из них действительно существует весьма высокий уровень взаимопомощи и взаимопонимания. Но, повторяем, в государстве никогда нельзя было жить, не завися от его влияния. Поэтому в среднем семья как структура не выдержала этого давления.

Итак, человек, так и не успев преодолеть причины изначальной, эволюционно обусловленной раздвоенности сознания, приобрел со становлением государства новый душевный разлад. Конечно же, он стремился и по сию пору стремится преодолеть его (в любви и дружбе, например). Поэтому изначально психологически перспективными представляются любые конструкции, которые дают человеку утраченное чувство «своих». Правда, для верного понимания этого чувства необходимо помнить, какого рода общность на инстинктивном уровне человек может считать своей (в данной связи уместно будет порекомендовать забывчивому читателю вновь обратиться к разделу 3 главы «Экология антропогенеза», где мы описывали эволюцию становления групповых взаимоотношений предков человека).

Рассмотрев с этой точки зрения все попытки построения идеологий солидарности на базе социализма или пуританской патриархальности, мы увидим, что подобные суррогаты не могут дать действенных рецептов обретения чувства «своих». Поэтому их следует рассматривать либо как заблуждение, либо как явное жульничество, эксплуатирующее высокие стремления.

2. Проблемы многоплеменных государств. К пониманию эволюции государственности

Наличие различных по уровню государственного развития образований и их неизбежное взаимовлияние привели в этой ситуации к появлению многих коллизий между «государственной» и реликтовой «племенной» системами самоидентификации. Причем племенные системы всегда находились в

антагонизме с государственными. Идеальный подданный должен был забыть о племени. Однако, если племя продолжало существовать в большом государстве в оформленном виде, его члены просто обирали более лояльных государству подданных, используя эффективные древние механизмы взаимопомощи и коллективной борьбы в интересах «своих».

Поэтому т. н. «имперские нации», являвшиеся ядром больших государств и первыми утрачивающие племенную самоидентификацию, всегда теряли свой демографический потенциал, будучи истощаемыми во внутригосударственной борьбе за перераспределение доходов более сплоченными согражданами из сохранивших себя мелких племен.

Экстремальным примером этого процесса были варианты достижения монолитности правящей группировки по принципу почти племенного обособления верхушки. Но «другое племя» предполагало в идеале и другой язык. А тогда государство лишалось единственно возможного «несилового» скрепляющего механизма. Впрочем, это достаточно экзотический вариант. Тем не менее, в истории имеется масса примеров, когда дворянство той или иной страны считало престижным для себя быть потомками инородцев.

В классических древнеземледельческих государствах и их средневековых аналогах вымирание основной массы населения проходило настолько интенсивно и качественные характеристики его были настолько низкими, что огромные империи были просто вынуждены привлекать для военной службы массы более здоровых и физически развитых окрестных кочевников, не изуродованных государственным гнетом. Поэтому-то в правящих классах этих государств было так много инородцев.

В данной ситуации многоплеменное государство выступает как изначально несостоятельная структура. Формально являясь выразителем интересов основного государствообразующего народа, оно истощает его силы в интересах правящей верхушки, где непропорционально много инородцев, а также в интересах присоединенных племен, упорно сохраняющих свою недостаточную лояльность общему государству, механизмом чего является консервация догосударственных племенных структур.

Интересно отметить, что инородцы в составе правящего класса не обязательно были представителями неких племен, где были более здоровые, с биологической и психофизиологической точек зрения, общественные отношения. В правящий класс империй вливались представители любых инородцев, вышедшие из стран, где государственный гнет был или еще слаб, или уже слаб.

Интересно, что в России, где инородцы традиционно прямо-таки переполняли правящий класс, они были либо представителями горных или кочевых народов

со слабо оформившейся государственностью, либо выходцами из Европы, где государство уже было несколько «укрощено». Однако среди правящей элиты было относительно мало представителей присоединенных государств Средней Азии, ибо там народ еще до присоединения был раздавлен государственным гнетом не менее, а даже более, чем в России.

И тут мы подходим к важнейшему моменту в понимании эволюции государства как управленческой структуры. Давление жизненных реалий, внутренние противоречия данного типа управленческой структуры, случайные и субъективные факторы зачастую заставляли государства эволюционировать в сторону более адекватной защиты интересов всего населения, а не только правящей верхушки.

Конечно же, такие государства при прочих равных условиях получали преимущества перед соседями. Такие преимущества закреплялись. И в некий момент государство, не изжив качественно своих родимых пятен, тем не менее, становилось структурой одновременно и эксплуатирующей, и защищающей свое население.

Государственный гнет при этом фактически уменьшался, компенсируемый положительными моментами принадлежности человека такому государству. Если раньше государство было только машиной гнета и даже самоистребления народа, то теперь оно становилось еще и машиной защиты. Однако (внимание, читатель!), пока государство является в большей степени машиной гнета, лучше всего в нем живет его наименее лояльным гражданам, сохранившим племенную негосударственную структуру самозащиты. В частности, самозащиты от этого же государства! Когда же государство становится в большей степени машиной защиты, относительно лучше живет в нем наиболее лояльным гражданам, в частности, порвавшим с племенными структурами, ибо они являются помехой лояльности (невозможно служить двум господам).

По относительному уровню жизни нацменьшинств, **стремящихся сохранить** племенные структуры, можно сказать, чем является данное государство прежде всего — угнетателем или защитником. Если инородцам (нарочито подчеркивающим свое инородчество) относительно лучше — государство еще в основном угнетатель, если относительно хуже — в основном уже защитник.

Когда государство (впервые в истории этой структуры!) становится в основном защитником своего населения, оно становится национальным государством. Как и при каких условиях это происходит, мы рассмотрим в следующем разделе.

В этой работе мы принципиально не хотели делать политических выводов. Однако, боюсь, в данном месте читатель не поймет нашего красноречивого умолчания. Поэтому автор сам сделает очевидный вывод — Россия за всю свою

историю никогда не была русским национальным государством. Она еще не доросла до этого. Именно поэтому Российское государство было и остается главным врагом русского народа, истощающим его силы на потребу целому сонму инородцев, или правящей верхушки, обычно прикрывающей свой паразитизм демагогией о мессианской роли России либо другими вариантами государственнической идеологии.

3. Нация и цивилизация. Истоки национализма

Вопросы формирования нации и национального государства являются базовыми для построения национальной теории. Они подробно рассматривались множеством авторов с разных позиций. Мы тоже уделили им значительное внимание в нашей ниже приведенной статье «Нация или империя», которая стала основой главы с соответствующим названием в третьей части этой книги. Очевидно, что рассмотрение всех аспектов этой проблемы невозможно в рамках даже очень большого исследования, поэтому мы обратимся лишь к ключевым моментам. Эти моменты хорошо известны специалистам, однако обычно не фиксируются в политизированных работах идеологического направления.

Следует остановиться на времени появления самого понятия «нация». Оно стало широко применяться только начиная с ХЕК века. Это не значит, что оно было совершенно неизвестно ранее. Однако можно утверждать, что в Средневековье это понятие не использовали. В ходу были понятия племени, государства, принадлежности к определенной религии, подданства и т. п.

Весьма характерны такие примеры из истории. На чешском троне сидит король родом из Бургундии, родным языком которого является немецкий. При этом в чешском королевстве народ состоит из чехов, словаков, немцев и поляков. Когда через несколько поколений карта совершенно перекраивается, то ни правители, ни народ не воспринимают данную ситуацию как драматичную.

Это вполне понятно. В данной ситуации король функционально совершенно чужд народу, и королю все равно, какой территорией управлять, была бы только побольше и побогаче, а правящей верхушке все равно, в рамках какого государственного образования сохранять свои привилегии. Народу, соответственно, все равно, какому королю подчиняться.

Однако к XIX веку ситуация постепенно меняется. Именно в начале XIX века по образному выражению, известному среди историков, «прекратились войны между королями и начались войны между народами». Симптоматично, что по сути одновременно с появлением в общественном сознании понятия «нация» происходит становление буржуазного общества, нарастает темп индустриализации, происходит научно-техническая революция, растет грамотность и образованность масс, появляются понятия групповых и общегосударственных интересов.

Особенно симптоматично, что именно в это время наука и знания начинают становиться непосредственной производительной силой. Нарастает отрыв тех, кто может и умеет обеспечивать внедрение и тиражирование новой техники, от тех, кто не может и не умеет делать этого. В подобных условиях возрастает прагматическое значение научного и технического творчества. Это происходит на фоне существенных различий в обеспечении регионов ресурсами, еще более существенных различиях в психологии, культурных традициях, приспособленности разных языков для передачи научно-технической информации. В этой ситуации все усложняющийся машинный парк тоже формируется (вернее, пока только начинает формироваться) с существенно разными приоритетами с решением тех или иных задач.

Закладываются основы инженерной традиции. Это не значит, что в одних странах будут со временем летать на метле, а в других на самолетах. Это значит, что при конструировании самолетов одни национальные школы авиастроения будут (помимо общих для всех задач) обращать внимание на одни проблемы, а другие — на совершенно иные. Таким образом, природные, культурные и даже инженерные различия начинают определять разные типы цивилизации.

При этом важно, что в этих разных цивилизационных типах, в отличие от ранее бывших, основную роль начинают играть уже не природные, государственные и религиозные факторы, а факторы научно-технические, определяемые спецификой развития промышленности и науки. Но именно такие различия и составляют основу современного понимания понятия цивилизации.

Итак, термин «нация» входит в сознание одновременно с современным понятием цивилизации, определяемой языком, спецификой культуры, науки, технического уровня развития. И это идет одновременно со становлением буржуазного общества.

Что же в это время происходило с государствами, где такие процессы имели место? Подобные государства именно в это время прошли критическую точку своей эволюции. Чтобы сохраниться, они стали обязаны в первую очередь защищать интересы своей собственной уже более или менее оформившейся территории, своего производственного комплекса и типа цивилизации. В силу возросшей квалификации населения они вынуждены были умерить свой людоедский пыл, изначально присущий государству как структуре.

Именно в этот исторический момент постоянные интересы подавляющей массы населения (и в вопросах выживания, и в вопросах творческой самореализации, прочно связанной с данным типом цивилизации и данным языком) в основном совпали с существенной частью целей государства.

Усилившаяся роль определенного типа культуры и цивилизации, а особенно языка в творчестве человека увеличила возможности культурно-языковых

факторов в идентификации «свой—чужой». Увеличившиеся с появлением соответствующих технических средств возможности для коммуникации также усилили чувства общности населения. Указанные процессы наложились на появление реального, чисто прагматического, понимания общего национально-государственного интереса,

Таким образом, появились предпосылки преодоления изначально разрушенного государством чувства общности, чувства «свой—чужой» уже на новом уровне, на уровне принадлежности к определенной территории, определенной цивилизации и культуре, определенным интересам и определенному государству, которое эти интересы защищает. При этом имеющийся ранее, недостаточно укорененный в инстинкты языковой механизм самоидентификации дополнился языково-цивилизационным и государственным механизмом. Укоренение в биологическую сущность человека языково-цивилизационного и государственного механизма обеспечивалось ощущением общего пути достижения группового интереса.

Итак, в основе национальной общности лежит язык, тип культуры, тип цивилизации, однозначное отождествление собственных интересов с территориальными интересами проживания нации и национального государства.

Автору не хотелось бы превращать научно-популярный труд, написанный отчасти в стиле эссе, отчасти в стиле трактата, в академичную монографию. Поэтому мы воздержимся от определения понятия нации. Наше понимание этого термина достаточно ясно из предыдущих рассуждений и будет еще не раз характеризоваться в дальнейшем. Приведем достаточно образную характеристику нашего понимания нации. Нация — это большая группа людей, объективно имеющая общие интересы, субъективно осознающая эту общность и имеющая возможность реализовать эти интересы только на базе общей культурно-цивилизационной парадигмы в рамках одного государства.

Отличие нации от неких малых групп, объединенных общими целями, состоит в том, что нация не может консолидироваться в процессе непосредственных контактов друг с другом всех ее членов. Общие контакты заменены в данном случае осознанием причастности к одной цивилизации, культуре, языку и одному государству. Объективное наличие общих интересов определяется единством территории проживания и зависимостью от успехов (или неудач) одного государства.

Но только современный человек, оснащенный современными системами коммуникации и обладающий достаточно широким образованием, может достаточно глубоко осознать, что проблемы лично его выживания и выживания его потомков обеспечиваются процветанием его государства (если оно стало национальным!) и господством типа цивилизации, существующего в данном

государстве.

Очевидно, что племенной и, особенно, расовый признак, определяющий психофизиологические особенности и чисто физиологическую взаимную комплиментарность людей, влияет на возможности формирования наций. Иногда нация может быть многоплеменной и даже многорасовой. Иногда нет. Но если с расовым фактором все более или менее понятно (согласимся, что трудно считать «своим» очень уж отличающегося от тебя физически человека), то с племенным и этническим все не так просто.

Не вдаваясь в детали влияния этноплеменного фактора на формирование наций, надо, тем не менее, помнить, что нация неразрывна с национальным государством. А государство по самой своей сути в идеале заинтересовано в уничтожении любых этноплеменных структур, конкурирующих с ним. И первыми уничтожает эти структуры у государствообразующего народа. Далее возможны только пять вариантов ликвидации более мелких племенных структур:

- 1) ассимиляция всех представителей других этносов государствообразующим народом, становящимся нацией;
- 2) геноцид всех представителей других этносов;
- 3) депортация всех представителей других этносов;
- 4) разделение единой территории и выделение компактно проживающих этносов в отдельные государства;
- 5) комплексный вариант первых четырех в различной пропорции.

Так или иначе, новые общности начали сформировываться в нации. Конечно же, национальная общность по силе укорененности в психике не может соответствовать древнеродовой или древнеплеменной (не путать с современной реликтовой племенной общностью). Однако неким, единственно возможным пока преодолением раздвоенности сознания, вызванной государственным объединением разных людей, эта общность стала.

В этом месте мы должны еще раз уточнить наши позиции. Наше понятие нации, на первый взгляд, напоминает известную концепцию «политической нации», изначально противопоставляемой этногенетической концепции, или иначе, «концепции крови». Последняя очень популярна среди русских национал-радикалов, которые справедливо критикуют понятие «политической нации», находя в нем массу противоречий и неточностей.

Общей причиной всех недостатков концепции «политической нации» является то, что она пытается приспособить для своих построений государство вообще. Однако эти построения научно некорректны. Только национальное государство может стать силой, конструирующей «политическую нацию». Многоплеменные империи национальными государствами, как мы только что показали, быть не

могут. Поэтому бессмысленно пытаться построить «политическую нацию» на базе государства, не ставшего национальным и не изжившего многоплеменность.

Но, справедливо критикуя современные варианты концепции «политической нации», русские национал-радикалы впадают в другую крайность. При резком различии интересов и цивилизационных парадигм никакое кровное родство не создаст нацию. Мало того, цивилизационные различия приводят к жесточайшему противоборству внутри одних и тех же этносов. За примерами далеко ходить не надо. Сербь, хорваты и боснийские мусульмане в этногенетическом отношении один народ. Мало того, они говорят на одном языке. Но принадлежность к различным конфессиям разводит их к совершенно различным типам цивилизации сербов — условно говоря, к византийской, хорватов — к западной, боснийских мусульман — к мусульманской. О жестокости противоборства упомянутых народов напоминать не приходится.

Рассматривая данный пример, надо помнить, что в этом случае конфессиональная принадлежность является всего лишь отличительным признаком цивилизационных различий и не имеет самостоятельной ценности. Хорваты-атеисты и сербы-атеисты останутся врагами, несмотря на исчезновение у них религиозных разногласий.

Многие авторы, исследующие эту проблему, в частности Александр Никитич Севастьянов, справедливо указывали, что в России принятие православия отнюдь не делают человека русским. Совершенно правильно. Но для граждан России вероисповедание не определяет цивилизационную парадигму. В многоплеменной Российской империи создана своя цивилизация, которая вот уже много столетий стремится к оформлению в рамках Русского национального государства.

Но многоплеменная империя всячески мешает этому, сдерживая творческие потенции русского народа постоянным его истощением в бессмысленных политических акциях.

Завершая данную тему, представим себе такой пример. Допустим, пользуясь системой рабфаков, некий парень, этнически чистокровный русский, родом из глубинки, закончил престижный столичный вуз в разгар перестройки. Используя предоставленные ему льготы, он попадает за границу, и, согласно нынешним нравам, остается там.

Работая на Западе, завися от благополучия западной экономики, он кровно заинтересован в дальнейшем ее процветании, которая, в свою очередь, в значительной степени питается дешевыми ресурсами стран третьего мира и России. Сохранение его благополучия зависит от сохранения нашей нищеты. Теперь он для нас, живущих в России, враг, причем не меньший, чем хорват для

серба. И сколько бы матрешек он ни держал у себя дома в США или Германии, сколько бы ни лил пьяных слез за бутылкой русской водки, каким бы чистейшим генетически русским он ни был, он останется для нас «чужим», не принадлежащим к русской нации.

Никакое кровное родство не перебьет антагонизма интересов. И никакие кровные различия не перебьют единства интересов. Нация — это большой экипаж, где вместе взлетают, вместе побеждают и вместе грохнутся на землю в случае катастрофы.

И здесь автор опять должен разъяснить свою позицию политизированному национально мыслящему русскому читателю. По нашему мнению, принадлежность к еврейству есть в первую очередь принадлежность к типу цивилизации, отстаивающей всеми средствами интересы «своих» за счет интересов «чужих». Для цивилизации это вполне закономерно. Но так же закономерно и противоборство «чужих» для евреев людей такому порядку вещей.

В данной ситуации клановая взаимопомощь евреев для русских не менее, но и не более опасна, чем клановая этническая взаимопомощь за счет русских любого другого племени или нации. Для адекватной защиты своих интересов нам, русским, надо, наконец, перестать муссировать «еврейский вопрос», «кавказский вопрос» и т. п. проблемы, а создать, наконец, Русское национальное государство, которое на территории России элиминирует все иные, кроме русской, цивилизационные парадигмы.

В русском национальном государстве будут только русские, творящие в рамках русской цивилизации, думающие и говорящие на русском языке, защищенные русским государством и лояльные ему и только ему.

На этом мы завершим серию отступлений и разъяснений нашей концепции нации для политизированной публики и продолжим изложение.

Предложенная читателю общая схема процесса становления наций конечно же, в реальной жизни была осложнена.

Во-первых, не так гладко и последовательно шел процесс становления национальных государств. Без поворота к интересам народа, без жесткого протекционизма своему типу цивилизации (подчеркнем, цивилизации, а не государственно-религиозным традициям) национальное государство не может сложиться. Но без построения своего национального государства не может окончательно оформиться нация.

Во-вторых, формирование нации как бы «затенено» некоторыми процессами более раннего периода. Например, на этапе, когда на большинстве территорий уже имелись государственные структуры, взаимоистребительные войны

Средневековья могли создавать ситуации появления общих интересов — защиты от порабощения или истребления врагом. Эти ситуации возникали и продолжают возникать по сей день. Однако всплеск национальной консолидации, вызванной экстремальными ситуациями, быстро спадает. Тем не менее, именно такие события время от времени сплачивают «протонациональные» общности.

В-третьих, становлению нации мешают любые племенные структуры, стремящиеся сохраниться внутри единого государства. Не важно, какого рода эти структуры. Однако любые племенные, кланово-мафиозно-протекционистские по своей сути структуры мешают образованию национального государства и становлению нации.

И, наконец, *в четвертых*, даже сформировавшись, национальное государство может неадекватно отстаивать общенациональные интересы, что также не идет на пользу сплочения нации. Ибо становление и укрепление нации — это процесс, который надо поддерживать.

Вот так, преодолевая подобные препятствия, происходило и происходит в мире становление наций. Этот процесс, по нашему мнению, далек от полного завершения. Мало того, можно наблюдать и обратный процесс распада наций.

Однако, в целом, имеются четкие критерии уровня оформления наций и национальных государств. Это построение национального государства, которое прежде всего защищает свою территорию, свою цивилизацию и свое население. Это достижение определенного уровня в развитии своей цивилизации, когда ее отдельные элементы становятся ведущими и определяют мировое развитие.

Можно назвать и мелкие «тестовые» характерные свойства формирования нации. Это, например, активная социально-демографическая политика. Национальное государство не может быть людоедским по отношению к своему народу. И еще один пример. В национальном государстве инородцам, цепляющимся за свои племенные структуры, всегда живется хуже, чем потерявшему племенные черты организации государствообразующему народу-нации.

4. Национализм, социализм и идеологии солидарности. «Смесь бульдога с носорогом»

Неравномерности развития цивилизаций и государств привели к появлению на земле структур с различной степенью оформления тех или иных институтов управления. Наряду со сформировавшимися государствами существовали и продолжают существовать территории, находящиеся на различных стадиях перехода от родоплеменного управления к его государственной форме. Эти общества образуют одну из составляющих т. н. «традиционных» обществ.

Следует отметить, что эти «слабоогосударствленные» племена и неразвитые государства имеют очень мало общего с кроманьонскими родами. Изобилие ресурсов, фонтаном бьющее творчество, безупречный альтруизм и чувство всеобщей любви — качества именно тех древних родов. Любое нынешнее проявление общественного «недоразвития» похоже на те яркие и красивые способы общественного бытия не более, чем недоразвитый дебил или впавший в детство маразматик похожи на талантливую ребенка.

Все те чувства раздвоенности сознания, которые в свое время вызвало государство, присутствуют, пусть, может быть, в меньшей степени, и у людей данных «традиционных» обществ, но это чувство дополнено всем комплексом сознания «вытесненных на обочину». Ведь эти племена занимают не лучшие земли, как огненные охотники. И не изобилие, а скудость их удел. Куда уж тут до феерического творчества. Да и любовь к ближнему у них не может быть беззаветной: угроза нехватки ресурсов и перенаселенности никогда не покидает их.

Если взять нашу схему формирования древнейших государств, то эти общества просто по какой-то причине эволюционно «затормозились» на кромке долин. Они почти так же стрессированны, как и те, кто были вынуждены пройти через ад древних государств. Только те уже прошли, самые жуткие отрезки пути, а эти приостановились в «предстартовом», далеко не лучшем состоянии.

Другую часть т. н. «традиционных» обществ составляли и составляют государства, которые сохранили в качестве одного из основных древнеземледельческий уклад, незначительно улучшив его за счет несколько большей энергообеспеченности и обеспеченности орудиями, хотя при гораздо худшем качестве ресурсов.

Этот вариант является результатом попыток консервации людоедских по сути раннегосударственных отношений путем, во-первых, минимального смягчения гнета верхушки, которая разве что только отказалась от бессмысленного истребления низов, оставив в неприкосновенности их истощительную эксплуатацию; во-вторых, в этом варианте сформировались некие структуры взаимопомощи на местах.

Именно такой структурой взаимопомощи, таким «лагерным самоуправлением» является крестьянская община. Заметим, что, несмотря на кажущуюся нацеленность на обеспечение выживания, «лагерное самоуправление» и община несут, прежде всего, другую функцию — функцию коллективной ответственности за повинности, назначенные хозяином, — круговой поруки. Таким образом и язык, и специфика культуры общинника — это средства в первую очередь обеспечения круговой поруки, и только во вторую — коллективного выживания.

Итак, мы уже показали, что преодоление постгосударственного раздвоения сознания чрезвычайно трудно. Биологически солидарное поведение укоренено в сознании человека только в том варианте, который был у огненных охотников. Другой вариант преодоления этого противоречия — через язык, культуру, цивилизацию и групповой интерес.

Но для этого язык, цивилизация и т. п. должны, прежде всего, стать элементом выживания, жизнеобеспечения, развития, элементом, обеспечивающим личный и творческий интерес, а не быть атрибутом давления на человека. Все это возможно только при достаточной квалификации человека в развитом обществе. У задавленного жизнью общинника этого нет. И хотя отдельные элементы групповой идентификации на культурно-языковом уровне присутствуют в традиционном обществе, они не могут иметь такую же степень укорененности в психике, как развитые национальные чувства.

Однако некий прототип «национального» самосознания, несомненно» есть и у общинников, как есть элемент «варварского благородства» у слабогосударственных племенных групп. Если все это дополняется успешным идеологическим оболваниванием, то готова некая псевдонациональная идея. Совершенно очевидно, что мимо такой коварной ловушки не могли пройти политики и идеологи. В странах, по тем или иным причинам потерпевших политический крах, но по логике развития готовых к построению национальных государств, может развиваться такая псевдонациональная идеология.

Именно такой идеологией мы считаем любую смесь национализма с социализмом. Социализм — это тотальное огосударствление, это государственное давление прежде всего на «своих» и, в итоге, их истощение. Поэтому социализм органично чужд национализму как идеологии и стратегии коллективных интересов. Напомним, что нации начали формироваться только на этапе относительного ослабления государств, т. е. процесса, противоположного социализации общества.

Симптоматично, что идеология национал-социализма для своего обоснования постоянно обращается к некому варианту архаики. Но, чтобы это обращение к архаике было конструктивным и органичным, следует апеллировать, как видно из вышесказанного, только к очень древней, первобытной, догосударственной архаике. Архаика крестьянской общины, «народная» архаика — это опыт жертв, а не опыт творцов, каковыми провозглашают себя национал-социалисты.

Национальная окраска т. н. «идеологий солидарности», построенных на общинной базе, не более чем нонсенс. Наций при общинном способе организации производства еще нет. А племен уже нет. Именно поэтому другие варианты национал-социализма обращаются к племенной архаике. Но исторические или псевдоисторические племена — это племена, уже затронутые

влиянием государственных структур.

Их опыт, даже не фактический, а, допустим, мифологический, опыт ситуационной реконструкции, не может быть конструктивным для решения задач построения нации. Ведь это сугубо современные задачи. Это задачи выверенной, четко спланированной борьбы за ресурс прежде всего для промышленности, а не для «вольной охоты», борьбы за свое научно-техническое лидерство, за свое групповое благополучие и процветание, за свободу творчества на родном языке.

Поэтому все попытки построить либо «общинную», либо «племенную» нацию, бессмысленны. Эта бессмысленность компенсируется в трудах идеологов национал-социализма и их предтеч повышенными дозами идеологического оболванивания и мистической чертовщины.

Национализм как движение за создание, процветание и развитие нации (а не племени или подданных многонациональной империи) не может иметь ничего общего с социализмом. Правы некоторые критики национализма слева, хотя эта критика лучше иного комплимента. Национализм — это буржуазное, современное, модернистское по сути движение, устремленное в будущее. Вульгарный «лапотно-матрешечно-самоварный» национализм — это просто псевдонационализм. Национализм возможен только как интеллектуальный ракетно-компьютерный национализм.

Суть национализма в том, чтобы снять раздвоенность человеческого сознания, чтобы вернуть человеку яркость и щедрость отношений времен огненных охотников на новом, постиндустриальном этапе.

Но не правы будут те критики автора справа, которые на основании вышесказанного попытаются представить автора чуть ли не проповедником всеобщей благодати. Истина состоит в том, что переход к радостному будущему невозможен для всех. И борьба наций за возможность такого перехода будет и суровой, и истребительной. Победить в ней можно будет только сообща. Но сообща — творческой нацией, а не полузадавленной общиной или полуразложившимся дебильным племенем.

5. Устойчивое развитие. В кадре и за кадром

В последнее время на страницах газет часто мелькает словосочетание «устойчивое развитие». Это понятие имеет прямое отношение к теме нашей работы. Устойчивое развитие означает развитие государств в режиме, при котором не истощаются природные ресурсы, растет благосостояние граждан и отсутствуют политические катаклизмы.

Устойчивое развитие было ответом на многочисленные предупреждения экологов и ресурсников, раздававшиеся в 1970-1980-х годах. Согласно этим

предупреждениям, на планете при существующем порядке вещей уже к 2005-2015 годам должен будет разразиться экологический кризис, выражающийся в истощении почвенных, лесных и водных ресурсов, а кроме того, в ухудшении качества проживания самих людей вследствие загрязнения воздуха, воды и пищи. Кроме экологического, планету может постигнуть и ресурсный кризис, обусловленный исчерпанием основных видов минерального сырья, прежде всего нефти и газа. Разумеется, подобный кризис должен спровоцировать кризис экономики и политическую напряженность во всем мире. Одно время подобное развитие событий по степени опасности, вероятности наступления и катастрофичности последствий даже ставилось на первое место по сравнению с ядерной катастрофой.

Характерно, что вразумительных ответов и опровержений данным предупреждениям так и не было. Вместо ответа была высказана гипотеза, согласно которой возможен сценарий ускоренного качественного развития производства, который исключает истощительную эксплуатацию всех видов ресурсов, и при обеспечении устойчивого роста продукции несколько уменьшает нынешний объем вредных выбросов, тем самым отодвигает экологический кризис в более отдаленное будущее.

Однако никто не представил расчетов, сколько же потребуются немедленных затрат, чтобы реализовать такой план, и в каких странах и регионах он будет реализован. Но и без особо точных расчетов было ясно, что такой сценарий предполагает резкое снижение темпов экономического роста. Если Запад и мог на это пойти, то для стран третьего мира это было равносильно замораживанию их низкого уровня жизни на неопределенно долгое время. Более того, этот проект не давал ответа, как в условиях сокращения темпов экономического роста обеспечить хотя бы нынешний уровень потребления катастрофически растущего населения стран третьего мира. Крах СССР и социалистической системы несколько снизил для Запада актуальность данных проблем, ибо теперь в распоряжении Запада все ресурсы бывшего СССР (а это около 40 % их мирового объема). Да и у стран третьего мира уже не было защитника перед диктатом Запада. Тем не менее, высказанных проблем никто не снимал.

Переход на устойчивое развитие действительно нужен. Но суть этого перехода состоит в резком рывке науки и техники, для чего надо немедленно увеличить долю ресурсов, направляемую на развитие науки и образования. Кроме того, надо обеспечить в обществе свободную творческую атмосферу, а для этого у людей должна быть уверенность, что материальное положение их и их детей хотя бы не ухудшится, а еще лучше, чтобы, пусть медленно, но неуклонно улучшалось. Помимо этого, необходимо существенно увеличить долю ресурсов, направляемую на поддержку внедренческой деятельности. Если посчитать, сколько на земле природных ресурсов и производственных фондов, то окажется, что обеспечить такой сценарий развития можно было бы для населения в один миллиард человек. Но населения на земле 5 миллиардов, и оно все растет.

Сказанное позволяет сформулировать следующие альтернативы:

Первая. В ближайшее время будет обеспечен переход к «устойчивому развитию». Тогда надо решать, кто составит основу этого т. н. «золотого» миллиарда. Кроме того, надо немедленно приступать к сокращению остального населения, возможно, раз в десять-двадцать.

Вторая. Человечество ждет глубокий ресурсно-экологический кризис, сопровождаемый неуправляемым экономическим кризисом и политическими катаклизмами, которые затронут не только кризисные зоны, но и более благоприятные регионы. В этом случае потери населения Земли составят все те же 3-4 миллиарда человек.

Как действовать дальше, не знает никто. Во всяком случае, решение либо замалчивается, либо откладывается.

6. Кто «беременей» социализмом? Цивилизация в опасности!

Мы уже много раз повторяли, что народность, племя, этнос — не нация. Слить в одну империю тучу разноязыких рабов не представляет принципиального труда. Именно такой сценарий просматривается сейчас в странах третьего мира. Для тотальной войны друг с другом им не хватает лишь достаточного количества оружия и транспорта.

Практически ситуация в третьем мире повторяет в большем масштабе и на новом техническом уровне то, что было при образовании древнеземледельческих цивилизаций и первых социалистических государств древности. Низкий уровень развития обусловит довольно примитивный тотальный вариант социализма, а необходимый минимум технологий и вооружений даст третьему миру сам Запад, ибо торговля оружием исключительно прибыльна.

Мы совершенно осмысленно допускаем вариант соединения стран третьего мира в несколько социалистических суперимперий. Тем более, что одна такая суперимперия уже есть. Это Китай. Кстати, Китаю, в силу его перенаселенности, очень трудно стать буржуазным, скорее, он так и останется социалистическим.

Что должно быть совершенно очевидно, так это полная гарантия невозможности для России встать на социалистический путь. Избытка трудовых ресурсов в огромной вымирающей России нет и не будет.

А именно избыток населения, как мы говорили выше в главе «История технологий и технология истории», определяет возможность становления социализма. Однако Запад опять ищет социалистическую угрозу из России — отсюда, откуда ее теперь не может быть в принципе. И это не первая и не

последняя ошибка Запада в оценке современной ситуации.

Рассматривая возможности консолидации третьего мира в процессе войны всех со всеми, мы полагаем, что человечество может оказаться в ситуации, близкой к неандертальско-кроманьонскому конфликту. Действительно, современная война принесет большие разорения на территориях стран третьего мира. Консолидировавшись в три-четыре империи, они непременно направят свои взоры на север. Тем более, возможности для экспансии у них будут вполне реальными.

Что же будут представлять к тому времени развитые страны, если проэкстраполировать в недалекое будущее наметившиеся в них сейчас тенденции? Похоже, что никакой серьезной целостности они представлять не будут. В этих странах сейчас царит идеология и практика общества потребления. В свое время общество потребления добилося немалых успехов, значительно повысив уровень жизни своего населения и завершив формирование современных наций. Однако к опережающему научно-техническому рывку общество потребления сейчас не готово. Причиной этому являются стереотипы жизни, сложившиеся на Западе. Мы не являемся поборниками аскетизма. Мало того, автор уверен, что без «человеческих» условий жизни, человек не может быть человеком. Нам омерзительны юродские завывания о пользе воздержания и примеры из общинной жизни, которые обычно следуют от весьма упитанных демагогов. Однако, оценивая общество потребления, мы должны сказать, что оно зашло в тупик, развивая только один вид общественного поощрения — сверхпотребление и роскошь.

Именно отсюда проистекает столь расточительное расходование ресурсов этим обществом. Поэтому-то в нем так и не налажена творческая атмосфера. И именно поэтому в цитадели общества потребления — Америке — не удастся наладить хотя бы воспроизводство научных кадров. Доклады Комиссии по конкурентоспособности, так и Комитета по устойчивому развитию и т. п. организаций США прямо переполнены информацией о том, что наука и техника в США далеко не отвечают экономическим возможностям страны. Особенно это усугубилось сейчас, когда исчезло научно-техническое соперничество с СССР времен холодной войны.

Изучение научной библиографии дает картину преобладания среди ученых США эмигрантов первого поколения из Азии, Центральной Европы, СССР, а теперь России. Можно понять Францию и Германию, приглашающих турок на черную работу, но невозможно понять США, не могущих обеспечить заинтересованность молодежи в науке.

В итоге можно сказать, что Запад имеет крайне неблагоприятные тенденции в своем развитии. Если эти тенденции будут продолжаться, «цивилизованный» Запад сдаст позиции Югу даже без боя.

7. Национализм без социализма

Почему Запад, несмотря на свое техническое могущество и определенную продвинутость в формировании современных наций, оказывается столь слабым перед потенциальными угрозами глобального характера? По нашему мнению, виной этому некоторые системные закономерности развития. В самом деле, первой преодолев государственное людоедство, став на путь формирования современных наций, западная цивилизация оказалась в тупике «детских болезней» национального развития. Основным двигателем национального и государственного строительства на Западе в результате специфики исторической ситуации стала буржуазия, об ограниченности идеологических и организационных возможностей которой мы уже писали выше. Кроме того, буржуазия нацелена на конкуренцию, в том числе внутреннюю. Но нация должна быть едина в своих интересах. Непонимание этого факта буржуазией уже поставило в XX веке мир на грань катастроф мировых войн и мировых революций. Только через ряд непосредственных угроз своему существованию буржуазия развитых стран пришла к идее общества потребления, что является, по существу, вариантом идеи общества единых национальных интересов, обеспечивающихся за счет грабежа других наций.

Но и этот процесс, как и всякая вынужденная эволюция, протекающая в условиях цейтнота и стресса, не обошелся без искажений. Общество потребления попросту заиклилось на росте физического, материального потребления, на гонке совершенно ненужной роскоши. Здравая идея была нащупана впопыхах и реализовывалась под руководством людей, значительная часть которых были и остается интеллектуальными плебеями. Творчеством (в психофизиологическом понимании этого слова, в соответствии с концепциями, изложенными в главе «Экология антропогенеза») для них стали «вариации на темы потребления», свойственные голодным рабам.

Вернемся к истокам. Разве кроманьонец от избытка ресурсов стал кутаться в сто шкур редких животных, когда ему было достаточно одной? Нет, он занялся творчеством, рисованием на стенах пещер, экспериментами с «эстетизацией» своих орудий, спортивной охотой, наконец, забегая вперед, скажем, что именно такой стиль «поведения в изобилии» надо внедрять сейчас уже не на основе инстинктов, а на основе интеллектуальных установок. Уравновесить перекосы чисто буржуазного национализма и тупиков общества потребления человечество попыталось на государственно-социалистическом пути. В одном варианте социалистический монстр (СССР) вообще уничтожил национальную составляющую развития. В другом варианте (фашизм и нацизм) социалистические тенденции оказались поначалу совместимыми с современным национализмом. Однако гибрид оказался нежизнеспособным. Организационное превосходство национал-социализма над его противниками бесспорно. А вот технического превосходства, вопреки распространенным мифам по этому поводу, достигнуть не удалось.

Не мудрено. «Народные» руководители Третьего рейха давали броню от службы в армии циркачам и куплетистам, но гнали на фронт, зачастую рядовыми, участников атомного проекта. Такой режим не мог победить в XX веке, не сможет аналогичный режим победить и в будущем. Альянс национализма с социализмом, этакий «народный национализм», оказался, таким образом, несостоятельным. Однако оказалась в значительной степени скомпрометированной и сама идея национализма. Общество потребления усугубило тенденцию к развитию вслепую, без руля и ветрил.

Действительно, реализуя, по существу, националистическую стратегию, общество потребления — современный Запад — как огня боится понятия «национализм» и сопутствующих теоретических конструкций. Что же мы имеем в итоге?

Националистическая теория оказалась в плену социалистических иллюзий, мешающих понять современную роль знаний, творчества и всех сопутствующих факторов общественного развития. Националистическая практика оказалась без теоретического компаса и осуществляется на недостаточно высоком интеллектуальном уровне, в высшей степени по-плебейски. В результате этого националистическая (в конечном итоге) практика современных развитых буржуазных государств все более отклоняется от истинного национализма. Они, несмотря на явные успехи в борьбе с социализмом, все в большей степени объективно провоцируют процессы его торжества, ибо близоруко сосредотачиваются на борьбе за ресурсы. Но ресурсов все равно не хватает. И «золотой» миллиард, даже завоевав всю землю, столкнется со всеми стандартными проблемами ресурсного кризиса лишь на 20-30 лет позже. А ресурсный кризис — это дверь в древнегосударственный социализм. Но при социализме ни наций, ни буржуазии нет.

Что надо для победы националистической стратегии? Если формулировать в самом общем виде, то совсем немного. Надо очистить национализм от социализма. И в практике руководствоваться теоретически обеспеченным видением перспектив глобального развития на базе рационалистической парадигмы.

Национализм в реальности — это концентрация наличных ресурсов для запуска стратегии непрерывной научно-технической революции. Но ресурсов для запуска не хватит на всех. И вот тут-то и должно проявиться «звериное лицо национализма», в соответствии с характеристикой, данной ему левыми критиками. Завоевать (или сохранить имеющиеся) ресурсы для своей нации, чтобы выйти из глобальных тупиков. Но не по-феодалному прокутить их, а тут же пустить на цели непрерывного развития под руководством профессионалов, кровно заинтересованных в реализации именно данной стратегии развития.

В данной последовательности действий национализм определяет жестокость

борьбы за ресурсы для «своих». Отсутствие социализма обеспечивается ограничением роли государства и выходом на режим эксплуатации неистощающегося ресурса — знаний. Для «чужих» — бескомпромиссная борьба с использованием всех технических средств. Для «своих» — создание творческой атмосферы, «пиршество» знаний и активное использование этих знаний в производстве заинтересованными собственниками. Да, собственники сохранятся (и это тоже признак, гарантирующий отсутствие социализма), однако единственным ресурсом, который они будут в состоянии потреблять без ограничений, станут знания. Таким образом, капитализм, став национальным, будет переориентирован с допинга неограниченных ресурсов на вечный двигатель неограниченных знаний.

Где сейчас на земле может быть реализован национализм? Конечно же, у белых народов. Ибо страны Юга, как мы показали, потенциально готовы только к формированию социалистических империй. Однако те народы, которые найдут возможность построить националистические режимы, должны будут ограничить эмпиризм чисто буржуазного способа руководства. Но не в пользу социализма, а в пользу власти интеллекта. Прагматическая (буржуазная) по своей глубинной сути доктрина национализма должна, не потеряв своей прагматичности, стать аристократичной и интеллектуальной.

8. Национальная аристократия. Возможно ли язычество в XXI веке?

Как мы показали ранее, создание нации, помимо всего прочего, есть попытка через цивилизационно-культурные механизмы восстановить целостность мировосприятия и групповой самоидентификации, потерянные в результате древнесоциалистического шока.

На пути преодоления пережитков социализма национальное возрождение народа закономерно должно опять пройти стадию аристократизации в истинном смысле этого слова. Чем, помимо соображений «симметрии процесса», определяется необходимость аристократизации развития?

Во-первых, совершенно очевидно, что в настоящее время далеко не все представители народа могут найти верный путь выживания и развития своей нации. Не все могут оценить правильность этого пути. Политическая жизнь России, да, впрочем, и самоубийственная глупость Запада говорят о том, что большинство, к сожалению, совершенно не понимает сути происходящего. Поэтому необходимо правление некоего меньшинства, единого в оценках верной стратегии развития своей страны. Но это будет не буржуазия, вернее, не одна буржуазия, которая, как мы показали выше, неспособна к самостоятельному, единоличному лидерству (что не мешает ей быть равноправным партнером в треугольнике Национальная буржуазия — национальное государство — национальная аристократия»).

Поэтому, во-вторых, только на путях аристократизации можно преодолеть эту чисто буржуазную (плебейскую по форме) ограниченность националистического варианта развития (что в интересах самой буржуазии, кстати говоря!). Ибо альтернативный вариант государственного ограничения буржуазии будет всего лишь очередным вариантом национал-социализма. И кончится этот вариант тем же, что и в первый раз — разгромом национал-социализма объединенными силами интернационального социализма и интернациональной буржуазии.

Государство (в форме национального государства, разумеется) должно пока (подчеркнем — только лишь пока) сохраниться. Однако оно должно быть уравновешено дублирующими структурами негосударственного, аристократического, корпоративного характера.

Каковы, в самых общих чертах, основные характеристики новой аристократии?

Так как в нынешней ситуации основным источником силы является такие, наука, технологии, то новая национальная аристократия должна сформироваться как аристократия интеллекта, ума и таланта, но только в сочетании с железной волей и дисциплиной. Такая аристократия должна: а) понимать закономерности развития (и это роднит ее с интеллигенцией) и б) уметь реализовать оптимальные стратегии развития (и это роднит ее с управленцами), излишне не надеясь при этом на государственные институты. Для решения последней задачи ей надо научиться формировать свои структуры, по функциям аналогичные государственным. Это, по сути дела, корпоративные и партийные структуры. Последнее особенно важно. Ни о каком отмирании партий пока не может быть и речи, если мы хотим процветать и развиваться. Через партийные структуры интеллектуальная аристократия набирается организованности и воли.

Одними из наиболее ярких представителей новой аристократии становятся, таким образом, руководители и активисты партий и корпораций, выражающих интересы научных, технических и промышленных кругов и кровно связанные с ними. Эта аристократия должна прежде всего добиться главенства в науке, технике, информатике, образовании. Через все виды информационной индустрии (в том числе и информационных подразделений силовых структур) она должна стимулировать процессы, ускоряющие научно-технический прогресс. Перманентное научно-техническое развитие, ставшее необходимостью для обеспечения выживания и успеха, само по себе обеспечит высокий социальный статус новой аристократии и ее влияние на принятие политических решений.

Это не значит, что новая аристократия должна устраниваться от политики. Но главной целью ее политических усилий должно быть не завоевание исполнительной власти, а, в первую очередь, ее ограничение, осуществляемое через контроль над информационными потоками и опережающим владением

новыми знаниями. При этом на некоторых этапах следует стимулировать и прямое ослабление исполнительной власти, если она посягнет на роль аристократии, попытавшись ослабить темп научно-технической гонки.

Кстати, подобное ослабление темпа научно-технической гонки неизбежно приведет к «пристраиванию в кильватер» к другим мировым лидерам, что фактически является неокOLONиальным вариантом развития, и, очевидно, не соответствует национальным интересам. Таким образом, аристократия, ослабляя в этой ситуации исполнительную власть, защищает национальные интересы.

Должна ли эта аристократия олигархически обособляться от остального народа? Должна ли она быть олигархически замкнутой, мафиозно тайной? Должна ли она, пользуясь влиянием на госаппарат, выколачивать себе привилегии в потреблении?

Конечно же, нет. Новая аристократия может реализоваться только как аристократия национальная. Современная национальная аристократия просто невозможна вне большой процветающей нации. Причем источником подобного процветания могут быть только успехи данного конкретного типа цивилизации, реализуемой на базе одного языка и культуры. А это значит, что она должна осознавать себя частью народа. Расходование усилий народа может осуществляться только в «экологичном» режиме, предполагающем адекватное воспроизводство населения и обеспечение достойного качества жизни каждого представителя нации, независимо от его социального положения.

Это не означает отсутствия привилегий. Однако привилегии должны носить функциональный характер, а не быть привилегиями в потреблении. Приоритетный доступ к любой информации, возможность творческого саморазвития, неприкосновенность личности — вот привилегии новой аристократии. Таким образом, новая аристократия не должна стать неким «клубом привилегированного начальства», как это часто случалось в иные времена. Новая аристократия должна вобрать в себя наиболее квалифицированные верхи представителей всех профессий и всех уровней производственной иерархии. Основная привилегия этой аристократии — первоочередное освобождение от постепенно отмирающих форм государственного контроля над личностью. А основная миссия — формирование и поддержание правил новой этики и корпоративной чести. По мере роста общего квалификационного уровня в процессе развития постиндустриальной новой цивилизации и становления подлинно национального государства (при прогрессирующем отмирании государства традиционного) ряды новой аристократии будут расти.

Следует подчеркнуть, что некий достойный уровень жизни, обеспечивающий уверенность в завтрашнем дне и отсутствие бытовых стрессов, должен быть

обеспечен всей нации, но не может быть отличительной чертой социального статуса новой аристократии.

Мы не хотели бы здесь выстраивать все стройное здание системы у правления национальной аристократии. Это тема отдельной книги. Тем более, специфика упомянутой системы будет обусловлена особенностями тех стран, где данная форма управления реализуется.

В этом месте читатель невольно споткнется. Да, дорогой читатель, мы здесь рассматриваем общую проблему и не конкретизируем, кто и где перейдет к национально-аристократическому правлению. Заметим лишь, что те, кто выживут в грядущих глобальных кризисах, выживут только в рамках национально-аристократических режимов. Именно эта форма управления способна обеспечить успех в грядущем новом переделе мира.

Автору очень хотелось бы видеть среди счастливых-победителей Россию. Но о шансах для России мы достаточно подробно поговорим ниже. Вопрос, однако, в том, сумеем ли мы, русские, этими шансами воспользоваться.

Здесь уместно будет коснуться еще двух достаточно общих моментов.

Первое. Государство национальной аристократии должно иметь мощную армию. Это, скорее всего, не будет массовая армия с полчищами солдат-рабов. Но это обязательно должна быть армия, имеющая решающее техническое превосходство над противниками. Армия, обладающая всеми видами оружия массового поражения и, более того, умело (и охотно!) применяющая его в конфликтах любого уровня, вплоть до сугубо локальных.

Обороноспособность стран, управляемых национальной аристократией, помимо армии будет обеспечиваться мощнейшими, не имеющими аналогов в современном мире, службами внешней и военной разведки. Доктрина эксплуатации «информационного превосходства» как основного ресурса государства требует не миллионов солдат под ружьем, но исчерпывающего знания реальных и даже потенциальных замыслов любого противника.

И второе. Аристократизация немыслима без новой идеологии, возможно, и без новой религии. Эта религиозная идеология должна быть функциональным аналогом древнего язычества. Это религия любви к природе, но любви, не исключаяющей собственную активность. Это религия, освящающая роль структур в строении мира и общества. Это религия понимания и достоинства, ответственности и отваги. На основе знания и понимания логики развития мира, на основе радостного доверия к Божественному замыслу эта религия должна вселять уверенность в неизбежную победу света над тьмой.

ЧАСТЬ II

Русская тайна

Первую часть нашей книги можно назвать концептуальной. Мы затронули весьма широкий круг вопросов. Однако достаточно подробно (разумеется, с учетом специфики нашего жанра) мы рассмотрели лишь начальные моменты антропогенеза.

Такой подход соответствует методологии современного системного анализа, который рекомендует по каждому комплексу вопросов несколько уровней рассмотрения. И первоначально полезно увидеть проблему в целом. А затем уже детализировать ее отдельные узловые моменты. Что мы и делаем в данной части.

Вначале мы продолжим рассмотрение экологии антропогенеза, постаравшись подробнее осветить важнейший момент — появление современного человека и формирование белой расы.

Затем мы продолжим тему «родимых пятен государственности», разрабатывая ее методами ситуационной реконструкции, исследовав пути эволюции государства как системы, в процессе закономерной экспансии первых империй земли.

Далее мы покажем, как научно-техническая революция железа сокрушила имперского монстра и предопределила на много веков вперед главное противоречие развития цивилизации.

Но для русского читателя, тем более читателя национально мыслящего, все это имело бы достаточно абстрактный интерес, если бы не приблизило его к пониманию основных проблем русского народа, который переживает сейчас острейший кризис. И мы покажем, что все рассмотренные вопросы с данной точки зрения весьма актуальны. Только детально рассмотрев их, можно найти решение русской проблемы.

Тем более (и мы покажем это), что волею судеб именно русский народ оказался сейчас в фокусе мировой цивилизационной драмы. И от того, как он сможет ответить на вызовы истории, зависит, будет ли цивилизационный кризис преодолен быстро и относительно безболезненно, или мир в результате кризиса ждет новая череда людоедских экспериментов и господство деградантов.

Впрочем, об этом уже в третьей части нашей книги.

Глава 1

Ледовый рубеж

1. Краткая лекция о ледниковом периоде

Итак, «человек уходил из тропиков, оставляя после себя выжженную землю», — повторим мы фразу из первой части. Человек шел из Африки на Север. А навстречу ему уже надвигался ледник.

Именно в приледниковье произошло окончательное формирование современного человека и были заложены расовые различия. Эти процессы совершенно невозможно понять без учета экологических, климатических и географических реалий приледниковья. Эти реалии важны и для ученого-специалиста, и для популяризатора, и для идеолога.

К сожалению, географические знания никогда не были в последние десятилетия широко популярны. Ибо география не относилась к числу датирующих наук в конце XX века. А на Западе вообще географию в образовании в значительной степени потеснила экология. Перенимаются западные тенденции образования и в нынешней России.

Между тем именно географические знания являются той базой, на которой только и можно проводить комплексную реконструкцию реалий приледниковья.

Так что без краткой популярной «лекции» на эту тему нам не обойтись.

Итак, почти все что-то слышали о том, что на земле был ледниковый период. Однако начнем с того, что он не был, а есть. Это еще не закончившийся период геологической истории земли. Просто мы живем в т. н. «межледниковье», которое, несмотря на все вопли о «катастрофическом» глобальном потеплении, сменится новым похолоданием.

Впрочем, это случится еще не скоро, не раньше, чем через 10 тысяч лет. И мы надеемся, что к тому времени человек обретет такую силу, что сможет не допустить наступление ледников на Лондон, Берлин, Варшаву и Санкт-Петербург.

Итак, за последний миллион лет ледники многократно наступали и отступали. Ученые спорят, сколько же оледенений было. Насчитывают от 3 до 5 таких оледенений. Но для нашей темы это не так уж важно. Нас будет интересовать самое последнее, Валдайское оледенение, начавшееся примерно 70 тысяч лет

назад и закончившееся сравнительно недавно, «всего» 8-10 тысяч лет назад.

Впрочем, вопрос о времени окончания Валдайского оледенения очень интересен для нашей темы, но мы рассмотрим его отдельно чуть позже.

Пока лишь упомянем одну очень интересную, сравнительно недавно сформулированную теорию.

Дело в том, что зафиксированные в рельефе и отложениях «следы ледников» говорят о том, что более древние ледники продвигались гораздо дальше Валдайского. Так, т. н. Днепровское оледенение распространялось вплоть до Киева, в то время как южный край Валдайского ледника стоял чуть севернее Москвы.

До недавнего времени считалось, что чем дальше распространялся ледник, тем холоднее было в соответствующий период. В последние годы были получены совершенно другие данные. Оказалось, что Валдайское оледенение было самое холодное, ледник был самый мощный за всю историю оледенений. Просто в силу предельной суровости климата лед был тверд и поэтому малоподвижен. А ледник больше рос в высь, чем это было в более ранние оледенения.

Высота льда оценивается по-разному. По некоторым данным, она составляла около 5 километров. Но, с учетом только что высказанных соображений, она могла быть и значительно больше.

Центр ледника находился в Скандинавии. А сам ледник покрывал весь северо-запад современной России, всю Прибалтику и Балтийское море, северную Германию, почти всю Польшу, Бельгию, Голландию, Англию, Северное море.

На востоке и юго-востоке граница ледника резко загибалась к северу. Она шла с юга и юго-запада на север и северо-восток, т. е. скорее по меридиану, чем по широте.

Таким образом, стена ледника как бы огораживала часть Русской равнины с запада.

На обширную территорию вокруг ледника распространялось его влияние. Оно охватывало почти всю Европу. Разумеется, было намного холоднее, чем сейчас. Среднегодовая температура была ниже современной на 10-12°, т.е. под Москвой было так, как сейчас на Ямале.

Это довольно известный факт. На то и оледенение.

Гораздо менее известно то, что лето в те времена было почти такое же теплое, как сейчас. Но оно было гораздо короче. А вот зима была длиннее и холоднее, чем даже сейчас на Ямале. Некоторые исследователи утверждают даже, что не

редкостью были температуры в -100°C . Холоднее, чем ныне в Антарктиде.

По нашему мнению, это некоторое преувеличение. Такие температуры, возможно, бывали, но лишь эпизодически и у самой, самой кромки ледника. Однако зимние температуры около -50°C , похоже, были нормой в ближнем приледниковье.

Но не только холод определял погоду в Западной Евразии в те времена. Помимо этого было очень сухо. Годовая норма осадков на непокрытой льдом части Русской равнины не превышала 250 миллиметров в год. А скорее всего, была и того меньше. Это примерно столько, сколько ныне выпадает в полупустынях Приаралья.

Количество осадков уменьшалось в направлении с юго-запада на северо-восток, т. е. «угол» Русской равнины между ледником и Северным Уралом по количеству осадков вообще был пустыней.

Кстати, именно поэтому ледник не рос на восток. На восточной кромке ледника просто не было осадков, за счет которых мог бы накапливаться снег и лед.

Весьма интересно представить, какова была погода в приледниковье. Ясное небо. Редкие осадки. Лютый холод длинной зимой. Короткое, довольно теплое лето. При этом с точки зрения т. н. «физиологической» температуры, т. е. субъективного ощущения тепла и холода с учетом всех ' факторов, лето можно назвать даже жарким.

В самом деле, представьте себе ясное небо где-нибудь под Воронежем или Киевом, во всю жарящее солнце. При этом жарящее так, что даже над холодной землей, где мерзлота лежит «прямо под ногами», температура воздуха летним днем превышает 20°C .

Очень короткие осень и весна.

И сильные ветра с ледника.

Еще одной существенной особенностью Западной Евразии в те времена было то, что значительная часть Черного и Средиземного морей представляла собой сушу. Уровень океана был намного ниже современного. Ученые спорят, насколько ниже. Не специалисту эти споры не столь уж интересны, однако отметим, что уровень моря был как минимум на 100 метров ниже нынешнего.

А это означает, что Черное море было озером. А вся северная часть Черного моря примерно с широты южной оконечности Крыма была равниной. Узкая полоска равнин тянулась также вдоль нынешних восточных берегов Средиземного моря.

Другой очень важной особенностью природной ситуации в тогдашней Европе была обстановка в горных районах. Альпы были покрыты сплошными мощными ледниками. В этом никто из исследователей не сомневается, хотя уточняющие споры о границах оледенения в Альпах имеют место.

Однако гораздо более дискуссионна оценка ситуации в среднегорьях Центральной Европы. Можно спорить, были ли там мощные ледники. Возможно, что нет. Вследствие все того же дефицита осадков. Однако несомненно, что горы были покрыты вечными снегами. Возможно, маломощными.

Но главное не это. Среднегорья Центральной Европы в своих осевых частях имеют высоты, примерно равные или даже превышающие 2 километра. Это означает, что температура там была ниже, чем на окружающих равнинах, на 10-15° С.

Однако и на равнинах близ ледника зимние температуры были частенько таковы, что человек без специального снаряжения просто не может выжить. Подчеркнем, именно снаряжения типа скафандра, а не просто очень теплой одежды. Критический рубеж, когда нужна уже не просто очень теплая одежда, а что-то типа скафандра, по разным оценкам находится где-то в районе -70° С. Это было установлено при исследованиях Антарктиды.

Несомненно, в горах Центральной Европы в ближнем приледниковье такие температуры зимой были скорее нормой, чем исключением. А это означает, что Центральная Европа была безжизненна и практически непроходима для человека.

В итоге вырисовывается очень интересная ситуация. Если взять всю Европу, то предок человека, мигрируя из Африки, мог первоначально найти более или менее сносную и привычную для себя среду обитания только на равнинах, где сейчас плещутся воды Адриатики и Черного моря, небольших участках (ныне прибрежных) равнин Южной Франции, Северной Италии, отчасти Испании. А далее только в нынешнем Причерноморье и юго-восточной половине Русской равнины.

Сам переход из Африки мог осуществляться в основном по равнинам вдоль восточного берега Средиземного моря. Но мог и через проливы между Африкой и Испанией, Африкой и Сицилией, Африкой и Сардинией. Ибо эти проливы были тогда, при низком уровне океана, гораздо уже, чем теперь. И в принципе для потомков водной обезьяны они не были непреодолимой преградой. Хотя, повторим, «пропускная способность» полоски суши на востоке была все же гораздо выше.

По площади же черноморские, причерноморские и южно-русские равнины, сливающиеся в один массив, были на порядок обширнее, чем небольшие,

фрагментарно разбросанные по территории Западной Европы прибрежные равнины современной Франции, Италии и Испании.

Еще одной особенностью того периода был гораздо больший контраст природных условий от высоких широт к экватору. Действительно, на самом экваторе практически ничего не менялось, в то время как на севере было гораздо холоднее, чем теперь. Да и то, что мы называем Севером, располагалось уже на месте нынешней Москвы. Это означает, что среднегодовые температуры при движении от края ледника к югу нарастали примерно в два раза быстрее, чем это имеет место сейчас при движении с севера на юг в средних широтах.

Поэтому в Средиземноморье было, конечно же, прохладнее, чем сейчас, но это была отнюдь не тундра, а весьма обильные леса и лесостепи. Да и в Причерноморье, хотя и было довольно холодно, но это была отнюдь не ледяная пустыня. Ситуация на юге Русской равнины несколько напоминала нынешнюю центральную Якутию, а на равнинах Черного моря лесостепи Бурятии и северной Монголии.

Это достаточно трудно себе представить современному человеку. Действительно, лето на территориях нынешней Херсонской области, например, было такое же жаркое и даже более солнечное и сухое, чем теперь. А всего в тысяче километров к северу, в районе нынешнего Владимира, условия были почти как в Антарктиде.

Запомним эти моменты. Они сыграли очень важную роль в дальнейшей эволюции человека, формировании белой расы и непосредственных предков русского народа.

Итак, с ландшафтной точки зрения, на юге Русской равнины господствовала тундро-лесостепь. Увлажненность была оптимальной для почвообразования, т.е. могли формироваться довольно богатые степные почвы. Разумеется, не типичные черноземы, но тем не менее гораздо более богатые гумусом, чем те же нынешние подмосковные подзолы.

Растительность тоже была довольно богатая. На остепненных участках травянистая. Степные участки перемежались с лесными. Причем леса тоже были весьма неплохими, с точки зрения их эксплуатационных качеств.

Разумеется, было гораздо холоднее. Разумеется, была распространена мерзлота. Но скудных, типичных тундровых или тундрово-болотных участков было мало. Значительную роль в формировании именно такой, довольно изобильной, природной среды играло именно умеренное увлажнение.

Холодная, но тем не менее богатая лесостепь на юго-востоке Русской равнины и на равнинах Черного моря располагалась на тех широтах, где в Западной Европе были типичные заболоченные тундры, весьма скудные биологическими

ресурсами. Ибо в холодном климате переувлажнение губительно для развития растительности, а значит, и животного мира.

Но влажность климата как раз нарастала с востока на запад (что, кстати, характерно и для наших дней и объясняется господством переноса воздушных масс с запада на восток в Северном полушарии). Именно вследствие этого край ледника в Западной Европе располагался гораздо южнее, чем в Восточной. А значит, климат там был не только более влажным, но и более холодным из-за влияния более близкого ледника.

Как видим, улучшение природных условий в Европе во времена оледенений не с севера на юг, а с запада на восток рационально объяснимо без привлечения экзотических бредовых гипотез о неких резких изменениях оси вращения и полюсов земли вследствие столкновения то ли с очередным астероидом, то ли в силу «массовой высадки инопланетян».

К сожалению, мы не могли не сделать этой реплики. Дело в том, что в последние годы идет трудный поиск нормального научного обоснования очень многих важных для национального и расового самосознания утверждений. Этой своей книгой мы, в частности, демонстрируем, что все эти утверждения можно корректно вывести из данных современной науки.

В этой ситуации привлечение фантастических гипотез и бредовых мифов для доказательства вполне прозрачных тезисов только понапрасну «подставляет» национальную идеологию под удар критики. И делают такие «подставки» или безграмотные идиоты, или намеренные провокаторы.

Впрочем, к сожалению, тех и других довольно много в среде политических радикалов. Но это тема для другого обсуждения.

Итак, массив равнин в Восточной Европе был гораздо более обширен и гораздо более продуктивен, чем в Западной Европе. И мог вместить на порядок большее количество огненных охотников.

2. По долинам и по взгорьям. Огонь на снегу

Нас недаром интересуют в первую очередь равнины. Напомним читателю, что огненные охотники шли именно по равнинным участкам вслед за огненным валом (об этом мы уже говорили в первой главе первой части).

Упоминали мы и о том, что остановиться огненные охотники не могли. Уж очень расточительно расходовали они природные ресурсы. И им надо было постоянно оставлять выжженные места.

Элементарная ситуационная реконструкция показывает, что предки человека, шедшие с юга, должны были весьма вольготно расселиться по Сахаре, широко

раскинувшейся с запада на восток. Ведь перемещался предок человека на север первоначально по довольно «узкой», вытянутой вдоль меридиана, части Африки.

Однако и Сахару наш предок в итоге изрядно пожег. Но окончательно превратить в пустыню эти места наши предки в первый раз не успели.

Путь вперед на север через равнины и не столь уж широкие проливы Средиземного моря был если и «не распахнут», то, как минимум, «приоткрыт». Это через несколько тысяч лет, когда двигаться на север было нельзя (на месте бывших равнин и узких проливов плескалось широкое море), пришлось окончательно истощить Сахару и «свалиться» в долину Нила, где пройдя через массовый стресс, «сгрудиться» в первое в мире государство.

Поначалу марш на север не приносил особых неудобств. Человек, вернее, его непосредственный предок медленно адаптировался ко все более холодному климату, откочевывая все дальше от теплых тропиков.

Как мы ранее сказали, Средиземноморье даже в период оледенения — это далеко не нынешняя Воркута. Да и Причерноморье тоже. Кроме того, спецификой районов Европы того времени было наличие т. н. «мегафауны». Наиболее известным ее представителем, о котором знают даже школьники, является мамонт. Однако помимо мамонта был еще и шерстистый носорог, и другие животные.

Кстати, весьма интересно, что самые последние данные (на 2002 год) свидетельствуют о том, что в Сибири мамонты обитали еще 3,5 тысяч лет назад, в те времена, когда, согласно официальной истории, в Древнем Египте было уже вполне развитое государство. А Троянская война закончилась совсем недавно.

Однако вернемся к жизни мамонтов в приледниковье. Очень важным моментом в их экологии было то, что они могли жить только там, где а) было относительно мало снега и можно было питаться растительной пищей круглый год и б) вечная мерзлота была относительно неглубока, И мамонты не проваливались в болота.

Такие условия дольше всего после таяния ледника сохранялись как раз в Сибири. Именно поэтому мамонты там сохранились практически АО исторического времени.

Вместе с тем, относительная суровость климата в местах обитания мамонтов определяла необходимость их протяженных миграций по наиболее продуктивным в данных условиях угольям. Как выясняется сейчас: с помощью самых современных методов, позволяющих по микроэлементному составу костных остатков «отследить» чуть ли не миграцию Конкретных стад, мамонты кочевали по довольно определенным марш-ютам. Учтем, кстати, что эти маршруты не могли не пересекаться очень глубокими и резко выраженными в

рельефе долинами стока ледниковых вод.

В итоге мы видим идеальные условия для организации столь любимой нашими предками загонной охоты методом огненного вала. Для этого типа охоты есть все условия.

Мамонтов и других представителей мегафауны сравнительно легко подкараулить, зная пути их миграции.

Сами же мамонты и другие представители мегафауны были очень крупными животными и их добыча приносила сразу много мяса.

Сухость климата позволяла летом эффективно применять огненные загоны. Тем более, что ветра в приледниковье были весьма сильными, и масштаб палов мог быть очень большим.

Не представляло проблемы нахождение мест для ловушек. Относительно ровные водоразделы пересекались резко выраженными долинами ледниковых рек.

Скажем больше, что в некотором роде условия южных окраин приледниковья были для загонных огненных охот даже более удобными, нежели условия Африки. Единственным существенным минусом было наличие долгой зимы, когда огненная охота была невозможна.

На снегу, даже очень неглубоком, огненный загон не устроишь.

В данной ситуации предок человека столкнулся с принципиально новыми проблемами.

До выхода в приледниковье миграции вслед за огненным валом имели хаотический характер. Видимость целенаправленного движения на север была обманчивой. Просто те, кто двигался на север, имели перед собой новые земли для загонной охоты. А те, кто двигался в другие стороны, имели либо уже выжженную землю, либо естественные преграды, самой большой из которых был океан, т. е. попадали в тупик и сходили с исторической сцены.

Придя в приледниковье, человек не мог вернуться назад. Ему оставалось либо погибнуть, либо приспособиться к новым условиям. Приспособление шло по двум направлениям.

Первое состояло в том, что человек начал осваивать альтернативные источники питания и альтернативные методы добычи этого питания. При этом не надо утверждать, что это было земледелие. Земледелие в приледниковье было невозможно в принципе.

Невозможно оно при отсутствии железного плуга и тяглового скота и на внешних окраинах приледниковья. Это следует из элементарных эколого-энергетических расчетов. И иные коллеги из цеха национальных идеологов, утверждающие о «великих земледельческих цивилизациях» в те времена в этих местах, демонстрируют просто свою элементарную безграмотность.

Мы рекомендуем им попробовать заняться земледелием севернее Якутска, не имея металлических орудий.

Наиболее вероятной альтернативой загонной огненной охоты стало рыболовство в мелких реках, изобилующих отличной рыбой (еще в раннем Средневековье стерлядью были полны малые реки на территории современной Москвы — Чертановка и Котловка). Кроме того, могла иметь место и охота на более мелких, по сравнению с мамонтами, животных.

Уже не с помощью огненных загонов, а с помощью лука, например. Напомним, кстати, что вполне возможно изначально, при наличии обильной добычи от загонной охоты на крупных животных, лук был неким «баловством», и такая охота носила характер развлечения. Мы уже писали об этом выше.

И все-таки, не в природе человека отказываться от легкой добычи, пока она есть. Загонная охота оставалась самым результативным способом добычи пищи по критерию «затраты — эффективность». И эта охота продолжалась в летние месяцы. Не могла не продолжаться.

Характерно, что в условиях приледниковья огненная охота просто не могла уничтожить экосистемы, как, например, в Сахаре. Ибо могла вестись только ограниченное время в году. Более того, пожары в некоторых ситуациях только улучшали качество и продуктивность экосистем тундро-лесостепи. Как это происходит сейчас, например, в лесотундре на месте антропогенных палов.

Кстати, именно поэтому охота в непосредственных окрестностях газопроводов гораздо богаче, чем в окружающей тундре. Частые пожары выжигают малопродуктивные мхи, на месте которых развивается травянистая растительность, которая привлекает массу птиц.

Однако там, где летом можно весьма неплохо охотиться с помощью огненного вала, зимой жить нельзя. Слишком холодно. Итак, оптимально для нашего предка было охотиться летом в одних местах, а зимой жить в других. Но для этого надо совершать целенаправленные циклические миграции.

И это было новым моментом в поведении огненных охотников, которые ранее беззаботно шли за огненным валом. И это было вторым механизмом приспособления к новым условиям жизни.

Характерно, что в достаточной близости от ледника древние стоянки человека

имеют поначалу временный характер. И лишь потом, в постледниковое время, функционируют как постоянные.

Мы еще не раз упомянем эту новую черту в поведении человека в приледниковье — целенаправленные циклические миграции. Здесь лишь заметим, что эта черта в поведении сыграла в формировании современного человека гораздо более значительную роль, чем пресловутое использование лука.

Кстати, именно такой характер миграций создал предпосылки к будущей оседлости. Ведь при циклических и целенаправленных миграциях выгодно иметь некую «центральную базу», которая станет со временем жилищем бывшего «вольного гуляки», беззаботно прошедшего за огненным валом с юга Африки до причерноморских степей.

3. Чувство меры, чувство времени, алгоритмика, уникальность. Арийская наука

В этом месте стоит сделать паузу в описании судьбы нашего предка. Остановим взгляд на пришедшем в приледниковье человеке. За его спиной еще дымятся пожарища в субтропиках. Никто ему пока не «наступает на пятки». К сложным, но, как оказалось, довольно сносным, а в чем-то даже весьма благоприятным условиям на южной окраине приледниковья он приспособился.

Рассмотрим, какие качества он должен был при этом приобрести.

Во-первых, он должен был научиться считать. Или, во всяком случае, как-то оценивать время. Это в тропиках можно особо не заботиться о резервах и запасах. Но в условиях резкой смены режимов жизнеобеспечения, когда наиболее результативная загонная охота возможна только летом, создание «стратегических» запасов просто необходимо. И, заметим, не только необходимо, но и возможно. В условиях зимнего гарантированного большого холода никакие искусственные «холодильники» не нужны. Кроме того, вечная мерзлота под ногами тоже позволяет в любой яме иметь своеобразный холодильник.

Так что в приледниковье, и только в приледниковье, могла впервые в истории развития человека возникнуть «культура запасов».

Это не текущие «тактические» запасы, объем которых можно прикинуть «на глазок». Это большие запасы, запасы на долгий срок. И их надо уметь рассчитать. Но без пищи еще можно прожить, а вот без тепла нельзя. Верно рассчитать запасы топлива еще более важно, чем запасы пищи.

Очевидно, что подобные расчеты запасов идут параллельно с расчетом времени. Верная оценка времени играет такую же важную роль, как оценка запасов. В

обоих случаях эти расчеты соотносятся. И это тоже очень важная черта — соотнесение объема запасов и времени их расходования, расстояния и времени его прохождения. Таким образом, фактор времени постоянно присутствует в оценке ситуации в приледниковье.

Признаем, что стратегические запасы играют важнейшую роль и в земледельческом типе жизнеобеспечения. Но наши предки появились в приледниковье более чем 20 тысяч лет назад, а самое древнее земледелие не насчитывает больше 6 тысяч лет. Так что соответствующие архетипы у потомков людей приледниковья гораздо укорененнее, чем у потомков первых земледельцев, появившихся в тропиках.

Многие исследователи цивилизации и культуры отмечают, что для современного «западного» менталитета очень важен фактор времени. И этот фактор играет совершенно подчиненную роль в менталитете «восточном». Разумеется, очень многие «традиционалисты» со скрытым неодобрением говорят об этой черте западного менталитета и возводят ее появление к новому времени и промышленной революции.

Однако все обстоит «с точностью до наоборот». Численный расчет и повышенное внимание к фактору времени является архетипическим свойством современного белого человека, предки которого эволюционировали в приледниковье. Именно это свойство, обретенное **много тысяч лет назад** (обратите внимание на возраст, господ «традиционалисты») стало не результатом, а одной из причин того, что промышленная революция началась в Европе. Там, где **белое** население чуть ли не **на генетическом уровне было готово к восприятию числа и повышенному вниманию к фактору времени.**

Кстати, курьезно, но многие экваториальные племена до сих пор довольствуются численными оценками «один, два, много», не поднимаясь даже до пяти. Аналогично весьма вольно оценивается время. «Давно» для некоторых экваториальных племен может означать и прошлую неделю, и несколько лет назад.

Неважно обстоят дела у почти всех не белых южан и с грамотным управлением техникой, а тем более с ее эксплуатацией и ремонтом. И это есть прямое следствие исходно, на генетическом уровне, «не промышленного» менталитета южан.

Кстати, в данном примере отрыв от цивилизации не является причиной технической слабости южан. Эскимосы тоже были оторваны от цивилизации. И по вполне понятным причинам не имели возможностей ее создать. Но когда техническая цивилизация сама «пришла» к эскимосам, выяснилось, что они поразительно быстро овладевают управлением техникой и ее обслуживанием.

Заметим, кстати, специально для наших недоброжелательных читателей из

определенного лагеря, которые не преминут обвинить автора в расизме. Нам наплевать на всяческие «измы» и ярлыки. Если у белых есть эволюционно обусловленное чувство числа и чувство времени, а у южан их нет, то это не пропаганда, а научный факт.

Однако не только чувство числа (даже, скорее чувство меры) и чувство времени обусловили специфику человека приледниковья. Был еще один очень важный момент.

Но для начала напомним читателю следующий факт. Известно, что климат в современной России таков, что «год на год не приходится». Межгодовые колебания погодных условий весьма существенны. Одно лето нормальное, другое засушливое, третье «достаёт» дождями. Для нас это в порядке вещей.

А вот для жителей Индонезии это нонсенс. Там не только весь год стоит примерно одинаковая погода, но и год от года практически не отличаются.

Если мы рассмотрим межгодовые колебания температуры и осадков, то увидим, что они тем больше, чем ближе к полюсу. В Мурманске амплитуда межгодовых колебаний среднегодовых характеристик погоды в 9 раз больше, чем на Кипре.

Так же, только еще контрастнее, обстояло дело и в ледниковый период. Добавим к этому, что сами условия в приледниковье были весьма контрастными, а также то, что и лето, и зима наступали очень быстро. Человека, который охотится или пасет стада в опасной близости от ледника, очень часто могло в одночасье «накрыть» чуть ли не антарктическими морозами. А его расчеты запасов могли оказаться неверными из-за изменения продолжительности зимы, например.

При этом одно только чувство меры или чувство времени не поможет. Ибо даже при наличии построенного на чувстве меры и чувстве времени, говоря современным языком, осредненного прогноза, возможные случайности настолько велики, что принимать решение все равно зачастую придется в форс-мажорных обстоятельствах.

В современной теории это называется принятием решений в условиях уникального выбора. Это вполне определенная стратегия поведения. Противоположная т. н. «алгоритмическому» поведению, которое базируется на схеме «характеристика ситуации — диагностика типа ситуации — стандартное действие в стандартной ситуации».

Образно алгоритмическое поведение можно проиллюстрировать схемой «дают — бери, бьют — беги». Поведение на основе принятия решений в условиях уникального выбора более разнообразно. В нашем примере это означает, что не всегда надо брать то, что дают. А от удара можно не только убежать, но и дать сдачи или увернуться.

Но это означает, что в поведении «уникального выбора» больше степеней свободы и в тоже время больше ответственности. Ибо ошибка зачастую равносильна гибели.

Итак, мы опять посрамили традиционалистов и пришли к пониманию свободолюбия белого западного человека на основе архетипов, выработанных за тысячи лет до капитализма и промышленной революции.

Разумеется, в отличие от чувства меры и чувства времени, привычка принимать решения в условиях уникального выбора в той или иной мере присутствует у всех рас и народов. Ибо даже размеренная жизнь экваториальных народов не лишена неожиданностей и разнообразия.

Но, во-первых, у людей приледниковья причины для принятия решений в форс-мажорных уникальных обстоятельствах возникали значительно чаще. А во-вторых, эта способность должна была сочетаться с чувством меры и времени. Надо было уметь количественно оценить, говоря современным языком, прогнозируемое течение событий, рассчитать свое поведение на будущее, но при этом быть готовым к существенным отклонениям от прогноза.

Это очень тонкий момент. Вообще отказаться от прогноза и расчетов было нельзя. Ибо тогда вся жизнь превращалась бы в изнурительный форс-мажор. И тогда, когда это было неизбежно, и тогда, когда для этого не было никаких причин, кроме субъективного отсутствия элементарного расчета. В приледниковье такой «роскоши» человек себе не мог позволить.

Но прогнозы и расчеты нельзя было абсолютизировать. Надо было быть готовым к любым неожиданностям «на фоне» в целом прогнозируемого течения событий. Вам ничего это не напоминает, читатель? Не правда ли, знаменитое правило европейских рыцарей «делай, что должно, и будь, что будет», как будто бы с предельной четкостью формулирует именно подобный подход к жизни. И не тысячу лет этому подходу, а все двадцать тысяч.

Кстати, и юмор можно трактовать как готовность отстраниться от следования правилам и расчетам. Посмотреть на них со стороны. Посмеяться, в конце концов.

Посмеяться, но... не отказываться от расчетов, прогнозов и необходимости следовать правилам **в целом**.

Что, очевидно, психологически не вполне совместимо. Во всяком случае, несовместимо даже до сих пор для очень многих рас, народов, а тем более отдельных людей.

Таким образом, у человека приледниковья возник еще один пласт раздвоения сознания. Это, с одной стороны, несло в себе большой потенциал саморазвития,

а с другой — создавало дополнительную нагрузку на психику. Но, что характерно, это раздвоение психики не должно было вести к потере конструктивизма.

Мысль человека приледниковья должна была работать на результат.

Еще одним следствием постоянного ожидания неожиданностей стало осознание необходимости «сверхнормативного» по южным понятиям накопления запасов. Что тоже очень важно для понимания «западного» менталитета. Но, как мы говорили выше, только в приледниковье могла возникнуть «культура запасов» вообще. Ибо ни в каких иных условиях охотник, еще не знающий о соли, не может накапливать большие запасы. Только в условиях «гарантированного холода».

Но, напомним, без накопления больших запасов, всегда имеющих под рукой резервов невозможна классическая рыночная экономика, вот самый капитализм в чистом виде, о чем мы говорили в разделе 7 главы «Продолжение темы. Деньги, деньги» первой части.

Все эти свойства, обретенные тысячи лет назад, «сыграли» во время, промышленной революции. Чувство меры, чувство времени, чувство свободы, конструктивизм и «излишняя бережливость» стали той базой, на которой развилось мышление, названное позже «современным», «научным», «западным», «капиталистическим» и т. п. терминами, среди которых еще одним очень распространенным является т. н. «протестантская этика».

Но как мы только что показали, все эти термины неверны. Стереотипы сознания, которым больше 10 тысяч лет, отнюдь не «современны». Они возникли, когда еще не знали, что такое наука и что такое капитализм. Поэтому, они никак не «научные» и не «капиталистические». Но большей части они выработывались у людей, живших на юго-востоке Русской равнины. Поэтому они далеко не «западные». Разумеется, не было в те времена и никаких «протестантов» с их этикой.

Автор всегда с известной долей осторожности относился к не совсем четко определенным и однозначным понятиям. Тем более понятиям, вокруг которых кипят пропагандистские страсти. Тем не менее, известные явления надо же как то называть.

Чтобы не впадать в бесплодное терминовтворчество, с некоторой долей условности, назовем прямых потомков людей приледниковья «ариями». Хотя и возможны споры по поводу того, как эти «арии» потом расселились и в какие нынешние народы в каком количестве влились.

Однако, как мы покажем ниже, белые народы севера, центра и востока Европы являются прямыми потомками людей приледниковья. «Есть в них что-то

арийское», — как шутили в СССР после первого показа сериала «Семнадцать мгновений весны».

И тогда, возвращаясь к теме настоящего раздела, тот пласт научного мышления и ту часть современной науки, которые базируются на архетипах людей приледниковья, закрепленных во времена промышленной революции, можно, пусть с известной долей шутки, назвать «арийской». Уже без всякой шутки заметим, что это далеко не вся современная наука. Это ее часть.

Есть и другая часть, отнюдь «не арийская». Но об этом несколько ниже.

4. Нашествия с юга. Кровь с молоком. Желтая ветвь

Однако вернемся с высот мысли к реалиям жизнеобеспечения. Итак, первый человек приледниковья стал регулярно перемещаться по определенным маршрутам.

Здесь мы опять сталкиваемся с уже много раз подмеченным эффектом. Некие механизмы приспособления и стереотипы поведения формируются как бы сами собой, исподволь. А потом вдруг оказываются базой для совершенно иной системы жизнеобеспечения.

Так было и с циклическими регулярными миграциями. Только такой тип поведения в сочетании с эпизодической охотой на менее крупных, нежели мамонт, животных в итоге привел к появлению животноводства.

Поначалу человек просто следовал за определенными стадами. Затем не мог не попытаться оставить некоторых особей про запас. Например, подранков. Потом, возможно, в действие включилось ритуальное использование полуприрученных животных.

И так постепенно животноводство стало вспомогательной системой жизнеобеспечения.

Почему именно вспомогательной? Да потому, что пока была возможность легко охотиться, тем более особенно легко охотиться с помощью огненных загонов, человек по собственной воле не перешел бы на более трудозатратную систему жизнеобеспечения. Что же заставило нашего предка бросить легкую охоту? Только внешние обстоятельства. И на этот раз не природного характера.

Дело в том, что оледенение не было неким стабильным состоянием. Ледник то надвигался, то отступал. Водоемы то мелели, то заполнялись. Климат был то несколько холоднее, то несколько теплее. Аналогично имели место и колебания влажности в тех или иных районах.

Разумеется, сразу за огненными охотниками в тропиках и субтропиках

оставалась выжженная земля. Но это была еще не нынешняя Сахара. И на месте гарей в иных местах со временем восстанавливалась саванная лесостепь. Через эту лесостепь вновь могли за огненным валом идти новые волны огненных охотников. Из числа тех, кто сначала отстал.

Мы упоминали об этом раньше и не будем пока уточнять наши ситуационные реконструкции. Вернемся к этому несколько позднее.

Сейчас лишь напомним, что в суровых условиях приледниковья вновь пришедшие мигранты, может быть, и проигрывали в умении приспособливаться, но выигрывали в численности и агрессивности. Действительно, первая волна огненных охотников была потомками «умников», которые выиграли у «силачей», только освоив огонь. Как только «силачи» сами освоили огонь, они снова оказались конкурентоспособными по отношению к «умникам».

Следует особо подчеркнуть еще один момент, который потом не раз будет фигурировать в развитии цивилизации. Вырвавшиеся вперед группы людей, которые добиваются в результате той или иной научно-технической революции — НТР (а огненный вал и был настоящей НТР) изобилия, теряют агрессивность и людоедские инстинкты. Они им не нужны.

И они весьма уязвимы для напора отставших в развитии маргиналов, как только теряют перед ними техническое преимущество.

Именно такая ситуация возникла на южных окраинах приледниковья.

Что могли противопоставить более развитые лидеры движения на север своим более сильным, более агрессивным и более многочисленным маргинальным последователям? Многие склонны настаивать на том, что это были лучшие орудия. **В** первую очередь лук.

Это правда. Но далеко не вся правда. Одного лука было все же явно недостаточно. Сомневающимся рекомендуем повнимательнее посмотреть на кремневые наконечники стрел, чтобы понять, что такими стрелами не особо повоюешь с сильным, быстрым, агрессивным, крупным человекообразным.

Предку человека разумного оставалось только уйти с самых южных окраин приледниковья и подойти несколько поближе к кромке ледника, где сами условия жизни требовали большого ума. Здесь без умения вести расчеты, рационально строить свою жизнь, прогнозировать фон событий, но в то же время быстро находить решения в нестандартных ситуациях, было просто не выжить.

Как мы показали выше, наши предки искусство выживать в таких условиях освоили. А вот пришельцы с юга не выживали сами, попадая в весьма

неприятные ситуации, из которых они не умели выходить. Поэтому и не пошли за лидерами ближе к кромке ледника, оставшись на южной окраине приледниковья.

Таким образом, человек разумный, как это уже было в долинных лесах тропических рек, и как это будет еще не раз в истории, оказался оттесненным от «легкой жизни». В данном случае, самым легкодоступным источником жизнеобеспечения была загонная охота на представителей мегафауны.

Вряд ли будет корректно утверждать, что наш предок полностью отказался от загонных охот. Но они стали занимать в его жизнеобеспечении гораздо меньшее место. Главным оказались животноводство и рыболовство. При этом животноводство не только и не столько мясное, сколько молочное.

Молоко стало играть в питании человека «ближнего приледниковья» исключительную роль. Именно поэтому только представители белой расы, а особенно белые жители европейского Севера, лучше всех усваивают сырое молоко до глубокой старости.

Представители иных рас и народов не способны к этому, а у некоторых представителей народов Дальнего Востока способность усваивать сырое молоко вообще прекращается сразу после выхода из грудного возраста.

С активностью ферментов, способствующих усвоению молока, тесно коррелирует целая группа биохимических показателей крови. Таким образом, налицо зафиксированная на уровне биохимии, генетически закрепленная специфика тех, кто был вынужден перейти с исключительно мясной на молочную, в значительной степени, пищу.

Данные биохимии подтверждаются данными культуры и религии. Для индоариев, пришедших на Индостан с севера, корова — животное, дающее молоко, являлась священной. Это отражение в религии памяти давнего прошлого, когда молочный скот буквально спас предков индоариев от гибели.

Итак, на пространствах Западной Евразии теснимые с юга все новыми волнами пришельцев предки людей белой расы уходили на востоке к кромке ледника, а на западе — в стылые горные ущелья. К кромке ледника, кстати, в Западной Европе было не так то просто пробраться через горы, где свирепствовали антарктические морозы. Именно они и стали «пещерными людьми». Не будем пока уточнять вопроса о неандертальцах и кроманьонцах. Это мы сделаем несколько позже.

А пока отметим, что более многочисленные первопоселенцы Русской равнины приближались к кромке ледника по долинам ледниковых рек. Только в этих долинах можно было укрыться от свирепых ветров, постоянно дувших с ледника. В этих же долинах было много рыбы в реках. Кроме того, здесь было

много колоний полярных птиц, тоже спасавшихся от ветра.

Короче, жить здесь было трудно, но все же возможно.

Весьма показательно, что названия этих спасительных долин были одними из первых слов соответствующих языков. Так, прибалтийские лингвисты считают топоним «ава» древним, еще палеолитическим названием приледниковых участков долин. Именно здесь веками формировались первые сообщества предков восточно-балтийских народов. И с этим типом ландшафтов даже гораздо позже связывали свою «малую родину» народы Прибалтики.

Топоним «ава» присутствует в названиях «Елгава», «Митава» и т. п. А в несколько измененной форме в имени «Литва», давшем название соответствующей стране и ее народу.

Автор не склонен много рассуждать на темы, где он не является специалистом. Однако, нам кажется (хотя, возможно, мы не правы), что недаром имеется один корень в обозначении слова «русло» и слова «русские». Вдоль русел ледниковых рек жили у кромки ледника предки русских людей.

Однако оставим на время запад Евразии. Что же происходило в те времена на востоке континента, где в итоге сформировалась желтая раса, многие представители которой не усваивают молоко по выходе из младенческого возраста?

Нам представляется, что исход предков человека из Африки произошел в один из ледниковых периодов. А путь огненных охотников с юга африканского континента лежал по равнинам, в том числе по равнинам, которые сейчас скрыты под водой (ибо уровень океана тогда был гораздо ниже).

Возможно даже, что основной поток двигался как раз по достаточно широким, ныне затопленным равнинам, охватывающим современную Африку с востока. Хотя, несомненно, часть людей шла и через широкие днища Великих африканских разломов.

Однако равнины современного восточно-африканского шельфа никак не могли оставаться вне маршрута движения выходцев с юга континента.

Итак, часть потока направлялась почти строго на север, а часть через равнины нынешнего Аравийского моря и Бенгальского залива шла на северо-восток, далее на восток, а затем снова на северо-восток. Нам кажется, что эти два потока разделились довольно рано. Возможно, еще в предшествующее Валдайскому Московское оледенение. А может быть даже и в еще более раннее, Днепровское.

В конце концов, если за огненным валом пошел уже ближайший потомок Номо

erectus, которому около полутора миллионов лет, то это могло произойти уже в самое первое, днепровское оледенение, как минимум, около полумиллиона лет назад.

Впрочем, точные датировки не столь уж важны. Гораздо важнее другое. Предки современных представителей желтой расы отделились от предков белой расы довольно давно. Экологические условия их эволюции были отличны от эволюции предков белых людей. Они не сталкивались с проблемами приледниковья. Они гораздо раньше ушли с равнин и освоили горы. Очень большая их часть вернулась в долины тропических рек, пройдя маршем через нынешний шельф северной части Индийского океана.

У них были свои проблемы, свои методы их решения и свои архетипы.

Возможно, в рамках желтой расы тоже периодически возникало противостояние «северян» и «южан». Были и встречные потоки миграции, и сверхдальние исходы с насиженных мест. Более того, это весьма вероятно. Взять хотя бы ту же миграцию предков индейцев в Америку.

Но это было в пределах своей собственной, обособленной популяционной общности. В рамках собственных цивилизационных решений. У них были свои «моменты истины». Но у их «северян» не было ни пятикилометровой громады ледника на горизонте, ни «священной коровы», ни огромных, плоских, как стол, голых, но плодородных равнин, по которым катились буквально бесконечные нашествия с юга.

Предки «желтых людей» не конкурировали с предками «белых людей» в доисторическое время. А их потомки встретились уже довольно поздно по меркам времени антропогенеза.

Автор не столь хорошо знает палеогеографию Восточной Азии. И наши попытки реконструкции деталей формирования желтой расы не могут быть успешными. Однако, если рассматривать этот процесс в самом общем, схематичном виде, то вырисовывается следующее отличие расо-образования белых и желтых людей.

Предки желтой расы формировались в более равномерном ритме. Фактически, они в своей эволюции прошли все те же испытания, что и предки белых людей. И в итоге тоже «дошли до края» — Крайнего Севера, уйдя на максимально возможное расстояние от своей прародины.

Однако большая часть выпавших на их долю вызовов, за исключением «испытания потопами» во время гораздо более длительного движения вдоль океанских побережий, была в более смягченном виде. Хотя бы потому, что они шли гораздо дальше и пересекали природные зоны земли не «поперек», а «наискосок».

Поэтому «поток испытаний» был менее контрастным и более растянутым во времени. Возникает весьма правдоподобная гипотеза, что не из-за этой ли растянутости во времени череды испытаний в процессе антропогенеза желтой расы среди ее представителей гораздо больше людей «стайерского» типа, нежели «спринтерского». Об этих адаптационных типах мы писали ранее.

Между тем по основной, «короткой и прямой» западно-евразийско-африканской оси миграции постоянно проходили волны очередных нашествий с юга. Формировались свои промежуточные центры концентрации человекообразных. Из этих центров зачастую миграции шли в разные стороны, создавая «встречные потоки». Но в целом схема взаимоотношений этих волн переселенцев оставалась неизменной в своей главной коллизии.

Периодически вновь и вновь возникали противостояния тех, кто не хотел драться за «теплое» место, а предпочитал «покой и волю» в суровых условиях приледниковья, и тех, кто, переполняя экологическую нишу в более теплых местах, устремлялся на север.

В сущности, не умея там жить.

5. «Характер нордический» — пропагандистские мифы и реалии выживания. Система «человек—природа»

Выражение «характер нордический», возможно, бытовало в партийных и служебных характеристиках времен Третьего рейха. Автор об этом ничего определенного сказать не может. Зато это словосочетание стало летучей фразой в СССР после шквального успеха сериала «Семнадцать мгновений весны».

Впрочем, так или не так дословно формулировались характеристики бойцовского, агрессивного, безжалостного характера в гитлеровской Германии, это не столь уж важно. Важно то, что неотъемлемой чертой идеологии всех националистических и праворадикальных партий и учений Европы в XIX и XX веках было утверждение о том, что агрессивность и боевитость **по природе** присуща в первую очередь людям Севера.

Так и хочется спросить коллег-националистов в ответ: «Что же это такие «бойцы» вдруг без боя оставили «расслабленным» южанам эдемский сад тропических лесов и благодать Средиземноморья? Что же это таких «агрессоров» занесло в пустое приледниковье (а «ледниковый» характер предков «арийцев» национал-радикалы не отрицают), где не на кого было изливать свою агрессию?»

Читателю уже ясно, что автор в корне не согласен с распространенной трактовкой «нордического характера». При этом мы отнюдь не умаляем достоинств людей белой расы, в том числе в вопросах войны.

Но надо понять, что предки человека разумного **начали** с того, что были **оттеснены** из приречных лесов на их окраину. Они **победили более сильных** физически и **более агрессивных** конкурентов, найдя техническое решение проблемы, освоив огонь.

Предки белых европейцев пришли в приледниковье и заняли сначала наилучшие для жизни там места. Прекрасно там обжились, но... снова были оттеснены к самой кромке ледника из этих относительно благодатных мест.

Есть биологическое правило, что рецессивные признаки начинают господствовать в популяциях, находящихся **на окраине** ареала существования того или иного вида. Светлые глаза, светлые волосы, светлая кожа являются рецессивными признаками. Это всем известный факт.

И белый человек, несомненно, сформировался на окраине ареала существования всей совокупности человекообразных Западной Евразии ледникового периода. А на окраину **вытесняют**.

Так что истинная сила людей Севера не в том, что они злее и агрессивнее, а в том, что они умнее, выносливее и терпеливее. Они сумели обжиться там, где этого не смогли сделать южане. Они совершили цивилизационный рывок в тех условиях, где другие не то что рывка, а простого выживания себе обеспечить не могли.

Потерпи, читатель, мы покажем ниже, что природная доброта и не-злобливость еще не повод к всепрощению паразитов и агрессоров. Мы покажем, как не раз и не два цивилизационные лидеры растирали в грязь своих былых обидчиков. Но не голыми руками, а с помощью новых технических средств. Не злобным напором, а холодным расчетом. И прекрасно выразил эту тенденцию белой цивилизации нобелевский лауреат граф Альберт де Сент-Дьерди, провозгласив, что «разум — лучшая разновидность когтей и клыков».

Однако не детали и механизмы «цивилизационного возмездия» являются предметом рассмотрения в данном разделе. Здесь мы рассматриваем биологические, сформированные в результате эволюции и генетически закрепленные свойства наших предков, в том числе свойства психофизиологические.

И по этому вопросу двух мнений быть не может. Люди Севера **при прочих равных условиях** всегда более добры и терпимы, чем люди Юга.

Человек Севера по самой своей сути — это человек, прежде всего решавший проблемы взаимоотношения с могучей природой (а не с дурным соседом). Человек Севера успешно действовал в системе «человек-природа». Он **по существу**, а не понарошку, «для отчета», за счет собственных усилий и собственного ума решал проблемы выживания в неблагоприятных условиях. Он

не переключал изначально решение этих проблем на неких «рабов».

Ибо «рабов» на Севере не было.

Более того, на Севере любой встречный человек — это скорее соратник, чем конкурент. Ибо конкурировать за кусок заледенелой земли бессмысленно — ее кругом полно. А вот выживать вдвоем легче. При этом в принципе можно друг другу даже на расстоянии помогать.

В тайге, например, встречаются пустые охотничьи заимки, где может найти приют одинокий путник. Это ничейные, **общие** заимки. В заимке человек, не терпящий лишней, всегда оставит лишней коробок спичек и щепотку соли. Для другого, неизвестного ему человека, который может терпеть бедствие и у которого не будет ни одной спички и ни одной щепотки соли. Автор знает это по собственному опыту, как бывший геолог.

А вот в джунглях, насколько нам известно, аналогичных объектов нет.

Убить человека для северянина очень трудно. Представители многих малых народов Севера почти физически не могут убить человека. Они становятся способны на это, только если убеждаются с помощью внешних «агитаторов», что данная особь «не человек». Кстати, именно так работали с коренными северянами комиссары времен Великой Отечественной войны, готовя из мирных охотников результативных снайперов.

Но вот для кавказца убить любого человека не проблема. А по свидетельству знатоков ситуации, для нефа в африканской глубинке вообще самый сильный повод к веселью — это лицемерие страданий и увечий других. Хотите его развеселить, споткнитесь и упадите.

А еще лучше — при этом вывихните ногу. Его хохот будет долгим и искренним.

Разумеется, мы не будем утверждать, что белые люди неспособны убивать до сих пор. Очень даже способны. Но это не наш архетип. К этому нас вынудили назойливые южные агрессоры. А с «волками жить, по волчьему быть». Никуда от этого не денешься. Но даже тысячи лет жизни «с волками» не отучили белых, в частности русских, от приоритета милосердия. «Драка до первой крови», «лежачего не бьют» и т. п. принципы, зафиксированные в русских пословицах, резко контрастируют с установкой «на добивание» в иных культурах.

Безграмотным враньем является утверждение о «воинственных богах» Севера. В северных районах Европы военные боги появились позже всех. Это многократно отмеченный в науке факт. Тысячи лет здесь были только Боги, олицетворяющие различные силы Природы, Материнство и Плодородие. А военных богов не было.

Более того, не было не только «военных богов», не было даже четко выраженной касты «военных вождей». Все утверждения об изначальной кастовости и господстве военного сословия у предков индоевропейцев, когда они еще жили в приледниковье, не более чем расхожий миф. Тем, кто желает более детально познакомиться с данной проблематикой, рекомендуем книгу известного русского ученого, академика О. Н. Трубачевича «Этногенез и культура древнейших славян» (М.: «Наука», 2003. 486 с.). В этом капитальном труде на базе обширнейшего материала из области лингвистики и археологии реконструированы реалии становления культуры и общественной организации у праиндоевропейцев и древнейших славян.

И воинственным богам, как убедительно показано академиком Трубачевичем, не было места у наших белых предков.

В это время на юге военные боги уже давно были главными в пантеоне. А затем были сменены единым аналогом монарха (или пахана, это уж как кому больше нравится).

Даже когда назойливая агрессивность южных соседей заставила наших предков серьезно взяться за оружие, то и тогда первым небесным защитником славян оказался не «контрактник» Перун, а «военно-технический» божественный кузнец Сварог. Кстати, у ирано-ариев первым небесным защитником тоже был не «профессиональный» военный, а, говоря современным языком, военный технократ, кузнец Кова.

И победы белой расы в войнах обусловлены тем, что во все более современных войнах главным достоинством воина была не агрессия, злоба к напор индивида, а выносливость, терпение, навык к коллективным действиям, тактический расчет и стратегическое предвидение.

Именно это было подмечено многими полководцами еще в Средние века и Новое время. Тогда в ход вошла крылатая фраза Суворова о том, что один средний турок победит одного среднего русского, но вот сто средних русских обязательно победят сто турок.

В этом сила белой расы.

Но, тем не менее, ее главное предназначение не война с людьми, а решение всех проблем в системе «человек—природа», где бы и когда бы они не возникали.

Возможно, много русского читателя начала нового века это утверждение огорчит. Ибо стараниями как раз «людей Юга» в нынешней России не упорный труженик, а агрессивный, истеричный, злобный, безграмотный ублюдок стал идеалом для подражания.

Но это не наш идеал. Не идеал белого человека, формировавшегося в

сосредоточенном молчании приледниковья.

И мы верим, что еще придет время, когда с помощью новых технических средств мы добьемся торжества наших идеалов.

На этот раз окончательно. Ибо тараканов не дают по одиночке.

Их травят всех разом и во всем доме.

Дихлофосом. Который теперь у нас есть.

Но, повторяю, это не выбор людей Севера, соответствующий их биологической природе. Этот выбор нам навязан.

Грязными тараканами.

6. Незабудки для Прекрасной Дамы

Впрочем, не будем о грустном. Поговорим о прекрасном.

Весьма важным моментом в формировании менталитета людей приледниковья являлась специфика отношений полов. В экстремальных условиях Севера каждый человек на счету. В подобной ситуации нельзя пренебрегать той ролью в жизнеобеспечении, которая отводится не только мужчине, но и женщине.

Разумеется, это в первую очередь касалось активного участия женщин в самых необходимых «обычных» работах, которые в иных, не столь напряженных ситуациях выполнялись бы исключительно мужчинами. Однако в экстремальных ситуациях, столь часто возникающих в приледниковье, женщины не могли оставаться в стороне от выполнения мужских обязанностей, хотя бы в случаях гибели мужчин. Когда при редком населении вокруг не было никого. Ни друзей, которые могли бы помочь. Ни врагов, к которым можно пойти хотя бы рабыней.

Но не только это определяло особую роль женщины в приледниковье. Повышенная роль поисковой активности, разума и инновационной деятельности в обеспечении выживания в приледниковье требовали «панорамного» видения мира. А значит, весьма полезно было взглянуть на проблему с разных позиций, рассмотреть ее и с мужской, и с женской точек зрения. Там, где разум является необходимым элементом жизнеобеспечения, такими возможностями расширить взгляд на проблему не пренебрегают.

И это великолепно отражено в сказках арийских народов. Можно буквально «вычислять степень наличия арийского менталитета» по повторяемости сказочных сюжетов, где фигурируют мудрые женщины, решающие сложнейшие проблемы. В качестве примера можно привести русские сказки, где мудрые

волшебницы говорят своим героям что-то типа: «Не горюй и спать ложись». А потом с помощью ума и магии делают все как надо.

Такие же сюжеты можно найти и в сказках ирано-арийских народов, и в сказках «желтых северян». Но таких сюжетов не встретишь в сказках африканских народов. Мало их и в арабских сказках. А те немногие, что есть, позаимствованы из персидских ирано-арийских сказок.

Характерно, что в персидских и японских сказках волшебницы обычно «пришлые». В немецких и французских — волшебницы и феи весьма часто встречаются. Они, грубо говоря, «местные». А в русских сказках волшебницы вообще на каждом шагу. Они, можно сказать, атрибут быта: родственницы и жены весьма обычных героев.

Не мудрено. Именно русские являются прямыми потомками людей приледниковья. В минимальной степени (по сравнению с другими) изменившими образ жизни и менталитет предков.

Таким образом, даже на уровне сказок и мифов, у потомков людей приледниковья сформировано уважение к женской мудрости и, тем самым, заложены основы равноправия полов.

В этих условиях женщина не могла, как у южных народов, быть просто «машиной для родов». Она неизбежно в гораздо большей степени становилась «товарищем» и «соратником».

Потом в истории арийских народов не раз женщина будет на равных с мужчиной выступать соавтором исторического процесса. Это будут, в частности, легендарные амазонки, сарматки, ставшие в строй наравне с мужьями в борьбе с врагами. К явлениям такого же порядка можно отнести и участие русских женщин в Великой Отечественной войне. Примеры подобного рода можно множить и множить.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что эти примеры равенства мужчин и женщин были настолько необычны с точки зрения людей иных рас и народов, не прошедших «ледниковой закалки», что вызвали к жизни легенды о матриархате.

Сейчас доказано, что классического матриархата в людских сообществах не было. Но для иных и обычное равенство видится как аномальное господство. Отсюда и легенды о матриархате.

Но для понимания отношения к женщинам белого человека не надо прибегать к гипотезе матриархата. Человеческое уважение и равенство там, где это возможно, — вот основа арийского взаимоотношения полов.

И здесь очень четко прослеживаются истоки рыцарства. Поклонение

Прекрасной Даме — это смесь органичного для всех людей любовного влечения и естественного только для белого человека, человека приледниковья, уважения и дружеских чувств мужчины к женщине.

И эта «рыцарская смесь» чувств имеет гораздо большую предысторию, чем обычно полагают. Истоки данного элемента рыцарства кроются в глубине не столетий, а тысячелетий. На кромке ледника.

Можно возразить, что рыцарственное поклонение не имеет никакого отношения к равенству и уважению. «Равенство — это, скорее, предтеча феминизма», — скажет иной скептик. И это правда. Но не вся правда. Ибо именно человечность, в широком понимании этого термина, отличает рыцарские чувства белых людей от вульгарной половой необузданности южан. Рыцарская любовь — это прежде всего любовь **к человеку**, а не просто стремление к предмету полового вожделения.

В этой связи автор не может удержаться от реплики из собственного жизненного опыта. В своей экспедиционной работе геологом я вплотную столкнулся с уродствами жизни национальных окраин СССР. При этом мне было удивительно, что ЭТА уродства, начиная от повального взяточничества и заканчивая перманентным беспорядком в любых делах, уродства, просто дикие для белого человека, искренне поддерживались абсолютным большинством местного населения, считались вполне естественными.

Но одним из самых омерзительных для меня проявлений южного менталитета было именно отношение к противоположному полу. Вполне по-европейски образованный местный деятель мог совершенно искренне с блеском в глазах сказать, глядя на зад ослицы: «Какая женщина!» И относиться к «людям женского пола» точно так же, как к ослицам и самкам иных млекопитающих. Ибо скотоложество в тех местах, где мне доводилось работать, было весьма распространенным явлением. '

Повторим, это не определялось уровнем образования. Это было генетически обусловленным свойством. Причем имеющим массовое распространение. Именно тогда автор четко осознал, что с южанами бесполезно «бороться», силой «заталкивая» их в нашу цивилизацию. Просто русским надо жить по-русски, а азиатам и кавказцам по-азиатски и по-кавказски. Но в одном государстве, с одними законами это просто невозможно. Так что «Россия для русских, Средняя Азия для азиатов, Кавказ для кавказцев». Все логично и справедливо.

Закончим на этом нашу эмоциональную реплику и вернемся к текущей теме.

Итак, в основе рыцарского отношения к женщине лежит именно человечность. А методы оформления рыцарской любви — это уже вопрос достаточно второстепенный. Проявления же глубинных черт менталитета могут

оформляться и под сильным внешним влиянием, которое вполне может скрадывать их первоначальный смысл.

Скорее всего, так случилось и с рыцарством, которое оформлялось в культуре европейских народов под влиянием более развитых форм иных, южных традиций.

«Позвольте, но имеются и высокие проявления поэтизации любви в культуре южных народов!» — воскликнет иной наш оппонент. И мы согласимся с ним. Но если мы проследим истоки поэтизации любви в восточной культуре, то придем к выводу, что эти истоки восходят к персидским традициям. А потом эти персидские влияния были переняты иными южными народами.

Но в основе благородного персидского менталитета лежат ирано-арийские традиции. Традиции тех, кто пришел с севера, кто являлся потомками людей приледниковья.

Однако не только рыцарство (или его отдаленные пережитки) отличают отношение белого человека, потомка людей приледниковья, к женщине. Сами эстетические критерии оценки женской красоты весьма разнятся у северян и южан. Статистика показывает, что для северян наиболее эротичной частью женского тела является грудь, для южан — бедра и ягодицы.

Это вполне объяснимо с точки зрения экологии антропогенеза. На севере выкармливание ребенка идет гораздо дольше. Ибо дольше идет его созревание и гораздо более экстремальны условия этого созревания. Те же эскимоски продолжают «подкармливать» детей до 3-5, а иногда и более лет.

Кстати, такое долгое выкармливание не позволяет женщинам рожать очень часто. Это не физиологично.

Поэтому молочная железа женщин является в этих условиях «гарантом» продолжения рода. И поэтому на инстинктивном уровне эстетизируется. Кстати, именно красота женской груди так подчеркивалась нарядами европейского Средневековья. Поясному силуэту Прекрасной Дамы в стрельчатом окне замка поклонялись рыцари тех времен.

На юге можно быстрее отнимать детей от груди. Но на юге гораздо чаще можно рожать. В условиях повышенной южной агрессивности окружения и одновременного изобилия ресурсов именно возможность обеспечить непрерывный «поток детей», из которых может выживать лишь меньшинство, является гарантом продолжения рода.

Поэтому эстетизируются в первую очередь бедра, таз и ягодицы.

Повторим, это не внешние оценки, а результаты совершенно корректных

современных научных исследований, проводимых зачастую с сугубо прикладными целями в интересах рекламного бизнеса и шоу-бизнеса.

Но, заметим, даже в этих, вроде бы чисто внешних, критериях оценки женской красоты проявляется все та же основная стратегическая и цивилизационная проблематика.

Человек — это ценность или средство? Для тех, кто относится к формированию человека как к длительному процессу, он просто «чисто технически» не может быть средством. Во всяком случае, средством дешевым.

А там, где «производство людей» поставлено на поток и господствует убеждение, что «авось кто-то выживет», человек не более чем «винтик». Средство, а не цель.

Но менталитет именно белого человека, сама его физиология, в том числе физиология размножения, не позволяет потомку людей приледниковья считать человека «мелочью». Поклоняясь Прекрасной Даме, в идеале нельзя заставлять ее как машину рожать каждый год, а потом относиться к ее детям, «как к грязи», которой «не меряно».

И клянясь в верности идеалам приледниковья, архетипическим ценностям белых людей, мы не можем не упомянуть те сотни поколений женщин, которые сформировали белую расу. Сформировали в борьбе и лишениях, на равных с мужчинами выковывая белую цивилизацию.

Немыслимую без Прекрасных Дам Средневековья, амазонок железного марша, боевых подруг русских воинов и подвижников. А еще ранее без тех, кто вынашивал и выкармливал белых детей в стылых приледниковых тундрах.

Те, кто бывал на Севере, знают, что тундра весной богата красками. Символом этих холодных мест можно считать розовато-лиловый цветок морошки, иногда покрывающей землю сплошным ковром. Но особенно красиво бывает в распадках, укрытых от ветров. В начале лета там могут расцвести такие цветы, которые невозможно даже представить в этих суровых местах.

Среди этих цветов попадаются и незабудки. Скромные цветы средней полосы бледно-голубого цвета. Однако на Севере незабудки гораздо крупнее, ярче и гуще тоном окраски. Этот цветок в русском фольклоре является символом любви и верности.

И в знак поклонения поколениям матерей и тружениц белой расы автор символически преподносит Прекрасным Дамам приледниковья букет этих редких в этих местах, но все же родных северных цветов.

7. Конец эпохи. Сотворение мира

Конец Валдайского оледенения был ознаменован кардинальными изменениями климата и ландшафтов земли. Разумеется, наиболее значительными в окрестностях ледника, а именно в западной Евразии.

Интересно, что самые последние исследования вносят значительные корректировки в наше понимание этой эпохи. Если признать почти доказанную гипотезу о том, что Валдайское оледенение было самым холодным, то получается, что и переход от оледенения к теплему межледниковью стал самым большим по масштабу контрастности в истории Земли.

Но не только размах изменений поражает воображение. Поражает и их скорость. Оценки скорости отступления ледника, даваемые еще 30 лет назад, были довольно скромными. Ледник медленно, с небольшими «рывками» отступал в Скандинавию, где окончательно растаял около 10 тысяч лет назад.

Именно такие оценки процесса вошли в школьные и вузовские учебники, а через них в массовое сознание людей (разумеется, тех, кто хоть что-то слышал про оледенения). Видимо, подобные оценки были данью научной традиции, согласно которой геологические процессы по определению должны идти достаточно долго.

Однако уже в 1970-х годах начался медленный пересмотр подобных взглядов. Мощный ледник на Американском континенте даже по данным классических научных методик окончательно растаял около 7 тысяч лет назад. Тут же нашлись «научные экстремисты» и популяризаторы, которые готовы были утверждать, что это произошло 5 тысяч лет назад.

А последнее означало очень быстрое таяние ледника в Америке. Кстати, эти данные об очень быстром таянии ледника в Западном полушарии отчасти подтверждались зафиксированными в рельефе и поверхностных отложениях следами геологических катастроф, основным типом которых для эпохи конца оледенения были колоссальные переполнения внутренних водоемов и массовые прорывы вод через ложбины стока, которые буквально «прорезались» с точки зрения геологического времени «мгновенно».

Американские данные заставили попытаться несколько пересмотреть и европейские материалы. Появились предположения, что 10 тысяч лет назад не завершилась, а только началась последняя стадия таяния ледника в Европе.

Однако наибольшей сенсацией стали попытки математического моделирования климата ледниковых эпох. Согласно самым последним данным не исключено, что сам по себе климат в целом мог меняться очень быстро в течение считанных десятков лет. Разумеется, это не означает, что за такое время мог нарасти или,

наоборот, стоять пятикилометровый ледяной щит.

И тем не менее, взгляды на возможную скорость изменений природы и климата были пересмотрены радикально. Более того, в этих построениях есть одно очень важное зерно, которое не теряет своего значения, даже если отвергнуть в целом выводы климатического моделирования.

А именно: климат в масштабах всего Северного полушария мог меняться гораздо быстрее, чем таять сам ледник.

В рамках нашего исследования нас интересует окончание самого последнего оледенения. Попытаемся схематично реконструировать этот процесс.

Итак, если отвлечься от проведения прямых аналогий с процессом таяния ледника в Северной Америке, а также с известной долей осторожности рассматривать «модельный экстремизм» ряда климатологов, то вырисовывается следующая картина.

Достоверно зафиксировано, что около 10 тысяч лет назад началось резкое обмеление озер на юго-восточной окраине нашего ледника. Это можно традиционно проинтерпретировать как результат потепления климата после окончательного таяния ледника.

Но подобное объяснение вовсе не единственное.

Климат в целом мог несколько потеплеть довольно быстро. Но ледник так быстро растаять не мог. Он продолжал существовать и продолжал «перехватывать» влагу, которую приносили западные ветры. Поэтому на восточной окраине ледника стало теплее. Но стало еще более сухо. Ибо одно дело иметь 200 мм осадков в год при среднегодовой температуре -12°C , а другое дело — при -2°C .

Таким образом, юго-восточный край ледника стремительно отступал на северо-запад. На русской равнине становилось теплее и суше. Мелели водоемы. На месте тундро-лесостепи быстро формировались леса и лесостепи.

Наши личные научные результаты, полученные методом геоэкологического моделирования, показывают, что при таком сценарии развития ситуации продуктивность и качество ландшафтов на Русской равнине росли просто стремительно.

Это был действительно «золотой век» для всех, обитающих здесь.

Однако на западе ледник при таком развитии событий отступал отнюдь не столь стремительно. Более того, динамика западного края ледника во многом определялась на начальных этапах конца Валдайского оледенения не

повышением температуры, а повышением влажности. При более теплом климате Северного полушария в умеренных широтах резко увеличиваются осадки.

Но их львиная доля перехватывается западной и центральной частью ледникового щита, который, напомним, имел высоту более пяти километров. Поэтому на начальных стадиях потепления он в своей западной половине мог не только таять, но и вообще расти. И даже если мы с этим не согласимся, то все равно должны признать, что на западе ледник отступал гораздо медленнее, чем на востоке.

Правда, лед постепенно «прогревался». А значит, становился все более пластичным и «расползался» туда, куда позволял рельеф. Напомним, кстати, что как раз совсем недавно, в 2002 году, в Кармадонском ущелье Северной Осетии произошел сход ледника.

Но эта катастрофа произошла именно в аномально теплый год!

Так что мы вполне можем себе представить аналогичные явления, но гораздо большего масштаба на окраинах ледникового щита в тех местах, где рельеф подстилающей поверхности позволял ему «расползаться», т. е. в Скандинавии, Шотландии, Арденах.

Наше предположение состоит в том, что общая площадь ледника сокращалась на начальных этапах конца оледенения незначительно. Довольно резкое его отступление на юго-востоке отчасти компенсировалось ростом на западе. Не столь быстро уменьшался и его объем. А следовательно, не повышался уровень океана.

Первоначально потепление сказывалось на повышении температуры льда. И только изрядно «подогревшись», ледник начал интенсивно таять.

Но коль скоро «начало конца» Валдайского оледенения имело место 10-12 тысяч лет назад, то сам конец был несколько позже. Во всяком случае, такой объем льда не мог растаять скорее, чем за 3-5 тысяч лет, даже без учета первоначального периода компенсации таяния на востоке ростом на западе, о чем мы говорили несколько выше.

Симптоматично, что наши ориентировочные расчеты дают окончательное таяние ледника в Европе в период 7-8 тысяч лет назад. Но именно в этот период растаял и ледник в Америке. И около 7,5 тысяч лет назад произошло заполнение котловины Черного моря, бывшего тогда озером, прорвавшимися морскими водами вследствие быстрого повышения уровня океана.

Оценки по Черному морю получены несколькими независимыми методами. И полностью соответствуют... датировке «сотворения мира» в легендах

индоевропейских народов. Сейчас, когда пишется эта глава, в 2002 году христианской эры, идет 7511 год от «сотворения мира».

Поразительный «букет совпадений»!

Просто так подобных совпадений не бывает.

Именно в период с 8 до 7 тысяч лет назад ледник окончательно растаял, уровень океана поднялся. И климат снова резко изменился. Атлантические циклоны понесли бесконечные дожди на Русскую равнину. А рост облачности обусловил падение летних температур. Начался резкий рост болот. И условия жизни ухудшились.

Самые современные данные говорят, что все эти перемены закончились не позднее 6 тысяч лет назад. А может быть и раньше. То есть начались они... Правильно, все те же 7-7,5 тысяч лет назад.

Но перед этим унылым периодом было как минимум 3 тысячи лет «золотого века».

8. Самая первая победа Севера. От Черного моря до Валдая и Арден

Именно в это время на пространствах к юго-востоку от ледника развернулась финальная драма борьбы предков современных людей белой расы с их историческими конкурентами.

Согласно довольно многочисленным данным, в это время население Западной Евразии сократилось в 4 раза. Палеолит сменился неолитом. То есть люди стали изготавливать шлифованные каменные орудия.

Конкуренты современного человека, скорее всего, проиграли в первую очередь потому, что основой их жизнеобеспечения была все та же загонная охота на представителей мегафауны. Сами же эти представители с уходом ледника оказались в стрессированном положении.

И это определялось следующими причинами.

Первое. Медленное, но неуклонное нарастание осадков. Зимы становились мягче, но все более многоснежными. Поначалу этот процесс шел очень медленно. Но он стал лавинообразно нарастать 8-9 тысяч лет назад, когда ледник начал стремительно таять, теряя площадь и высоту.

А при глубоком снеге мамонты не могут зимой добывать себе пищу. Они стали либо вымирать, либо откочевывать к северу.

Аналогично обстояло дело и с характеристиками поверхности, хотя интенсивный рост болот начался значительно позднее. Но деградация мерзлоты привела к тому, что многие участки, не становясь болотами в классическом понимании, стали периодически весной и осенью превращаться в топи, куда тяжелые мамонты проваливались.

В конце концов, не так уж глубоко надо провалиться мамонту, чтобы он или погиб сам, или стад легкой добычей охотников. Всего-то метра на полтора.

Все эти проблемы для мамонтов обернулись просто раем для охотников. Увеличилось время, позволяющее устраивать огненные загоны. А сами мамонты стали гораздо более уязвимыми. Поэтому вполне правдоподобными представляются расчеты, согласно которым мамонты были выбиты буквально за считанные десятки лет. За 1-2, максимум 3 поколения охотников.

Хронометраж событий можно восстановить если не по годам, то, во всяком случае, по столетиям и даже десятилетиям.

Итак, 10 тысяч лет назад на Русской равнине начинается повсеместное потепление и рост относительной сухости климата (последнее преимущественно в ее северной части). Первоначально эти изменения благоприятны абсолютно всем обитателям этих мест — предкам белых людей в ближнем приледниковье, их более южным конкурентам, мамонтам и всем другим млекопитающим.

Начинается повсеместный рост численности промысловых животных и популяций человекообразных.

Около 9 тысяч лет назад условия для жизни мамонтов начинают ухудшаться в южной части Русской равнины. Однако при этом условия охоты на них улучшаются. Растет объем добычи мамонтов. Резко растет численность населения южной части Русской равнины.

В северной части Русской равнины продолжается рост численности предков белых людей, населяющих ближнее приледниковье, и возрастает благоприятность условий их существования. Отчасти сюда перекочевывают мамонты с юга, и это только усиливает тенденцию к улучшению ресурсообеспеченности наших предков. Однако «лишние» мамонты не изменяют уже существующее и закрепленное разнообразие методов жизнеобеспечения.

На юге, в условиях изобилия, прекращается или вообще тормозится переход на альтернативное жизнеобеспечение. Добыча мамонтов растет опережающими темпами.

Около 8,5 тысячи лет назад мамонты на юге исчезают. В популяции гоминидов

юга Русской равнины начинается кризис. Население юга устремляется на север за уходящими мамонтами. Однако при этом оно не доедает, происходит частичный возврат к каннибализму. Нарастают «междоусобицы» в среде маргинален.

Основные потери популяции маргинален несут от недоедания и междоусобиц. В этой ситуации, встретившись с продолжающей процветать популяцией белых людей, маргиналы терпят поражение.

Но белые люди в данном случае не столько уничтожают, сколько добивают маргинален, которые сами находятся в стадии вымирания и в совершенно неудобной стратегической ситуации. Ибо они более разобщены, раздражены, ослаблены голодом и междоусобицей, вторгаются на неизвестные им территории. А их противники, наши предки, находятся на популяционном подъеме, более сплочены и более способны к коллективным действиям, являются лучшими тактиками, и, как это ни мало в то время, все же несколько лучше вооружены.

Нашим предкам при этом даже не надо до конца добивать своих противников. Достаточно отбросить их. Не дать «догнать последних мамонтов». И оставить один на один со все убыстряющимися изменениями природной среды, к которым они не успевают приспособиться.

Южная часть Русской равнины оказывается свободной от маргинален.

В это же время неуклонно растет уровень мирового океана, а следовательно, Средиземного моря. Связей между Западной Евразией и Африкой становится все меньше. Возможные коридоры новых нашествий с юга перекрываются.

В распоряжении человека, который окончательно в это время формируется как современный белый человек, оказывается благодатнейший юг Русской равнины. И жемчужина этих мест — равнины Черного и Азовского морей.

Наши предки отчасти влекомые инстинктом и памятью, отчасти в процессе преследования маргинален, устремляются в эти благодатные места. Там, на изобильных равнинах, прорезанных чистыми реками, богатыми рыбой, происходит резкий всплеск численности популяции белых людей.

В их распоряжении еще как минимум 500-700 лет беззаботной жизни в условиях постоянно улучшающегося качества среды. Поэтому рост численности белого населения носит взрывной характер.

А потом происходит катастрофа. Морские воды прорываются через Босфор. Черное море из озера становится настоящим морем. В нем гибнет пресноводная рыба. Затопляются благодатные устьевые участки Днепра, Дуная, единой в то время реки Дон—Кубань. Уходят под воду самые плодородные долины.

Потоп идет очень быстрыми темпами. По некоторым расчетам вода прибывает по 1-1,5 метра в день. Это означает ежедневное отступление береговой линии на 2-3 километра.

Массы людей оказываются просто выброшенными на север. Нынешнее Причерноморье и Приазовье переполнены. И белые люди отсюда начинают расходиться в разные стороны. Что тоже очень симптоматично. Белые расходятся, а не истребляют друг друга в бессмысленных попытках переделить оскудевший пирог даров природы.

И тут на их счастье оказывается, что горы и долины Центральной Европы — это уже отнюдь не аналог Антарктиды. Они весьма неплохи для проживания и практически не заселены. Начинается марш на северо-запад.

И этот марш заканчивается на берегах Северного и Балтийского морей.

Белая раса занимает Европу.

Нельзя сказать, что марш на северо-запад не осуществлялся до этого. Часть белого населения с самого начала не пошла на юг, а отбив натиск маргинален, двинулась вслед за отступающим ледником. Другая часть двигалась на восток. Ибо в самом приледниковье по мере таяния ледника условия проживания улучшались, население росло, как это следует из законов популяционной биологии опережающими темпами, и распространялось во все стороны.

Следы этого восточного потока зафиксированы в находках костных останков и, возможно, начались около 10 тысяч лет назад. Но этот начальный поток был очень неплотен. И, несмотря на то, что были достигнуты берега Тихого океана, этот поток иссяк, растворившись среди гораздо более плотного потока желтой расы.

Поток на северо-запад сразу «от Москвы» был плотнее, но тоже уступал потоку из Азово-Черноморского «угла» по плотности и темпам.

Говоря об общности древних европейцев, надо отметить еще одну ее составляющую. На самом западе Европы во времена оледенений тоже шло вытеснение первоначально пришедших сюда предков белых людей из относительно плодородных равнин нынешнего шельфа Средиземного моря и узкой полосы прибрежных равнин нынешней Франции, Северной Италии, отчасти Испании.

Вытесненные из этих мест маргиналами люди уходили в ближайшие горы.

Здесь уместно напомнить, что исходно предок человека сформировался на равнинах. А самые благоприятные для человека места — это долины рек. Недаром «так вольно дышится у реки». На втором месте идут равнины. Горы же

исходно не относились к местам, предпочтительным для людского поселения.

«Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», — гласит русская пословица. Во многих древних языках слова «горы» и «ад» являются синонимами.

Белый человек крайнего запада Европы был вышвырнут в горы с присредиземноморских равнин точно так же, как его собрат на Русской равнине был вышвырнут к краю ледника. Нам представляется, что преодолеть горы в ледниковую эпоху человек не мог. Во всяком случае, это не могло быть массовым явлением. Просим читателя вспомнить то, что мы писали выше о ситуации среднегорьях Средней и Западной Европы во время оледенения.

Тем более не мог человек преодолеть покрытые льдом Альпы.

Так что не так уж далеко ушел вытесненный с равнин Средиземноморья человек в горы. И не так много там было мест для проживания, а также ресурсов для жизнеобеспечения.

Исключением являются два коридора возможной миграции по долинам Роны и Гаронны. Пройдя по этим коридорам, предок современного человека мог найти «кусочек равнин» в Западной Франции между Пиренеями и краем ледника, располагавшимся тогда в районе нынешнего Брюсселя. Эти равнины Западной Франции были тогда более обширными, чем сейчас, ибо включали тогда шельфовые пространства на севере Бискайского залива. Но, напомним, на западе Европы условия в приледниковье были хуже, чем на востоке. Излишнее увлажнение в холода губительно для жизни. Поэтому людей здесь не могло быть так же много, как на востоке. И территории для охоты раз в 10 меньше. И ресурсы на единицу площади в 1,5-3 раза скуднее.

Из этого по законам популяционной экологии следует, что численность предков белых людей крайнего запада Европы была в 15-30 раз меньше, чем их собратьев на востоке.

По окончании ледникового периода человек продвинулся из этих мест на север. Но, отметим, что ледник здесь сохранялся наиболее долго. Самая западная его окраина растаяла последней. Чуть позже 7,5 тысяч лет назад. Поэтому двигаться к северу стало возможно не ранее, а скорее даже позднее, чем 7,5 тысяч лет назад. Чуть позже начала движения из Причерноморья, но гораздо позже начала движения из центра Русской равнины за отступающим ледником около 10 тысяч лет назад.

Битвы самой западной ветви предков белой расы со «своими маргиналами» были аналогичны соответствующим эпизодам на востоке Европы, но гораздо менее масштабны. В них было меньше участников, и проходили они на гораздо меньшей, можно сказать, ограниченной, площади.

Итак, в формировании белой расы приняли участие три людских потока. Первый — это те, кто шел за отступающим ледником из центра Русской равнины на северо-запад в Прибалтику, северную Польшу и северо-восточную Германию. Второй — это те, кто шел к северу за отступающим ледником из долин Гаронны, Луары и равнин нынешнего Бискайского залива. И третий — это те, кто пошел на северо-запад из Причерноморья и Приазовья, сначала по долинам Дуная, Днестра и Днепра, а потом из этих мест распространился по среднегорьям и низкогорьям всей Центральной Европы.

Вклад этих потоков в формирование белой расы можно оценить по следующим косвенным признакам. Во-первых, надо сравнить площади, где формировались центры, из которых началось движение. Во-вторых, надо сравнить относительную продуктивность ландшафтов этих центров. В первом приближении можно предположить, что исходная численность мигрантов была тем больше, чем больше территория, где формировались «отряды переселенцев», и чем больше продуктивность ландшафтов на этой территории.

Кроме этого, весьма существенно то, куда шли людские потоки. Если перед ними были обширные незаселенные высокопродуктивные территории, то в процессе перемещения количество переселенцев стремительно нарастало. Если впереди было не так много хороших угодий, то численность мигрантов росла гораздо медленнее и быстро стабилизировалась.

В качестве аналогии первого типа ситуации приведем американских индейцев. По некоторым оценкам в Америку переправилось всего несколько сот человек, которые, стремительно пройдя по незаселенным территориям, в итоге размножились до нескольких десятков миллионов.

Итак, если мы оценим все эти факторы, то увидим, что поток из Причерноморья и Приазовья был самым большим. Потоки на крайнем западе и на северо-востоке были сравнимы между собой. Но они даже в сумме все равно были меньше, чем главный поток.

Поэтому именно «азово-черноморская» миграция стала основной при формировании людей белой расы. Разумеется, достигнув берегов Балтики, пришельцы из Причерноморья легко смешались с родственными племенами, пришедшими сюда сразу за отступающим ледником, а в северо-западной Германии с двигавшимися по берегу Атлантики из Южной Франции.

Но тогда в постледниковой изобильной Европе всего, что было нужно для вольготной жизни всех этих людей, было в избытке. И поэтому вряд ли имели место некие серьезные конфликты. Сформировалась пока достаточно единая общность белых людей. И в этой общности около 2/3 составляли выходцы из южной части Русской равнины, и еще чуть менее одной шестой — выходцы из ее центральной части.

Итого около 4/5 белого населения сначала Европы, а потом и всей земли имеют «наши» корни.

В годы брежневского застоя в ответ на дебильную советскую пропаганду, раздувавшую зачастую несуществующие «достижения» увядающей империи, в народе возникла едкая шутка: «Россия — родина слонов».

Мы не будем всерьез повторять или оспаривать эту шутку. Хотя вскользь заметим, что Россия — родина мамонтов.

Но вот то, что Россия — родина белой расы, это несомненно.

9. Биология, антропология, политика. То, о чем не удастся промолчать

Генералу де Голлю молва приписывает следующие фразы: «Современная цивилизация возможна только как цивилизация единомышленников» и «XX век был веком конфликтов классовых, XXI будет веком конфликтов национальных». Автор не ручается за корректность изложения этих высказываний, ибо прочел их в русском переводе в статьях, далеких от академичной корректности.

Однако эти фразы с поразительной точностью передают саму суть проблем наступившего века. Да, проблемы будут носить цивилизационный характер. Но как раз для решения цивилизационных проблем особую важность приобретает психологическая комплиментарность. Своего рода «сыгранность» команды, которая будет эти проблемы решать.

А команда должна быть большая. И спясть ее могут отнюдь не организационно-технические решения, не страх государственного террора, не оболванивание. Должно быть внутреннее архетипическое единство.

Поэтому вопрос, у кого и с кем это единство возможно в принципе, а с кем нет, отнюдь не праздный. И пока, к сожалению некоторых, самым простым, очевидным и распространенным вариантом массового (я подчеркиваю — именно массового) достижения подобного единства является этническая и расовая однородность соответствующей «большой команды».

В прогностике существует такое понятие — «тень будущего». Эта тень задолго до наступления соответствующих событий влияет на текущие дела. Иногда весьма существенно. Мы считаем всплески и теоретического, и реализованного на практике в XX веке интереса к расовым и национальным проблемам не архаикой, а, помимо всего прочего, проявлением «тени будущего». Того будущего, суть которого передана в начальных фразах данного раздела.

И уверяем наших оппонентов из определенного лагеря, что само будущее

намного превзойдет те проявления его тени, которые имели место в гнусном, лицемерном и в итоге, несмотря на кажущийся прогресс, безмозглом XX веке.

В этой ситуации интерес к проблемам формирования человека как вида носит отнюдь не праздный характер. И те вопросы, которые мы осветили в этой главе, могут иметь весьма большое пропагандистское значение.

Однако, прежде чем перейти к нашим собственным интерпретациям экологии антропогенеза в приледниковье, окинем «с высоты птичьего полета» научное и идеологическое противостояние по этногенетическим и расовым вопросам.

В том научном и идеологическом противостоянии, которое разворачивается вокруг этих проблем, есть два крайних полюса. Одни т.н. «общечеловеки» отрицают наличие весьма существенных, зачастую непреодолимых, заложенных на биологическом уровне различий между людьми определенных рас и национальностей в принципе.

При этом, в сущности, соответствующие деятели не утруждают себя глубокой аргументацией. Она сводится, как правило, к набору весьма нехитрых рассуждений.

Во-первых, есть ли возможность получения жизнеспособного потомства между представителями разных рас и народов? Есть. Значит, согласно классическому биологическому правилу, все человечество принадлежит к одному виду.

Во-вторых, так ли непреодолимы несомненно имеющиеся различия в биологии и психологии (отрицать эти различия в принципе бессмысленно) представителей разных рас и народов? Нет, мы знаем примеры и спортивных команд и экипажей, и целых национальных общностей, которые состоят из представителей разных рас и, тем более, этносов.

Значит, вся проблема создания больших и сверхбольших «команд» чисто организационная.

Представители оппонентов данного подхода весьма разнообразны. Тем не менее, наиболее радикальный фланг этой стороны противостояния тоже довольно однороден и не менее прост. Здесь тоже имеются две группы аргументов.

Первое, что подчеркивается представителями этой стороны, — это научно зафиксированные существеннейшие различия между людьми разных рас и народов. Различия психофизиологические, биохимические морфологические и т. п. Характерно, что данные различия начали изучаться, документироваться и статистически обрабатываться на должном научном уровне уже в середине XIX века.

Последние достижения биологии только добавили материала в эту копилку фактов. Мы не будем здесь приводить даже в качестве иллюстрации примеры подобных исследований, ибо они сейчас опубликованы весьма широко. Заметим лишь, что на фоне этого потока, как самых современных данных, так и извлеченных из архивов еще XIX века, просто незначительными частностями представляются немецкие публикации 1930-х годов на этот счет.

Второе, чисто пиаровское направление деятельности сторонников соответствующих взглядов, это педалирование многочисленных этнических конфликтов, которыми оказался так богат XX век.

Отметим, что пиаровское противоборство в нынешнее время проходит с ничейным счетом. Жизнь подкидывает все новые и новые примеры расовой и этнической несовместимости. Но та же жизнь демонстрирует и противоположные примеры.

Честно отследить, каких примеров больше в масштабах всей Земли, нельзя. Ибо мы имеем дело уже со вторичной информацией, переработанной теми, кто сейчас владеет и СМИ, и большинством потоков финансирования науки.

А подавляющее большинство мировых СМИ, научных центров, «фабрик грез» работает сейчас на доказательства возможности и желательности «всеобщей дружбы» и политкорректности.

Но даже в этих условиях очень многие, волею судеб далекие от данных проблем (мы уже не говорим о тех, кто почувствовал эти проблемы на собственной шкуре, но пока исключим их из рассмотрения) обыватели смутно понимают, что не все на самом деле так благостно. Это свидетельствует о том, что правы все-таки противники «общечеловеков». Но данное свидетельство все же косвенное и **не может быть решающим.**

Читатель наверняка уже давно представляет взгляды автора по этому вопросу. Поэтому прошу заметить тех, кто не согласен с автором, что в данном случае мы намеренно подыгрываем нашим оппонентам и принимаем наиболее выигрышные для них предположения, не скатываясь на хлесткие полемические приемы.

Итак, в чисто пиаровском плане имеет место «боевая ничья».

В данной ситуации особое значение приобретает теоретическое противостояние. И в этом противостоянии имеет место следующий процесс.

Сторонники существенности и непреодолимости расовых различий приводят все новые и новые факты. Но их противники спокойно парируют: «И все же по всем правилам биологической науки, человечество — это единый вид, ибо от представителей разных рас получается потомство, способное к дальнейшему

размножению».

Тогда приводятся новые факты о различиях. А в ответ получают те же аргументы. С чисто психологической точки зрения многословные «расологи» для внешнего наблюдателя выглядят так же, как Тарас Бульба в известном анекдоте, звучащем следующим образом:

«Выехал Тарас Бульба на днепровскую кручу, огляделся вокруг и крикнул:

— ...твою ма-а-а-ть!

И эхо ответило ему:

— Мать, мать, мать...

Другой раз крикнул Тарас, и эхо снова ответило ему так же. Но когда Тарас в 1324-й раз крикнул то же самое, усталое эхо ответило ему:

— А не пошел бы ты, Тарас, на...»

Очевидно, понимая психологическую уязвимость своей позиции сейчас и в относительно недавнем прошлом, противники «общечеловеков» начинают выступать против основ биологической науки. В ход идут иногда самые бредовые аргументы, типа происхождения человека от инопланетян или разных этносов не от приматов, а от... зверей и даже птиц. Хочется спросить, почему же сразу не от динозавров?

Однако гораздо чаще отрицается теория эволюции и основополагающее в биологии определение вида. С исключительной внимательностью подхватываются любые дискуссии по базовым проблемам биологической теории. При этом злорадно раздуваются и превратно интерпретируются обычные для любой нормальной науки дискуссионные вопросы. Иногда вообще отрицается даже появление жизни на Земле и из хлама вытаскивается тупиковая теория панспермии.

Довольно часто в разных интерпретациях звучит, по существу, одно и то же отрицание самой возможности реализации рецессивных признаков в значительной части популяции. Например, массовое появление голубоглазых блондинов в изначально темноглазой и темноволосой популяции.

Последнее особенно нелепо, ибо это просто азы популяционной биологии. **На окраине ареала** обитания массовые проявления рецессивных признаков не исключение, а скорее правило для абсолютно всех популяций, причем не только млекопитающих. Сами же рецессивные признаки постоянно генерируются в популяции в процессе развития всего живого. Это один из механизмов эволюции.

Иногда эти частности не формулируются прямо, а постулируются в неявном

виде в утверждениях типа того, что у каждой расы и даже нации был свой собственный человекообразный предок.

Разумеется, был, но у этих предков все равно будет общий, но только более дальний предок. Например, первые приматы. Или первые млекопитающие. Или первые позвоночные, в конце концов.

Так и хочется спросить: «Вам от такого удаления вглубь геологической истории общего предка легче, уважаемые коллеги?»

Национальным идеологам, столь вольно обращающимся с наукой либо современной науке предпочитающих науку позапрошлого века, хочется спеть ироническую интерпретацию известной песни-агитки 1930-х годов: «Стукни палкой, Петруша, по трактору, коль не можешь его завести». Ибо, увы, именно так пытаются «стукать» современную науку, перед которой они бессильны, иные национальные идеологи, ведущие себя в данной ситуации, как безграмотные сельские комсомольцы конца 1920-х годов.

Впрочем, шутки в сторону. Дело в том, что на расовую и национальную идею работают как раз **самые современные** концепции биологической науки. Просто эти концепции надо знать.

Начнем издалека.

Доказано, что появление жизни на Земле, а не где-то, неизвестно где, закономерно. Этот процесс не имеет ничего общего со случайным «перебором химических комбинаций». Это результат **направленных** химических изменений. А их четко определенная направленность определяется энергетической открытостью земной биосферы. В той геохимической ситуации, что существовала на ранней Земле, при той контрастности условий и том потоке энергии извне, появление белков, АТФ и липидов не случайность, а четко предопределенная закономерность. Как закономерно и их дальнейшее объединение в более сложные структуры.

Теория направленных химических процессов сложна. При ее изложении не обойтись без математических и химических формул. Поэтому мы не будем даже пытаться изложить ее здесь. Особо подготовленному и любознательному читателю просто порекомендуем книгу академика Э. М. Галимова «Феномен жизни. Между равновесием и нелинейностью» (УРСС, 2002. 254 с.).

От себя добавим лишь, что геохимические и биохимические выводы Галимова можно только еще **более усилить** и лишний раз подтвердить, привлекая самые новые материалы исторической геологии и общей теории систем, которые сам Галимов в своей аргументации пока не использовал. В частности, это касается теории квазистационарных состояний.

В целом же теория Галимова целиком соответствует научной доктрине т. н. «коэволюции», выдвинутой одним из русских национальных гениев, академиком Вернадским.

Особо отметим, что из научно-мировоззренческой доктрины В. И. Вернадского и из сугубо научной, специальной теории Э. М. Галимова вполне корректно следует вывод о **неизбежности и направленности** эволюции и, соответственно, появлении разумного существа.

Остается очень интересный вопрос о механизмах эволюции на этапах, когда уже оформились отдельные организмы. Этот вопрос можно изложить, не прибегая к химическим и математическим формулам. Но он тоже все-таки достаточно сложен для среднего читателя.

Отметим лишь, что базовым механизмом эволюции является накопление разнообразных признаков, которые могут быть востребованы очень не скоро, а могут вообще никогда не потребоваться. При этом «таскать в себе» невостребованные текущей обстановкой признаки — это все равно, что нести лишнюю, неизвестно для чего нужную железяку в рюкзаке на дальнем маршруте. Поэтому те, кто носит «в себе» много разных ненужных признаков, как правило находится в подчиненном положении.

А большую часть времени в природе «правят бал» хорошо приспособившиеся и узко специализированные. Кто не столько накапливает «полезные» признаки, сколько избавляется от «ненужных в данной ситуации излишеств».

Знаменитое же «приспособление» происходит не постепенно, как интерпретируют Дарвина некоторые его апологеты. А главное, приспособляются **не только и не столько к текущей ситуации.**

Но в процессе наиболее резких изменений среды, имеющих не биологические, а геологические и космогонические причины, вдруг **сразу у многих** особей **многих различных** видов появляются конкурентные преимущества в **новой** среде, обусловленные ранее не востребованными «талантами», пардон, свойствами организмов.

Но, мало того, начав реализовывать полученные преимущества, ведя, говоря популярным ныне в России языком, «перedel ресурсов», эти особи **очень многих различных** видов своей жизнедеятельностью сами провоцируют дальнейшее изменение среды, убыстряя перемены в ней. Процесс приобретает лавинообразный характер. И так до тех пор, пока «перedel ресурсов» не закончится, и «новые хозяева не установят новый порядок».

Для внешнего наблюдателя, отделенного от данных событий многими геологическими эпохами, это иногда, действительно, может показаться чуть ли не мгновенным процессом, чем-то сродни «творению». Образно говоря, «из

подвалов» экосистем в одночасье вырываются толпы ранее не заметных тварей и становятся «министрами, генералами и королями» нового варианта биосферы.

При этом биосфера меняется, действительно, чуть ли не целиком. В качестве примера приведем гибель динозавров и выход на арену млекопитающих. О гибели динозавров знает даже debil, имеющий «телевизионное образование». Но, напомним читателю, что одновременно вымерло большинство тогдашних видов насекомых и растений. То есть не только млекопитающие «доедали» динозавров, но в чем-то аналогичные процессы происходили и в растительном мире, и в мире беспозвоночных, и даже в мире бактерий.

Слишком много «накопилось» в биосфере того времени потенциала развития, и слишком тупиковым был эволюционный «застой» биосферы динозавров.

Мы просим извинения у читателя-специалиста за такую примитивизацию, а у читателя неспециалиста за излишнюю сложность.

Однако, внимание, господа расисты, одним из главных механизмов накопления новых признаков является **возможность скрещивания родственных видов и получения от этого скрещивания жизнеспособного потомства**. Данная теория получила название «теории комбинаторной эволюции». Запомним этот термин.

Доктрина комбинаторной эволюции — это карт-блани расовой и националистической идеологии, данный самой современной наукой.

Однако механизмы комбинаторной эволюции работают не всегда, не у всех видов и не во всех ситуациях. Последнее особо важно. Ибо как оказывается, очень важен экологический фон данного процесса. Но это **возможно в принципе**. И это является одним из важнейших механизмов видообразования. Особенно часто данный процесс происходит при формировании принципиально новых видов.

Таких как человек, например.

Так что не надо пытаться опровергнуть современную биологию, поставить под сомнение понятие вида и отвергать эволюцию ради того, чтобы иметь возможность утверждать, что **современное человечество не представляет единого вида** сейчас, а тем более не представляло его в прошлом. Эти выводы прямо вытекают как раз из самых передовых научных доктрин.

Тем не менее, общий человекообразный предок у всех рас и народов был. Мы назвали этого предка водной обезьяной. Можно придумать другое название. Но не в названии дело.

Просто от водной обезьяны, а точнее от ее ближайшего потомка Homo erectus

(человека распрямленного) произошел очень широкий спектр близкородственных видов. В этом спектре выделились две лидирующие ветви, которые наиболее быстро эволюционировали параллельно, — это ветвь тех, кто в итоге станет предками белого человека, и ветвь тех, кто станет предками желтого человека (или некоего его подвида).

Но помимо этих двух лидирующих ветвей было множество ветвей маргинальных. Представители их скрещивались как между собой, так и с представителями лидирующих ветвей.

В итоге получилось нынешнее разнообразие человечества. Разнообразие близкородственных видов одного из родов млекопитающих.

Весьма интересно с этой точки зрения взглянуть на тех, кого до недавнего времени считали предками современного человека — питекантропов, синантропов, неандертальцев.

Большая их часть — это тупиковые ветви, причем зачастую даже не потомки водных обезьян, а их «братья», возможно, даже «двоюродные». Большинство этих питекантропов и синантропов жило гораздо позже *Homo erectus*.

В настоящее время научным недоразумением можно считать попытки рассматривать питекантропов и синантропов в качестве предков человека. Но ведь только на этом фоне как сенсации выглядят все новые находки гораздо более похожих на современного человека особей возрастом более миллиона лет назад.

За каждой такой сенсацией так и проглядывается в неявном виде утверждение типа: «Вот, старше питекантропа в 2 раза (в 1,5 раза, в 3 раза и т. п.), а намного больше похож на человека!»

Да чего же тут удивительного, господа. Все эти находки различных вариантов Нолю егес1их, его ближайших потомков или ближайших предков. В конце концов, и сам *Homo erectus* мог быть результатом комбинаторной эволюции.

А жил распрямленный человек более миллиона лет назад, гораздо раньше питекантропов и синантропов. И то, что некоторые из дегрантов, а скорее даже просто отдаленных родственников водных обезьян в итоге научились использовать огонь или взяли в руки острый камень, еще ничего не значит. Вернее, это означает, что общее направление эволюции в целом predeterminedено логикой развития биосферы. Но вписываются в эту логику все по-разному.

В становлении же человека главным был отнюдь не камень и даже не огонь, а **раздвоение сознания**. Вследствие необходимости отличать **своих от чужих в особях одного с собой вида**. И эта потребность появилась только у потомков водных обезьян, прошедших стадию каннибализма. Именно поэтому так

важно при анализе тех или иных останков человекообразных обращать внимание даже не на объем мозга, а на фигуру. Если фигура свидетельствует об этапе водной эволюции и сильно, «по-человечески» распрямлена вследствие каннибальского отбора, значит, это один из предков человека или ближайший родственник этого предка.

Если нет, то к человеку он отношения не имеет.

Кстати, как раз у всех «сенсационных» находок «древнее питекантропа» исследователи отмечают близкую к современному человеку фигуру при довольно малом объеме мозга. Все правильно. Мозг еще обезьяний. Но его будут усиленно развивать. Развивать, не раскалывая камни, «трудясь по Марксу», а пытаясь во что бы то ни стало объяснить «незнакомым дядям», что «я свой».

Как говорится: «Думай, голова. Думай».

Несколько сложнее вопрос с неандертальцем. Чем больше находок представителей этой разновидности человекообразных, тем больше убеждения в том, что под неандертальцем понимают целый «букет» очень разных видов. И это не мудрено. Ибо появление современного человека — это очередной рывок в эволюции. А в его непосредственной преддверии был всплеск проявлений комбинаторной эволюции.

Возможно, среди различных вариантов неандертальцев есть те «продвинутые», кто стал предтечей кроманьонца. А может этого «неандертальца» еще просто не нашли.

Но представляется, что большая часть неандертальцев послужила либо «комбинаторной примесью» к эволюционному лидеру, либо это вообще несчастные деграданты, которые эволюционно «сломались», выгнанные в разгар оледенения в горы Центральной Европы, где и вымерли, не оставив потомства. На эти территории по окончании оледенения пришли белые люди, которые не были их прямыми потомками.

Так что нет ничего сенсационного в том, что некоторые неандертальцы сильно отличаются от современных людей в генетическом плане.

Некоторые отличаются. А некоторые не очень. Есть данные и того, и другого плана. Например, отличающиеся всего **одним** геном от нормальных современных людей больные акромегалией имеют костяк и череп по форме, полностью аналогичной «самым типичным» неандертальцам. Фенотипически это неандертальцы в чистом виде.

Так что сенсации можно будет устраивать только тогда, когда число находок неандертальцев возрастет как минимум на порядок. Они будут разделены на

подгруппы, сначала морфологически, а потом и генетически. И тогда можно будет искать связи между ними самими и между ними и кроманьонцами.

Но, в конце концов, с точки зрения формирования мировоззрения и выработки адекватного взгляда на этнополитические проблемы, эти детали не столь уж важны. И если не рассматривать перипетии этногенеза желтой расы, то вырисовывается следующая картина.

Есть лидирующая ветвь эволюции человека — белый человек, сформировавшийся в европейском приледниковье. Прямой потомок *Homo erectus*. И есть, а вернее сказать было много маргинальных близкородственных видов. Отнюдь не обязательно стремиться доказать связь этих видов с несчастными неандертальцами. Оставим этих страдальцев ледниковых гор Европы в покое.

И специально для расистов-экстремистов напомним, что нефы отнюдь не потомки неандертальцев. Большинство неандертальцев — это наши европейские подвиды ближайшего предка человека, которые вымерли, не дав потомства.

А вот сохранившийся до наших дней т. н. «снежный человек», прямые **внуки** некоторых представителей (вернее представительниц) которого живут в Грузии поныне (это подтверждено документально), действительно, является одним из этих маргинальных видов. Видов, внесших **реальный вклад в формирование кавказцев**.

Другим представителем маргинален, который наверняка «гонял» наших предков по пути из Африки в Европу, был гигантопитек. По некоторым данным гигантопитеки дожили до исторического времени. Их скелеты найдены на Крите. После подъема уровня океана гигантопитеки оказались локализованы на островах Восточного Средиземноморья и были уничтожены уже современными людьми. Кстати, самый высокий человек в мире, чей рост около трех метров, является уроженцем Туниса. Не так уж далеко от Крита. Не так ли? Да и библейский великан Голиаф тоже был уроженцем Восточного Средиземноморья.

По логике вещей гигантопитеки были потомками водных обезьян, наиболее сильно выросшие и совершенно по-человечески распрямившиеся. Возможно, это логическое завершение ветви «силачей», о которых мы говорили ранее.

Можно предположить, что зги события стали основанием легенд о циклопах. Для человека, смотрящего снизу вверх, близко посаженные глаза четырехметрового человекообразного сливаются в один. Впрочем, четырехметровый рост не спас гигантопитека от гибели. Огонь и металл победили этого, судя по легендам, весьма агрессивного человекообразного.

По легенде Одиссей ослепил циклопа. В исторической реальности люди неолита и бронзового века истребили последних гигантов. Впрочем, возможно даже, что это истребление закончилось гораздо позже. Сказки народов Европы полны сюжетов о схватках рыцарей с великанами. Великаны сильны и туповаты. Многие из них людоеды. Но рыцари оказываются в итоге победителями. Ум, тактические комбинации и стальное оружие оказываются сильнее голой силы.

В данной ситуации курьезным является то, что медленно появляющиеся в науке, а еще больше в околонучной журналистике сведения о гигантопитеках иные идеологи национального движения спешат выдать за свидетельство о существовании расы гигантов-атлантов, якобы создавших уникальную цивилизацию. Такое же, как и у нас отсутствие волосяного покрова у этого потомка водных обезьян еще не повод причислять его к цивилизационным гениям.

Просто поразительна тяга иных полуинтеллектуалов националистического толка объявить любого, обладающего крупными габаритами дегранта, непревзойденным, но, увы, пройденным этапом эволюции, приписывая явно слабоумным человекообразным мифические цивилизационные достижения.

Хочется порекомендовать этим господам для достижения логического завершения их усилий объявить афро-американского боксера-тяжеловеса Майкла Тайсона, отличающегося патологическим поведением на ринге и вне его, тоже последним потомком атлантов и верхом эволюции.

Нам же гораздо ближе античный герой Одиссей и рыцари из европейских сказок (кстати, судя по сохранившимся доспехам, мужчины весьма средних размеров) — белые люди, уничтожившие гигантопитеков, которые фигурировали под именем циклопов и великанов.

Итак, разнообразные маргиналы все время эволюции шли за предками белого человека по пятам. Иногда они надолго отставали. Иногда догоняли его. Иногда скрещивались. Очень часто от этих смесей возникали промежуточные центры антропогенеза. С экологической точки зрения наиболее вероятно предположить появление таких «промежуточных центров антропогенеза» в т. н. рефугиумах (в пер. с лат. — «убежищах»). Кстати, это типично для эволюции всех видов. Причем не только животного, но и растительного мира.

А эти рефугиумы, как правило, располагаются в больших горных массивах.

Близ пути миграции предка человека из Африки на Русскую равнину (основного пути белого человека) были три таких, с экологической точки зрения, идеальных рефугиума. Это горные массивы-Ближнего Востока, Кавказа и Балкан.

Именно у подножий этих массивов происходили «арьергардные стычки»

предков белых людей и разнообразных маргиналов. Именно на Кавказе доказано существование «снежных людей» вплоть до наших дней. Соответствующие случаи задокументированы не только учеными и журналистами, но еще и царской полицией, и советской милицией.

А сколько подобных эпизодов не задокументировано. Тем более, сколько их было в то время, когда еще документов не существовало.

И не пережитками ли каннибализма, дошедшими до наших дней с помощью носителей этих традиций, прямых потомков маргиналов, являются многочисленные легенды о вампирах на Балканах?

Итак, Кавказ, Ближний Восток и Балканы стали убежищами для белых людей, когда побеждали маргиналы, и для маргиналов, когда побеждали белые люди. Потом большая часть обретших убежище в итоге смешалась. И на базе этих популяций возникли новые центры антропогенеза. Кстати, из этих центров вышли потом и некоторые ветви, которые даже расологи Третьего рейха относили к белой расе.

Нам кажется, что это искренняя ошибка. Или, того хуже, дань политическому расчету, например, для целей заигрывания с той же Турцией. Промежуточные центры антропогенеза Кавказа, Ближнего Востока и Балкан дали начало новому виду (или расе, как будет угодно), которая не может быть причислена к белой. Ошибка (повторюсь, если только это ошибка, а не расчет) в данном случае обусловлена тем, что некоторые этносы названных регионов потом вторично были обогащены белым генофондом (мы расскажем об этом в следующей главе), и выделить эти смешанные типы в отдельную расу на основе чисто морфологических признаков было трудно.

Однако буквально в последние годы биохимические и генетические исследования начинают давать основания для того, чтобы это разделение было, наконец, корректно (с научной, а не политической точек зрения) проведено. Предварительные данные показывают, что в генетическом плане большая часть народов Кавказа идентична коренным жителям Израиля.

Не эти ли, биологически предопределенные, свойства менталитета, обусловили, помимо всего прочего то, что еще в 1930-х годах более 1/3 чеченцев исповедовали иудаизм? Это не агитка, это данные из архивов НКВД, изложенные в служебных материалах Совбеза РФ.

Но кто же является непосредственными прямыми потомками маргиналов, исходно оставшихся в Африке? Разумеется, нынешние чернокожие. Их эволюция шла очень медленно. Еще в начале нашей эры здесь в ходу были примитивные каменные орудия. Различия же в физиологии белых и негров на биохимическом уровне сейчас показаны в очень многих работах.

В данном месте интересно отметить, что общее направление эволюции всех человекообразных в полном соответствии с современными теориями было в целом однонаправленным. И нынешние негры отнюдь не тождественны «силачам» из популяции водных обезьян.

Но вот скорость эволюции была существенно различна. Экстраполируя эти тенденции еще на миллион лет вперед, можно предположить, что если сейчас сегрегировать негров и белых, они в перспективе потеряют способность к продуктивному скрещиванию.

Впрочем, в данном вопросе оценки временных рамок весьма условны. Так, есть данные, что сейчас возможно ускорение эволюции человека. Если это так, то потеря способности к скрещиванию представителей разных рас может наступить гораздо раньше.

Однако гораздо более заметны психофизиологические различия между белыми и черными, не сводимые просто к отрыву последних от цивилизации. Напомним, что не менее оторванные от цивилизации эвенки практически не способны были до прихода красных комиссаров убить человека. А вот запредельная жестокость даже к своим среди чернокожих в Африке скорее правило, чем редкость. Император Центрально-Африканской империи Бокассо в открытую ел своих подданных уже во второй половине XX века.

Заметим, кстати, что ответственность за пресловутую торговлю рабами несут отнюдь не одни белые работоторговцы. Как-то в тени остается то, что белые только покупали рабов на побережье. А доставляли туда толпы своих соотечественников из глубины континента сами чернокожие короли, по пути убивая 2/3 из будущих потенциальных рабов. Тех, кто медленно шел и «задерживал движение колонн трудовых резервов».

Среди покупателей и организаторов процесса было много (если не большинство) выходцев из Ближнего Востока, т. е. лиц с весьма высокой примесью маргинальной крови, во многом генетически близких тем, кем они торговали как скотом.

Значит ли сказанное, что те же негры «плохие»? Отнюдь нет. Просто они **другие**, чем мы. Возможно, с точки зрения некоторых белых современников автора, они даже лучше нас. Действительно, их предки более миллиона лет назад выжили из Африки «наших» предков.

Да так, что «наши» докатились аж до кромки ледника.

Значит, чернокожие более «крутые». А «крутых» сейчас в России любят.

Что ж, мои белые соотечественники, живущие на родине белой расы, любя «крутых», вы приняли менталитет тех, кто вышиб «ваших» пращуров из

Африки. Вы второй раз проигрываете им, отказываясь от завоеваний «ваших» белых предков. А это первый звонок «на выход» из белой расы.

Ибо вы предали своих предков, которые воевали с «крутыми», пуская огонь по саваннам равнин, которые били обезумевших «крутых» в приледниковье, которые били их не раз потом железным мечом против бронзового, ружьем против лука, пулеметом против ружья.

Вы что же думаете, что атомная бомба — это предел? Вам просто не хватает образования, дурашки.

Я же «своих» предков предавать не намерен.

В свое время «мои» белые предки стали ковать железо, приручили лошадь, придумали порох, сумели выжить на холодном Севере.

И, совершенно походя, что называется «кстати», белые братья моих предков сделали «крутых» черных своими рабами. С цивилизационной и исторической точек зрения вполне справедливо.

Но сейчас настоящим белым рабов не надо.

Нам нужна просто планета Земля.

И мы ее возьмем.

Глава 2

Первая империя

1. История глазами ученого-естественника, инженера, пропагандиста, политтехнолога. Историки — следователи или культурологи

Бесспорно, Великая Отечественная война была центральным событием в истории СССР и России в XX веке. Без адекватного знания этой войны ничего вообще не понять в нашем ближайшем прошлом.

И диким бредом может показаться вопрос, а воевали ли вообще русские с немцами в 1941-1945 годах?

Тем не менее, согласно социологическим опросам большинство современных американцев думает, что во Второй мировой войне СССР был союзником гитлеровской Германии. А США и Англия воевали с этой коалицией. Эта вера американского обывателя взята не с потолка, а из определенных произведений массовой культуры и СМИ (пусть и бульварных). Так что, если попытаться восстановить историю Второй мировой войны по наиболее распространенным материалам нынешней Америки, то не исключено, что будет сделан вывод — русские бок о бок с немцами сражались с американцам.

Кстати, в некоторых, очень многих российских фэнтэзи на темы войны показывается не существовавший в реальности союз немцев и русских. Например, в весьма популярных и мгновенно раскупленных «Штурмфо-геле» и «Алых крыльях огня». Историк, к которому эти романы попадут через тысячу лет, вполне может принять их за объективные свидетельства. А если эти свидетельства будут подкреплены еще и американскими бульварными романами и бульварными газетами, о которых мы только что упомянули?

Вот вам и подтверждение версии из «независимых источников разных стран».

Тем более, историку будет трудно понять через много лет, что есть документ, а что есть бульварный роман. В самом деле, «Песнь песней» — это любовная повесть, или часть свода исторических свидетельств под названием Библия, или интонационная пауза, весьма грамотно вставленная в пропагандистский идеологический материал?

От наших нынешних историков внятного ответа на этот вопрос получить трудно.

Возвращаясь к нашей теме, отметим, что «вопрос» о Великой Отечественной войне — это эпохальный вопрос. Возможность совершенно неверного ответа на который будущими историками мы продемонстрировали только что.

Что же говорить о «мелочах». Типа того, сколько же раз отрывали руки и ноги и «убивали» Басаева, Хаттаба, Бараева старшего и Бараева младшего в нынешнем конфликте в Чечне. Если просто суммировать все сообщения на этот счет официальных российских СМИ, то, конечно же, правда восторжествует. Хаттаб и Бараевы убиты. А Басаев потерял ногу. Но попутно окажется, что ног и рук у них гораздо больше, чем по две. Да и жизнь не одна.

Не так ли в свое время возникали легенды о «бессмертных» героях или злодеях в древности? Да что там, в древности. Пятьдесят лет искали ответ на вопрос о том, жив ли Борман. До сих пор сомневаются в смерти Гитлера в 1945 году.

Впрочем, что это мы все о войнах и смертях? Обратимся к сугубо мирным делам. Уже 4 года никак не могут найти, куда делись 4,8 миллиарда долларов кредита МВФ, данного перед дефолтом. И это в условиях, когда проводки денег фиксируются с помощью компьютеров, когда крупные приобретения документируются, когда за деятельностью финансовых группировок пристально следят конкуренты, когда утечки информации мигмом подхватываются печатными и электронными СМИ.

Столь долгие разъяснения необходимы, чтобы читатель не просто осознал, а почувствовал, насколько сильно искажается общественно значимая информация. И это в условиях, когда сбор, хранение, контроль и обработка информации превратились в индустрию. И это о текущей информации, еще существенно не искаженной временем.

А что представляет собой историческая информация? Это информация о событиях, которые были в свое время крайне злободневны. Предположить, что эта информация объективно фиксировалась (теми же летописцами) — верх наивности. Совершенно очевидно, что и в историческом прошлом имели место дезинформационные и пропагандистские кампании и прочие атрибуты «информационных войн», однако на более низком уровне технической оснащенности.

Утверждать, что «информационных войн» не было лишь на основании того, что не было газет и телевидения, все равно, что утверждать отсутствие в древности войн из-за отсутствия военной авиации.

Возможностей же для искажений и фальсификаций в более отдаленные от нас времена было гораздо больше. Информация не дублировалась многократно, как

сейчас. Фиксировалась эта информация в условиях отсутствия соответствующих систем ее проверки. Накапливалась она на, говоря современным языком, «носителях», весьма уязвимых для воздействия повреждающих факторов. Сколько рукописей, имевшихся, возможно, только в одном экземпляре, сгорели в огне пожаров?

Почему же мы должны верить заведомо тенденциозным материалам соответствующих «исторических документов», когда зачастую и самих этих «документов» нет, а мы имеем их копии, восстановленные через сотни лет после написания гипотетических оригиналов.

Почему мы должны верить копии «Повести временных лет» и не верить копии «Велесовой книги»? Кстати, чтобы поставить сразу все точки над «и», автор заверяет, что он не верит ни тому, ни другому источнику.

Хотя оба читаются с интересом.

Приведем самый простой пример того, что наличие источника еще ни о чем не говорит, а в итоге все равно сводит дело к проблеме «верит — не верит». Так, Библия утверждает, что Христос жил гораздо позже Моисея, а Коран — что он был племянником и младшим современником Моисея.

Сейчас иные холуйствующие российские ученые готовы признать библейские тексты историческими свидетельствами. Но это лишь дань политической моде, сменившейся тогда, когда бывшие обкомовские скоты вдруг встали со свечечками перед телекамерами в спешно восстановленных церквях. И их идеологическая обслуга из числа «ученых-гуманитариев» тут же «взяла под козырек». А ведь еще недавно те же самые ученые вообще отрицали факт историчности Библии.

Итак, в итоге все равно все сводится к вере. Для христиан Христос — дальний потомок Моисея, а для мусульман — его младший современник и племянник. Кстати, если предположить, что это так, то Христос имел основания называться «царем» не в иносказательном, а прямом смысле этого слова.

Впрочем, может быть, вообще все гораздо проще. И Библия, и Коран всего лишь романы в стиле «Штурмфогеля» или «Алых крыльев огня», где показываются несуществующие события. И все это написано лишь «по мотивам» неких реальных жизненных и исторических драм. Типа того, как «немцы и русские плечом к плечу сражались с американцами и российскими реформаторами во Вторую мировую войну»? Почему бы и нет.

Вопреки существующим взглядам, нынешний, последний по времени всплеск попыток альтернативного взгляда ни историю, возникший в последней четверти XX века, вырос не из астрономических и естественно-научных предпосылок. Информационная война, которую вел в свое время СССР, требовала

соответствующего научного обеспечения. Некоторые типы фальсификации информации оказалось возможным определять исходя из математического анализа различных текстов. Более 15 лет велись соответствующие работы многочисленными коллективами разработчиков.

Многие годы «варясь» в этой проблематике, соответствующие специалисты рано или поздно не могли не задать себе вопроса, а чем нынешние дезинформационные кампании отличаются от своих предшественниц? И коль скоро можно успешно разоблачать тенденциозное вранье в современных СМИ, да и не только в СМИ, но и в служебных документах и намеренных «утечках», то почему бы не опробовать эти методы на исторической документации.

Возможно, вначале это была просто игра, гимнастика ума между решением серьезных злободневных задач. Однако потом игра увлекла. Тем более, как оказалось, примитивные средневековые фальсификаторы совершенно не владели современными приемами свои фальсификации «прятать». Что, впрочем, совершенно естественно для начинающих специалистов в этой области. Должны были пройти века, чтобы информационные войны получили свой нынешний лоск и изящество.

Итак, группа математиков во главе с академиком А. Т. Фоменко, применив весьма результативные, доказавшие свою эффективность приемы анализа к историческим текстам, пришла к выводу, что большинство из них представляют собой фальшивки. Не стоит углубляться в выводы группы Фоменко. Для начала достаточно констатировать неопровержимо доказанные следы «информационных войн» в дошедших до нас исторических «документах».

Кроме того, со временем часть информации неизбежно терялась и восстанавливалась в еще более тенденциозном виде. Не мудрено. «Кто владеет прошлым — владеет будущим», — эту истину знали уже давно.

Свои выводы математики попытались подкрепить данными других наук. И убедились, что уже многие годы различные авторы стремятся к ревизии официальной истории. Еще великий Ньютон высказывал сомнение в достоверности истории, опираясь на данные математики и астрономии. Он сомневался в правильности официальной хронологии.

Наш соотечественник, энциклопедист Н. А. Морозов в начале XX века подверг ревизии официальную историю, опираясь на данные геологии, географии, лингвистики, астрономии.

Уже в наше время возможность реализации тех или иных исторических событий подвергают сомнениям демографы, географы, экологи, медики, военные. Сплошь и рядом оказывается, например, что указанные в «документах» защитники крепостей физически в этих крепостях не могли поместиться, потери противников в битвах превышают население княжеств-участников этих битв,

конные орды не могли прокормить своих коней, а сами конники перемещались со скоростью автомобиля, а не всадника.

Кстати, непонятно, почему евреи так обижаются на критику их версии Холокоста. Ведь в своих фэнтэзи они не одиноки. «Уничтожил» же Суворов в Измаиле в 3 раза больше противника, чем могло физически уместиться там, стоя во дворе и всех помещениях плечом к плечу. Но турки за это на Суворова не в обиде. Вот и Гитлер «уничтожил» больше евреев, чем их вообще жило до войны в Европе, на тех территориях, которые оккупировала Германия. Но еврейская обида продолжается и тогда, когда военные страсти давно уже стихли.

Впрочем, разбор фантазий на тему Холокоста не является целью нашего исследования. Мы упомянули о ней лишь вскользь.

В этой связи заметим лишь, что и «некоторые перехлесты» в исторических оценках и их критика (как правило, не воспринимаемая) вообще в порядке вещей.

Подобных несуразностей в официальной истории накопилось уже больше, чем достаточно. Можно выделить следующие основные нелепицы.

1. Астрономические датировки известных исторических событий не совпадают с расчетами за весь период до X века. Интересно, что нестыковка датировок всех известных до X века лунных затмений с законами небесной механики побудило астрономов предположить, что между VIII и X веками Луна в силу необъяснимых причин изменила свое ускорение. Совершенно экзотическая гипотеза! Гораздо разумнее предположить, что неправильны соответствующие датировки в древних летописях.

2. Не существует ни одного оригинала «древних» рукописей. Все так называемые «древние» документы и книги известны по своим копиям (зачастую уже печатным), сделанным не ранее XIV века. Утверждать «презумпцию» правдивости средневековых участников «пропагандистских и информационных войн», составивших эти копии, было бы наивно.

3. Многочисленные исследования различного характера, как проведенные по сложным математическим методикам, так и элементарный анализ опечаток в различных, якобы «независимо друг от друга написанных» текстах (речь идет о первопечатных книгах) свидетельствуют об одном: вся так называемая «древняя история» — многократно переписанное из одного и того же источника (или ограниченного круга источников) изложение одних и тех же событий.

А когда и где они происходили, бог его знает.

Кстати, все сказанное относится и к «библейской истории».

4. Масштабы исторических событий древности, расстояния, на которые перемещались армии, их численность, грандиозность сражений и величины потерь, как правило завышены в 10-100, а иногда и в 1000 раз.

5. Значительная, если не большая часть государственных и хозяйственных реконструкций древности не соответствует простейшим эколого-ресурсным расчетам. Многонаселенные империи помещают на землях, которые и при современных технических средствах не могут прокормить большое население. Центры металлургии располагают в местах, где нет соответствующих руд и полностью отсутствует топливо для металлургии. Кстати, интересно, какое топливо использовали кузнецы оружия многочисленных «государств кочевников», уж не кизяк ли или степную травяную ветошь? Подобных нестыковок в исторической географии древности масса.

Если бы авторы нетрадиционных концепций истории на этом остановились, они были бы неуязвимы. И традиционным историкам рано или поздно пришлось бы признать соответствующие факты и начать пытаться строить картину древней историю заново в полном соответствии с уровнем современного естествознания, математики, астрономии.

Однако все критики официальной истории впали в соблазн построить свою альтернативную последовательность событий, свою «глобальную хронологию». И в этих своих построениях они оказались весьма уязвимы и для историков-профессионалов, и для своих коллег по естественным наукам.

Причем, надо признать, зачастую уязвимы гораздо больше, чем их оппоненты из традиционного лагеря.

Здесь не место рассматривать все ошибки и нестыковки, которыми оказались щедро сдобрены концепции «альтернативной истории». В качестве курьеза отметим, что опираясь **на одни и те же факты**, различные авторы-«альтернативщики» приходят к совершенно разным выводам.

Так, тот же А. Т. Фоменко и группа его последователей, отрицая «татарское иго» в России, делает вывод, что наводящая ужас «Орда» и была самым древнерусским (славяно-тюркским) государством, контролировавшим огромные территории и всю восточную торговлю тогдашней Европы.

Другие же авторы, например С. Валянский и Д. Калюжный, тоже отрицают реальность татарского ига. Однако утверждают, что иго все-таки было, однако не тюркское, а крестоносное немецкое. И «орда» — это крестоносный рыцарский «орден». А казачий «гетман» — это немецкий «гауптман».

Как видно из этого примера, альтернативная история может иметь много различных вариантов интерпретации.

И... не может рассматриваться всерьез.

Но и традиционная официальная древняя история данными современных точных и естественных наук весьма сильно поколеблена.

В этой связи официальная версия истории может быть корректно с научной точки зрения восстановлена только, если подходить к ней с позиции сталинского следователя, который подозревает тотальную фальсификацию всего и вся. Если удастся опровергнуть обвинения этого «следователя», тогда история древнего мира как наука будет воссоздана.

Автор неспроста применил здесь полицейскую формулировку. Современная наука, отлившаяся в Новое время, рассматривала научную методологию как «допрос Природы под пыткой». Этот дух сквозит в предельно жестких рассуждениях Декарта и Бэкона. То, что не выдерживает такого испытания, наукой не является. Хорош или плох такой подход — вопрос в данном случае не главный. Но в этом суть современной науки.

Пока историки отказываются подойти с такими мерками к своим источникам, которым они «доверяют». Что ж, это их право. Но тогда право ученого-естественника рассматривать многочисленные вариации и интерпретации древней истории как один большой миф, а историков — как исследователей мифа.

Кстати, иногда иные мелкие детали и «подсознательные» иносказания важнее развернутых прямых свидетельств. Например, в России в школах одни и те же учителя преподают взаимосвязанные предметы «русский язык и литературу». В республиках СССР преподавались «родной язык и родную литературу». А, например, в Венгрии как один предмет преподают «венгерскую историю и литературу». Аналогичная ситуация и в ряде других стран Европы.

Так что в подсознании иных народов история и литература не слишком отличаются. Одни мифы пересказаны в романах и поэмах, другие в псевдообъективных «исторических источниках».

В то же время практика показывает, что даже миф не стоит отвергать. За ним, несомненно, есть что-то реальное. Однако обращаться с мифом можно достаточно вольно. В вагнеровском стиле: «Не ищите историческое в нибелунгах, ищите нибелунгово в истории». Перефразируя это в рамках нашей темы, можно сказать, что мы не будем искать реалии в исторических мифах, мы будем иллюстрировать наиболее вероятные реалии событий историческими мифами.

А с настоящей научной строгостью подойдем как раз к построению соответствующих ситуационных реконструкций.

Мы понимаем ограниченность подобного подхода. Но мы не собираемся «писать историю» в стиле современных историков-«альтер-нативщиков», с именами и датами. Мы будем восстанавливать лишь последовательность цепи определенных событий и узловые звенья этой цепи. Звенья, сам факт существования которых бесспорен, и которые по объективным причинам геоэкологического, технологического и демографического характера в любом случае не могли быть пропущены. Но как раз в силу упомянутых объективных причин эти звенья (эпизоды) могли быть реализованы только на вполне определенных территориях и по вполне определенной последовательности.

С помощью подобных реконструкций мы хотим отследить на уровне самых общих тенденций те объективно обусловленные направления развития цивилизации и государства как института, которые вызвали появление определенных проблем и перспектив белого человечества и русского народа, в частности.

Но, отвлекаясь от темы нашей главы, не можем не отметить, что у идеологов и «пророков» начавшегося века появляется уникальная возможность захватить пока пустующее перспективнейшее пропагандистское поле. Ибо «кто владеет прошлым — владеет будущим». Странно, что реальные игроки на современной политической и идеологической арене пока не заметили этой возможности.

Не менее странно, что к такой уникальной возможности прославиться и стать «новыми мэтрами» оказались хладнокровны молодые историки. В наше время они могли бы позволить себе подобную вольность.

А игра стоит свеч.

2. Первая империя. Начало экспансии. Палестинский узел

Итак, во второй главе первой части мы прервали рассказ о первом государстве на том самом месте, когда оно окончательно сформировалось в долине Нила или, возможно, Тигра и Евфрата.

Хотя мы все же склонны рассматривать именно долину Нила как место возникновения данной структуры. Ибо в долине Нила все те факторы, которые послужили основой для зарождения государства, выражены гораздо более ярко и носят более масштабный характер. Да и материализованные следы деятельности древнего государства в Египте гораздо более ярко и обильно представлены.

Напомним также, что первое государство было многоплеменным и полиэтничным. Ибо, кто только не «свалился» в долину Нила со всей великой Сахары. А значит его можно назвать империей.

«Первой империей» Земли.

Итак, древнее государство расширяет площадь пашни и ищет новых рабов. Пашня скоро начинает эродировать, а вне поймы Нила еще и засаливаться. Ресурсы теряют качество. А государство знает только один способ решать любую проблему — еще более увеличить трудозатраты.

Итак, нужны все новые рабы. Но рабов в окрестных пустынях много не наловишь. Чуть больше их можно отловить к югу, в истоках Нила.

Но это занятие тоже не столь результативное. В густых лесах, которые к тому же тянутся далеко за пределы государства, ловить людей было трудно даже СС и НКВД. А тут надо ловить массами. Остается один путь, на северо-восток, через небольшой отрезок пустынь, через Синай, в Палестину, в Ливан.

В Палестине и Ливане были тогда гораздо лучшие ресурсно-экологические условия, чем сейчас. Во-первых, климат был немного влажнее, а, во-вторых, естественные уголья были еще не столь истощенными.

Вместе с тем, природные условия были довольно контрастными. И поэтому население концентрировалось на довольно ограниченных площадях. Идеальная ситуация для охоты за людьми.

Первая империя не могла пройти мимо такой возможности. И охота началась. Вероятно, на первых порах, «пока дичь была не пугана», охота была удачной. Более того, если бы она не была таковой, империя развалилась бы после первого же эколого-ресурсного кризиса, который разразился уже через 100-150 лет после окончания освоения долины Нила первыми «мирными земледельцами».

Это не предположение. Это данные ретроспективного прогноза, полученные самыми современными научными методиками агроэколого-ческого прогнозирования.

Последствия первого кризиса можно было компенсировать только опережающим ростом трудозатрат. Если это было сделано, значит приток рабов имел место.

Но потом начались сложности.

Ибо процесс охоты все же не был столь однозначен. Империя могла противопоставить своим жертвам лучшую организованность, большую концентрацию солдат для слома попыток сопротивления, лучшее металлическое оружие.

Но и жертвы были не столь уж беззащитны. Им было куда отступить. Хотя возможность маневра и была ограничена пустынями, но это все же не долина Нила, где жертве некуда деться на стиснутой пустынями ровной поверхности. В Палестине и Ливане рельеф сложнее. Есть куда спрятаться.

На первых порах лучшее оружие давало не столь уж большие преимущества, да и медь это, не только не сталь, но пока что даже и не бронза.

Однако главное было не в этом. В империи было мало скота. Империя не могла достичь превосходства в подвижности. Можно спорить о том, где раньше была приручена лошадь. Но даже, если **предположить маловероятное**, что лошадь была раньше приручена в Египте (повторим, это лишь предположение, увеличивающее потенциальные возможности первой империи), то и тогда это преимущество быстро было бы сведено на нет. Ибо вне империи возможности для скотоводства значительно больше.

Но, скорее всего, не империя научила своих северных соседей использовать лошадей, а наоборот, сама научилась этому у них. О большей подвижности северных соседей Египта свидетельствуют и исторические мифы (пардон, история).

В подобной ситуации охота на рабов затягивалась. Поначалу было утеряно (если только оно вообще было) преимущество в подвижности. Более того, «палестинцы» (назовем их условно так) сами обрели это преимущество.

Затем довольно быстро было утеряно превосходство в вооружении. Ведь в процессе длительных конфликтов, как показывает опыт, стороны перенимают друг у друга военные технологии, если только этому не препятствует отсутствие соответствующих ресурсов, имеющее критическое значение, или значительное технологическое отставание одной из сторон.

Но, как мы показали выше, выплавка меди — это отнюдь не та технология, которую не могли бы освоить люди эпохи неолита. А месторождения меди есть и на Синае.

Так что чем дальше, тем больше охота на людей превращалась в противостояние, сначала на равных, а затем империя неизбежно начала проигрывать. Ибо качество человеческого материала вне империи всегда гораздо выше. Люди не так измотаны и стрессированны. Не столь подлы, запуганы и малоинициативны. Так что **при прочих равных**, империю всегда бьют ее здоровые соседи.

В конце концов, как это не раз потом бывало в истории, жертвы агрессии перешли в контрнаступление. Следы этого неизбежного и логичного контрнаступления зафиксированы в исторических мифах. Мы не можем сказать конкретно, когда имело место первое контрнаступление и в каком конкретно мифе оно отражено.

Лично нам представляется очень правдоподобным описание нашествия гиксосов на Египет. Согласно «исторической легенде» гиксосы захватили дельту Нила, основали там свое царство, но потом были разгромлены египтянами.

Это весьма симптоматичная схема. Империя вторгается на территории, где в принципе возможна организация контрнаступления. Это контрнаступление в итоге следует. Захватывается часть империи, а иногда и она вся. Но захватчики, вернее их верхушка, перенимают имперскую организацию. Потом по-имперски истощают не только захваченное население, но и свой собственный народ, ставший частью империи.

И тогда либо растворяются в новой объединенной империи, либо терпят поражение от ее остатков и в итоге тоже растворяются.

Таким образом, границы империи все время колеблются. Но в целом империя, пульсируя, расширяется. А главное, расширяется пространство имперской модели организации общества. Но а) расширяется в описанной ситуации медленно и б) пока остается неизменной политическая и социально-экономическая модель ранней империи.

В этой ситуации незыблемости исходной модели рано или поздно обязательно наступает момент, когда приток новых рабов с окрестных территорий если не иссякает, то, во всяком случае, сокращается. И тогда империя нехотя переходит к чуть менее людоедским способам эксплуатации населения (хотя оно все равно последовательно деградирует и требуется новое пополнение людских ресурсов).

Но как только намечается тенденция рационализации по отношению к подданным, она немедленно используется верхушкой. Верхи начинают «хорошо жить». И их образ жизни делается привлекательным для части аристократии (пока еще в истинном понимании этого термина) окрестных племен.

После этого может быть выработан более эффективный механизм расширения империи — «федеративный». Но для этого надо сделать для местных верхов привлекательной саму идею вхождения в имперскую элиту. А потом с их помощью создавать промежуточные центры управления на местах, такие форпосты расширения империи, где бывшая аристократия становится частью имперской элиты.

Потом в истории этот механизм будет применен неоднократно. И всегда при переходе от голого насилия к методам «федеративного расширения» империя «делает скачок», начиная резко расширяться.

При этом для внешнего наблюдателя зачастую остается загадкой, почему вдруг произошел подобный скачок, ведь баланс сил ничуть не изменился. Впрочем, мы еще обратимся к данному вопросу чуть ниже.

В Первой же империи впервые в истории этот процесс смены стратегии происходил следующим образом.

Первые попытки расширения империи за ее естественные первоначальные границы были предприняты тогда, когда государственный террор в молодом еще первом государстве был в самом разгаре и распространен до самого верха. Более того, пока поток рабов из Палестины был достаточно обилен, модель внутренних отношений в Первой империи вряд ли пересматривалась.

А такая модель отношения вряд ли была привлекательной для верхушки окрестных обществ. Поэтому война за расширение империи стала бессмысленным циклическим процессом, одним из наиболее ярких эпизодов которого стало контрнаступление гиксосов. Между тем потом поток новых рабов иссяк.

Надо было переходить к менее людоедским моделям организации общества внутри империи. И плодами этого перехода в первую очередь воспользовалась верхушка. Не могла не воспользоваться.

Жрец и особенно жрица для верхушки заменили палача. Более того, имперский образ жизни верхов и освящающая его имперская религия, мы покажем это ниже, стала основным механизмом в обеспечении внутриимперского единства верхушки.

А затем религия стала основным механизмом и для обеспечения имперской экспансии на территории, заселенные родственными в расово-этническом отношении племенами.

Последнее весьма важно. Верхушка окрестных обществ в этническом или хотя бы расовом отношении должна быть идентична верхушке империи, чтобы легко, без психофизиологических затруднений, перенимать ментальность своих «более цивилизованных» имперских коллег.

Это условие в данном случае было выполнено. И древнее население Египта, и население древних Израиля и Палестины было в расово-этническом отношении однородно и принадлежало к семитским племенам, вернее, к их предкам.

Вырисовывается очень интересная картина, которая потом не раз наблюдалась в истории человечества. Могучая, спаянная дисциплиной, аскетичная и **побеждающая** империя, расширяется, тем не менее, медленно и трудно. Более того, она неуклонно теряет потенциал, несмотря на военные победы.

Потом наступает слом, развал, падение нравов и окончательная деградация населения, череда поражений. Но... империя не гибнет, а вдруг начинает интенсивно распространяться «без единого выстрела». К ней начинают добровольно и полудобровольно присоединяться очень многие территории, дотоле стойко сопротивлявшиеся. Войны на окраинах зачастую принимают «странный» характер. А иногда ведутся просто формально для того, чтобы местная аристократия имела основания сдать империи как бы после боя.

Не так ли долго, честно и трудно воевал Рим, медленно распространяясь из окрестностей Вечного города и платя за каждый свой шаг кровью. А потом вдруг вопреки логике захватил все Средиземноморье в условиях утраты единства верхушкой и бесконечных гражданских войн в метрополии.

Не так ли сейчас, уже почти ничего не производящая и, по большому счету, весьма уязвимая, несмотря на свою видимую мощь, Америка (которая хотя и не является империей в классическом смысле, но очень хочет быть таковой), захватывает в свою орбиту страну за страной.

Образно говоря, для внешнего наблюдателя создается впечатление, что суровый воин с трудом завоевывает каждый метр нового пространства, изнемогая от усилий. А потом, устав от ран и ратных трудов, вдруг падает и превращается в опытную, но больную, заразную проститутку. И ей вдруг начинают без боя сдаваться ранее неприступные крепости, признавая своей императрицей.

Разумеется, такую модель экспансии надо было отыскать и оформить. Искалась она, в отличие от модели первого государства, трудно и долго. И впервые отработывалась эта модель расширения империи именно на территориях современных Израиля и Палестины. Вовлекая эти земли в свой состав, империя совершенствовала и свою собственную модель.

Представляется правдоподобным, что многие эпизоды этой драмы нашли свое отражение в библейской истории. Но вряд ли там точно излагаются соответствующие события.

Однако, так или иначе, Палестина, столь долго бывшая основным (если вообще не единственным) контрагентом первой империи, не могла не стать одним из вторичных центров имперской экспансии и имперской религии, первым форпостом новой стратегии федеративного расширения империи.

И в данном случае мы категорически не согласны с авторами альтернативной истории в том, что Палестина не могла в силу своей малости и относительной бедности играть существенную роль в мировой истории. Эта роль определялась не ее геополитическим значением, а тем, что она была первым кирпичом, которым начало прирастать здание первой империи.

И этот кирпич не был положен до тех пор, пока сама империя не нашла принципиально нового, в корне отличающегося от первоначальных планов, механизма экспансии.

3. Геополитика и новые технологии бронзового века. «Первая любовь, первая женщина и первая жертва» имперского монстра

Представляется весьма правдоподобным, что после интеграции Палестины в первую империю процесс имперского расширения пошел гораздо быстрее. В

империю очень органично вписалась Месопотамия. А далее империя начала быстро расти к северу.

Для наших целей не столь уж интересно, были ли организованы государственные структуры в Месопотамии к моменту ее интеграции в империю, или они были созданы завоевателями. Нам представляется логичным и тот, и другой вариант. Здесь важно другое. В исторических мифах с определенного момента фигурирует объединенное государство, включающее в себя Египет, Палестину и Месопотамию. Несколько позднее в этом перечне регионов обязательно присутствуют весь Ближний Восток, Малая Азия, западные окраины нынешнего Ирана и Великая Армения.

При этом нам не столь уж важно, где располагался центр этого объединения. В Египте, Месопотамии, Палестине, Малой Азии или несколько восточнее. И называлось ли оно Египтом, Вавилоном, Ассирией или Персидской империей. Возможно, в разные периоды центр был в разных местах. При этом все же представляется более правдоподобным, что первоначально, до формирования мощного и притягательного во всех отношениях экономического и политического узла на берегах Босфора и Дарданелл (об этом мы скажем несколько ниже), центр большую часть времени находился в Египте.

Ибо в центре обычно строят наиболее масштабные культовые сооружения. И здесь Египет намного опережает Месопотамию, западную Персию и Великую Армению. Не могло быть так, чтобы политический центр был в той же Месопотамии, а наиболее шикарные дворцы и храмы, дошедшие до наших дней, строились в Египте.

И в данном случае совершенно невразумительными выглядят доводы о том, что в Месопотамии большая часть дворцов и храмов не сохранилась, а в Египте сохранилась. Такая избирательность ничем не объясняется и никак не доказывается.

Впрочем, для нас это не столь уж важно. Ибо, так или иначе, империя была одна (пусть даже и была временами весьма рыхлым образованием).

И она распространялась в двух основных направлениях. В направлении нынешней Армении и на Балканы. При этом в Армению экспансия шла сухопутным путем, а на Балканы — морским.

Отметим, что в Египте, государстве, вся жизнь которого сосредоточена вокруг большой реки, являющейся осью всей хозяйственной жизни, не могло не развиваться кораблестроение. И речные корабли египтян несомненно выходили в море. Сначала вдоль берега, а затем и в открытое море. Стоит заметить при этом, что Средиземное море настолько комфортно для плавания (относительно, конечно), что особых проблем с его освоением нильскими речниками мы не видим.

И здесь мы подходим к важнейшему моменту имперской экспансии и имперского развития. Дело в том, что до определенного времени возможности развития древней металлургии были весьма ограниченными. Месторождения меди были в Египте и на Синае. Но меди там было мало. И практически не было олова или других компонентов, которые дают возможность делать бронзу.

Поэтому рост империи поначалу отнюдь не сопровождался ни техническими достижениями, ни ростом производства.

Однако на Кипре, в Великой Армении (современная Армения лишь малая часть этой территории), на Балканах империя обрела обильные месторождения меди и олова. Начался бронзовый век.

Собственно, бронзовая НТР была вполне логична. Освоив металлургию меди, люди не могли не стремиться искать новые ее месторождения, особенно на вновь присоединяемых территориях. И найдя такие месторождения в Армении, на Кипре и на Балканах, они начали активно эксплуатировать их. Часть этих месторождений были полиметаллическими. Так что бронза вполне могла получаться поначалу чисто случайно, непосредственно в процессе традиционного производства меди по отлаженной схеме.

Получение же бронзы было рывком в развитии производства. Бронза намного прочнее меди. И применение оружия из нее давало действительно большие преимущества перед людьми, металлического оружия не имевшими.

Более того, в силу дефицита или вообще полного отсутствия медных и оловянных руд в целом ряде окружающих первую империю регионов, их население не могло освоить производство аналогичного оружия, а значит и сопротивляться вооруженным бронзовым оружием имперским войскам.

Охота на рабов вновь стала высокорентабельной.

Империя рванулась на север.

Но надо всегда помнить, что основой имперского могущества в те времена было владение полиметаллическими месторождениями Кипра, Балкан и Великой Армении.

В свое время автора поразило то повышенное внимание, которое уделяется Армении в различных исторических материалах по древней истории. Однако это внимание вполне объяснимо, если учесть, что Армения была одним из всего трех центров тогдашнего «цивилизованного мира», на котором держалось могущество империи.

Такое долго не забывается. И по инерции значение этого региона еще долго преувеличивалось. Даже тогда, когда объективные предпосылки для этого

исчезли. Собственно, аналогично «реликтовым» можно назвать и значение Палестины, о чем мы говорили выше.

Просто, образно говоря, первая, наконец-то, «добровольно сдавшаяся» новой модели имперской экспансии страна в лице Палестины и первый «подарок судьбы» в виде армянской бронзы, как первую женщину и первую любовь, имперский монстр не забыл.

Аналогичным образом обстоит дело с Кипром и Балканами. Поэтому вполне объяснимо то, что древние политики носились с этими, ныне захолустными регионами, «как дурни с писанной торбой». Тогда это было вполне оправдано.

Более того, «армяно-кипрский» прецедент заложил очень важный стереотип в менталитет государственников и политиков всех стран и народов на долгие времена.

Автор просит читателя напрячься и представить реалии этих событий. Политическая верхушка империи занимается войнами, интригами, «светской жизнью». Империя, наконец-то, последовательно расширяется, отчасти с помощью войн.

Но гораздо легче и проще она расширяется с помощью разращения аристократии окрестных земель моделью «сладкой жизни» собственных верхов. Для которых теперь, помимо всего прочего, «работой» является совершенствовать «сладость» своей жизни и всячески демонстрировать ее соседям.

Неплохая «работенка», надо сказать. Кстати, она вам ничего не напоминает, читатель? Для человека, еще помнящего времена СССР, все это напоминает известную частушку о партаппаратчиках: «Мы не сеем, не пашем, не строим, мы гордимся общественным строем».

Но все же все идет как-то «не так». Расширение неизбежно ведет к потерям экономической, а потом и политической связности имперского пространства, коммуникации растягиваются. Империю, в сущности, ничего не скрепляет. Все усиливается внутриимперский сепаратизм.

Реальные проблемы накапливаются. Новых рабов все меньше и меньше. Расширение территории не ведет к увеличению количества рабов (или крестьян, если это название милее сердцу иного традиционалиста, не желающего ассирийское общинное быдло называть ненавистным античным термином «раб») ни на единицу площади, ни на душу элитного населения.

Имперские деятели не могут не чувствовать того, что в сущности их государство не обладает никаким решающим превосходством над соседями. А сами они по сравнению с благородной аристократией окрестных племен вообще

шваль. Нет уверенности в будущем. Нет гарантий того, что работа «демонстраторами сладкой жизни» вдруг не закончится.

И тут **само собой** накатывается резкое расширение производства и НТР (а переход от меди к бронзе был НТР) в технологическом лидере тогдашней экономики — металлургии. О военно-технических и технико-экономических деталях этого процесса мы скажем ниже. Здесь лишь отметим, что чисто политическое действие — расширение территории вдруг, само по себе, дает рывок в технологиях и производстве.

Это пример политикам и властителям на долгое годы вперед. Технические, производственные, организационные, военные и т.п. **реальные** задачи можно, оказывается, решить «политическими методами», т. е. называя вещи своими именами, интригами и насилием.

Как же хорошо для безмозглых интриганов и громил с бандитским менталитетом.

К счастью для человечества, подобных примеров, во всяком случае, аналогичных по масштабам, больше в истории не будет. Но политики и их идеологическая обслуга каждый, даже меньший аналог подобных ситуаций будут тщательно изучать и пропагандировать, замалчивая при этом гораздо более многочисленные и масштабные примеры противоположного рода.

И убеждать себя и других в том, что чисто политическими методами, не вникая в суть реальных проблем, действительно можно эти проблемы решать. Хотя, в действительности, все обстоит как раз наоборот.

Но, тем не менее, подобное убеждение стало частью имперского менталитета и имперской стратегии. Кстати, этот прецедент еще раз подтвердил лидерам Первой империи верность их курса на экспансию.

А сама империя вдруг без особых усилий оказалась скрепленной единым производственным комплексом в лидирующих отраслях тогдашней экономики — металлургии и кораблестроении.

Итак, какие технические средства, важные для реализации имперской модели дала бронзовая революция и расширение рудных ресурсов?

В первую очередь, новый комплект оружия. Теперь металлическим вооружением можно было оснастить всех солдат. Раньше это было затруднительно. При этом основными типами наступательного оружия в эпоху бронзы был топор, копьё с металлическим наконечником и колющий кинжал. Оснастили бронзовыми наконечниками и боевые стрелы.

Заметим, что рубящего оружия, типа меча, из бронзы сделать нельзя. Такой меч

будет достаточно часто раскалываться. Конструкционные возможности бронзы не позволяют сделать меч. То, что похоже на бронзовый меч, есть по сути просто массивный бронзовый кинжал.

Однако бронзовых топора, кинжала и копья вполне достаточно; чтобы победить вооруженного дубиной и каменным топором.

В данной ситуации только хороший лук со стрелами с костяными наконечниками остается единственным конкурентоспособным видом оружия. Хотя стрелы с бронзовыми наконечниками все же лучше. Впрочем, об этом мы поговорим чуть позже. Здесь лишь заметим, что одним видом вооружения, всего лишь равным (да и то не совсем) соответствующему вооружению противника, превосходства не достичь.

А в остальных, как мы видим, «бронзовые воины» на порядок превосходили своего потенциального противника.

Весьма вероятно, что офицерский состав имперской армии имел бронзовое защитное оружие. В первую очередь шлемы. Увеличился и набор возможных защитных средств из металла типа кирас, наручей и поножей (хотя вряд ли эти средства были у рядовых или у младших офицеров).

Кроме оружия, массовое производство бронзы позволило в достатке делать достаточно хороший плотницкий инструмент. Разумеется, он был использован не для производства «дешевой мебели для населения». Он был использован в первую очередь в кораблестроении. Ибо поставки меди с Кипра могли осуществляться только морским путем. А кипрская медь была жизненно необходима всему имперскому производственному комплексу. Кстати, напомним, что само название «Кипр» производное от слова «медь» («купрум» по латыни).

Таким образом, обеспечение поставок морским путем и, соответственно, все, что связано с флотом, стало одной из важнейших отраслей экономики империи.

Но на тростниковых египетских лодках много груза не навозишь. Пусть даже на подобных судах, как показал Тур Хейердал, можно даже переплывать океаны. Нужен был новый флот, деревянный.

И в то время империя имела уже достаточно хорошей древесины для постройки больших кораблей. Эта древесина, которой не было в метрополии, Египте, была в Ливане, Малой Азии и на Балканах. Таким образом, кораблестроение и металлургия требовали интенсивного обмена товарными потоками и одновременно технически обеспечивали перевозку этих грузов, т. е. взаимно стимулировали развитие друг друга.

Этот хозяйственный комплекс скрепил уже начавшую было разваливаться

империю крепче любых внутренних войск и чиновничьих пирамид.

Интенсификация хозяйственных связей, появление «вкуса и моды» к резкому возрастанию товарооборотов имели еще одно последствие. Объединенная империя эпохи бронзы, помимо всего прочего, включала в свой состав довольно значительные районы, где земледелие просто в силу природных условий не могло так «обглодать природу», как в долинах Нила, Тигра и Евфрата.

Поэтому в объединенной империи было достаточно скота и имелось кожевенное производство. А у солдат империи было в достатке кожаных доспехов с металлическими элементами. И имперская кавалерия была обеспечена лошадьми. И все это могло произойти только в единой, не только формально объединенной империи.

Так что империя вполне могла выставить очень внушительные силы против своих северных соседей, вооруженных каменными топорами и дубинами и не имевших эффектного защитного вооружения. Не было у северных соседей империи и преимущества в маневренности. Империя могла выставить достаточно всадников. А около берегов использовать транспортные возможности своего флота, которого не было у ее противников.

Таковы были условия, когда началась охота на людей в Причерноморье. Имперские работорговцы забирались все дальше и дальше к северу. И Причерноморье, Приазовье, Кубань, Нижний Днепр, Прикарпатье, а затем и Нижняя Волга стали новыми имперскими центрами, перевалочными центрами работорговли.

Мы считаем, что легендарная Хазария, о которой мы поговорим ниже гораздо подробнее, была в итоге одним из осколков империи.

Еще раз просим читателя запомнить, что никакой возможности сопротивления гораздо лучше вооруженному врагу население этих мест в то время оказать не могло. В то же время само население указанных регионов было многочисленно и здорово, ибо условия проживания здесь были вполне благоприятны, а ресурсы богаты.

Поэтому поток рабов был очень велик. Легендарные свидетельства об этом имеются во множестве. Но в подобной ситуации был еще один минус для наших предков. Создался устойчивый стереотип охоты на рабов в этих местах работорговцами с юга. Стереотип, сохранившийся до времен Богдана Хмельницкого и даже Петра I.

А дальние отголоски этого мы наблюдаем даже сейчас в загаженной кавказцами Москве.

Распространению работорговли далее на север и восток, по нашему мнению,

помешал отпор, который могли дать регионы, лежащие к северо-востоку от Причерноморья (в широкой трактовке этого названия).

Но возможности этого отпора лежали отнюдь не в особых свойствах живших здесь людей. Просто на южном Урале были богатейшие месторождения меди и полиметаллов. Как только они начали осваиваться (неважно, по заимствованным технологиям или технологиям оригинальным), бронзовый топор захватчиков встретился с бронзовым топором местных воинов.

Итак, граница распространения влияния империи с востока и юго-востока на запад и северо-запад пересекла южную часть Русской равнины.

Отметим, что на юге Русской равнины империя не утруждала себя, во всяком случае, поначалу новыми, мягкими формами экспансии. Не то, что в Палестине, Аремении и на Балканах. Решающее техническое превосходство давало возможность империи действовать грубо и нагло. Отсутствие соответствующего сырья на юго-западе Русской равнины не позволяло жертвам перенимать военные технологии бронзового века у агрессоров.

Кроме того, здесь империя сталкивалась с расово чуждыми ей людьми, которых не так уж легко было перевербовать в свою веру в силу разности менталитетов.

Поэтому основой завоевания здесь стало голое насилие, как в период становления первого государства. Белое население юга и юго-запада Русской равнины стало первой иноплеменной и инорасовой жертвой империи. Ибо, напомним, население Русской равнины было белым. А исходное население первой империи было потомками отставших в движении на север маргинален и потомками популяций человекообразных, сформировавшихся во вторичных центрах антропогенеза в рефугиумах Кавказа, Малой Азии и Балкан.

Кроме того, белые рабы были первой **массовой** добычей имперских охотников за людьми, добытой **в таких масштабах**. Ибо подобных масс рабов не было ни при охоте на черных рабов в верховьях Нила, ни во время первых кампаний в Палестине.

Века охоты на рабов на юге Русской равнины привели к тому, что Причерноморье опустело. И на долгое время стало степью, «диким полем». Ибо после того, как еще 4-5 тысяч лет назад здесь было довольно плотное население, 2 тысячи лет назад его следов уже не осталось.

Многие рабы погибли, ибо империя своих рабов не жалела. С тех давних времен в русском языке сохранилось слово «губить», означающее «уничтожать». Губить — это подцеплять пленников за губы бронзовым крючком. Как рыбу. И таким образом гнать в неволю. Изображения соответствующих сцен можно найти в древних изображениях, которые официальная история относит к временам Ассирии и Вавилона.

И только у славян в момент испуга рука непроизвольно стремится прикрыть рот, вернее губы. Это ввевшийся в кровь страх перед подцеплением на бронзовый крюк. После чего должно следовать рабство и весьма вероятное уничтожение. «Погубление».

Разумеется, не все белые рабы были погублены. Часть выжила и разбавила чистой кровью белых людей генофонд имперской метрополии.

Так юг Русской равнины и его население стали первой действительно масштабной жертвой первого имперского монстра.

Теперь подведем итоги нашего краткого геополитического обзора событий окончательного становления первой империи.

Политический и религиозный центр империи находился в Египте, центры сельскохозяйственного производства — в Египте и Месопотамии, центры кораблестроения — в Ливане и на Балканах, центры добычи руды и производства бронзы — в Армении, на Кипре и на Балканах, центр работоторговли — в Причерноморье.

Где же должен был быть главный город такой империи?

Только в одном месте. В геометрическом центре всех упомянутых территорий в совокупности. Этот центр находится в районе нынешнего Стамбула, прежнего Константинополя, либо древней Трои. В сущности, все это одно и то же место. Очень удобное с точки зрения товарообмена как по морским путям, так и по сухопутным дорогам.

Мы не будем здесь втягиваться в оживившуюся сейчас дискуссию, где же была реальная Троя. Дискуссию, вроде бы окончательно законченную в свое время Шлиманом, но вновь активизировавшуюся ныне. С геополитической точки зрения плюс-минус несколько десятков километров ничего не значат. И с такой степенью приближения можно утверждать, что легендарный Иллион, который во время Троянской войны кинулись защищать все провинции Восточного Средиземноморья и Малой Азии, был где-то в районе нынешнего Стамбула, действительно был одним из важнейших центров Империи.

Вероятно, этот центр реального управления империей рано или поздно стал политическим центром. И долгое время оставался там. Империя меняла название, меняла этнический состав элиты, меняла государственный язык. Но центр ее был неизменен.

Именно в эти места свозились »богатства со всего света«. Богатства легендарной Трои поражали воображение героев Иллиады. А о богатствах столицы Византии говорилось в свое время, что »все сокровища мира разделены напополам; половина их лежит в Константинополе, а другая

половина рассеяна по всему остальному свету».

Но, восхищаясь »достижениями империи», русский человек никогда не должен забывать о том, что эта людоедская гадина долгое время питалась кровью соотечественников наших предков, что могущество этой »не совсем белой» империи прирастало белыми рабами.

И не забывать того, где отливался тот бронзовый топор, который столетиями нависал над русским югом.

И на каком языке говорили работорговцы.

Впрочем, об этом потом. А пока взглянем на то, какими стереотипами одарила первая империя остальной мир, помимо »подарка» в виде государственной машины.

4. Теория гегемонии. Религиозные поиски. Театр, секс, кайф. Современное продолжение темы

Очень многие исследователи устройства общества уделяют повышенное внимание насилию как основному механизму формирования государства. Мы тоже в предыдущих главах своей книги часто приводили примеры государственного насилия. Более того, мы утверждаем, что изначально государство сформировалось как чисто насильственная, людоедская структура.

Однако одно дело сформироваться, а другое дело сохраниться. Голое насилие в итоге оказывается бесперспективным. Да и условия для его применения в чистом виде встречаются довольно редко. Это долина Нила, окруженная со всех сторон пустыней, морем и дикими лесами, населенными черными людоедами, являла собой идеальный, самой природой созданный концлагерь.

Других таких мест на земле, к счастью, не так уж много.

И многие исследователи, склонные к вдумчивой реконструкции исторических реалий, часто задавались следующим вопросом. То, что однажды произошло в долине Нила, затем, пусть и в ослабленном варианте, но распространилось в другие места. Там складывались схожие системы рабовладельческого хозяйства.

Ладно, пусть все классические рабовладельческие земледельческие цивилизации и государства складывались в чем-то аналогичных Египту условиях, т. е. в долинах тропических рек, протекавших среди пустынь и полупустынь. Но потом-то они тоже »расползались» на окрестные территории.

И что же мешало людям бежать уже за пределами- »естественного концлагеря» на вновь присоединенных к империи землях? Почему 100 человек с мотыгами, т. е. палками с металлическими наконечниками, слушаются одного с копьем, т.

е. такой же палкой с почти таким же наконечником? Пусть этот наконечник острее, а палка длиннее. Но ведь рабов сто, а надсмотрщик один.

Это самая упрощенная и намеренно обостренная постановка вопроса. Но, как оказалось, в более развитых обществах в более сложных ситуациях, если рассмотреть их внимательно, по большей части растут шансы не надсмотрщика, а невольника.

Но невольники не бегут. Вернее, бегут, но гораздо меньше, чем могли бы.

Когда же в последние десятилетия стали появляться исследования по математическому моделированию поведения больших систем, то были получены вообще сенсационные выводы. Представим себе ситуацию. По улице бежит преступник, за ним гонится полицейский.

Вариант номер один. Прохожие помогают полицейскому.

Вариант номер два. Прохожие индифферентны.

Вариант номер три. Прохожие исподтишка мешают полицейскому.

Сколько надо полицейских в каждой ситуации, чтобы поймать одного преступника при прочих равных условиях. Оказалось, что во второй ситуации их надо приблизительно в 10 раз больше, чем в первой, а в третьей приблизительно в 10 раз больше, чем во второй, или в сто раз больше, чем в первой.

Курьезно, но многие наши соотечественники возмущаются тем, что жители США в массе своей активно помогают своей полиции. Да, стукачей в России не любят. А что, самих полицеев разве любят?

Но в Нью-Йорке в начале 1980-х годов было чуть больше 30 тысяч полицейских, а в это же время в Москве, где население было чуть меньше, чем в Нью-Йорке, - 200 тысяч милиционеров. Вот вам почти десятикратная разница. А если взять на душу населения, то точно десятикратная.

В нынешней Москве число правоохранителей возросло по сравнению с советскими временами многократно. Но отношение населения к ним ухудшалось опережающими темпами. И эффективность их работы практически нулевая. Это полностью соответствует теории.

Ибо, как показывают исследования, после определенного предела враждебности населения к правоохранителям, бороться с преступностью невозможно в принципе. Раскрытие преступлений будет чисто случайным фактом. А попытки увеличить число полицейских просто упрутся в физические ограничения этого процесса. К чему, похоже, нынешняя Россия уже пришла. Впрочем, это тема для отдельного обсуждения.

Этот пример - только одна, причем не самая важная иллюстрация того, что нельзя осуществлять государственное управление голым насилием, сколь бы очевидным не казалось то, что государство - это в первую очередь насильник.

В популяционной биологии есть правило, что самый свирепый и результативный хищник, самый вирулентный и живучий микроорганизм, самый плодовитый и ядовитый паразит не выживают. Они уничтожают популяцию своей жертвы, а потом гибнут сами «от бескормицы».

Государство было изначально людоедом и только людоедом. Не раз становилось оно людоедом и потом, в разное время и в разных местах. Но если бы оно осталось только людоедом, оно бы скоро сдохло, как некая «суперчума», уничтожив перед этим всех, кого оно осчастливило своим существованием.

Все эти проблемы наиболее полно и комплексно первым поставил и изучил А. Грамши в своих знаменитых «Тюремных тетрадах». Грамши сформулировал в них т. н. «теорию гегемонии». Согласно этой теории, государство не может длительное время существовать, если большинство его подданных это государство отвергают.

При этом отнюдь не надо «идти на баррикады». Можно просто не помогать этому государству, рассматривать его как бедствие. Или конкретно, как в нашем примере с преступником и полицейским, слегка толкнуть бегущего полицейского, а не преступника.

Это массовое отторжение, это массовое отсутствие поддержки скажется довольно быстро. А активных врагов у любого режима всегда достаточно, чтобы свалить его, когда он сгниет сам. Впрочем, не только персонифицированных врагов. Есть ведь и природно обусловленные вызовы, и случайное стечение обстоятельств, которые по отдельности даже и вызовами не являются.

Так что государство живо, пока поддерживается, хотя бы пассивно, большинством населения. Именно поддерживается и именно большинством. Более того, со временем обеспечение этой поддержки становится гораздо важнее насилия. Ненасильственное обеспечение поддержки становится главной задачей властей,) а массовое насилие направляется не на всех, а на выбранные в качестве жертвы слои и группы.

Современная действительность являет нам очень много способов обеспечения этой поддержки, найденных эмпирически, в процессе политической практики, или целенаправленно созданных по заказу властей в разное время в разных местах.

Но этот процесс поиска адекватных методов управления, не сводимых к голому насилию, начался давно, в Первой империи.

То, что голое насилие является тупиком, продемонстрировала практика первых же столетий существования первого государства. Дурная цикличность противостояния с гиксосами, безрезультатные попытки закрепиться в Палестине, неумение выйти из неуклонно учащающихся кризисных ситуаций в долине Нила заставили начать поиск новых, дополнительных механизмов управления большими массами людей.

Мы уже писали ранее, что внутренние цели сохранения государственного управления сводились к трем моментам:

- 1) обеспечить непрекращающуюся разобщенность эксплуатируемых масс;
- 2) обеспечить подавление любой попытки части этих масс изменить порядок вещей;
- 3) обеспечить максимально возможную монолитность правящей группировки при отсутствии твердых психологических и биологических предпосылок к ее единству.

В первой и третьей задачах превалировали ненасильственные методы. Во второй задаче они были вспомогательными. Далее по мере нарастания кома нерешенных проблем и ослабления государственного гнета возникла еще одна возможность:

- 4) обеспечить привлекательность образа жизни имперской «верхушки» для еще не разложившейся истинной аристократии окрестных племен и народов.

Ибо сама имперская «верхушка» для себя эту привлекательность создала, изрядно при этом потрясая «родное государство». Но, как оказалось, не без пользы для дела. В итоге актуализация этой возможности стала задачей.

Если говорить предельно просто, то все эти цели и задачи ненасильственной политики сводились к двум весьма грубым установкам:

Первая. Массы оболванить.

Вторая. «Верхушку» сплотить.

Оболванивание происходило двумя путями. Первый путь сохранился до наших дней. Это классическая, можно сказать, государственная религия. Она базируется на внушении идеи могущества Бога или Богов. Но главное в государственной религии - убедить паству, что Бог (Боги) на стороне власти.

Историческая память зафиксировала в основном довольно поздние варианты реализации данной задачи. Это словесное убеждение и специфический «религиозный театр» церковных служб. Между тем, в древности данный «театр» был гораздо разнообразнее и сопровождался гораздо большим

количеством чудес, многие из которых были элементарными фокусами.

Кстати, обратим внимание читателя, что во многих европейских языках слова «цирк» и «церковь» однокоренные.

Первоначально в государстве голого террора «религиозный театр» в основном «ставил ужастики». При этом спецэффекты достигались натуральными жертвоприношениями. Именно на этом этапе застали развитие религии испанцы в доколумбовой Америке.

Отметим, что цивилизации ирригационного земледелия и соответствующие империи доколумбовой Америки по многим системообразующим признакам сходны с Первой империей. Поэтому можно предположить, что и методы управления там были схожи. Следовательно, и религии этих цивилизаций были схожими, по большей части устрашающими.

Но Первая империя этот период прошла, а империи Америки нет, хотя определенные тенденции к этому можно отметить. Как и почему все это произошло - вопрос отдельный. Он очень интересен, однако он не входит в наши задачи.

Констатируем лишь, что представление об исходной религии Первой империи могут дать религии стран, разгромленных Кортесом и Писсарро. Многих исследователей поражают элементы архитектурного сходства между культовыми сооружениями Египта и империй ацтеков и инков. И тут же снова начинают фигурировать инопланетяне.

Но эти злобные зверьки здесь опять ни при чем. Просто технические средства, выполняющие общие задачи, получаются обычно весьма похожими, даже если конструируются разными инженерами. А строительные сооружения входят в разнообразный спектр технических средств.

Да что там инженеры. В биологии есть понятия конвергентной эволюции. Это когда в итоге совершенно разные виды оказываются морфологически близки (близки по форме), если идеально приспособились к одним и тем же требованиям среды.

Так что устрашающие религии ирригационных империй вполне естественно имели сходные культовые сооружения. Уж очень специфические и сходные условия явились причиной их появления. Некоторые современные исследователи даже сейчас отмечают, что иные сооружения древних культов внушают безотчетный страх. Что ж, хорошо знали свое дело постановщики «спецэффектов» людоедских империй.

Но этот этап развития религии Первой империи не столь интересен. Пока религия была религией устрашения, она выполняла лишь вспомогательную

функцию у аппарата насилия. Ни о каком достижении гегемонии не было и речи. Первая империя медленно деградировала в бесконечных и безрезультативных войнах и кампаниях внутреннего террора. Запугав до предела, до паралича не только низы, но и верхи своего общества.

Еще раз подчеркнем, что данная конструкция опасно неустойчива. И это показали те же Кортес и Писсаро. Курьезно, но 200 конквистадоров разгромили 200 тысяч ацтеков. Совершенно очевидно, что здесь никакие лошади и мушкеты (которые надо заряжать несколько минут) не помогли бы. И победа была обеспечена, разумеется, не ими. Просто в помощь конквистадорам поднялись 300 тысяч повстанцев. Вот такая арифметика, показывающая, сколь хрупко государство голого устрашения без гегемонии.

Но Первая империя нашла в себе силы сменить стратегию. И тогда государственная религия (в самом широком понимании этого слова) стала основой имперской политической модели. Но что же сменилось в самой религии с этой сменой курса?

Очень важную роль в древних богослужениях стали играть наркотические галлюцинации. Определенные экстрасенсорные методики, приемы психотехники, наркотические галлюцинации - все это создавало непоколебимую веру в идеи, внушаемые государственной религией. Веру, для подтверждения которой уже не надо было вынимать сердца у жертв на глазах у очумелых от ужаса толп.

Автор недаром обращает внимание на применение наркотиков в оболванивании. Отголоски этого нашли свое выражение во многих источниках. В некоторых апокрифических Евангелиях Христос прямо критикует официальную церковь, призывая, говоря современным языком, не злоупотреблять одновременно и алкоголем, и опиатами при организации богослужений. Он настаивает ограничиться алкоголем.

Эти свидетельства приведены в работах Н. А. Морозова (Христос: Эпопея: В 8 т. М.: Крафт + Леан, 1998).

Если согласиться с версией Н. А. Морозова, то Христос, несомненно, поднимал очень важный вопрос (впрочем, Сын Божий второстепенные вопросы не поднимал вообще). Такой смесью можно не просто задурить толпу, но полностью лишить ее человеческого облика и в итоге уничтожить. Кстати, и Зороастр указывал на необходимость бороться со злоупотреблением «соммой» во время богослужений.

А сомма - это смесь алкоголя и легких опиатов, применяемая в службах огнепоклонников,' к которым принадлежал Зороастр.

Характерно, что на такие богослужения приученная к наркотикам толпа

стремилась сама. И когда ее лишали соответствующих подношений различных аналогов соммы, возмущалась.

Но эта проблема не только огнепоклонников. Напомним, что кровопролитнейшие гуситские войны в средневековой Европе велись за возможность пить вино причастия простым прихожанам. Относительные потери на душу населения Чехии, южной Германии и Венгрии в этих войнах сравнимы с потерями во Второй мировой войне.

Хороший способ выяснения отношений по поводу возможности спокойно выпить в церкви простому человеку.

Впрочем, о том, что церковные службы ранних христиан сопровождались дружескими застольями прямо в церкви, писал и вполне умеренный уважаемый современный церковный историк А. Мень. Мы не согласны с отцом Александром только в одном. Гораздо правдоподобнее предположить, что эта практика сложилась не у самих ранних христиан, а пришла к ним из более древних вариантов церковных служб в храмах государственной религии Первой империи, располагавшейся как раз на библейских землях.

Здесь самое время уместно сделать очень важное замечание. Автор, говоря о религии Первой империи, имеет в виду отнюдь не христианство, иудаизм, мусульманство или даже зороастризм.

Мы не знаем, как назвать эту религию. Но косвенные свидетельства, что она была именно такой, имеются. А конкретному верующему конкретной религии мы можем только сказать, что именно основатели и пророки современных религий как раз активно боролись против замены веры в Бога, т. е. сокровенного, глубоко личного пути познания возвышенного, грубым оболваниванием. И в этой борьбе как раз родились современные мировые религии. Боролся против этого в первую очередь Христос. Причем свидетельств этой борьбы много в каноническом Священном Писании, но еще больше в апокрифических Евангелиях.

Боролся против этого Зороастр. Боролись многие римские папы в У1Н-Х1 веках.

Но мы не собираемся здесь рассматривать вопросы религиоведения. Мы рассматриваем политтехнологии Первой империи, в которых религия, тогдашняя религия, была необходимой, если не главной, составной частью.

К сожалению, для многих религия и вера в Бога - вещи все же не совсем тождественные. Государственная церковь не может не быть, помимо всего прочего, политической структурой. И выполняя политические функции, она не может не использовать зарекомендовавшие себя политтехнологии. В противном случае она перестанет быть элементом политической системы.

Поэтому технологии, отработанные в религиозных структурах первой, весьма далекой от святости империи не могли, хотя бы частично, не войти во все церкви, которые были созданы потом на территориях, когда-то принадлежащих Первой империи, если эти церкви становились государственными.

Иного и быть не могло. Коль скоро в государственной практике были живы отголоски Первой империи, они были живы и в практике государственных церквей. Хотя во многих случаях церковь, возможно, пыталась смягчить государственные нравы.

Как в душе относиться ко всему этому, дело индивидуального, глубоко интимного выбора каждого человека. И автор не собирается навязывать здесь свое решение.

Можем лишь сказать, что для себя он эти решения принял.

Но вернемся к нашей теме.

Помимо оболванивания масс, надо еще добиться закрепления единства «верхушки», как в процессе самих религиозных действий, так пропагандируя и закрепляя как «освященный свыше» образ жизни верхов, ставший непрекращающейся «демонстрацией счастья».

И здесь самым простым и доступным способом является закрепленное у человека на архетипическом уровне повторение модели поведения обезьян-верветок, о котором мы писали в первой главе первой части. Общий, а тем более всеобщий секс сближает. Это, кстати, знают многие лидеры «неформальных» группировок. В ставших модной в нынешней России среде бытует тезис о том, что скрепляет только «кровь или сперма».

Наличие храмовой проституции в древних культурах Ближнего Востока не подвергается сомнению. Другое дело, что не все признают, что отголоски и храмовой проституции, и всеобщего массового совокупления на религиозных праздниках сохранялись весьма долго. Мы не упоминаем о дионисийских культурах античности. Они известны всем историкам и любителям истории. Но они были достаточно давно. И были то ли отголосками, то ли даже современными проявлениями поздних вариантов соответствующей религии Первой империи.

Но имеются соответствующие документы о борьбе римских пап еще в VIII-XI веках с практикой функционирования женских монастырей в первую очередь в качестве публичных домов.

Есть и материальные свидетельства. В некоторых самых старых уже христианских храмах Западной Европы сохранились ряды мужских фаллосов в натуральную величину. Эти ряды не могут быть ничем иным, кроме как

средствами для коллективных мастурбаций.

Имеются и документальные свидетельства массовых совокуплений как элемента богослужения в общинах ранних христиан. Об этом писали Климент Александрийский (ум. в 220 г.) и известный деятель тех времен Иринеи.

Все эти пережитки позволяют в целом представить облик религии Первой империи.

Это фокусничанье, оболванивание, использование гипноза, галлюцинаций, коллективных пьянок и коллективного секса. И все это в рамках неких театрализованных праздников с речами и проповедями. Возможно предположить, что функционально изначально имело место стремление усилить одни составляющие для одних социальных групп, а другие - для других.

Но удержаться в таком процессе трудно, почти невозможно. В итоге пить галлюциногены и совокупляться друг с другом на этих церемониях стали все. Можно по-разному относиться к сексуальной свободе. Но, судя по всему, то, что творилось в рамках этих игрищ, все же было неким перебором. И не могло не закончиться появлением различных извращений. Кстати, скорее всего, именно поэтому гомосексуализм так развит на территориях, которые занимала Первая империя.

В целом религию Первой империи на этом этапе можно охарактеризовать весьма распространенным выражением «вавилонская блудница», ставшим нарицательным.

Иногда говорят, что так первые христиане называли Римскую империю. Ниже мы еще порассуждаем о том, насколько органично Рим стал наследником Первой империи. Так что термин «вавилонская блудница» с полным правом можно отнести и к самой Первой империи, и к любым ее первоначальным наследникам, и к государственной религии империи и этих наследников.

Все это может показаться мерзким. Но только это помогло снять массовые стрессы целых социальных слоев в Первой империи и заманить в ее лоно часть окрестной аристократии. Только таким способом людоедская империя стала приемлемой хотя бы для «морально нестойкой» части потенциальных инкорпорантов.

В ином обличье она вообще не вызывала бы ничего, кроме страха и отвращения абсолютно у всех, даже у собственной элиты.

Представляется совершенно обоснованным мнение, что сатанинская религия Первой империи рухнула вследствие чисто физических ограничений. Алкоголь с опиатами просто уничтожил «активных» прихожан. А пандемия венерических болезней положила конец храмовому массовому сексу.

Государственная церковь стала искать новые методы пробуждения

определенных чувств. Начиная от строительства уже нового типа подавляющих воображение храмовых комплексов и заканчивая органной музыкой. Отдавая должное этим достижениям и их вкладу в цивилизацию (хотя и весьма преувеличенному, на наш взгляд), заметим, что храмовая проституция и алкоголь с опиатами, были, с точки зрения заказчика пропагандистского проекта, гораздо дешевле и эффективней.

И мы не можем не признать определенные «заслуги» описываемой религии Первой империи в деле сохранения и развития государства. Толпа стала более послушной.

Элиты не уничтожили друг друга. Государство обошлось для самосохранения гораздо меньшей кровью. И в итоге сохранилось, а не рухнуло вместе с уничтоженным им населением, что наверняка случилось бы при больших кровопусканиях.

У абсолютного большинства в целом весьма примитивного и злобного народа появилась пусть и привитая весьма грубыми методами, но все же более или менее стойкая привычка апеллировать в своих оценках к высшим ценностям. Потом эту привычку у все более развитого народа используют уже современные религии.

Завершая описание первой, обеспечившей гегемонию религии Первой империи, необходимо сделать важное замечание. Все эти религиозные (или квазирелигиозные, как кому будет угодно) изыски распространялись на народ метрополии. Тех же, кого можно было без труда изнасиловать, тех, кто не представлял для империи ценности, оболванить не пытались.

Отголоски этого сохранились в иудаизме, где нет миссионерской практики. Зачем агитировать того, кого можно подцепить за губу на бронзовый крючок.

Проследив судьбу первого опыта «достижения гегемонии», нам представляется весьма правдоподобной версия, что современный цирк, театр и вообще, говоря современным языком, шоу-бизнес есть самостоятельно развившиеся «осколки» первой государственной религии.

Несомненно, у разных народов сохранились и остатки народной культуры. Более того, тенденции народной пропаганды, как элемента народной самоорганизации, проникли во все отрасли искусства.

Но в большей части случаев мы, скорее всего, имеем дело с осколками того синтетического пропагандистского комплекса, который включал церковь, пропаганду, зрелище. Однако напомним, что помимо этого, данный комплекс в самом раннем своем варианте включал кровавые жертвы, а в последующем варианте их заменили наркотики, алкоголь и коллективный секс.

В конечном итоге цель всего этого комплекса - пропаганда и промывание мозгов

с использованием всех возможностей. Поэтому не может быть шоу-бизнеса (театра, кино, популярной музыки и т. п.) без пропаганды. Не надо «обижаться» на этот факт. Где бы и у кого бы данная тенденция не проявлялась. У Гитлера с Геббельсом, у Сталина, Фадеева и Жданова или в современном Голливуде. На войне как на войне.

Чистое рафинированное искусство лично у автора вызывает ощущение некоторой неестественности. Исключение составляет только искусство для детей. Но тут дидактический элемент не скрывается. Детей, развлекая, полезно исподволь воспитывать.

Что же касается взрослых, то если исключить из искусства (автор не имеет при этом в виду декоративное искусство, живопись и скульптуру) элемент пропаганды (в широком смысле этого слова), то оно теряет смысл. В самом деле, зачем смотреть, как танцуют другие. Если тебе нравятся танцы, потанцуй сам с хорошей партнершей. Если песни, спой их с друзьями или перед друзьями. Весьма оригинально выразили эту мысль «поэты» мореходного училища, где автор имел глупость побывать (правда, к счастью, недолго). Эта формулировка такова: «Что толку в этакой халтуре, когда не пробуешь в натуре». Несколько упрощенно, но, согласитесь, весьма емко.

В данном случае можно согласиться с Гегелем, который предсказывал конец искусства и вечность религии. Автор лишь уточнил бы, что **государственная** религия никогда не откажется от «спецэффектов», которые наработаны в арсенале искусства.

А кроме того, Гегель не мыслил конца государства. Если бы он предположил такое, он не смог бы не признать, что это будет и концом религии в его понимании.

Впрочем, в настоящее время мы зачастую видим новый синтез пропаганды, религии и зрелищ. Западная церковь, например, все больше театрализуется. А театр в XX веке стал или инструментом грубой пропаганды, как в тоталитарных режимах, или инструментом понижения интеллектуального уровня с помощью бредового модерна и еще более бредового постмодернизма. Как впрочем, и большая часть остального современного шоу-бизнеса. А понижение интеллекта масс работает сейчас на мировых «хозяев жизни».

Которые... пытаются создать новую **мировую империю**. Вот ведь совпадение.

Крепнет также синтез алкоголизма, наркомании и шоу-бизнеса. Несмотря на попытки некоторых шоуменов отрицать эту связь и даже «бороться с наркотиками». Эта «борьба» напоминает «борьбу рыбы с водой».

Не отлилась только в соответствующие организационные формы массовая храмовая проституция (или ее современный аналог) под эгидой политически

ангажированного шоу-бизнеса.

Впрочем, связь зрелищ с флиртом и сексом никогда окончательно не прерывалась для элитных кругов. Для представителей европейского высшего света в XIX веке посещение театра без последующего позднего ужина в ресторане в компании с актрисами выглядело, говоря современным языком, «незавершенным мероприятием».

Ну, а про закулисную жизнь и говорить не приходится. Это почти полная аналогия храмовой проституции. Но ведь это вполне естественно! С точки зрения «соответствия исходному оригиналу» первой религии Первой империи актриса (она же жрица) обязана быть еще и проституткой.

Курьезно, но в разлагающейся сталинской империи «культурные мероприятия» и «культурная жизнь» для «верхушки», с точки зрения наблюдателя из низов, выглядели просто как предлог к повальному сексу. И это вызывает яростное порицание у иных моралистов.

Однако это порицание свидетельствует только о глубоком непонимании самой сути «искусства» и незнания его корней и задач (пусть даже эти задачи не то что не декларируются, но даже и не осознаются). Весьма симптоматично, что подобная «культурная» или «светская» жизнь зародилась в сталинской империи как раз тогда, когда ее исходная модель, чуть ли не в точности воспроизводящая ранние стадии Первой империи, начала рушиться.

Рушиться от нежелания элиты «так жить дальше». От субъективно осознаваемой бессмысленности карьеры в этой аскетичной империи. И не надо говорить, что это было некое «перерождение», что Сталин, если бы остался жив, воспрепятствовал этому.

Отнюдь, именно на пике власти Сталина в 1948 году, когда ничего не делалось без его ведома, имел место следующий эпизод. Глава министерства Госконтроля Мехлис попытался на примере Азербайджана умерить аппетиты высшей коммунистической знати, в том числе и в вопросах «морального разложения». Но ЦК пресек эту попытку. Не помогли Мехлису его бывшие заслуги перед режимом. Неумному контролеру дали по рукам. Высшие сановники Азербайджана и всего СССР остались при своих машинах, дворцах и в том или ином виде оформленных многочисленных гаремах.

И все это, повторим, было не вопреки воле Сталина, а с его благословения. А отдельные эпизоды противоположного характера не меняют картины в целом. Советская империя эволюционировала в совершенно определенном направлении при полном одобрении этой эволюции со стороны своего мудрого императора.

Но это же полный аналог соответствующей ситуации в Первой империи!

И тогда выходит, что «веселая религия искусства» для советской имперской элиты не погубила империю, а наоборот, отсрочила ее конец. Ибо в противном случае озверевшая от бессмысленности своей карьеры элита в сочетании с озверевшей от бесконечных испытаний толпой просто разнесли бы империю еще в начале 1950-х годов. Разнесли бы с сосредоточенной злобой и еще не изжитой паучьей серьезностью ранних этапов Первой империи.

Поначалу написав это, автор немного смутился. Не слишком ли жесткие формулировки он применил. Можно отпугнуть неподготовленного читателя. Но потом автор включил телевизор. И увидел, как безмозглые актрисульки с апломбом рассуждают о вопросах, которые относятся к стратегическим и даже цивилизационным проблемам. Захотелось плюнуть в телящик и заорать на всю страну что-то типа: «О чем вы трепитесь, потаскухи?! Вы не знаете и тысячной доли того, что надо знать, чтобы иметь право говорить об этих проблемах. Это вам не глотку драть или ногами дрыгать! Слушать ваше мнение по этим проблемам - это все равно, что спросить вас, как управлять ядерным реактором или современным самолетом».

Но вместо того, чтобы столь неконструктивно выразить свои эмоции, автор просто еще раз подтверждает все свои слова, сказанные выше. Пусть это будет нашим ответом всем тем, кто ведет сейчас битву с разумом за оболванивание белой расы, в том числе с помощью смазливых актрисулук.

Иной читатель в этом месте с тоской подумает, как же автор испохабил «все на свете».

Дорогой читатель! Если для тебя «весь свет» заключен в имперских моделях, то там нечего похабить. Они грязны изначально. И единственная возможность уменьшить количество грязи в империи - это увеличить количество крови.

Что лучше - выбирай сам.

Но империя - это не выбор белой расы. Империя - это чужое для нас детище. Бороться нужно и с грязью, и с кровью, и с иррационализмом, и с сатанизмом одновременно. А это значит - бороться с политической моделью, их породившей.

Бороться с любой империей в любом обличье в рядах национального белого движения.

5. Имперская наука. Имперская мистика

В этом месте иной образованный и внимательный читатель «поймает» автора на противоречии. В самом деле, скажет читатель, автор, очевидно, является сторонником прогресса. Сам автор профессиональный ученый, причем уважающий и любящий свое ремесло.

Как же это совмещается с таким тотальным отрицанием наследия первых государств. Ведь именно они заложили основы современной науки. Может быть, все жертвы и издержки Первой империи хотя бы частично оправданы тем, что именно в ней возникли азы науки. Подобная постановка вопроса правомерна и свидетельствует о заинтересованном чтении нашей книги таким читателем. Однако не все так просто.

Давайте, читатель, рассмотрим вопрос по существу. Что является **эксклюзивным** вкладом Первой империи в науку и те области человеческой культуры, без которых наука существовать не может.

Несомненно, в первую очередь стоит отметить появление письменности. Империи она требовалась исключительно для нужд управления. Хотя, надо отметить, что во многом аналогичные политические структуры доколумбовой Америки обошлись без письменности.

У них были некие минимальные средства передачи бюрократической информации типа «узловое письмо» - последовательности узлов на веревке, которая служила «посланием». Но дальше этого развитие их письменности не пошло, если не считать иероглифов майя, окончательная расшифровка которых до сих пор представляет проблему. Вместе с тем, надо отметить, что большая часть доколумбовых цивилизаций все же вполне обошлась без письменности.

Перебор возможных специфических условий, которые могли способствовать появлению письменности именно в Первой империи, приводят к выводу, что, скорее всего, здесь сыграло немалую роль и случайное стечение обстоятельств. В первую очередь - наличие папируса.

Кроме того, исходные условия формирования государственных институтов в Древнем Египте были предельно жесткими и проходили в сжатые сроки. Гораздо более быстро, чем это могло быть в Америке. Мы писали об этом во второй главе первой части. Возможно, большие требования к качеству управления в этих ситуациях стимулировали более интенсивные способы поиска средств передачи информации с возможностями, заведомо большими, чем некий аналог узелкового письма.

С другой стороны, известны древние варианты передачи информации, которые могли быть предтечами письменности в цивилизациях Севера, где имперские структуры отсутствовали. То же руническое письмо. Так что Первая империя вряд ли была эксклюзивным творцом письменности в цивилизациях «европейско-африканского» потока антропогенеза. Сейчас появились свидетельства наличия алфавита у арийских народов еще 7-8 тысяч лет назад (поразительное совпадение с пресловутым «сотворением мира», о котором мы говорили выше!).

Однако надо признать, что Империя письменность развила и довольно широко

распространила. Империя вообще, надо отдать ей должное, умела тиражировать и «рекламировать» свои культурные и ментальные достижения. Чего нельзя сказать о наших вольных арийских предках.

Поэтому имперская письменность в гораздо большей степени была использована в культуре и практике. Поэтому, отдавая дань справедливости, все же именно Империю следует признать реальным творцом письменности.

Вторым разделом науки, который, несомненно, зародился в Первой империи, была математика. В первую очередь следует отметить различные астрономические расчеты. Их появление вполне понятно, и оно связано с земледелием. Управление ирригационным земледелием в долине Нила требует четкого следования календарному плану. Ибо разливы Нила происходят с повторяющейся регулярностью.

Здесь нет места вариациям гидрологического и метеорологического режима, свойственных Северу. Такая регулярность, несомненно, является предпосылкой появления весьма развитых астрономических расчетов и одновременно способствует формированию алгоритмического типа мышления.

Отметим, кстати, что в аналогичных цивилизациях доколумбовой Америки астрономия и математика тоже были весьма развиты. Причем уровень этот соответствует египетскому. Напрашивается оценка типа «каков запрос - таков ответ». Нужен календарь ирригаторам - они его получили. Весьма интересно лишь то, что в Америке для этого не потребовалось развитие письменности.

Однако, в чем Первая империя, несомненно, может претендовать на мировой приоритет, так это на использование письменности в математике. Результатом этого явилась в итоге довольно развитая даже по современным понятиям математическая теория. И ее тогдашняя «вершина» - геометрия. Причем эта наука почти без изменений просуществовала со времен ближайших наследников Первой империи до наших дней. Исключительный случай в истории науки.

Геометрия в переводе на русский язык означает «землемерие». Социальный заказ на появление этой науки исходил из нужд налогообложения земельных участков и торговли землей. Аналогичный социальный заказ, несомненно, был и в аналогичных цивилизациях доколумбовой Америки. Однако там до появления геометрии дело не дошло.

Первой причиной этому стало, как мы только что сказали, отсутствие письменности, отсутствие возможности изложить математические доказательства на бумаге (папирусе). Подчеркнем для неспециалистов. Математика не арифметика. «Посчитать» на худой конец можно и в уме. А оформить результаты расчетов, или помочь себе в расчетах, с минимальными затратами знаков.

Но вот доказать математическое утверждение без некоего достаточно развитого аналога письменности, без возможности все это изложить на бумаге (папирусе) - нельзя.

Второй причиной развития геометрии именно в Первой империи в отличие от доколумбовой Америки может служить разница в... политическом развитии этих двух цивилизаций. Дело в том, что цивилизации доколумбовой Америки в момент их разгрома испанцами были еще на первоначальном «террористическом» этапе государственного развития.

А Первая империя этот этап прошла. Во внутренних взаимоотношениях Первой империи появилась необходимость не просто приказывать, но и доказывать. Поэтому обеспечение доказательств равной площади различных по конфигурации земельных участков стало основной задачей геометрии.

У каждой науки есть свой характер и стиль, гораздо более богатый и сложный, нежели у самых изоциренных отраслей искусства. Исследователи цивилизации только относительно недавно всерьез занялись этой проблемой. Мы, к сожалению, не имеем возможности подробно рассмотреть ее здесь. Заметим лишь, что ставить такого рода вопросы вполне уместно и корректно. И это не является неким модернистским извращением.

Поэтому уместно и корректно поставить вопрос о «духе» и «менталитете» геометрии, который был гораздо шире - духом всей математики Первой империи.

В развитии любой науки обычно известны имена ученых и эпизоды ее развития, когда те или иные научные теории окончательно оформились и так или иначе уже внедрены в общественную практику. Это всегда происходит несколько позже длительного, неизвестного этапа становления. Мы тоже будем в наших целях часто использовать имена тех, кто уже завершил формирование той же геометрии. Хотя просим читателя не забывать, что сама геометрия формировалась в Первой империи задолго до тех античных математиков, которые известны как ее основатели.

Итак, все знают, что отцом собственно геометрии был Евклид. Гораздо меньше известно, что геометрия в те времена была наукой, являвшейся составной частью древнего... правоведения. Она обслуживала суды и аппарат управления. Сам дух дотошного доказательства достаточно очевидных вещей был сродни духу судопроизводства предельно бюрократизированного государства.

Что касается практических, т. е. говоря современным языком, инженерных приложений, то они просто отрицались отцами геометрии. Известна притча про Евклида, который на вопрос ученика о том, какая может быть польза от геометрии, приказал своему рабу выдать спрашивающему монету и выгнать из своего дома.

Эта притча дошла до нас после многочисленных переводов с разных языков людьми разных культур. Но общий ее контекст, тем не менее, ясен. Здесь »польза« понимается в достаточно узком смысле. В конце концов, выиграть дело в суде куда как полезно.

Нет, здесь »полезный« означает, говоря современными словами, »прикладной«, »инженерный«, »отраслевой«.

Таким образом, геометрия изначально впитала в себя дух суда бюрократической империи. Империи, где людоедство в отношении элиты закончилось. Поэтому этой элите нельзя было доверять всей полноты власти, ибо это неотъемлемо от всей полнотой ответственности (вплоть до лишения жизни за промахи). Но тогда надо было создать развернутый комплекс инструкций. Так возникла бюрократия. До которой, вернее, до такого развития и такого технического оснащения, которой еще не доросли доколумбовы »младшие братья« Первой империи.

Помимо бюрократически-судейского духа, геометрии было на начальном этапе свойственно пренебрежение к инженерным приложениям своих достижений.

Разумеется, потом возможности геометрии стали активно применяться и в инженерной практике. Но это было уже потом. Более того, гипотетический отказ от применения геометрии не был бы лимитирующим моментом в инженерной практике Первой империи. Даже в строительстве пирамид.

В той же доколумбовой Америке чуть меньшие пирамиды строились безо всякой евклидовой геометрии. А как же знаменитые численные оценки отношения различных размеров пирамид, - спросит иной читатель.

Но ведь эти сочетания никак не влияют на качество пирамид как строительных объектов. Пирамиды бы не рушились, будь они построены точно также, но несколько большими или несколько меньшими. Данные сочетания - это не результат расчета конструкции пирамиды. Не влияют они и на технологию ее строительства.

Это, говоря современным языком, желание заказчика. Вот знал заказчик число »пи« или отношения »золотого сечения« и захотел, чтобы в относительных размерах пирамид эти числа фигурировали. О причинах возникновения этого желания мы скажем несколько позже.

Здесь же уместно будет упомянуть проблему технологии строительства гигантских объектов в древности, в том числе в Первой империи. По мнению автора ничего уникального и чудесного в этих объектах нет. Легко можно предъявить многие варианты строительства таких объектов, не прибегая к особым гипотезам. Были бы в практически неограниченных количествах люди и достаточное время.

Кстати, при строительстве пирамиды Хеопса власти несколько не рассчитали сил и средств. Стройка вызвала запредельную даже по тем временам нагрузку на трудовые ресурсы. Начались массовые волнения. Да такие, что даже Первой империи пришлось отступить (это надо же было так довести покорную имперскую толпу). Стройки гигантов прекратились.

Это к вопросу о «гипотезе» о якобы применявшейся «антигравитации» при строительстве пирамидальных монстров. Явно авторы этих гипотез не служили в Советской Армии. Там бы они узнали, как можно достигать эффектов и почище постройки пирамид, безо всякой антигравитации, не имея ничего, кроме саперной лопаты и достаточного количества солдат.

Так что пирамиды, несомненно, можно считать достижениями строительной индустрии. Но все пирамиды вместе взятые с точки зрения оценки технологий их строительства как проявления НТР не стоят изобретения колеса, а тем более освоения железа.

Кстати, отнюдь не гигантские комплексы типа пирамид являются самыми масштабными сооружениями древности, которые в первую очередь можно увидеть, например, из космоса, а ирригационные системы, включающие многокилометровые гигантские плотины и дамбы в Китае.

Ажиотажный интерес к пирамидам, по нашему мнению, является одним из типичных проявлений определенного околонаучного «бизнеса на сенсациях». Не более того.

Впрочем, вернемся к научным и научно-техническим достижениям Первой империи. Если не считать геометрии и астрономии, они **предельно скромны**. Все собственно технические достижения, имеющие инновационный характер, сводятся к комплексу технологий бронзовой металлургии. Но эти достижения были получены «в автоматическом режиме» просто в силу внутренней логики развития соответствующих производств в соответствующих ресурсных условиях.

Потом эти же технические результаты были получены и в других регионах вполне самостоятельно от Первой империи. Можно сказать больше. Они были получены во всех регионах Западной Евразии, где для этого имелось соответствующее сырье. Безо всякой империи, безо всякой теоретической науки и безо всякой письменности.

Казалось бы, в Первой империи должна была быть развитая медицина. Во всяком случае, анатомию египтяне должны были знать лучше многих. Но систематизированных понятий о медицине Первая империя не оставила.

Что же касается столь ценимых сейчас секретов древней терапии, то даже поверхностное сравнение достижений в этой области Первой империи, Индии и

Китай свидетельствует в пользу последних. Между тем, цивилизация Первой империи заметно старше. Да и возможностей для регулярных поисков знаний в рамках храмовых исследований было здесь побольше. Ибо государственная церковь Первой империи имела более высокий социальный статус и аккумулировала больше средств. Специфика богослужений с алкогольно-опиатными смесями должна была бы дать очень много эмпирического материала для медицинских обобщений. Также же как и практика бальзамирования трупов.

Но создается впечатление, что эти культовые технологии отнюдь не стремятся использовать в иных, не культовых целях. Очень типичное проявление имперского менталитета.

Упомянув древнюю медицину, мы не можем умолчать о тех отраслях человеческой деятельности и человеческих знаний, которые обычно весьма тесно связывают именно с медициной. Автор не является специалистом в соответствующих областях, поэтому просит извинения за возможную неточность формулировок.

Назовем все эти отрасли практики, знаний и культуры мистикой или экстрасенсорикой. Мистические знания и практика не исчерпываются медицинскими и психологическими аспектами, хотя наиболее известна именно эта часть данного цивилизационного пласта.

Автор недаром включил эту неясно сформулированную и далеко не однозначную часть знаний и практической деятельности в рамки цивилизационной модели. Здесь еще очень много спорного. Пожалуй, больше, чем ясного. Но уже очевидно, что за всеми доктринами и практиками йогов или даосов «что-то есть». Более того, автору уже как профессиональному ученому известны многие вполне корректные современные научные исследования, которые доказывают и **объясняют** различные эффекты экстрасенсорных технологий. А ведь ранее отрицались сами факты существования этих эффектов. Более того, сейчас уже кое-что даже тиражируется на вполне современном уровне без элемента субъективности и неопределенности, с соответствующей гарантией результата.

В качестве примеров автор может сослаться на давно опубликованные работы академика В. П. Казначеева в области биологии и медицины. Или упомянуть неопубликованные (по вполне определенным причинам), но тем не менее известные среди математиков, физиков, связистов и системологов результаты исследований по т. н. «сверхслабым» сигналам и их воздействиям на сложные системы, начиная с человеческого организма и заканчивая мантией нашей планеты.

Все эти вопросы безумно интересны. Но мы не имеем никакой возможности

даже вкратце упомянуть их здесь.

Заметим лишь, что включение этих результатов в корпус знаний официальной современной науки давался и дается очень трудно. Почему? Да потому, что официальная наука относится к новому как... занудный бюрократ или вездливый, недоброжелательный судья. И стремится прямо игнорировать факты, если они не ложатся в определенную схему. Не так ли иной судья по своему усмотрению исключает вполне осязаемые доказательства из дела.

Разумеется, в определенных пределах наука устанавливает совершенно четкие правила игры. И в максимальной степени исключает произвол и субъективность. Но в том то и дело, что при столкновении с принципиально новыми феноменами в обиход приходится вводить и **новые факты, и новые правила** их осмысления **одновременно**. Это очень трудно. И не под силу для формального бюрократически-судейского менталитета. Поэтому так трудно «раздвигаются» научные рамки. Между тем именно это является главной целью **развития** науки, делающей ее процессом творческим. «Игра по правилам» внутри рамок - это уже в основном ремесло, а не творчество.

Вспомним, откуда пришла в современную науку ментальность суда предельно бюрократизированного государства? Да все из той же Первой империи! В «нагрузку» к достижениям геометрии.

Но продолжим наше рассмотрение эволюции мистических технологий. И так, остановимся на том, что можно с очень большой долей вероятности предположить, что все древние цивилизации имели некий пласт того, что мы, пусть и не совсем корректно, назовем «мистическими технологиями». Подавляющее большинство этих технологий связаны с биологией, медициной, прогнозированием экстраординарных природных явлений.

Значительная их часть была утеряна при смене цивилизационных парадигм, при тотальном ниспровержении абсолютного большинства всех элементов прошлых, проигравших конкурентное соревнование, моделей. Однако отметим, что потерять абсолютно все невозможно. Чем больше было **реальных достижений**, тем больше их останется в веках.

И мы знаем, как много осталось «мистических технологий» от древних Китая и Индии. А что же Египет, Ассирия, Вавилон, т. е. цивилизационные центры Первой империи?

От них остались... разговоры о неких тайнах. И ничего, сравнимого по законченности и степени реализуемости с йогой или даосизмом.

Но ведь это вполне закономерно! Если сейчас соответствующие факты с колоссальным трудом прорываются в науку, а еще шире - в пласт разумной человеческой деятельности, то как же это было трудно, когда кроме полицейско-

бюрократического подхода в молодой науке Первой империи вообще никакого другого подхода не было.

Именно эта полицейщина в сочетании с явным пренебрежением всем, кроме оболванивания масс и насилием над ними, способствовала тому, что реально никакими достижениями мистического плана Первая империя не обладала.

Но она обладала менталитетом одержимого бюрократа. Именно поэтому в некоторых аспектах древней науки наблюдается явное излишество теоретических, а еще больше квазитеоретических построений. Это жонглирование числами и доказательствами, придание результатам такого пустого жонглирования некоего смысла. Не реального, так «теоретического», не «теоретического», так «мистического». Не этим ли объясняются все эти «игры в числа» в размерах пирамид? По нашему мнению, это предположение весьма правдоподобно.

С такими же изысками мы склонны отождествить и игры с числами и буквами, которые в итоге привели к созданию Каббалы и ее аналогов. За этими «тайнами» нет никаких реальных достижений. Это типичный нарост и на конструктивной части древней науки, в современном ее понимании, и на мистических технологиях. Это не мистика, это игра в мистику.

Упомянутую тенденцию «игры в теорию» хорошо знают современные ученые прикладники, когда прорывное техническое решение, иногда уже даже воплощенное в металле, не допускают даже до испытаний (а не то что до внедрения) из-за отсутствия «большой теории».

Знающие современную научную среду согласятся с автором, что очень часто самые эффективные, самые экономные, изящные и простые решения отвергаются научным сообществом именно потому, что они... простые. Потому что на них не «накручено» необходимых наукообразных построений. И исследователи должны, не изменив ни одного приложения, не приведя ни одного нового доказательства по существу, оставив неизменными все расчетные формулы, подкреплять свои выводы совершенно искусственными конструкциями. Только для того, чтобы «соответствовать»? Чему? Не более, чем принятому этикету.

Но это сейчас. А, повторим, насколько же эта тенденция должна была быть гротескна в момент, когда она была вообще единственной и составляла все, что тогда можно было назвать теорией.

Кстати, и бюрократы, и наукообразные пустые «теоретики», как мы знаем, обычно очень талантливы в пропаганде и раздувании своих псевдодостижений. Было бы смешно не предположить того же в древности. Тем более, что возможностей для возвеличивания собственных заслуг было более, чем достаточно. Масса, да и большая часть элиты были тупы. Отношение к письменному тексту безграмотного населения было благоговейно. Примерно

такое же, какое демонстрировали индейцы к письменности испанцев. А если принять во внимание »наркотический» этап развития древней религии, то можно только предполагать, какие блестящие перспективы открывались для манипуляций с сознанием и создания ложных авторитетов.

Поэтому все »достижения» и науки, и мистики Первой империи так преувеличены. Преувеличены настолько, что их по сию пору ищут. А их нет, потому что не было никогда. Это предельно ясно любому добросовестному профессиональному ученому, потому что он может наблюдать аналогичный процесс и сегодня.

Не так ли раздуваются и поныне научно-мафиозными кланами иные ложные авторитеты, от которых в итоге не остается ни одной конструктивной идеи, ни одной работающей методики. Вот будет любознательным потомкам задача искать якобы »утраченные» результаты этих »гениев».

Итак, к реальным эксклюзивным достижениям науки и вообще мыслительной и поисковой деятельности Первой империи можно отнести только геометрию, астрономию и еще некоторые части математики.

Других больших достижений, внесших вклад в мировое развитие, нет. Нет ни достижений в области других наук, ни прикладных научно-технических находок, ни »мистических технологий».

Вместе с тем Первая империя обеспечила появление многих важнейших свойств ментальности, в том числе ментальное™ научной и культурной. Это:

1. »Полицейский» характер научно-теоретического мышления, преувеличенный его формализм. Это свойство, в принципе, полезно в науке. Но Первая империя сразу ввела в оборот и преувеличенный, карикатурный формализм, по сути тормозящий развитие самой науки.
2. Высокомерное пренебрежение к прикладным инженерным исследованиям.
3. Мода на совершенно излишнее усложнение изложения, на гротескное теоретизирование, на пустозвонство не только собственно в словах, но и в формулах. Ибо бессмысленно »трепаться» можно и на языке формул.
4. Повышенное внимание к использованию достижений науки для решения задач обеспечения управления людьми, от контроля за поступлением налогов до обеспечения ритуалов культового оболванивания

6. Система »человек-человек». Механизмы самосохранения. Что могут короли? Имперские нравы

Пора подводить некоторые итоги. В этой главе мы с разных позиций

подтвердили основной принцип формирования государства как структуры. Оно способно наилучшим образом решать те проблемы, которые можно решить, не жалея людских ресурсов. Однако нам важно было показать, как эта модель организации общества способна распространяться.

В самом деле, ни одно людское сообщество, будучи в здравом уме и при нормальных условиях жизни, не примет такую людоедскую модель существования. Остается захват одним государством не «осчастливленного» этим чудовищем населения окрестных территорий. Но на этом пути тоже есть пределы.

Значит, государство, как всякая система, должно научиться распространяться не только силой. И попутно преодолеть те внутренние тупики развития, которые способны без всяких внешних усилий уничтожить его самого.

В первой части мы только наметили все эти моменты. Но нам было очень важно показать, как они могли реализовываться в действительности. И в данной главе мы показали это на совершенно конкретных условиях развития Первой империи.

Мало того, постоянно сравнивая различные важные моменты развития цивилизации Первой империи и аналогичных империй доколумбовой Америки, мы показали, что основные направления эволюции древних империй совпадают. Они объективно предопределены.

Очень важным моментом в ситуационной реконструкции начальных этапов существования Первой империи является демонстрация возможностей развития, казалось бы, изначально совершенно тупиковой и самоедской имперской общественной модели.

При этом империи могут даже чем-то обогащать цивилизацию.

Впрочем, «черного кобеля не отмоешь добела». Имперская система всегда остается в первую очередь людоедской. Ее основной ресурс - сверхэксплуатация людей. И если она их при этом не убивает, то, как минимум, травит. То алкогольно-опиатным «причастием», как в Первой империи, то портвейнами «Акдам» и «Солнцедар», как в СССР.

И уже никогда не перестает стращать. Более того, империя при первой же возможности вновь начинает в основном пугать и убивать, если только это не противоречит текущим задачам ее самосохранения.

Первая империя именно так убивала и запугивала белое население юга Русской равнины.

Впрочем, в данном разделе мы будем говорить не только и не столько о Первой

империи. Мы уже в целом выполнили задачи данной книги в рамках данной тематики, рассмотрев развитие первого в мире государства. Так и хочется добавить - «рабочих и крестьян». Но это будет явным перебором.

Итак, империя, в основном, решает все свои проблемы эксплуатацией людей. Поэтому основные проблемы управления в рамках имперской модели решаются в системе «человек-человек».

Именно в рамках этой модели происходят основные коллизии имперской истории. Как всякая сложная система, империя стремится: а) сохраниться физически перед лицом объективных угроз; б) сохраниться именно как империя, со всеми государственными пережитками; в) сохраниться в рамках определенного, сложившегося на данный момент в данной стране варианта имперской модели.

Как мы показали в этой главе, как правило, империя не способна решать объективные, реальные проблемы **по существу**. Она решает их или за счет своих подданных (прежних или вновь завоеванных, неважно), или за счет заимствованных извне методов, или ей просто везет. Как повезло Первой империи с армянской и балканской медью и бронзой.

О том, как империя сохраняется в качестве таковой, мы уже писали ранее во второй главе первой части и не будем повторять этих выводов снова. Более того, мы их потом еще не раз будем иллюстрировать на примере нашей, русской историей.

Для забывчивого читателя напомним лишь основное положение этой стратегии: не допускать беспроblemного существования собственного народа; без проблем империя чахнет как структура, пусть даже при этом процветает страна, на которой эта империя расположилась.

Но, как это ни странно, для внешнего наблюдателя и проблемы сохранения и развития стран и народов, и проблемы сохранения имперской модели как таковой представляются лишь фоном, при этом зачастую едва различимым. Наблюдатель видит в основном конкуренцию различных группировок внутри имперской модели. Или, как минимум, конкуренцию различных вариантов этой модели. Именно такие аспекты составляют львиную долю официальной политической истории.

На этом основании иные историки склонны рассматривать имперские периоды истории тех или иных стран как насыщенные и интересные. И напрасно.

Любой политический маневр внутри имперской модели (или внутри государственной модели с существенной долей имперских пережитков) сводится к весьма ограниченному выбору. Это выбор между откровенно

террористической моделью управления и откровенно оболванивающей моделью. При этом еще одна степень свободы в принятии решений сводится лишь к вариациям, кого в основном »давить и пугать», а кого оболванивать, спаивать и развращать.

Выйти за эти рамки не может ни один король или император. Ибо он находится **внутри** имперской машины управления. Император может демонтировать империю, только серьезно демонтировав страну. Иными словами, »уничтожить руль вместе с автомобилем».

Если вдуматься, то ремесло, а значит и жизнь короля, действительно, представляется предельно скучной. Об этом, как это ни странно, частенько говорят народные сказки практически всех народов. И это не юродство. Это суровая правда жизни.

Несколько разнообразят жизнь »несчастливых королей» внешнеполитические дела. Ведь вызовы со стороны иных государств в чем-то сродни вызовам со стороны природы. Они находятся вне **данной** системы, и на них должно отвечать именно государство. Это, несомненно, стимулирует развитие стран и народов, а главное, их элит.

Но любые усилия по решению вопросов, по существу, размывают классическую имперскую систему. Поэтому не тупостью, а глубоким пониманием сути вопроса можно объяснить реплики типа »Война портит армию», которые часто изрекал российский император Николай I. Большие войны, ставящие страну на грань гибели, почти всегда способствуют ослаблению имперских моделей. Причем не важно, выигрываются эти войны или проигрываются.

Империи нужны нудные, хронические, истощительные, но неопасные для страны в целом войны, типа Кавказских войн императорской России.

Впрочем, со временем даже крупные победоносные войны и непрекращающееся расширение не могут спасти империю от застоя и подспудного развала.

И тем не менее у королей, а тем более императоров есть возможность проявить себя в цивилизационном процессе. Можно выжатые из империи соки и трофеи победоносных войн направить на цели цивилизационного развития. При этом не подменять целей цивилизационного развития некими проектами типа египетских пирамид.

Первая империя так никогда не поступала. Она вполне могла освоить железо, например. В Египте ходили железные изделия как некая экзотика. Но никого они не заинтересовали. И империю в прямом смысле этого слова разрубил стальной меч.

Стройте, стройте пирамиды (возможно, в переносном смысле этого слова), господа имперцы, или пейте »сомму» в компании се жрицами-проститутками, пока другие куют стальные мечи.

Впрочем, не будем забегать вперед.

Но не так уж глупы императоры, пренебрегающие вопросами цивилизационного развития. Все дело в том, что: а) в исторической памяти сохранились прецеденты, когда технический рывок можно совершить, не вкладывая в технику ничего, как это было, например, во времена бронзовой НТР, о которой мы писали, и б) не всегда имперские вложения в цивилизационные проекты дают отдачу.

Мы уже говорили ранее и скажем еще ниже о том, что спонтанное эволюционное развитие техники, в принципе, лучше осуществляется низовой экономической стихией. Массированное вложение средств дает эффект только в двух случаях: а) если эти вложения заметно улучшают инфраструктуру и б) если вложения ведут к НТР.

Но условия для НТР могут не созреть. Да и инфраструктура может по технологическим причинам быть невосприимчива к приему больших средств. Тогда имперские цивилизационные проекты пропадут втуне.

Говоря об НТР, можно заметить к тому же, что в историческом прошлом не столь уж часто они бывали, тем более в Древнем мире.

Так что возможности осуществить цивилизационный рывок за счет преимуществ имперской модели управления есть далеко не у каждого императора. Поэтому, вероятно, не было и особого желания в »императорской среде» заниматься цивилизационными проектами.

Но если эти возможности имеются, а их не используют, империя лопаается как мыльный пузырь. Это мы покажем ниже. Кстати, именно поэтому такой возможности императоры и короли скорее боятся, чем жаждут.

Если же некий император использует эти возможности, он становится великим политиком и великим историческим деятелем. Ему прощается все.

И это справедливо. Ибо тем самым такой император не только спасает свою страну и сохраняет на некоторое время имперскую модель. Он, в сущности, готовит условия для того экономического и научно-технического рывка, который в итоге приведет к демонтажу империи. Так как бурно растущая и развивающаяся страна имеет тенденцию перерастать в современное национальное государство. А это ущерб интересам поклонников империи.

Наверное, если бы в истории нашелся император, который бы одновременно

использовал имперские механизмы для реализации у себя в стране ускоренной НТР, а потом бы использовал эти результаты не по-имперски и сам возглавил бы превращение империи в национальное государство, то он стал бы самым великим деятелем в истории.

Но таких пока не было. И вряд ли уже будут. Ибо время для таких возможностей упущено. Национальные государства уже возникли. И эта модель на практике показала свою конкурентоспособность по сравнению с имперскими огрызками. Более того, подспудно возникают уже условия для более высокой формы организации, более соответствующей реалиям надвигающейся НТР, которые мы выше, несколько условно, назвали «негосударственным государством» или национал-аристократическим обществом.

Однако спустимся с высот тронов в имперский низ. Если мы честно посмотрим правде в глаза, то увидим, что нравы в любой империи омерзительны. Это нравы уголовников, нравы тюрьмы. Людоедский характер любой империи не может не вызвать отношений, строящихся по типу «умри ты сегодня, а я завтра». И это является фоном, на котором лишь как флуктуации, исключения, могут иметь место отдельные проявления высоких чувств.

В наши дни в России очень много пишут о нравах эпохи Сталина. Характерно, что мерзость этих нравов прямо или косвенно признают даже апологеты этого периода. Кстати, вывод о патологических с точки зрения нормального цивилизованного человека нравах в сталинской империи можно сделать при любых допущениях о ее реалиях.

Например, если все процессы 1930-х годов были фальсифицированы, то можно сказать: «Какая чудовищная и кровавая ложь. Как это характеризует режим». Но, допустим, все эти процессы правдивы и обвинения соответствуют действительности. Тогда можно сказать: «Какое чудовищное государство, созданное сплошь предателями собственной страны, шпионами, диверсантами, которые только что требовали от народа невероятных жертв, одновременно уже цинично предавая его. Нет, ничего хорошего не могло получиться из той системы, которую создали такие мерзавцы, даже после их физического уничтожения».

Но, тем не менее глубоко не правы те, кто на этом основании пытается сделать из сталинского СССР вершину мирового зла. Это была обычная империя. Не хуже иных империй.

Почитайте внимательно те свидетельства, что характеризуют империи древности. Посмотрите на уже разлагающиеся следы имперской модели в средневековой Европе. Мы не будем здесь приводить примеры из той же Библии о деятельности «кроткого» царя Давида, как он жег в печах и «клат под пилю» все население мятежных или завоеванных областей. О раскрестьянивании в

»доброй старой» Англии, где крестьян сначала выгоняли из домов, а потом ловили на дорогах и после первого же предупреждения клеймили, а второй раз вешали. О Варфоломеевской ночи. О »христианнейшем» испанском короле и императоре Филиппе II, который предпочитал быть »скорее королем мертвых, чем королем еретиков». И о многом другом.

Те, кто после всего этого смеют называть сталинскую Россию вершиной мирового зла **всех** времен и народов, либо подлецы, либо безграмотные олухи.

Если хотите воочию, в бытовых реалиях представить имперские нравы, возьмите нравы сталинской России, прибавьте сюда повальную безграмотность и тупость населения, южный темперамент и южную истеричную агрессивность жителей Первой империи. И то, что имперские нравы в тех краях, **не прекращаясь**, культивировались тысячу лет, если принять версию историков-»альтернативщиков». И много тысяч лет, если принять официальную версию истории. В то время как Сталин гнул под имперское лекало народ России не более 25 лет, а Гитлер Германию - всего 12 лет.

И если иные критики Сталина и русского народа кликушествуют о том, что Сталин за 25 лет »безвозвратно испортил» наш народ, то пусть уж тогда признают, что »кроткие» цари Давиды, Навуходонасоры и Валтасары за тысячелетия своего правления сделали из семитских народов просто генетических монстров, которые уродливее русских в десятки и сотни раз. Ибо во столько же раз дольше длились времена Первой империи по сравнению с временами Сталина (даже если к »веку» Сталина прибавить »век» Ивана Грозного).

А главное, осознайте, что не Сталин и вообще не руководители стран севернее Черного моря дали миру примеры имперской организации жизни. Не Сталин, не Гитлер, не Иван Грозный **первыми** научили остальной мир **масса**ми жечь людей в печах и класть под пилы. Не они покрывали стены захваченных городов содранной с пленных кож. Это сделали »кроткий» израильский царь Давид, его ассирийские коллеги, их предшественники и ближайшие последователи в самой Первой империи и тех странах, что возникли на ее осколках.

7. Семитское детище, или неожиданная разгадка еврейских парадоксов

Итак, мы, кажется, рассмотрели все аспекты жизни Первой империи. Историю ее зарождения. Начало и последующие этапы экспансии. Первые стратегические решения по корректировке политического курса. Геополитику, экономику, господствующие технологии. Проблемы и методы их преодоления. Науку, религию, нравы.

Кажется, все? Нет. Мы еще не рассмотрели вопрос о том, что же за народ основал империю. Какие народы без особого труда восприняли эту модель и

начали «не за страх, а за совесть» продвигать ее все дальше и дальше? К какой расе принадлежали эти народы? Какую ветвь антропогенеза они представляют?

А ведь это очень важно. Ибо из предыдущего материала нашей книги уже должно быть ясно, что в одних регионах земли народы с одним расовым составом тяготеют к одним типам взаимоотношений как с природой, так и с другими людьми. А в других регионах люди других рас - к иным типам упомянутых отношений.

И дело здесь именно в тенденциях. Тенденция всеобъемлюща. Но она имеет фоновый характер и не отвергает возможности исключений. А исключения, как известно, только подтверждают правила. Мы уже не говорим о том, что некоторые моменты у каждого конкретного человека можно целенаправленно корректировать в желаемую сторону. Да что там человека. Как говорится, и медведя можно научить танцевать.

С учетом этих оговорок мы рассмотрим опыт Первой империи как тенденцию проявления определенного духа определенных народов.

И тогда вырисовывается совершенно ясная картина. С позиций специфики антропогенеза, все народы, которые вошли в империю первыми, относились к двум типажам. Первый - это те, кто шел далеко не в первой волне потомков Нолу егес1ш на север. Это отставшие в темпах развития по отношению к лидерам антропогенеза. В некотором роде аутсайдеры. Не надо понимать это эмоционально или идеологизированно. Разные ветви потомков Ното егесШз двигались на север с разной скоростью. Они прошли разный набор испытаний и с разной скоростью. Испытания, как известно, не только закаляют и развивают, но могут и сломать. И часто ломают.

Белый человек прошел максимальное количество самых разных испытаний в самые сжатые по геологическим масштабам времени сроки. Не нам судить, «сломался» он или нет. Неандерталец, весьма возможно, точно «сломался». Но если предположить, что белый человек, в отличие от неандертальца, не «сломался», то значит он более закален и развит.

Впрочем, могут быть и другие оценки одних и тех же событий. Мы же говорим о событиях, а не об их оценках.

По истории и экологии своего становления люди, не продвинувшиеся дальше Восточного Средиземноморья, находятся в промежуточном положении между черными и белыми людьми. Опять же, не надо понимать это примитивно, как некую смесь белых и черных.

Просто был режим формирования белой расы. И в результате оформился белый человек. И был режим формирования черной расы. И в результате сформировался черный человек. Был промежуточный режим. И в результате

сформировался человек, которого условно назовем «человеком Восточного Средиземноморья».

Второй эколого-морфологический типаж человеческого материала Первой империи - это люди, сформировавшиеся в рефугиумах гор Малой Азии, Кавказа и Балкан. Это результат многократных смешений классических представителей «людей Восточного Средиземноморья», белых людей и разного рода типичных маргиналов, вытесненных наиболее глубоко в горы, подобных «снежным людям» Кавказа, о которых мы упоминали выше.

В данном случае мы не можем исключить, что снежные люди Кавказа - это не аутсайдеры, а именно маргиналы, «сломавшиеся» в аномально трудных условиях гор ледникового периода. Типа классических неандертальцев Европы. Кроме того, вполне возможно допустить, что в горах нашли прибежище различные ветви «старых маргиналов», возможных «двоюродных братьев» гигантопитека, а может и самого гигантопитека.

Так или иначе, в расовом смысле, среди населения метрополии Первой империи доминировал генофонд эволюционных аутсайдеров и маргиналов. Вероятно, генофонд всех расово-этнических составляющих Первой империи потом значительно перемешался и стал фактически однородным. Ибо имперский тип государства всегда стимулирует вселенское смешение рас и народов.

Именно поэтому столь сходен генофонд многих народов Кавказа, Малой Азии и Ближнего Востока (о Балканах мы позже поговорим особо). Как, кстати, сходны они и фенотипически.

Большая часть населения Первой империи стала потом основой для формирования семитских народов. Хотя мы понимаем, что говорить о «семитском» населении Первой империи несколько некорректно. Семиты оформились значительно позже. Но, повторим, в основном на базе населения Первой империи. Упоминания же о значительном участии уже собственно семитских племен в формировании армян, сванов и многих других народов Кавказа содержится в кавказской истории и легендах. А о семитском происхождении чеченцев знало еще сталинское НКВД.

То, что Средиземноморская империя была исходно семитской, убедительно показал Н. А. Морозов, которого мы уже упоминали. В своих трудах он приводит данные о том, что даже первые константинопольские императоры были семитами и издавали соответствующие государственные акты на языках этой группы.

Курьезно, но слово «Афины» не имеет корней ни в древнегреческом, ни в новогреческом языках. Но означает «гавань» по-древнееврейски. Кстати, имеются свидетельства, что, по крайней мере, у части ахейцев периода Троянской войны было распространено обрезание.

Имеются свидетельства и о семитском населении самой Трои. Кстати, римляне очень ревностно относились к тому, что они потомки троянцев. Так вот, как показывает анализ религии Древнего Рима, ее постулаты очень напоминают Ветхий завет. Как и в Ветхом завете, римляне заключали договор со своими богами. Подобный подход к общению с божеством типичен только для семитских религиозных традиций.

Автор не боится задеть чувства тех своих коллег из русского национального движения, которые благоговеют перед Римом. Они благоговеют перед империей вообще. И напрасно. Потомки людей приледниковья сами империй не строили. Эта стратегия была им навязана извне.

Но вот римляне, потомки троянцев, во многом повторяют на Аппенинах стереотипы Первой империи, принесенных ими из все той же Трои, которая очень подходит на роль одного из центров Первой империи. Империи, построенной семитскими народами в соответствии с собственным менталитетом и психофизиологическими особенностями.

Кстати, нелишним будет обратить внимание иных наших оппонентов именно на эти стереотипы поведения троянцев, запечатленные в мифах. Весьма некрасиво поступил Парис, похитив Елену, будучи в гостях у ее мужа. И, более того, в его отсутствие, когда радушный хозяин доверил свой дом гостю. Но, мало того, Парис еще прихватил и казну Менелая.

Весьма не «по-арийски» ведет себя троянский царевич. Не правда ли? Но стереотипы соответствующего, отнюдь «не арийского» поведения троянцев на этом не исчерпываются. Показательна в этом отношении судьба Андромахи, вдовы Гектора. Став добычей победителей, эта дама быстро прошла путь от рабыни до царицы. Причем в итоге ставшей фактической правительницей царства своего нового мужа-победителя.

Вам ничего не напоминает подобная ловкость, читатель? Есть в ней нечто знакомое. Мы бы даже сказали - «библейское». Во всяком случае, нет в этих деяниях ничего от арийской честности, простодушия и неловкости в интригах. Так что мы бы порекомендовали всем тем, кто хочет представить троянцев чуть ли не «славянами», повнимательнее читать цитируемые самими авторами подобных опусов тексты.

Поведение троянцев типично семитское. Организация защиты Трои тоже достаточно четкая и весьма по-семитски обставлена. Кто только не воюет за Трою, жертвуя своей жизнью. Сами же троянцы, как показывает пример Андромахи и того же Энея (основателя Рима) зачастую весьма неплохо выкручиваются из ситуации благодаря незаурядной хитрости.

А вот греки и их союзники ведут себя в продолжение всей войны с типично «славянским» разбродом, доходящим до откровенного бардака. И преодолевают

отсутствие четкого государственного и военного механизма типично по-арийски собственной смелостью, личным превосходством и превосходством в вооружениях (легендарное железное оружие у Ахилла).

Весьма симптоматично, что только к концу войны греки, наконец-то, додумываются до масштабной военной хитрости, в результате чего побеждают. Да, с волками жить - по-волчьи выть. И белые арийцы, в конце концов, могут научиться подличать и хитрить.

У своих врагов, имперцев и государственников.

Которые так и не простили этой первой в истории масштабной победы свободной федерации, возглавляемой коллективом по сути равноправных вождей над имперской военной машиной. Потом очень многие государственники гораздо более поздних времен объявляли себя «мстителями за Троию». Таким «мстителем», например, провозгласил себя французский король Людовик XII.

И, разумеется, такими «наследниками» семитской Трои были римляне. Подчеркнем еще раз, семитской.

В конце концов, специально для господ русских националистов, поклонников Рима. Посмотрите на изображения Красса. Типичный римский аристократ. А так похож на антисемитские карикатуры времен Третьего рейха. Так что давайте не будем употреблять двойных стандартов, дорогие коллеги. Рим был таким же семитским, как и Карфаген, который так ненавидят русские патриоты и евразийцы. Отделите, наконец, свою любовь к империям от любви к белой расе и русскому народу, господа. Не замещайте одно другим. И, что еще важнее, не прикрывайте одно другим. Это уже не просто глупо. Это подло.

Нас откровенно удивляет изумление иных исследователей, откуда было такое многочисленное еврейское население в Испании и южной Франции в раннем Средневековье. На это, как на какой-то неизвестно откуда взявшийся курьез, указывает Л. Н. Гумилев. Кстати, убежденный евразиец и поклонник имперской идеи. Лев Николаевич в неявном виде высказывает также недоумение, откуда это в южной Франции было такое большое количество семитов в рядах дворянства.

Но в этом нет ничего удивительного. Первоначально Первую империю строили семиты по семитским лекалам. И последующие средиземноморские империи были «родом из имперского детства», были функциональными наследниками Первой империи. И строили их тоже семиты. Семитские элиты, в первую очередь, которые просто не могли не войти составной частью в дворянство юга Европы.

То, что при этом происходили напряженные конфликты и центр империи

перемещался из одного места в другое ничего не означает. Это были: а) конфликты внутри империи и б) конфликты между различными элитными группировками исходно семитского происхождения. Например, между римлянами, потомками семитов-троянцев, и семитами карфагенянами.

Подчеркнем, что мы не склонны выделять евреев как наиболее типичных семитов. Для нас очевидно, что в создании имперской модели принимали участие все семитские народы. И мы не делаем в этом отношении разницы между евреями и арабами, римлянами и карфагенянами. Более того, мы склонны трактовать понятие семитских народов не как некой языковой группы, а как отдельной расы, т. е. весьма расширительно. По нашему мнению, помимо собственно семитов в традиционном понимании этого термина, к этой же расе можно отнести большинство народов Кавказа. Значителен вклад этой расовой компоненты в народ Испании, население южной Франции, южной России и Украины, Балкан, Турции, южной Италии.

В настоящее время люди, в чьих жилах течет часть семитской (в нашем понимании) крови, относятся к весьма разным народам. Они отнюдь не обязательно исповедуют иудаизм или ислам.

Между тем, с расовой точки зрения сами евреи весьма размытая общность. В различных регионах евреи составляют смесь собственно семитов в нашем понимании с белыми, а в иных местах и с черными людьми. При этом примесь белой крови может быть весьма сильной. Поэтому вполне возможен расовый курьез, когда некий потомок древнего дворянского рода из любой страны южной Европы или некий казак могут оказаться в биологическом смысле большими семитами, чем иной этнический еврей.

И данные люди могут придерживаться антиеврейских взглядов, которые некорректно называют сейчас антисемитизмом. Под этим термином фактически понимается антиеврейство. Но евреи отнюдь не самые типичные представители семитов.

Другой дело, что евреи уже не как расовая общность, а как этнос, спаянный одной верой, в наибольшей степени «верны заветам» Первой империи. В этом качестве, как политические и метальные наследники Первой империи, евреи действительно могут считаться «самыми семитскими семитами».

Но, надо отдать должное истине, такими их делает не только и не столько раса, сколько религия и свободно сделанный выбор - самоидентификация именно как евреев.

Данный вывод явно не понравится многим радикальным националистам. Но научитесь, наконец, смотреть правде в глаза, дорогие соотечественники. Давайте будем защищать наши взгляды, наши идеалы, наши интересы честно, как белые люди, не прибегая к передержкам и оболваниванию. Ибо подобные

приемы сокрытия истины применяли семиты Первой империи и их последователи. Но мы к таковым не относимся.

Итак, повторим и подчеркнем, что **именно семитской была элита на большей части этапов имперского строительства во всех регионах Первой империи и ее ближайших преемников.** Запомним этот тезис. Он является ключевым для понимания дальнейших коллизий развития мировой цивилизации.

Семитская элита исходно была элитой государственной. Сановники всех рангов, военные, руководство, говоря современным языком, «служб безопасности» - вот кем **в первую очередь** были семиты в Первой империи, самом первом государстве мира.

Сделаем одно «лирическое отступление». В массовом сознании, во всяком случае в России, до относительно недавнего времени еврей ассоциировался со слабым болезненным интеллигентом. Этаким скрипачом или кабинетным ученым, максимум - адвокатом. А зарубежный еврей - с теми же интеллигентами плюс с банкирами.

Изучая историю Средних веков, нормальный непредубежденный советский человек поражался, за что же так гнали и преследовали бедных евреев кровожадные рыцари. Но не будем раньше времени смеяться над советской версией истории. Разве Вальтер Скотт был членом Союза писателей СССР? А ведь в своем знаменитом «Айвенго» он вывел образы слабого, умного и в общем доброго еврея и его благородной дочери, которых преследуют злые и грубые мужланы типа барона Реджинальда фром де Бефа.

Возвращаясь к восприятию этих тенденций советским порядочным интеллигентом, невольно ассоциативно представляешь, как тупой милицейский старшина (в образе барона фром де Бефа) хамски придирается к нескладному приличному человеку, неспособному противостоять быдловскому произволу.

Потом этот стереотип долгое время мешал пониманию фактов, становившихся известными в последние десятилетия. Оказывается, большинство военных и чекистов в СССР сразу после 1917 года были евреями. Как далек образ «милого, беспомощного интеллигента» от образа следователя НКВД, от образа командующего фронтом гражданской войны.

Иной наивный русский человек мог подумать что-то типа: «Вот ведь что делает коммунистическая революция с людьми!», Но потом этот русский человек узнавал, что самая эффективная спецслужба современности - это израильский Моссад. А самая одиозная и свирепая фигура в далеком от благодати МВД ельцинской России - это еврей генерал Орлов, скрывшийся после побега из России в Израиле. Как говорить, при чем тут коммунистическая революция.

Так кто же, в конце концов, более адекватен семитскому менталитету:

кабинетный ученый, милый скрипач или палач НКВД, жесткий бюрократ, напористый военный? Или еще более обобщенно: отвлеченный непрактичный, по самой своей природе свободный мыслитель и творец или убежденный, жесткий, изоциренный государственник? Подлец, лицемер и делега с мышлением узколобого бюрократа, не способный к свободному творчеству? Человек с имперским менталитетом, о котором мы рассуждали в предыдущем разделе?

Вся совокупность фактов показывает, **что по большей части** (хотя есть исключения) именно имперский государственник. Этот подход позволяет решить трудную проблему обобщения семитских качеств характера на чисто бытовом уровне. Семиты не робкие и не трусы, не глупые и не умные, не сильные и не слабые, не абстрактно злые и не абстрактно добрые. Среди них, по этим критериям, есть всякие.

Но, как правило, семиты не щедрые. Они не способны без принуждения признать превосходство другого, постороннего не семита. Тем более искренне восхититься им. Они патологически не способны прощать и патологически не способны стать на место другого. Даже когда это было бы полезно для них самих. Они не умеют «отступать» при отстаивании своих интересов. Именно поэтому все они производят впечатление «напористых». Хотя при этом могут быть очень вялыми по темпераменту.

Иными словами семиты в быту в отношении житейских проблем ведут себя как упертые узколобые бюрократы в отношении интересов службы. В самом деле, разве имперский бюрократ осмелится «простить» без приказа свыше? Разве сможет он позволить себе по-рыцарски восхититься врагом? Еще «пришьют» братание с противником или низкопоклонство. Разве может он позволить себе «чуйства на работе», как иронизировал артист А. Райкин.

Образно говоря, разве сможет Рим отступить? Нет, в Риме было запрещено законом заключать мир на условиях компромисса. И не так ли, как когда-то Рим и Карфаген, сцепились сейчас два семитских народа в Израиле и Палестине? С каким трудом даются им малейшие компромиссы.

Впрочем, если есть «приказ свыше», то семиты готовы дисциплинированно изменить свою позицию на 180°, как вполне лояльные и старательные имперские бюрократы. Не так ли сменило еврейство свое отношение к собственному детищу, коммунистическому СССР, когда Сталин несколько скорректировал первоначальную модель этого монстра?

Для понимания причин смены настроения в данном случае надо лишь разгадать, где этот пресловутый «верх», который отдает данные «приказы». Но, так или иначе, «не имперский» индивидуум не может в одночасье избавиться от былых личных оценок, отказаться от совместной предыстории. А типичный бюрократ

может.

И семиты, «генетические бюрократы», разом стали хаять СССР, как только их «коллективный разум» принял решение о том, что «проект себя исчерпал», хотя в руководстве СССР оставалось еще много семитов. Однако имперцы никогда не останавливались, когда «в интересах службы» надо было пожертвовать кое-кем «из своих».

Итак, семитский характер - это перенос на бытовой уровень стереотипов бюрократического имперского менталитета. В наиболее гротескном варианте этого менталитета. Семит - это «генетический государственный».

Ибо сама идея государственной машины была впервые воплощена семитами. Они же ее распространили на самые развитые регионы тогдашнего мира.

Они **по праву** считали ее своим детищем. Ибо она таковым и является.

И они в совершенстве овладели искусством государственного управления. В этом совершенно правы апологеты еврейского превосходства. В бюрократической, аппаратной среде евреи **непревзойденны**. И они внесли дух формализма, бюрократии и изоэщенности во все, чего касались, в том числе в отрасли творческого труда, куда многие из них оказались **вытеснены**.

Пока лишь заметим, что как раз это насильственное вытеснение, насильственное пребывание в творческих кругах и несиловых структурах власти определяет противоречия и вековые метания еврейской души. Вновь вернуться в силовые структуры государства - вот чего не хватает для счастья евреям. Ах как хочется скрипачу стать генералом. А кабинетному затворнику - следователем тайной полиции. И при первой же возможности становятся ими.

И восстанавливают государство в чистом виде. Государство по моделям **своей** Первой империи.

Но проблема цивилизации состоит как раз в том, что государство в таком виде оказалось в итоге неконкурентоспособным. Империя рухнула. Началась эпоха возмездия белого человека имперскому монстру. Как это произошло, мы расскажем подробнее в главе «Железный марш».

Сейчас лишь отметим, что семитская имперская элита была оттеснена, в первую очередь из военной области и высшего государственного сановничества. Но белый реванш не был доведен до конца. Победители оставили побежденным слишком многое, если вообще не большую часть из государственной модели управления. А эта модель отнюдь не сводилась к силовой составляющей.

Как раз в несиловой составляющей нашла убежище бывшая семитская элита. Вернее, она из этих структур **не уходила** и распространялась **в рамках** этих

структур **вместе** с распространением государственной модели,

Поэтому считать евреев некими »революционными антигосударственниками» - верх непонимания. Они как раз самые большие государственники в мире. Но их цель, их историческая мечта - восстановление Первой империи. С каждым историческим этапом эта возможность становится все более грандиозней. Теперь империю можно (технические средства позволяют это) восстановить уже в мировом масштабе.

Миф об антигосударственничестве, чуть ли не свободолюбии еврейских революционеров есть результат неумения увидеть из-за деревьев леса. Все революционные проекты, которые поддерживала еврейская элита, сохранившая если не лидирующие, то очень сильные позиции во всех несиловых структурах государственного и общественного управления в странах Европы и Америки, были направлены не на тотальное разрушение государств как таковых. Они были направлены на свержение туземной силовой и сановной элиты (в том числе с помощью лозунгов и идей свободы).

И замене ее элитой еврейской. При этом целью является, помимо всего прочего, ужесточение государственной модели.

В конце концов, на войне как на войне. Евреи хотят отвоевать свое собственное детище. И имеют на это право.

Те же, кто не согласен с подобной перспективой, должны не тягаться с семитскими мастерами в овладении построенной ими же машины, а сломать эту машину. И построить **принципиально новую** систему общественного управления, где прямо, четко и **в явном виде** ставятся цели управления. Определяются ограничения по средствам достижения этих целей. И создаются »под заказ» механизмы достижения этих целей.

Но кто же должен выступать »заказчиком» проекта?

Нация.

Нация как общность, вместе и порознь решающая все проблемы жизнеобеспечения в каждой данной стране по существу, в зависимости от условий своей жизни, своего биологического и цивилизационного потенциала. А не за счет паразитарного перекладывания их на других людей. Разумеется, это нация (сообщество наций) должна быть общностью (сообществом) комплиментарных друг другу людей. Что невозможно для разнородных, особенно разнорасовых (а по существу, разновидовых) смесей.

Мы не отрицаем такого же права и за семитами, и за неграми. Но пусть они реализуют это право на своей земле.

А мы будем реализовывать на своей.

8. Реплика для недобросовестных оппонентов. »Жидо-масон - антисемит«

Прочитав предыдущий раздел, иной недобросовестный оппонент поспешит зачислить автора в махровые антисемиты. Однако это будет совершенно несправедливо. Начнем с того, что автор нигде не призывает к геноциду семитов. Далее, нынешнее понятие антисемитизма, по существу, означает »антиеврейство«. Но мы и тут не пошли на поводу у примитивного расизма. И подчеркнули, что биологически евреи отнюдь не самые типичные семиты.

Наконец, автор к вящему возмущению очень многих антисемитов, которых много среди русских национал-патриотов, »отдал« семитам »славу« Трои, Рима и Константинополя. В данном случае личное дело автора, что он эту »славу« считает весьма сомнительной. Но большинство-то так не считает!

Здесь мы не удержимся от реплики. »Хорошо« и »плохо« - это дело априорного выбора некой оценочной шкалы, которая не может быть единой в Архангельске и Сахаре. Для живущего в Архангельске хорошо, когда тепло, а для живущего в Сахаре, когда прохладно. И если живущий в Архангельске, начитавшись »не тех« книг, начинает мыслить как человек из Сахары, то это его личные проблемы и его личная драма.

Но и для семитов и для большинства нынешних русских националистов слава Трои, Рима и Константинополя кажется истинной. И »сдача« ее семитам в этой шкале ценностей не упрек, а величайшая похвала им.

Более того, мы совершили еще один непростительный в глазах национально-патриотической массовки грех. Мы признали **правоту претензий семитов** (которых оголтелая публика наверняка, не заметив всех оговорок автора, отождествит только с евреями) на главенство в рамках имперской модели, где бы и как бы она не реализовывалась.

Впору записывать автора не в антисемиты, а в »жидо-масоны«.

Так что покорнейше просим наших оппонентов, прежде чем набрасываться на автора всем скопом, выяснить отношения между собой и определить, в чем же нас надо упрекать: в антисемитизме или в »жидо-масонстве«.

В чем мы готовы признаться сами, так это в нашем неприятии людоедства, тупости, ханжества, бюрократизма. Все эти качества были внедрены в практику управления большими массами людей в рамках имперской модели. И мы эту модель не приемлем. Она нам противна.

И мы не выделяем отдельной строкой ни один из факторов, способствующих

становлению этой модели. От соответствующего стечения природных обстоятельств до расовой специфики тех, кого мы причисляем к семитам, построивших эту империю.

Что касается конкретных людей, то мы должны с научной корректностью и ответственностью признать, что на **всех** территориях, на которые распространялась Первая империя или ее ближайшие наследники, среди населения имеется доля семитского (в нашем понимании) генофонда.

Но автор не склонен вслед за некоторыми коллегами, русскими националистами и расово мыслящими идеологами, абсолютизировать роль генофонда в становлении человека. Мы взываем к арийскому чувству меры наших товарищей. Не уподобляйтесь оголтелым болванам. Не преувеличивайте, в частности, роль генетики. Она велика, но не тотальна.

Помните, господа, что слово «воля» одно из основополагающих у всех белых народов. Оно почти одинаково звучит и на русском, и на немецком, и на английском. Человек, обладающий волей, почти постоянно переламывает обстоятельства, преодолевает не только внешние трудности, но и внутренние несовершенства.

Говорить человеку, обладающему волей, что его может ограничивать «несовершенство» его генофонда, значит незаслуженно оскорблять его. Расово-этнические различия проявляются по закону больших чисел и отнюдь не обязательно реализуются в каждом конкретном человеке.

Так что не надо с отнюдь не русской, а совершенно семитской самонадеянностью однозначно утверждать то, что еще далеко не изучено и однозначно не доказано. И преувеличивать роль «генетики», которую к тому же иные идеологи понимают сугубо дилетантски.

Подвести итог данным рассуждениям автор хотел бы примером одной человеческой драмы, свидетелем которой он был. Автор имел честь работать с Львом Яковлевичем Рохлиным на политическом поприще в последний год жизни генерала. Я утверждаю, что среди всех встреченных мною за всю мою жизнь людей, а тем более среди политиков, не было человека более рыцарственного. Благородство, бесстрашие, широта души, щедрость, великодушие. Умение посмотреть на себя со стороны. Юмор. Тонкий ум и широкая образованность. Но при этом совершенно негибкая воля. Величайшая требовательность к себе. И жертвенность.

Чего стоит одно его умение отказываться от наград, если он считал это не совместимым со своим собственным Кодексом Чести.

Боже, спасибо, что Ты дал мне счастье пообщаться с этим рыцарем хотя бы неполный год. Я знаю, что о моем генерале распространяется масса нелепых и

клеветнических слухов.

Вся шваль нынешней российской политики боится его. Даже мертвого. Боится, потому что по сравнению с ним все они моральные пигмеи. Как жаль, что сейчас нет дуэлей. И нет возможности кровью смывать все оскорбления, которые бросаются вслед моему генералу.

Когда генерала предупредили о готовящемся покушении, он сказал: «Я не могу прятаться сейчас. Тогда я не буду иметь морального права в скором времени приказывать вам...» Что должен был приказывать генерал, не относится к теме данной книги.

Но эта фраза навеки врезалась мне в душу.

«К чему автор развел эти сантименты?» - спросит иной читатель. А к тому, что генерал Рохлин был наполовину еврей. Но я не знал человека, который бы вел себя более «по-арийски», чем генерал Рохлин. Который был бы более чужд имперско-семитских моментов в поведении. Чужд всяческих штампов и пресловутого дебильного бюрократического «положено», что для профессионального военного тем более трудно.

В математике есть правило, гласящее: пример не может служить доказательством; но пример может служить опровержением положения, претендующего на общность. Пример генерала Рохлина опровергает все претензии на общность сторонников упрощенного расово-генетического подхода к людям.

И автор готов первым подписаться под опровержением подобного подхода. А иным «арийцам», «упертым» в таких взглядах, автор рекомендует попытаться проявить себя в битвах с врагами русского народа хотя бы на одну сотую того, как проявлял себя «не чистый ариец» генерал Рохлин.

Сказанное не отменяет всех предыдущих выводов автора.

Мы утверждаем, что **все** семитские народы **в целом** внедрили в мировую общественную практику и общественное сознание политическую модель, которую мы называем имперско-государственной. Эта модель совершенно не соответствует биологически обусловленным чертам менталитета белой расы. Она была нам навязана.

И если она хотя бы более ли менее приемлема для массы самих семитов (или людей, воспринявших в сущности семитское мировоззрение), то совершенно бесперспективна для потомков людей приледниковья, верных правильно понимаемому зову своей крови.

Иных выводов из этой главы сам автор не делает и за домыслы

недоброжелательных оппонентов не отвечает.

9. Начало конца. Античный капитализм. Арийские альтернативы. Когда лук стал священным

Античная Греция чисто эмоционально у людей интересующихся историей и древней культурой вызывает впечатление некой яркой вспышки, цивилизационного прорыва. В сущности, в свое время она была единственной в Древнем мире страной такого рода. Иные государства были, как говорят нам историки, «восточными деспотиями». Этих деспотий было гораздо больше. Но именно Грецию Маркс поместил «на магистральный путь» развития человечества, объявив остальных ее современников некими маргиналами, характеризующимися особой «восточной» формой рабовладельческого общества.

Как мы показали выше, мы отнюдь не считаем львиную долю Первой империи некими маргиналами исторического пути. Именно в империи, как раз в ее основных частях, которые можно отнести к «восточным деспотиям», задолго до наших дней была заложена большая часть коллизий мировой истории и политики. В то же время не оставляет впечатление, что античная Греция в чем-то гораздо больше напоминает Европу Нового времени, чем своих имперских современников. И именно она является предтечей западной цивилизации и капитализма.

Поэтому, может прав Маркс, обозначив именно античную Грецию предвестницей и прародительницей европейской западной цивилизации?

Исходя из наших взглядов, изложенных в первой части, мы можем сказать, что это не совсем так. Просто в Древней Греции и на островах Восточного Средиземноморья сложилась ситуация по многим системо-образующим признакам напоминающая капитализм.

Греция и Кипр контролировали около 2/3 запасов медных и полиметаллических руд, на которых держалось все могущество Первой империи эпохи бронзы. То есть создавался своеобразный «избыток ресурсов» в рамках той технологии. А это есть первая предпосылка отходу от людоедской имперской или феодально-социалистической модели. Отсюда всего один шаг до развития рыночных отношений.

Разумеется, избыток природных ресурсов был только для одной отрасли хозяйства - бронзовой металлургии. Но эта отрасль была лидирующей в государстве и позволяла придерживаться узкой специализации в самой Греции.

Отметим, что избыток природных ресурсов автоматически предполагает относительный недостаток ресурсов трудовых. Разумеется, в рабовладельческом обществе дефицит трудовых ресурсов быстро преодолевается доставкой рабов.

Но это процесс, несколько растянутый во времени. Тем более, что в Грецию, в отличие от Великой Армении, рабы доставлялись в основном по морю. И эта доставка шла параллельно с развитием судоходства. И не могла идти быстрее.

Поэтому в Армении временный дефицит трудовых ресурсов был преодолен быстро, а в Греции медленнее.

Но даже в Армении этого краткого периода «античного капитализма» (относительного избытка природных ресурсов при недостатке трудовых) хватило на то, чтобы наложить оттенок «буржуазности» на национальный менталитет армян. В Греции же процессы шли гораздо дальше. Более того, по мере роста притока рабов в бронзовую промышленность, возникал новый источник их дефицита в бурно растущем судостроении. И в этой второй, лидирующей в те времена отрасли Греция заняла монопольные позиции. Тем более, что природные условия Греции способствовали развитию судостроения и судоходства.

Таким образом, процесс бурного роста экономики и сохранения временного дефицита трудовых ресурсов создавал условия для «не имперской» модели организации общества и некоторое время шел в режиме «самозатяга», по-научному автокатализа.

Был, наконец, и третий фактор в создании условий для обособления Греции. Поток рабов туда шел из основного «невольничьего резервуара» империи, с юга Русской равнины. Этот поток рабов был столь интенсивен, что обусловил быстрое изменение расового состава Греции. Она становилась скорее не семитской, а белой. Биологически обусловленные черты имперского менталитета размывались.

То, что первоначально Греция была частью Первой империи, не вызывает у нас сомнений. И то что ее первоначальное население, формировавшееся в рефугиумах Балкан, было в расовом отношении близко к семитам, тоже достаточно очевидно и подробно обосновано нами при рассмотрении антропогенеза в Западной Евразии.

Так что вхождение в империю было предопределено и геополитикой тех времен, и, если так можно сказать, «биополитикой», и самой логикой развития империи. Кстати, многочисленные подтверждения этой гипотезы есть у уже не раз упоминаемого нами Н. А. Морозова.

Но особая специфика вхождения Греции в империю, несомненно, имеется. Греция вошла туда во времена, когда наиболее одиозная модель государства была уже изжита. Греция чуть ли не сразу заняла привилегированное положение в экономике. Она сразу же начала развиваться по пути, который гораздо ближе к капиталистическому, чем феодально-социалистическому. Греция быстро и заметно «побелела» в расовом отношении. И при этом Греции не чувствовала

себя периферией.

Она сразу стала фактически одним из экономических и технических лидеров империи, оставаясь при этом ее политическими задворками. Такая ситуация не могла длиться долго. Греция не могла не начать отделяться от империи и политически.

И, скорее всего, отделилась. Однако империя и ее наследники никогда не мирились с ее отделением. Они по праву считали ее своей. Ее пытались завоевать все наследники Первой империи. Иногда безуспешно, как в первый раз Дарий. Иногда успешно и надолго, как Византия или Оттоманская империя. Иногда Греция переходила в успешное контрнаступление, как во времена Троянской войны или Александра Македонского.

Но это уже в сущности частности. Нас в данной коллизии интересует другое. Греческий прецедент был первым примером того, как империя, несомненно, способствовала развитию некоего региона. Ибо вне империи, имперской помощи в обеспечении рабами и имперского обеспечения сбыта своей высокотехнологичной продукции Греция не могла бы столь стремительно, буквально рывком, развиться в цивилизационный центр.

Но одновременно Греция стала первым примером того, как наиболее развитые регионы не могут и не желают оставаться в пределах империи с ее уродской античеловеческой, семитской политической моделью. И маленькая Греция показала, что от имперских оков освободиться не только нужно, но и можно.

Мы будем говорить об этом далее, но, несколько забежав вперед, заметим, что Греция стала инициатором уничтожения одного из новых имперских центров - Трои. И римляне, считающие себя наследниками троянцев, очень не любили за это Грецию. И не забыли былых обид. Во время последующих конфликтов и завоевания Греции они щадили города, в свое время не участвовавшие в троянской войне. А к остальным относились «как варвары».

Это больше, чем просто злопамятность. Это месть убежденных имперцев за «надругательство над идеей».

Впрочем, Греция стала отщепенцем империи, но все же продемонстрировала и то, что полностью освободиться от имперских одеяний, однажды примерив их, так просто не удастся. Она осталась рабовладельческим государством и переняла очень многие механизмы насилия и оболванивания у Первой империи.

Именно поэтому не Греция в итоге стала могильщиком империи. Империю окончательно если и не добились, то уж точно «разнесли на части» те, кто в нее равноправной составной частью никогда не входил.

Мы уже писали ранее, как на южной трети Русской равнины развернулось

противостояние двух сил, обладающих бронзовым оружием. С юга шла экспансия империи и охота на белых рабов. С северо-востока эту экспансию сдерживали тоже обладающие бронзовым оружием ирано-арийские племена. Мы склонны отождествить их со скифами исторических легенд (официальной истории, если кому-то так кажется лучше).

Центр добычи меди и полиметаллов для скифов находился на южном Урале. Рудных ресурсов вполне хватало для вооружения сравнимых с имперскими армиями вооруженных масс. Армии, скорее всего, строились на принципе народного ополчения. Типа того, что сохранился у казаков.

К сожалению, вследствие отсутствия письменности, а также последующих усилий большинства «историков-государственников» всех времен, королевств и империй, сохранилось очень мало знаний об общественно-политической организации скифов, сарматов, казаков, викингов Исландии и т. п. политических моделях.

Не любит, ох не любит политическая обслуга имперских заказчиков любое упоминания об альтернативных моделях общественной организации. Тем более, что эти модели зачастую проявляли себя вполне конкурентоспособно по отношению к семитским империям. Для понимания сути такой оценки автор рекомендует читателю ознакомиться с т. н. «Тетрадами по империализму», подготовительными материалами к труду Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Там, упоминая о социальных достижениях некоторых капиталистических стран, будущий «реаниматор» модели Первой империи в сердцах восклицает, что жителей тех стран невозможно будет увлечь социалистическими лозунгами. «Таким никакой социализм не нужен».

А вот Ленину нужен в первую очередь социализм, а отнюдь не социальные гарантии народу. Если же народ уже получил то, что обещают красные, и безо всякой революции, то это по Ленину (Бланку) плохо.

Но оставим господ большевиков.

Народные ополчения скифов, социальный строй которых можно назвать военной демократией, вооруженные бронзовым оружием, в процессе динамического противостояния в итоге сломали равновесие и вторглись в Причерноморье. К тому времени там уже сложилось некое имперское ядро из тех, кто управлял работорговлей «на месте». Именно из потомков этих семитских «комиссаров» Первой империи и местных коллаборационистов сложилась потом легендарная Хазария - государство, основным источником доходов которого была работорговля.

Но это было потом. А во времена наступления скифов Причерноморье уже изрядно обезлюдело в результате «труда» охотников за рабами. Пустые степи

стали идеальным полем для кочевого скотоводства. Имперские «миссионеры» не выдержали в итоге давления и отошли на Кавказ, к своей семитской родне. Курьезно, но «хазарские мотивы» до сих пор присутствуют в топонимике Чечни: «Гойское», «Алхазурово» (Ал Хазарово?).

Но почему же все-таки ушла империя. Наверное, потому, что как раз в это время начался виток сепаратизма в Греции. Тыловые базы империи оказались на территориях, занятых «античными сепаратистами». Передовые отряды империи, не имея поддержки с тыла, в итоге были разбиты. Степь стала скифской, а Греция свободной от имперской опеки.

Очень жаль, что в итоге имперская зараза не миновала и ирано-арийских скифов. Гангренозные ошметки агонизирующей империи развратили скифов. Они тоже начали приторговывать рабами и кооперировались в этом с теми же греками.

Но торговля - это еще и разведка. Скифам понравилось получать ценности из империи. И они начали набеги на ее территорию. Легенды о скифских рейдах чуть ли не до Вавилона и даже Египта дошли до наших дней. Легенды, правда, довольно смутные. Но нет дыма без огня. Несомненно, скифы здорово потрепали империю.

Более того, без скифского удара вряд ли смогла бы освободиться Греция.

Но империя осталась жива. А ее северный форпост - Троя - приобрел особое значение. Став, помимо всего прочего, еще и центром военного противостояния с весьма опасными потенциальными противниками с севера и с запада.

Собственно же наследники Первой империи теперь осуществляли многократный передел в основном ее бывшей метрополии. Но имперская модель целиком или частично воспринималась все большим количеством регионов Средиземноморья.

А в Причерноморье создалось сообщество рыхлых скифских объединений, греческих наследников имперского «хозяйства» и прямых потомков классических имперцев. И все они все равно пытались охотиться за рабами.

Однако для жителей основной части Русской равнины и Прикарпатья ситуация несколько смягчилась. Разрозненные шайки мелких имперских вассалов и союзников не так целенаправленно и серьезно вычесывали местность, как имперская машина. Да и сама охота переместилась на север, где гораздо больше лесов и потому легче уйти от облав.

Но суть оставалась той же. Обладатели бронзового оружия были гораздо сильнее своих потенциальных жертв. Возможно, единственным оружием возмездия стал лук. Трофейной бронзы явно не хватало на кинжалы и топоры,

но на наконечники относительно немногих стрел ее явно хватало. Сам же лук совершенствовался ускоренными темпами. Жизнь заставляла.

Основным типом реального отпора стали засады в лесах и «огневой» (пardon, лучно-стреловой) налет из засады. Но это не могло заменить побед в открытом поле. Да и тактика применения лука с относительно немногими стрелами с бронзовыми наконечниками не могла стать «массированной». А ведь именно такая тактика только и может привести к окончательному разгрому врага.

И тем не менее, лук стал единственной надеждой, единственным оружием возмездия. Отсюда такая любовь к луку, такое его обожествление. По нашему мнению, не ко временам палеолита восходит такое уважение к луку, а именно к концу бронзового века. И свойственно это уважение в основном народам, для которых он был единственным оружием отпора работорговцам, а не мифическим оружием охоты на мамонтов.

Впрочем, у степняков тоже были луки. И неплохие. Вот только потомки знаменитых скифов не афишируют своей родословной. Поэтому трудно определить степень обожествления лука у самих скифов.

Но, в конце концов, «не луком единым» оценим то время и участников тех событий. Скифы остановили империю.

И скифский пример ценен нам прежде всего тем, что показывает ложность мифов о силе империй, в том числе военной. **При равном вооружении империи бывают биты гораздо меньшими по численности иррегулярными войсками свободных народов.**

Не менее ценным уроком скифского отпора является урок цивилизационный. С прикладной научно-технической точки зрения неграмотные, неорганизованные скифы сами развили у себя лидирующую отрасль тогдашней индустрии - металлургию бронзы. Ибо центры бронзовой металлургии на южном Урале были основаны независимо от аналогичных центров в Великой Армении, на Кипре и на Балканах.

Увы, империи работают с низким КПД во всех отраслях: в военной, индустриальной, научной, мистической. Империи могут только много «бить своих, чтобы чужие боялись» или до дебилизма оболванивать. Но тут уже не только своих, но и чужих. И на много веков вперед.

А нам еще разбирать и разбирать завалы имперских агиток, накопленные за века и тысячелетия.

Глава 3

Железный марш

1. Железо и бронза. Геология, экология, технология

Читатель уже, наверное, привык к чередованию в нашей книге науки, эссеистики и откровенных всплесков политических эмоций. Такова специфика материала. И, скажем прямо, когда отдельные главы этой книги издавались ранее под другими названиями малыми тиражами, это нравилось нашим преданным читателям. Более того, такое сочетание «горячего и холодного» многие из них считали весьма пикантным.

Вот и теперь мы в очередной раз от оценок, которые по самой своей сути не могут не быть эмоциональными, переходим к рассмотрению объективных условий самой масштабной, после освоения огня, НТР — освоению железа.

Напомним читателю, что железа в земной коре в 500 раз больше, чем меди. Так что найти его в принципе гораздо легче. Однако, курьезно, а может быть это просто божественное предначертание, что на территории метрополий Первой империи — в Египте, в Месопотамии, Палестине, Ливане, Сирии, Армении, Малой Азии — железа почти нет. Не так много его и на Балканах.

Зато оно в достатке есть к северу от территории Первой империи, на Русской равнине и в Центральной Европе.

Однако, рассматривая наличие тех или иных полезных компонентов в тех или иных породах, надо принимать во внимание возможность добычи самих этих пород и возможность извлечения из них полезного компонента при данном уровне технологии.

В самом деле, попытайтесь представить себе, как, имея технологии бронзового века, добывать твердые массивные железистые кварциты Курской магнитной аномалии. Бронзовых кирок не напасешься. Тем более, что бронза привозная. И такое железо обойдется дороже той же бронзы по затратам труда и дефицитного оборудования. Не надо смеяться над данной формулировкой. Любое производство немислимо без оборудования. А бронзовый век на дворе или иной — это детали. Без сомнения наше нынешнее оборудование так же будет казаться недостойным столь серьезного названия людям будущего, как нам гипотетическое бронзовое кайло.

Ну, а потом железо надо будет выплавить. А для этого нужна температура более тысячи градусов. Такую температуру не получишь из простых дров. Надо иметь древесный уголь. И еще надо знать, что в плавильную печь необходимо поддувать воздух. То есть, если обращаться к реалиям тех времен, иметь меха.

Для использования самородной меди такие средства не нужны. Ее можно переплавить в обычной печи. К необходимости повысить температуру плавки люди пришли, осваивая выплавку меди из медно-колчедановых руд а также выплавляя олово. Применение древесного угля для нужд бронзовой металлургии было, возможно и не обязательно. Но, тем не менее, давало определенные преимущества. А само открытие этой технологии было достигнуто эмпирически в процессе т. н. эволюционного этапа развития бронзовой металлургии.

Впрочем, определенное несоответствие в положении месторождений меди и полиметаллов и наиболее удобных для эксплуатации лесных массивов Первой империи могло стимулировать поиск возможностей поставок «концентрированного» топлива в виде древесного угля в центры древней металлургии.

Остается открытым вопрос о возможностях при том оборудовании добычи определенных типов железной руды. Многие авторы склонны помещать центры первоначальной металлургии железа в Германию или бассейн Среднего Дуная. В те места, где были расположены развитые металлургические производства в раннем Средневековье. Но, заметим, в это время в упомянутых центрах уже добывались те же типы железной руды, что и в наше время, т. е. добыча которых требует наличия уже довольно хорошего оборудования — кайл, молотков, зубил.

Нам кажется, что гораздо логичнее искать первые центры выплавки железа в местах распространения относительно мягких и рыхлых т. н. болотных руд. Эти руды, скопления обычной рыхлой «ржавчины», легки для добычи. Они залегают практически на поверхности. Их легко черпать даже деревянными лопатами. Они сразу заметны по яркому красно-бурому цвету на неярком внешнем фоне.

Впрочем, болотные руды были достаточно конкурентоспособны в качестве сырья для выплавки железа еще в Средневековье. И даже позже. Напомним, что знаменитые ножи, производимые в г. Ворсма в Нижегородской области, ценились вплоть до Афганистана и Индии еще в XVIII и начале XIX веков. Между тем эти ножи производились из стали, полученной из соответствующих руд окрестных болот.

Аналогичные руды были сырьем для производства весьма популярных в раннем Средневековье мечей, произведенных в Западной Руси.

Тем более есть все основания предполагать, что именно болотные руды стали первым сырьем для металлургического производства в начале освоения железа.

Тогда, когда железного горнодобывающего оборудования еще не было.

Но этот момент делает ситуацию еще более интересной. Ибо болотные руды или в чем-то аналогичные вторичные железные руды, образующиеся «из ржавчины» (да простят специалисты такие упрощения) в окрестностях скоплений железосодержащих плотных массивных горных пород, могут формироваться только в соответствующих ландшафтно-геохимических условиях.

Климат должен отличаться избыточным увлажнением, а ландшафты характеризоваться кислой средой. Но избыточного увлажнения нет нигде на территории Первой империи и даже в приграничных районах Причерноморья. Реакция ландшафтной среды там в основном щелочная, реже слабокислая.

А среднегорья этих мест зачастую сложены известняками или известковыми породами, где среда имеет еще более щелочную реакцию.

Так что рыхлых, доступных, хорошо различимых вторичных железных руд и болотных руд в самой Первой империи и ее ближайших окрестностях не было.

Они были в первую очередь на Русской равнине и в Средней Европе. Но в Средней Европе таких руд было больше всего не там, где больше железосодержащих пород, а там, где эти породы сочетаются с повышенным увлажнением территории и отсутствием известняков. Исходя из сказанного можно предположить, что первые центры металлургии железа были в Центральной Европе не совсем там, где они располагались позднее.

И относительная перспективность этого региона для металлургии в самом начале освоения железа была не столь высока.

Очень интересно, что в европейских языках обозначение красного цвета, крови, а отсюда и кровного родства, имеет один корень со словом «руда». В русском это «род», «рудый» (т. е. рыже-красный), «руда». В английском красный «гее», а в немецком «голе». Вероятно, красная болотная или вторичная железная руда была для европейцев символом руды вообще. Чтобы убедиться, что вторичная руда действительно ярко-красная, читателю-москвичу, например, стоит походить по берегам Москвы-реки в окрестностях Коломенского. Зрелище ярко-красного откоса из железистых песчаников на фоне зеленой травы очень красиво. А внизу у самой воды сплошные потеки ржавчины.

К счастью, это не результат наличия некоей свалки. Это чисто природное явление. Кстати, напомним еще раз: средневековая Русь не испытывала дефицита железа. Оно было свое из своих руд, которых было достаточно для покрытия тогдашних потребностей страны.

Отметим еще один момент. Выплавка железа требует гораздо больше топлива, чем выплавка меди. Представим себе ситуацию, когда топоров еще мало. Они

либо достаточно дорогие, бронзовые, либо каменные, тяжелые и довольно хрупкие. Такими много не нарубишь.

В этой ситуации критичным может стать даже породный состав деревьев. Конечно же, твердый дуб сейчас ценится гораздо дороже сосны или березы. Но когда надо заготавливать древесину на топливо, много древесины каменными топорами, то, конечно же, лучше заготавливать ту же сосну. И отсутствие достаточно легко заготавливаемых пород дерева тоже может лимитировать развитие металлургии железа на самых первых этапах ее развития.

Но такого леса мало на юге, особенно на территории Первой империи, и много на севере. Так что и по этому критерию Русская равнина и северная половина Центральной Европы оказываются наиболее перспективными.

Таким образом, все естественные предпосылки для начала железной НТР были именно здесь.

2. Железная революция. Реконструкция былых реалий

Итак, представьте себе, читатель, то вы живете в те времена к северу от мира, оставленного Первой империей. Империя уже не та. Но ее стереотипы остались. Наиболее рентабельна для всех наследников империи охота на людей в ваших местах. Вы готовы драться. Но драться нечем. Металла для изготовления оружия нет. Весь металл у врагов.

Поиск металла является мечтой и страстью всех живущих рядом с вами.

Я думаю, читатель согласится с такой характеристикой общего настроения всего населения тех мест в те времена. Мы ранее уже говорили, что в процессе длительных конфликтов происходит своеобразный обмен военной техникой и военными технологиями между противниками, если только для этого есть ресурсные и цивилизационные предпосылки.

Несомненно, с распадом империи и уменьшением масштабов каждой акции охоты на людей, объем возможных трофеев увеличился. Череду побед захватчиков перемежалась чередой мелких поражений и гибелью в засадах. Что такое бронза и как ее плавить, наши предки знали. И использовали трофейную бронзу (бронзовые изделия т. н. «фатьяновской» культуры находят на территории Владимирской и Ярославской областей). И знали о древесном угле.

Возможны также были и побеги рабов из греческой неволи. И некоторые из этих беглецов приносили знания горного дела и металлургии.

Отметим, что в те времена бронзовая металлургия уже базировалась на древесном угле, который в принципе может дать температуру, достаточную для производства железа.

Итак, оставалось только догадаться, что металл надо плавить из этой рыхлой красно-бурой земли на болотах. А не пытаться найти аналоги медно-колчедановых руд там, где их нет в принципе. Автор признает всю масштабность подобной задачи. Нам, даже сейчас, уже при наших знаниях о найденном решении, трудно восстановить даже процесс его нахождения.

Это вам не тупо рыть каналы для полива или не менее тупо из года в год таскать камни на пирамиду, которой будут потом поражать воображение дураков.

Можно лишь предположить несколько возможностей, которые навели на это решение:

1. Знание о т. н. «железных шляпах» — вторичных железных рудах над медно-колчедановыми и полиметаллическими (в них иногда содержится железный колчедан) месторождениями. То есть искали медь, нашли вторичную железную руду и попробовали из нее получить медь. Ведь в некоторых частях империи как раз «железные шляпы» были признаками медных рудопроявлений. А получили железо.

2. Почитание жрецами арийских народов метеоритов. И догадка о том, что ржавчина на этих метеоритах связана с их основным содержанием. Возможная попытка сначала что-то сделать из самого метеорита, а потом уже использование ржавчины в качестве руды.

3. Известны железные предметы в Первой империи. Их рассматривали как экзотику. И особо не интересовались их тиражированием. Более того, они ржавели. Возможно попадание некоторых из этих безделушек на север и использование их там, так как каждый кусочек любого металла шел на нужды обороны.

Большого автору на ум не приходит.

Мы уверены только в одном: шел именно поиск, сопоставление всех дошедших до наших предков знаний о всех металлах тогдашнего мира. Поиск, стимулированный постоянной угрозой и унижениями.

И такой поиск не мог не увенчаться успехом. Легендарный славянский жрец и кузнец Сварог получил железо.

После этого начали «работать» все те преимущества, о которых мы говорили выше и которые дали возможность наращивать производство железа из болотных и вторичных руд прежде всего на Русской равнине. Несомненно, первыми изделиями из железа были топор и молот. Топор копировал основное боевое оружие имперцев. Но дешевый доступный топор был очень кстати, когда потребовалось большое количество древесины на производство железа.

Нам представляется, что железная революция, как и всякая настоящая НТР, имела взрывной автокаталитический характер. Характер цепной реакции. Использование железа очень много давало в хозяйстве. Это был не только военный и «элитно-промышленный» металл, как бронза, а настоящий «рабочий» металл.

Первоначально рабочие кромки железных изделий усиливали стальными вставками. Например, лезвия топоров. Но потом научились делать и полностью стальные изделия. Отметим, все эти усовершенствования весьма ценны, но не идут ни в какое сравнение с самим фактом начала производства первого железа.

Если же говорить о военном применении железа, то представляется, что до поры до времени оно лишь сравняло шансы южных охотников за людьми и наших белых предков центра Русской равнины, северного Прикарпатья, Подунавья.

Теперь у них были железные наконечники стрел и копий, в достатке топоры, кинжалы. Но все эти изделия на первых порах были сравнимы по конструкционным показателям с аналогичными бронзовыми изделиями их противников. И скорее всего, просто копировали их в смысле формы. Но преимущество в умении этими средствами владеть оставалось за теми, кто это уже делал веками и наработал определенные приемы.

Преодолен был лишь дефицит металла. И только.

Вполне возможно, что окрыленные самой возможностью противопоставить свой топор топорю захватчика, наши предки смело вышли из лесов навстречу наглому врагу. Но, почти наверняка, поначалу несли большие потери. И вряд ли победа, видевшаяся почти рядом, казалась такой же достижимой, как вначале.

3. Волшебный меч. Упоение справедливостью. Белое возмездие. Геополитика железа против геополитики бронзы

Нужно было оружие, которое заведомо лучше любого аналога соответствующих изделий у врага. Нужно было новое оружие, приемов владения которым враг не знал, потом что такого оружия у него до этого просто не было. И это оружие было найдено.

Меч. Стальной меч.

Напомним, что бронзового рубящего меча быть не может. Может быть только колющий кинжал. Бронзовое длинное изделие расколется при ударе о него поперек.

Длинный, именно рубящий меч возможно сделать только из стали (если конечно не принимать во внимание нынешние сплавы, разработанные в ВПК). И он был

сделан.

Русская пословица говорит, что против лома нет приема. Не было приема у владельцев бронзового оружия и против меча. Вооруженные мечами вчерашние мирные жители вполне могли бить искусников с бронзовым оружием.

Это подтвердил исторический опыт многих стран. Так, индийский царь, впервые вооруживший массовую армию стальными мечами, вошел в историю как «истребитель кшатриев». Достали, видно, монарха наглые «профи» бронзового века. Вот он решил изрядно проредить их ряды с помощью пейза, которые стальными мечами вырубали бронзовую аристократию без всякого почтения к их «умениям».

«Против лома нет приема».

В Россию бы сейчас такое же изделие и такого царя.

Впрочем, у вольных славян царей не было. Был Бог. Сварог, который, судя по легендам, руководил всем начальным этапом железной НТР, начиная от производства первого железа до изготовления первого меча. В сказках многих славянских народов присутствует сюжет о волшебном мече.

Кстати, волшебный меч рубит все другие мечи. И в сказках «любой меч становится волшебным, если им воюют за свободу народа». В данном случае и технические, и морально-этические, и цивилизацион-ные аспекты совпадают. Волшебный меч славян, первый стальной меч, действительно, рубил (раскалывал) все бронзовые паллиативные аналоги и легко прорубал доспехи, не рассчитанные на такое воздействие. И этим мечом, действительно, воевали только за свободу. У имперцев и их наследников, охотников за людьми, мечей не было.

По легендам Сварог повел вооруженных стальными мечами соплеменников на юг и истребил всех бывших работорговцев. Или, если говорить современным языком, осуществил геноцид. Однако не надо лицемерно охать и ахать по поводу жестокости славянского Первобога. Герои семитской Библии гораздо более садистски расправлялись со своими противниками. При этом Сварог осуществлял всего лишь контраступление. А царь Давид («кроткий», так и хочется помянуть мать его...) осуществлял агрессию. Как и Иисус Навин. И все другие деятели Ветхого Завета.

Если же вспомнить исторические легенды на этот счет, то надо отметить замену скифов сарматами в Причерноморье. Вроде те же ира-но-арийские племена. Довольно близкие во всем. Но от скифов все же отличаются. И с непонятным упорством они скифов то ли вытесняют, то ли уничтожают. А главным же отличием сарматов от скифов является наличие стального оружия. Но так как со стальным оружием против вооруженного бронзовыми изделиями воина могут

выступать даже женщины, то у сарматов воюют и мужчины, и женщины.

Это и есть легендарные амазонки греческих мифов.

В свое время среди историков СССР была определенная тенденция доказать связь части скифов с предками славян. Показать эту «дружбу народов в действии». Установка была довольно примитивная. Но определенные доказательства все же были найдены.

Нам представляется наиболее правдоподобной версия о том, что часть ирано-арийских, родственных скифам, племен, в наименьшей степени затронутых тлетворным влиянием семитской империи, действительно могла войти в союз с предками славян. Но с жертвами в союз не входят. Входят в союз с перспективными партнерами. А предки славян стали перспективными партнерами после НТР под руководством нашего Первобога Сварога.

Наши предки дали стальной меч, а маргиналы ирано-арийского мира сарматы — умение вести бой в степи в конном строю. В итоге предатели белой расы, скифы, вступившие в отношения с наследниками семитской империи и частично перенявшие ее нравы, были вышвырнуты из Причерноморья.

Нам представляется очень логичным связывать контрнаступления на остатки империи в Греции и Причерноморье. Современный политик и стратег поступил бы точно так же. Поэтому весьма вероятно, что объединенное наступление греков на Трою было поддержано с севера. По некоторым легендам Ахилл имел родственные связи с протославянским миром или даже сам был «славянином». И первый в античном мире воевал стальным мечом.

Впрочем, не стоит педалировать детали исторических мифов о Троянской войне. В них есть масса противоречий, которые можно толковать и так и эдак. И по большей части это беллетристика в стиле фэнтези в чистом виде типа «Алых крыльев огня».

Комментированием этой беллетристики занимаются все политически ангажированные историки. А мы лишь отметим, что некая «большая война», несомненно, имела место. При этом и Трою, и греков поддерживали многочисленные союзники. Так что война была по тогдашним понятиям «мировой». Более того, те, кто штурмовал Трою, потом приняли участие и в походах на Египет. Это так называемые походы «народов моря». То есть у Египта и Трои были одни враги.

Так что вполне логично возникает картина большой антиимперской коалиции.

В итоге семитская Троя была сокрушена. Именно это событие можно считать формальным концом развития Первой империи. Начался ее закат.

Прямая непосредственная имперская экспансия на север была на много лет заблокирована. А империя загнана в свое первоначальное логово, в обглоданные ирригаторами Египет и Вавилон. Здесь, тоже в полном соответствии с политической логикой, немедленно начались элитные разборки (весьма вероятно, с поиском виновных). Результатом всего этого стал т. н. «исход» евреев из Египта и возвышение Ассирии. Впрочем, это были сугубо внутримперские дела, не меняющие природы имперской семитской метрополии.

Эта метрополия была вновь консолидирована. Но потом все же развалилась.

В итоге она смогла начать новый виток объединения только под эгидой своих восточных окраин. Это вполне понятно. И природно-ре-сурсный потенциал, и человеческий материал на ирано-арийских восточных окраинах империи был гораздо выше и лучше. Персы восстановили империю почти в первоначальном виде под своим руководством. И даже расширили ее.

Но, увы, полностью переняли имперскую политическую модель и в итоге попали под семитское управление при номинальном персидском руководстве в результате аппаратных интриг, о которых с таким смаком рассказывается в Ветхом Завете.

Подобное развитие событий в пору назвать «арийскими граблями». Но об этом несколько позже.

А пока остановим внимание читателя на светлых и радостных временах арийского освобождения и возмездия на севере и северо-западе имперского семитского мира. Когда вооруженные стальными, «волшебными» мечами наши предки, отнюдь не профессиональные воины, а просто жрецы, кузнецы, пастухи, охотники, пахари, бортники и кожемяки били сановную имперскую сволочь. Били тех, кто всю жизнь воевал, но теперь все равно оказался бессильным против нового оружия. Кто теперь на своей шкуре испытывал, что такое подавляющее техническое превосходство противника.

А наши предки освобождались от постоянной угрозы быть убитым, униженным, угнанным в рабство, угрозы потерять родных и близких. Свобода, прекрасная в своей безграничности, дышала им в лицо теплыми ветрами с Черного моря.

И они прижимали к морю и уничтожали вчерашних охотников за людьми — семитских рабовладельцев и их лакеев, местных работорговцев.

Уничтожали их сосредоточено и упоенно. Без жалости, но и без извращенного семитского садизма.

Били, как работали, расчищая землю для обычного человеческого труда. Без империй и имперских богов. Без рабов, сановников и монархов.

Под предводительством родного Первобога Сварога.

4. Железный марш. Истоки рыцарства. «Арийские грабли». Нордическая аристократия. Полемика с «партайгеноссен»

Несомненно, железо стало быстро завоевывать мир, в прямом и переносном смысле этого слова. Стальное оружие хотели заполучить все. Вероятно, белые народы Восточной и Центральной Европы, не знавшие государственных институтов, не долго смоли хранить сам по себе секрет получения железа. Однако помимо секрета должны были быть и соответствующие условия для его изготовления — железные руды. Причем, на первых порах, руды, желательны легко добываемые. Хотя, надо отдать должное, горное дело на территориях Первой империи было к тому времени уже довольно сильно развито. Гораздо сильнее, чем у народов, начинавших железную НТР.

Другое дело, что самих железных руд было на имперских территориях мало. Значительно меньше, чем у белых народов севера и центра Европы.

Но, помимо руды, выплавка железа требует большего объема топлива. Нужны большие массивы лесов. А леса к моменту начала железной революции в имперской метрополии были изрядно вырублены.

Поэтому, в рамках новых лидирующих теперь технологий, территория империи стала уже не обладательница уникального природно-ресурсного потенциала, а весьма бедной землей с дефицитом самых нужных теперь ресурсов.

Запомним эту ситуацию, читатель. Ибо в принципе нет абстрактно богатых и абстрактно бедных ресурсами территорий. Все эти утверждения верны только в рамках конкретного технологического уклада.

Так что еще долгое время, несмотря на весьма вероятный промышленный шпионаж и отсутствие организованного противодействия ему, свободные «варварские» белые народы имели приоритет в производстве железа. Имели они и приоритет в конструировании железных изделий, в том числе оружия. А значит, умели они и лучше всего обращаться с ним.

Мы не имеем возможности реконструировать все детали распространения производства железа, изготовления стального оружия и соответствующих приемов военных действий. Заметим лишь, что есть общая результирующая оценка всех этих процессов. Не вызывает сомнений, что на земли бывшей Первой империи и Западной Европы все эти достижения пришли с востока и северо-востока.

При этом представляется вполне правдоподобным следующее разделение труда. Существовал некий протославянско-ирано-арийский «симбиоз», в котором обе стороны поддерживали друг друга и были заинтересованы друг в друге.

Основными центрами производства стального оружия стала лесная зона центра Русской равнины. Так, мечи, произведенные в Западной Руси, на территории современной Белоруссии и Смоленской области, были весьма популярны в Европе еще на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры, когда в самой Европе уже бурно развивались центры металлургии в Германии и Подунавье.

Впрочем, не стоит забывать, что при завоевании Англии норманнами в битве при Гастингсе многие саксы дрались еще каменными секирами. Это уже 1066 год. Так что не столь уж быстро перенимала Европа развитую металлургию. Тем более ценными и уникальными оставались первоначальные кузнечные центры на Русской равнине.

В то же время непосредственная военная экспансия с использованием нового оружия осуществлялась в основном ирано-арийскими племенами, в чем-то родственными сарматам. Разумеется, это всего лишь схема. Мечи ковали и ирано-арии. Напомним, что у иранцев был аналог Сварога, сказочный кузнец Кова.

А предки славян сами участвовали в набегах на наследников империи, о чем сохранились и многочисленные более поздние свидетельства, и те же легенды о славянском происхождении знаменитого героя Троянской войны Ахилла. Кстати, согласно одной весьма правдоподобной гипотезе, знаменитые этруски были славянским народом, пришедшим на Апеннины с северо-востока. В рамках общего стратегического контрнаступления арийского Севера на семитский имперский Юг, добавим мы. В конце концов, одно из немецких слов «Коше», обозначающих «король», читается как русское «конник». То есть всадник.

Но все же условия для тогдашней «черной металлургии» были гораздо лучше на Русской равнине. А коней, столь необходимых для наступательной маневренной войны, было больше в лесостепях и степях Причерноморья и Предкавказья. Там же были и обученные прирожденные всадники.

То, что именно ирано-арийские племена стали создателями тяжеловооруженной конницы, признают сейчас практически все. Заметим, что сарматские латники стали даже гвардией легендарного английского короля Артура. И распространенное английское имя Алан не что иное, как гордый намек на принадлежность к этим гвардейцам, «аланам». Так называют себя и нынешние осетины, дальние потомки сарматов.

Сейчас распространены очень многие весьма обоснованные гипотезы, освещающие различные стороны распространения кодекса чести тяжеловооруженных всадников по всей Европе. Некоторые считают, что даже святой Георгий был ирано-арием.

Мы согласимся с этими гипотезами, ибо они полностью соответствуют логике

развития ситуации, реконструированной нами выше.

Но посмотрим внимательно, чем же отличались первые в мире тяжеловооруженные всадники, которые стали первыми рыцарями.

Во-первых, это были не воины массовых армий. Это были члены племенных ассоциаций, управляемых согласно моделям «военной демократии». Но «военная демократия» — не только способ решения гражданских вопросов всеми мужчинами племени, носящими оружие. Это еще и способ управления ополчением в боевой обстановке, когда единоначалие в оперативных вопросах сочетается с полноценной демократией в решении, говоря современным языком, военно-административных, военно-экономических, военно-юридических и военно-социальных вопросов. И в решении этих вопросов все воины равны, без чинов и званий.

Во-вторых, тяжеловооруженный воин пользуется весьма дорогим комплектом оружия. И уже поэтому к нему относятся достаточно бережно. Если не к нему, то хотя бы к тому, что на него одето и что можно потерять вместе с ним.

В-третьих, воин, освоивший столь сложное и дорогое вооружение, является своего рода мастером ратного дела. Его надо достаточно долго готовить. То, что кочевники богатых черноземных степей могли себе это позволить (здесь один работник может кормить десятерых при наличии должного количества скота и пастбищ), было отнюдь не очевидным тем, кто использовал гвардейцев-алан вне их родины.

Из всего этого вытекает, что данный воин не мог использоваться как простой «расходный солдатский материал» в массовых армиях-толпах типа армий Первой империи.

И что характерно, такое, если не бережное, то хотя бы рационально-экономное отношение к каждому воину было принципиально новым моментом. Фактически привилегированный «офицерский» статус получал каждый обычный боец, который **никем не командовал**, а просто **сам дрался** на своем месте. Но дрался мастерски.

Все это в корне противоречило менталитету империи, где человек если и ценился, то только как «начальник» над другими, но никогда как просто мастер.

Мы не будем вдаваться в ситуационные, географические и хронологические детали процесса. Отметим лишь, что с распространением стального оружия распространялось и наиболее эффективное в те времена его применение в виде тяжеловооруженной конницы. И вместе с латниками распространялся рыцарский менталитет, который вначале не имел ничего общего с феодализмом и имперско-государственными пережитками.

Но потом исчезли племена, которые жили по законам военной демократии, давшей начало истинному рыцарству. Рыцарей «приручили» к службе чуждой любой рыцарственности государственнической модели.

Армии вновь стали массовыми. В этих армиях офицер — это не рыцарь, а, если называть вещи своими именами, обычный военный бюрократ. Рыцарский кодекс чести исчез. Но остались тоска по этому кодексу и непонимание, куда же он исчез.

Чтобы понять это, надо проследить все перипетии железной революции и ее политических последствий. Одной из особенностей момента было то, что и соответствующие технологии, и даже военная экспансия первых «рыцарей» осуществлялись децентрализованно. Не было мощного государства, которое целенаправленно подавляет окрестные страны и народы, используя свое военнотехническое превосходство.

Протославяне, авторы «железной революции», честно и великодушно ограничились блокированием распространения имперской заразы на свои земли. Их контрнаступление и возмездие было явно неадекватным. Оно было поразительно мало: очистить вместе с сарматами Причерноморье, помочь Греции в Троянской войне. И все.

Авторы собственно железной НТР с детской наивностью и щедростью даже не внесли ничего из собственного менталитета «на концах своих мечей» в окружающий мир. Вот уж воистину «чужого не надо».

В сущности, не намного больше совершили ирано-арийские рыцари. Они одарили мир своим кодексом чести. Но не настаивали на распространении своей модели военной демократии и своей религии, которую рассматривали как «личное дело». В итоге они оказались в рамках чуждой своему менталитету государственной модели.

Они инкорпорировались в структуру покоренных государств в роли высших сановников и военной элиты. Присущий им менталитет они попытались сохранить в виде рыцарского кодекса чести только в своей собственной профессионально-корпоративной среде, забыв о том, что нельзя остаться чистым посреди грязной лужи.

А сама «грязная» политическая модель от сохранения их корпоративной этики только в своей среде намного не изменилась. Более того, белые арийские рыцари значительно укрепили покоренные (или просто даже принявшие их) страны. Эти страны начали расширяться, демонстрируя при этом, если подходить к вопросу политически, не столько преимущества рыцарства, сколько живучесть его первоначального врага — имперской модели.

Этот процесс происходил повсеместно, от Индии и Персии (Парфии) до Англии.

И всюду имело место следующее.

Во-первых, рыцарство как таковое начало деградировать. Оно выродилось в вульгарный правящий класс и потеряло свое истинное благородство до начала наступления капитализма. Не капитализм уничтожил рыцарство (как это хотят представить иные «традиционалисты»).

Ибо не надо путать с рыцарством государственническое дворянство. Недаром слова «дворянин» и «дворня» однокоренные. Дворянство — это хорошо прикормленная дворня. Но только дворня «большого начальника», короля или императора. И, кстати, с этой дворней самые последовательнее в своих убеждениях монархи ведут себя отнюдь не как с рыцарством, а именно как с дворней. Так, при Петре I в России публично пороли не только провинившихся дворян, но даже придворных дам.

Такие вот «рыцари» и их «дамы», которых выпорют перед дворовым крыльцом. А они, немного очухавшись, идут «дотанцовывать» на бал. «Либеральная» Екатерина II (вернее, ее убиенный супруг Петр III, но это уже детали) это безобразие прекратила. Особо провинившихся придворных дам стали пороть тайно. А офицеров (даже гвардейских!) пороли еще при Павле I.

Рыцарство уничтожили абсолютные монархии, по существу, представляющие модернизированную версию все той же модели Первой империи. Нет места рыцарству в подлой имперской лакейской системе.

А потом уже эти монархии уничтожил капитализм вместе с их дворянством. Ну и черт с ним, с потерявшим рыцарственность сановным и чиновным быдлом. Быдлом, ничуть не лучшим быдла простонародного. Кстати, именно так характеризовали своих «братьев по классу» русские национальные гении Пушкин и Лермонтов. «Светской чернью» называли они толпу людей своего круга.

Во-вторых, шел быстрый рост влияния различных семитских группировок бывшей имперской элиты. Сначала семиты прочно закрепляются во всех несилевых структурах управления. Именно закрепляются, а не отвоевывают их. Ибо никто семитов из этих структур по-настоящему и не гнал. Затем начинают внедрять новые варианты своих семитских религий.

А затем де-факто захватывают высшее политическое руководство. Если на каком-то этапе этого процесса рыцари начинают ему противиться, надеясь на свое силовое превосходство, то их оппозицию разбивают в аппаратных интригах.

Этот процесс настолько повсеместен и повторяется в стольких циклах, что его можно сравнить с наступанием на одни и те же грабли. Так и просится на ум назвать этот процесс «арийскими граблями».

Что характерно, иные «консерваторы» негодуют по поводу поведения семитов в этих коллизиях. Но семитские элитные группировки не нанимались служить идеалам арийского рыцарства. А если их принудили к этому силой (а то ведь часто даже этого не делали!), то никто не отнимает у них и права на реванш.

Наивность арийских рыцарей еще можно объяснить. Но нельзя объяснить наивность современных идеологов. Нельзя бороться с семитскими приемами политического интриганства, не уничтожив почву для этого интриганства — имперскую или псевдоимперскую государственную модель.

Нельзя, разведя грязную лужу, сетовать, что в ее грязи будет много микробов. Не хотите микробов, не разводите грязи.

Наивные арийские рыцари имперскую грязь сначала немного убрали, а потом, наоборот, размазали по «всей улице» тогдашнего мира. Структуры, управляемые по квазиимперским моделям, получили в свое распоряжение почти все результаты железной НТР.

Надо еще раз отметить цикличность и неоднократность всего происходящего. Даже первый этап революции железа имел несколько под-этапов, иногда разнесенных во времени и пространстве, а иногда идущих параллельно на разных территориях с разными участниками.

Одним из таких подэтапов был развал Римской империи. Только с чисто технической точки зрения вместо «железа против бронзы» возникла коллизия «много железа против немного железа». Ибо центры мировой металлургии постепенно смещались в Германию и Подунавье.

Место Первой империи заняла империя Римская. А место славянских кузнецов и ирано-арийских рыцарей заняли кузнецы и рыцари германские. Они снова сокрушили империю в союзе с жителями Причерноморья, которые никогда не упускали шанс «пощипать» имперских наследников (но, к сожалению, никогда не ставили задачи уничтожить их до конца в их собственной метрополии). И снова наступили на «арийские грабли».

И вновь арийская аристократия, на этот раз германская, нордическая стала вроде бы править многими странами-наследниками Римской империи. И снова сдала несилловые государственные структуры и религию семитским элитам. К сожалению, классические исследователи этой проблемы, вроде Г. Понтера, совершенно просмотрели этот важный момент. Характерно, что они констатируют наличие «нордических элит» государственного управления в западноевропейских наследниках империи и удивляются, почему же эти элиты в итоге «растворились». Но одновременно они констатируют наличие «не нордических» религиозных элит. Да ведь религия бывает гораздо важнее силовых механизмов управления! А, напомним, кроме религии «не нордические» элиты контролировали еще и другие несилловые механизмы

управления. Все это мы показали выше. А «классики» это пропустили. И потом удивляются, как это «нордическая элита», правя всем, постепенно «все потеряла» и растворилась в чуждой ей среде.

Да она всем и не правила, а просто осуществляла **силовое обслуживание управления** в рамках структур, которые в целом **не контролировала**. И, что характерно, даже не догадывалась об этом. Впрочем, ей это простительно. Ибо мы видим, что об этом не догадываются даже добросовестные исследователи проблемы аж в XX веке, через сотни лет после событий, когда их последствия лежат на поверхности. А они на них «смотрят и не видят».

Потом нордическая элита все закономерно потеряла. И растворилась. Как растворились «аланы» короля Артура.

Единственным шансом для арийской элиты было бы кастовое обособление. Но это обособление невозможно выдержать долго без наличия **своей** религии. И без придания жрецу этой религии статуса, большего, чем силовому. Потому что без жреца нет религии. Без религии нет касты. Без касты нет защиты от растворения. А растворившись, рыцарская элита теряет все.

Впрочем, эта схема тоже отнюдь не идеальна. Но вне этой схемы вообще нечего даже и говорить о возможностях сохранения рыцарства. Однако об этих вариантах построения общества мы погорим несколько позже. А пока лишь констатируем, что ничего подобного арийская элита в Европе не предприняла. И потонула сначала в семитской религии, потом в семитской экономике, а потом в семитских революциях.

Все это говорит о том, что мало выплавить железо, мало выковать волшебный меч, мало стать в рыцарский строй и разгромить всех врагов.

Надо еще уметь построить собственную политическую модель и собственную религию, адекватную голосу собственной крови. И тогда твои Боги пошлют тебе помощь с твоих небес.

5. Сварог и Христос

Для чего появился в мире человек? В чем суть Божьего замысла на этот счет? В чем разница между пророками, которые, несомненно, хотя бы «что-то слышали» от Бога?

Над этими вопросами размышляли очень многие умы. Мы сразу оговоримся, что не имеем намерения рассуждать об этих вопросах «на равных» с ними. Заметим лишь, что буквально в последние годы резко активизировались попытки некоего синтеза религии, науки и «прикладных» мистических технологий.

Мы вскользь упомянем обо всем этом ниже. Сейчас лишь заметим, что в рамках такого подхода вполне естественно рассматривать всех основателей религий, различных святых и легендарных героев-полубогов древности как определенного рода миссионеров, но миссионеров, так сказать, не абстрактных, а посланных с конкретной миссией, в конкретное время и к конкретному народу. В конце концов, по логике вещей **миссионер** и должен исполнить **определенную миссию**.

С этой точки зрения миссия нашего Первобога Сварога предельно ясна. Он пришел спасти славян от геноцида и деградации, на которые обрекала их семитская Первая империя. Для этого надо было «всего-то» освоить выплавку железа, совершенно незнакомого металла. Характерно, что после этого земное присутствие Сварога никак не фиксируется в легендах. Более того, по прошествии некоторого времени центральное место в пантеоне славянских богов занимает бог профессиональных военных Перун.

Перун появляется «весьма кстати». Славяне и восточные балты (а Перун под именем Перкунас является и их богом) все больше втягиваются в военные конфликты по периферии своего ареала обитания. Но теперь у них уже нет решающего преимущества в вооружении. Железный меч есть уже у всех в Западной Евразии.

Интересно, но Перун смог сделать для обороны и защиты своих подопечных гораздо меньше, чем Сварог. В итоге военный бог оказался разгромленным и свергнутым. При этом разгромленным не в открытом бою, а в политических интригах.

Теперь самое время вспомнить о том, кто сверг Перуна. Вернее, чьим именем он был свергнут. Иисус Христос появился на территории наследников Первой империи, в провинции развитого государства. Появился внутри политической и религиозной системы, которую его последователи характеризовали как «вавилонскую блудницу». И эта характеристика вполне правдоподобна. Н. А. Морозов собрал множество доказательств, что непосредственно в преддверии появления Христа государственная религия империи была именно таковой, какой мы ее характеризовали выше. Более того, и после проповеди Христа были попытки совместить «вавилонскую блудницу» с авторитетом «Сына Божьего».

Анализ всех перипетий этого проекта не входит в наши задачи. Однако сейчас появляются все новые работы, где дискуссии на первых Вселенских соборах анализируются с позиций современных политтехно-логий. Результаты весьма интересны. И если характеризовать их в двух словах, то это совершенно прозрачные попытки встроить рафинированное христианство в систему государственно-религиозного оболванивания.

Отношения автора к христианству претерпевали весьма значительные

изменения с течением времени. Тем не менее, мы не склонны занимать оголтелую антихристианскую позицию. Более того, мы склонны к буквальному прочтению Нового Завета. И из его текста вытекают очень интересные выводы. Например, что для Христа и его учеников доктрина реинкарнаций была само собой разумеющейся.

Но главное не в этом. Христос проповедовал в первую очередь для семитов. Подчеркнем, не только для евреев, но «с прицелом» на все население империи, которое было семитским. В этом отношении знаменитое «нет ни эллина, ни иудея» выглядит не столь уж «интернационально». Эллина были в то время частью населения семитской Римской империи. Возможно, чуть «побелевшая» часть и не самая лояльная. Но, тем не менее, часть неотъемлемая.

Если же первым апостолам действительно открывалось будущее в его деталях (а почему бы и нет с их-то способностями), то святому Павлу вполне можно было бы сказать что-то типа: «Нет ни русского, ни иудея». Или на худой конец: «Нет ни германца, ни иудея». Тем более о существовании германцев он уже мог знать.

Но, тем не менее, Павел сказал то, что сказал.

Не будем углубляться далее в религиозоведческие дебри. Нам кажется, что читателю уже ясно, Христос и его ближайшие последователи выполняли «миссию в семитской империи». Что бы ни пытались говорить иные идеологи русского движения, стремящиеся совместить православие с русским национализмом.

Цели этой миссии ясны. Предупредить всех семитов и государственную верхушку империи, что буквальное следование тенденциям развития семитской государственности, религии и цивилизации в конце концов заведет в тупик. И приведет и семитов, и наиболее приемлемую для них модель организации общества к краху. Для этого не надо было чем-то «одаривать» семитов, наподобие того, чем одарил славян Сварог. Для этого надо было скорректировать узловую структуру семитской империи — ее религию.

И Христос это сделал.

Сварог положил жизнь на разгадку тайн Природы и их дальнейшего использования для спасения своего народа. И он одарил свой народ новым металлом. Сварогу не надо было призывать потомков людей приледниковья «Не убий». Они не убивали. Не надо было призывать «Не укради». Они не крали.

Наоборот, их убивали. У них крали и уводили в рабство родных и близких. Им нужен был лишь способ защиты от тех бедствий, которые они никак не заслужили. И получив этот способ, наши предки не злоупотребили мстостью. Они не вырезали имперских убудков «до седьмого колена». А просто вернули себе свое Причерноморье, щедро поделив его со своими арийскими союзниками.

Сварога признали Богом при жизни. И были ему благодарны. Его помощь не была двойственна. Она была ясна и понятна. Поэтому его и почитали безо всяких сложностей и противоречивых эмоций. Драма его дела была в том, что полностью приняв то, чему он учил — плавке железа, ковке стали, производству мечей и т. п., наши предки не извлекли из всего этого уроков более абстрактных. Моральный урок состоял разве что в изживании страха перед былыми непобедимыми врагами.

А Христос положил жизнь на разгадки бездн души подлого монструозного населения империи и посильного исправления этой души. Ибо в противном случае имперское население либо перерезало само себя, либо передохло от наркотиков и венерических болезней.

Найти выход из этой ситуации было трудно. Смягчить государственное людоедство генетически склонных к насилию масс, но при этом не позволить им утопить свою кровожадность в наркотическом и сексуальном дурмане. Но Христос нашел выход. Он буквально «прошел по лезвию бритвы».

И Христос спас **свой народ**. Он исправил его душу, насколько вообще это было возможно. Семитская ментальность была скорректирована ровно настолько, чтобы выжить. А вместе с семитской ментальностью выжила и имперская модель.

Лекарство Христа было горьким. Часть его соотечественников не оценила услуги. Отсюда и мученическая смерть. Но потом ббльшая часть семитов и имперской элиты все поняла и оценила заслуги Христа. И уже с помощью его учения распространила гениально скорректированную Христом модель Первой империи на весь остальной мир.

Надо сказать, что найти решение своей задачи для Христа, с точки зрения интеллектуальных усилий, было не менее трудно, чем найти решению своей задачи Сварогу.

И то, и другое требовало озарения.

Но сколь же разные задачи и сколь разные результаты!

Однако вернемся к теме нашей главы. В конце концов, она посвящена не семитским имперским проблемам, а перипетиям железного марша.

6. Роль жреца. Проблема кшатриев

В рамках упоминаемого нами ранее синтеза науки, мистики и религии, поиск которого идет все успешнее, имеют место попытки объяснить «природу» озарений пророков. Или тех, кого разные народы считают своими первоучителями, Сынами Божьими и т. п. В сущности, все это названия одних и

тех же, говоря современным языком, «ролевых функций».

Не совсем правильно было бы называть этих, скорее всего, реальных людей Богами. Но они приблизились к Богам, поняли их замысел, нашли способ получить их помощь (чаще всего в виде озарения) и воплотить эту высшую информацию в жизнь.

Для того, чтобы приблизиться к этой высшей информации, нужен некий духовный подвиг. Это может быть путь аскета, путь отшельника, путь мученика, путь просто сосредоточенного на этом и только на этом фанатика идеи.

Но, так или иначе, этот путь очень редко и лишь частично совместим с обычной обывательской жизнью. Нужны, условно говоря, «развязанные руки». Это условие просто необходимо. Плюс, разумеется, устремленность именно на «прорыв». В противном случае «развязанные руки» ведут к тривиальному гедонизму. Или материальному, или, как минимум, моральному. Ибо можно быть аскетом по жизни и совершенно расслабленным интеллектуальным гедонистом в душе.

По легенде Сварог был кузнецом. Но вряд ли кузнец, который переплавляет привозную бронзу и выполняет текущие работы, может иметь время и возможность вести тот напряженный поиск, который, как мы показали, не мог не сопровождать решения «железной проблемы».

Тем более оперировать информацией из различных районов и от различных мастеров. Революция железа по масштабам сопоставима с революцией огня. Но, в отличие от освоения огня, которое, как мы показали, могло осуществиться автоматически, как неизбежное следствие определенного сочетания ситуаций, познание тайны железа требует «профессионального» интеллектуального сосредоточения.

Судя по всему, Сварог это сосредоточение осуществлял. Он был не просто кузнец. Он был к тому же и жрец. В очень многих самых древних верованиях кузнецы были одновременно жрецами (или колдунами). И наоборот. Можно спорить о причинах такого совмещения. Но главное другое: ролевая функция жреца у арийских народов существовала.

Причем существовала без государственного механизма. Профессиональных мыслителей арийцы выделяли и содержали безо всякого государственного принуждения.

И это спасло славян!

Жрец и кузнец Сварог принес им избавление.

Одно это оправдывает существование «института жрецов».

В данном случае мы, разумеется, разделяем чиновника государственной религиозной машины, которого можно лишь по недомыслию назвать «жрецом», от истинного жреца свободного народа. И только последнего имеем в виду, применяя этот термин.

Изначальный, природный «интеллектуализм» народов приледнико-вья, о чем мы писали выше, вероятно, привел к тому, что интеллект и поиск прорывных решений «на генетическом уровне» уважался ариями. И жрецы были первой группой, которая корпоративно выделилась в арийской среде.

О большой роли жрецов абсолютно у всех ветвей ариев имеются множество свидетельств. И мы не будем повторять их. Подчеркнем лишь, что жрецы отнюдь не выделялись «как класс» в обществе военной демократии. Они не владели повышенной долей материальных благ. И эти блага «в три горла» не потребляли. Они, будучи равными всем во всем, просто имели возможность «размышлять за счет общества».

Представляется, что это весьма разумно. Ибо жрец, имеющий средний уровень потребления, интуитивно заинтересован привести свое племя к успеху и этот уровень поднять. Разумеется, в жизни было все не совсем по схеме. Но общая тенденция представляется именно такой.

Напомним, что воевали в таком обществе все мужчины племени. Профессиональных воинов не было.

Все изменилось, когда те или иные арийские племена занялись завоеваниями. Как мы показали выше, эти завоевания по большей части были результатами контрнаступлений и, по существу, спровоцированы. Мы, однако, не имеем намерения представить абсолютно всех потомков людей приледниковья ангелами. Могли иметь место и акты агрессии. Особенно, если с юга не было столь же сильных противников, как Первая империя или хотя бы ее остатки.

Вероятно, именно эта ситуация имела место у индо-ариев.

Либо оккупировав некие протогосударства, либо сами создав их по неким «политическим лекалам», о которых арии могли узнать, белые племена военной демократии создали т. н. кастовое государство. При этом завоеватели заняли места силовой элиты и элиты религиозной. Так как жрецы уже были выделены изначально из общей массы, они при оформлении кастового общества сразу заняли верхние места.

Остальные соплеменники заняли места силовой элиты, стали т. н. «кшатриями». По некоторым системообразующим признакам кшатрии были сродни рыцарям. Ибо были выходцами из все того же общества «военной демократии».

А жрецы, став из мыслителей политиками, оптимально с точки зрения

интересов своих арийских племен оформили политическую модель.

Они не допустили иных религий. Они препятствовали физическому смешиванию кшатриев с покоренными.

И... все. Это была последняя находка жрецов при этом варианте развития.

Они стали жрецами государственной религии, т.е. перестали быть жрецами.

Надо признать, что кастовое государство было несколько иным, чем в Первой империи. Это был аппарат насилия. Но можно было допустить чуть меньший уровень насилия и чуть меньший уровень оболванивания. Ибо одна из задач устойчивого государства — единство верхов, реализовывалась на кровном и расовом уровне, а также поддерживалась изначальным авторитетом жречества, позаимствованном еще с догосударственных времен.

Но государство есть государство. Как только началась эксплуатация людей как ресурса, пусть и расово-чуждых людей, мораль начала падать. В итоге кшатрии захотели быть первыми. И стали первыми. Жрецы были унижены.

А потом неизбежно началась эрозия самой модели. Ибо гарантами модели были жрецы.

Ну а потом... Потом, если говорить про Индию, меньшие по численности мусульманские, т. е. семитские по своим политическим моделям княжества и царства завоевали огромную арийскую страну. А потом ее еще раз завоевали англичане, уже не столько силой, сколько хитростью.

Модель кастовой этнократии оказалась неконкурентоспособной по отношению к семитским моделям государства. И это закономерно. Коль скоро государство людоед, то среди людоедов победит самый последовательный. А кастовая этнократия — это паллиатив.

И паллиатив проигрывает радикальному варианту той же модели. Модернизированные варианты политической модели Первой империи функционируют до сих пор, а государства кастовой этнократии трансформировались в итоге к модели семитской Первой империи, оставив только некоторые элементы былой системы.

Если говорить отвлеченно, то индо-ариям для самосохранения своей исходной общественной модели следовало бы вырезать покоренные народы. А самим остаться все теми же племенными объединениями «военной демократии».

Однако соблазн эксплуатировать чужой труд весьма велик.

Курьезно, но многие отличающиеся полной безмозглостью национальные

идеологи называют офицерство «кшатриями». Кшатрии не офицеры. Кшатрии — **единственные** носители оружия. Как только появляются солдаты, набранные по призыву из числа низших классов, кшатрии становятся военными чиновниками. Они теряют **монополию** на ношение оружия. А вместе с ним и естественное право на большую часть своих привилегий. Потом оформление этой потери становится лишь вопросом времени.

Кстати, слово «офицер» в переводе означает «служащий». Оно однокоренное со словом «офис». Итак, не рыцарь, а служащий. И что он носит, портупею и кобуру, или портфель и нарукавники, не столь уж важно.

Характерно, что если в Европе железная революция привела к появлению рыцарства, то в государстве кастовой этнократии она привела к его уничтожению. Железным оружием вооружили массовые армии, и фрондирующие кшатрии были уничтожены. Остались только лояльные тоталитарному государству силовые чиновники, которых заставили забыть, что они, по древним арийским племенным понятиям «родня» царствующим монархам. При такой модели система каст стала просто пережитком, не имеющим никакого функционального оправдания.

Тоталитарному государству кастовые пережитки не нужны. Оно может с ними мириться, отдавая дань традициям. Но это двойственное положение. А двойные стандарты ведут к размыванию декларируемых устоев.

Что и произошло в Индии. Касты вроде есть. А голубоглазых блондинов в высших кастах нет. Стоило тогда огород городить?

Как видим, арийское жречество в вопросах политических постоянно «не дорабатывает». Европейские коллеги Сварога вообще не озаботились созданием конкурентоспособной политической модели. А их индийские собратья создали модель неконкурентоспособную. Как бы к этой модели не относились иные национальные идеологи, сама жизнь показала, что она рухнула, уступив место классической семитской государственной модели.

Выводы из всего этого напрашиваются сами собой.

Жрецы должны присутствовать в постгосударственной модели общества будущего, восходящей к истокам организации общества людей приледниковья.

Основная функция жречества, или интеллектуальной национальной аристократии, если угодно, это «выполнение миссии Сварога» — стимулирование перманентной НТР, в том числе НТР в военных отраслях.

Кроме того, эти жрецы своим авторитетом не должны допустить соблазна построения общества, основанного на эксплуатации чужого труда, в том числе в военном деле. Обществу белой расы больше подходит военная демократия, а не

армии-толпы семитских государств.

Противников же, если белому обществу будет навязан конфликт, не надо брать в плен и превращать в невольников. Их надо честно уничтожать.

Не надо военных трофеев. Их тоже надо уничтожать.

Белый человек должен потреблять только то, что создал сам, своим трудом и своим умом.

И если уж что-то захватывать, то только ресурсы. Без «нагрузки» в виде чужих изделий и чужого населения.

Авторитет же жречества должен постоянно подкрепляться реальными прорывными достижениями, а не фокусничаньем и оболваниванием. И эти достижения непременно будут, если к ним идти с фанатическим упорством, целеустремленностью и отрешенностью.

Как это делал наш Первобог Сварог.

7. «Железная логика» исторического пути

Железная революция была колоссальным цивилизационным прорывом. Тем не менее было бы ошибкой думать, что «железный марш» осуществлялся перманентно в стиле революционной доктрины товарища Троцкого (автора идеи т. н. «перманентной революции»). Еще в Риме эпохи войн Спартака легионеры имели мечи, которые были весьма плохонького качества, по форме напоминающие, скорее, большие кинжалы бронзового века. А кованые стальные латы вообще были редкостью.

Вполне понятно, почему тяжелая конница парфянов не просто разгромила, а буквально уничтожила хваленые легионы победителя Спартака Краса. Как говорится, «против молодца и сам овца».

После бурного старта железного марша на Русской равнине начался трудный процесс все большего применения железа не только в военных, но и мирных целях. Напомним, что в те времена, как, впрочем, и сейчас все достижения в первую очередь применялись на войне. Но даже в военном деле железо внедрялось весьма неравномерно. Напомним еще раз, что в битве при Гастингсе, а это уж Средние века (1066 год), многие саксы дрались еще каменными топорами.

Это лишний раз свидетельствует о том, что на первых порах развитие черной металлургии зависело от многих факторов, которые нам сейчас и в голову не придет учитывать, типа мягкости ответствующих руд.

Однако по мере роста использования железа в хозяйстве оно само стимулировало возможности горного дела и металлургии. Когда хороший стальной инструмент перестал быть дефицитом, начался бурный рост добычи массивных и ранее трудно осваиваемых железных руд. Основой европейской металлургии стали производства в районе залегания соответствующих руд в Германии и Подунавье.

На этот этап мало обращается внимания при исследовании истории развития техники. Между тем он очень важен. Только после него железо окончательно перестало быть дефицитом. Разумеется, его часто не хватало для тех или иных целей в тех или иных местах. На то и реальное производство. Но был окончательно преодолен «глобальный дефицит» металла. Возможности его добычи уже не зависели от множества факторов, ставших второстепенными.

Мы бы назвали этот этап «шахтерской революцией». Родина этой революции Германия. Кстати, в целях экономии средств и сил при проходке горных выработок, их старались делать поуже. Но тогда приходилось подбирать для горной промышленности некрупных людей. Сформировались целые династии этой профессии. Они послужили прообразом гномов, чей образ весьма распространен именно в немецких сказках.

Разумеется, шахтерская профессия и сейчас нелегка. А тогда она вообще была запредельно трудна. И вряд ли шахтерский корпус формировался исключительно добровольно. Те же каторжники испокон века используются и на рудниках в том числе.

Однако, с другой стороны, шахтеры со временем стали такими «царями подземелий», тем более что проникнуть туда более крупный человек не мог. Весьма правдоподобным будет предположить формирование некоего «договора» между кадровыми шахтерами и теми, кто был заинтересован в результатах их труда, но все меньше мог этот труд контролировать.

Шахтерская элита стала относительно независима. И как все настоящие мастера, ее представители создали определенную культуру, стали носителями определенного корпуса закрытых профессиональных и не только профессиональных знаний.

То есть стали... настоящими гномами. Почти как в классических немецких сказках.

Элита гномов ушла в прошлое, когда в горном деле перестали скрупулезно «экономить на размерах выработок». В шахты спустились люди нормальных размеров.

Заканчивая тему «шахтерской революции», не можем удержаться от иронической реплики. Совсем по-другому выглядела бы известная сказка, если

бы называлась не «Белоснежка и семь гномов», а «Белоснежка и семь шахтеров». Но эту тему мы развивать не будем. Наверняка читатель сам сможет без труда представить приключения принцессы крови, скрывающейся в шахтерском общежитии отдаленного рудника.

Преодоление «глобального дефицита» железа вызвало его массовое использование в виде различных изделий типа гвоздей или разнообразных скрепов и резко увеличило количество и разнообразие плотницких инструментов. А это позволило делать сложные конструкции из дерева. Если до массового использования гвоздей такие конструкции были произведением плотницкого искусства, типа деревянных церквей русского Севера, то теперь производство сложных деревянных конструкций было поставлено на поток.

В свою очередь это позволило начать первый этап промышленной революции. Хотя тогда так ее еще никто не называл. В XIII веке началась т. н. «революция мельниц». С помощью водяных двигателей была решена проблема обеспечения поддува при выплавке железа. Это было преодоление весьма существенного лимитирующего фактора в производстве. Ибо вручную качая меха, много металла не наплавить.

Решил водяной двигатель и многие другие технические проблемы. Человек обрел вкус к тому, что источником энергии в производстве является некий двигатель, использующий силы природы, а не только его собственные мускульные силы. Человек с помощью своих физических усилий стал все больше лишь **направлять** потоки природной энергии.

Это было уже реальным шагом к нынешней организации промышленности да и всей хозяйственной деятельности на вполне современном уровне. Ибо сама логика развития производства стимулировала поиск в совершенно определенных направлениях и одновременно давала возможности его осуществить.

Так что и в большом этапе НТР, который будет потом назван «промышленной революцией» в нынешнем, узком понимании этого термина важно было верно сделать первый шаг. Важно было задать по-настоящему перспективное направление движения. А потом дело пошло почти в автоматическом режиме.

«В движении к счастью главное не скорость, а верное направление». Именно поэтому так важна в цивилизации роль «жрецов» в самом широком понимании этого слова (разумеется, настоящих жрецов, а не шарлатанов). Эти жрецы как раз и должны искать верное направление развития цивилизации.

После революции мельниц очередным действительно важным этапом стало использование ископаемого топлива. Первоначально это был уголь и использовался он преимущественно в металлургии. Использование угля — это одно из последних «глобальных решений» в «большой НТР» железного марша.

Дальнейшее появление и паровой машины, и всех иных достижений промышленной НТР уже было predetermined после укоренения всех тенденций, заданных «шахтерской революцией», «революцией мельниц» и «революцией угля».

При всем богатстве современных технических достижений, они по большому счету лишь следствие той серии рывков и озарений, в начале которых стоит интеллектуальный подвиг нашего русского Первобога Сварога.

Впрочем, не будем поминать предка всуе.

На примере железной революции, железного марша можно увидеть главную тенденцию в развитии производства. Сначала должно произойти освоение или нового типа энергии (как в революции огня), или нового типа материалов (как в революции железа). Потом, если дело касается нового материала, то его применение само стимулирует поиск новых источников энергии. Дает для этого возможности. А в случае освоения новой энергии дело обстоит наоборот. Рано или поздно появится принципиально новый материал, для производства которого раньше не было достаточного количества энергии.

Многообразное и внешне эффектное развитие производства уже после основных, первоначальных этапов НТР — это всего лишь искусное направление по «разным руслам» того потока материалов и энергии, который был освоен в результате НТР.

Впрочем, мы об этом уже писали выше, в третьей главе первой части. Сейчас мы лишь напоминаем читателю основные положения нашей доктрины с тем, чтобы он мог убедиться, как эти положения наглядно иллюстрируются перипетиями «железного марша».

Здесь лишь отметим еще один важнейший аспект проблемы. Железный марш начал этап нарастающего ускорения развития человечества. Подлое трусливое и безмозглое вранье, что нам некуда расти, и этот этап будет закончен. Мы обосновывали этот тезис ранее в первой части, еще вернемся к нему ниже, в третьей части, и покажем конкретные перспективы непротиворечивого и бесппроблемного перманентного роста. А сейчас лишь еще раз напомним о нем читателям.

Но это ускорение все больше уменьшает роль традиционно понимаемой «политики» в вопросах противоборства тех или иных стран, а тем более тех или иных моделей общественного устройства. Конкурентоспособность стран и общественных моделей определяет победа в научно-технической гонке. Как на старте железного марша, который начался с того, что Сварог нашел **научно-техническое решение** не только цивилизационных, но и чисто **политических проблем**. Стальной меч разрубил все уловки «политических профессионалов» семитской империи.

Потом стараниями семитских попов и семитских торгашей и развращенных ими белых феодалов все вроде бы вернулось на круги своя. Но это был лишь временный откат. Чем дальше, тем все больше было примеров того, что «инженерное решение» любых проблем, о котором мы писали еще в предисловии, становится самым простым, самым верным, самым недвусмысленным и окончательным их решением.

«Против лома нет приема». Нет приема у имперца против стального меча. Хваленных вояк бьют даже женщины сарматки — легендарные амазонки со стальными мечами. Нет приема у чванливых феодалов против городского ополчения, вооруженного арбалетами или огнестрельным оружием. Нет приема у самураев против атомной бомбы. Не будет приема у политиканской мрази против технических решений русского гения.

С нами Сварог!

8. Цивилизационная и стратегическая инвариантность альтернативных историй

В самом начале второй главы этой части мы писали о нашем подходе к использованию исторического материала. Но если официальная история для нас — это что-то среднее между искренним мифом и следами специальных пропагандистских кампаний древности и Средневековья, то т. н. альтернативная история — это, скорее, плод желаемого и симпатичного самим «альтернативщикам» развития событий.

Да потом, не очень уж автор уважает само традиционное понятия истории, хотя Историю с большой буквы любит. Историческая наука — это прежде всего политическая история, а нас интересует развитие цивилизации. Историю цивилизации мы восстанавливаем, в основном отвлекаясь от письменных свидетельств политической истории. Заметим, между тем, что это не такая уж экзотика.

Занимаются же всерьез историей палеолита и неолита, когда никаких письменных свидетельств об этих временах нет. Занимаются историей доколумбовой Америки, хотя тоже не имеют о ней письменных источников. И никто не считает это антинаучным. Так что сам по себе данный подход вполне правомерен.

Другое дело, что о тех временах, которые нас так интересуют, о Первой империи и ее последышах, к несчастью, есть письменное свидетельство — семитская Библия, результат большого спецпропагандистского проекта одной или нескольких элитных группировок Первой империи. И есть традиция верить ей и дальнейшим «свидетельствам» подобного рода.

Но мы им всем не верим дословно. Хотя несомненно, что во всем этом «что-то

есть». Что характерно, для нас оказывается не столь уж важно оспаривать те или иные положения исторического мифа. В любом его варианте, если рассмотреть системообразующие признаки развития ситуации, реализуется в целом именно наш сценарий.

В самом деле.

В любом варианте и официальной, и альтернативной истории первое государство в мире появилось в долине тропической реки, текущей среди пустыни или в Египте, или в Месопотамии.

Для наших построений в принципе приемлемы обе гипотезы. В наших реконструкциях ничего не меняется.

Далее. Рано или поздно оба центра — и Египет, и Месопотамия — становятся провинциями одного имперского объединения. Как оно называется — Египет, Ассирия или Вавилон, — нам не важно. Важно лишь, что это вполне определенный регион. И при объединении этого региона в единую империю, с какой бы стороны не шел объединительный процесс, ключевую роль играла Палестина.

Существование бронзового века никто вообще не отрицает. А бронзу можно производить только из вполне определенных руд. В самой империи и, ее тысячекилометровой окрестности нет других столь же богатых месторождений этих руд, кроме Великой Армении, Балкан и Кипра. Поэтому эти регионы не могут не играть ключевую роль в империи. И связь их в единый хозяйственный комплекс тоже неизбежна.

Традиционалисты и «альтернативщики» горячо спорят (вернее, спорят «альтернативщики», а традиционалисты надут молчат), что было раньше — Константинополь или Рим.

По нашему мнению, спор пустой. Раньше была Троя. А в геополитическом смысле она полный аналог Константинополя.

Не вызывает сомнений и то, что именно на территории Первой империи потом сформировалась большая часть семитских народов.

Не вызывает сомнений, что железо впервые начали производить либо в западной части Русской равнины, либо в восточной части Центральной Европы. Но... и там, и там в то время жили ближайшие предки славян.

Сколько раз происходило крушение и восстановление империи? Сколько раз в этом участвовали племена с Севера? сколько раз повторялась ситуация «арийских граблей»? Нам это не так уж важно. Ибо в любой версии истории она хотя бы один раз, но имела место. И именно по тому сценарию, который мы

реконструировали.

Вот все, или почти все узловые точки наших построений. Как видим, нам нет нужды спорить с историками, хотя мы им не верим. В самом мягком варианте мы просто смотрим на известные факты под другим углом зрения, в самом радикальном — провоцируем поиск нового варианта истории.

Но не делаем этого. Для наших целей это просто не нужно.

9. Чужие

Если отвлечься от времен «доисторических», то главное, чем одарили человечество семиты (в самой широкой, нашей трактовке этой характеристики) — это имперская модель общественного устройства, которая потом в несколько модернизированной версии с разными вариациям стала называться «государством».

Постойте, воскликнет иной читатель, но даже в построениях автора семиты принесли в мир земледелие. Не земледелие вообще, скажем мы, а земледелие строго в рамках **крестьянского** хозяйства. И потом тысячелетия люди искали модель, как заниматься земледелием, но «в стиле кочевников». В итоге возникла модель фермерского хозяйства, когда земледелием занимаются как капиталисты, или как кочевники (выберите, что вам больше подходит, читатель). То есть **без дефицита ресурсов, преодолеваемого сверхэксплуатацией человеческого труда.**

Так что оставим земледелие. Семиты дали миру империю и все сопутствующие приемы организации и политики, и хозяйства, и умственной деятельности. Потом они самые одиозные, самоубийственные моменты имперской ментальности смягчили в христианстве. Но это учение ценно именно для «стратегических самоубийц». Для нормального белого человека оно тривиально там, где оно верно, и неверно там, где оно для нас оригинально.

Белые люди подарили миру железо, а значит и все блага нынешней цивилизации. А еще белые люди выработали, но особо не озаботились ее распространением, ментальность людей приледниковья.

Теперь посмотрим, в чем же разница между семитами и белыми людьми на глубинном, архетипическом уровне.

1. Семиты склонны к насилиям. Белые люди нет, хотя и могут быть доведены до состояния аффекта. Так как тысячелетними стараниями «государственников» были, к сожалению, приучены убивать. Но это не в их биологической природе. «Кровь постылая обуза мужицкому сыну», — как сказал поэт.

2. Семитам для объединения необходимо внешнее давление, либо силовое, либо

религиозное. Белые люди готовы к разумному объединению. Они «артельщики» по своей природе. Но при этом не хотят жертвовать свободой.

3. Семиты, конечно же, более развитые, чем негры, которые вообще не склонны к алгоритмическому мышлению. Но семитское мышление излишне формализовано, излишне алгоритмично, до предела «высушено». Белый человек сочетает алгоритмическое мышление с умением, и мы бы даже сказали — со «вкусом», к принятию решений в условиях уникального выбора. Но, что весьма важно, при этом не отбрасывая алгоритмическое мышление как основу.

4. Семитская сексуальность либо разнуздана, либо, как реакция на разнузданность, вообще аскетически задавлена. Белый человек сексуален в меру. Он не развратен, но и не ханжа.

5. Белые люди творцы. Семиты политиканы и интриганы. К несчастью, семиты вполне могут пользоваться плодами творческих усилий белых. А белые никогда не превзойдут семитов в «играх» по правилам, созданным самими семитами и потом навязанными всему миру.

Поэтому *белым людям надо бороться против семитских правил, а не против самих семитов*. А с другой стороны, навязать миру такой темп творческих усилий, чтобы семиты «отстали» в этой гонке.

Мы бы могли продолжить перечисление наших различий. Но этого вполне достаточно.

Мы чужие. Чужие в том смысле, в котором были чужими разные группы «*Homo erectus*» при начале антропогенеза.

Они «чужие»!!!

Запомните это, белые люди.

Глава 4

Русская тайна

1. Антропология, цивилизация и ментальность Севера. Русские наследники приледниковья

Чтобы понять историческую драму и судьбу русского народа, следует вначале обратиться к биологической природе населения Русской равнины. Здесь все достаточно очевидно. Мы являемся прямыми и непосредственными наследниками людей приледниковья. Все то, то было сказано нами в главе «Ледовый рубеж» о свойствах людей белой расы, непосредственно относится к русским.

Кстати, только у русских осталась зафиксированная в народной культуре память о жизни в приледниковье. Русская и белорусская народная вышивка (красным по белому) повторяет... срез берцовой кости мамонта. В стилизованном виде, разумеется. Что, несомненно, являлось в свое время символом удачи и изобилия. Этот орнамент сохранился даже на государственном флаге Белоруссии. Уникальный случай сохранения символики пятнадцатитысячелетней давности до наших дней. Сколь древнее символика гордой Белоруссии по сравнению со всеми «львами и орлами» Европы и Америки.

Вот где арийские тысячелетия глядят на нас с флага арийского государства, где нет «черной» мафии и плутократии.

Итак, если согласиться с тезисом о том, что белая раса сформировалась в ближнем приледниковье Европы, то русские (не отделяя великороссов от белорусов) должны считаться самыми типичными представителями белой расы. Кроме русских, таковыми являются народы Прибалтики, финны и восточные немцы.

Разумеется, все большие народы современности не являются расово чистыми. Это признавали даже наиболее добросовестные расовые теоретики Третьего рейха в отношении немцев. Хотя данное признание им в силу политических и пропагандистских резонансов было трудно сделать.

По окраинам ареалов расселения тех или иных больших народов, несомненно, всегда присутствуют расовые примеси. Но в данном случае мы имеем в виду ядро популяции.

В этой связи нельзя не упомянуть один весьма стойкий пропагандистский миф о

якобы аномально «смешанном составе» русского народа. Основой этого мифа стали общеизвестные данные о том, что в формировании русского народа участвовали разные этносы. Но замалчивается, что эти этносы в подавляющем большинстве относились к узкой подгруппе людей белой расы, непосредственных потомков населения ближнего приледниковья. Таковыми являются и северо-восточная часть славянства, и восточные балты, и финно-угры.

В наш народ влились различные племена с общей антропологической судьбой, со сходным менталитетом. Потом, уже «при окончательном выборе языка» русские выбрали славянский. А некоторые племена, близкородственные части предков русских, оставили исходные языки финно-угорской или летто-литовской группы.

Особо в этой связи стоит рассмотреть вопрос о мнимой «азиатчине» русских. Да, некоторые первоначально родственные предкам русских племена попали потом под тюркское влияние. Но при этом не только и не столько расовое, сколько ментальное, культурное и политическое, хотя и расовые примеси были значительны. Но они а) нарастали со временем и приобрели нынешние масштабы относительно недавно, когда русские уже сформировались, и б) не столь значительны в регионах, непосредственно примыкающих к ареалу формирования русских; эти примеси нарастают в юго-восточном направлении.

Так что, если нынешние татары (и иные «белые турки») когда и принимали некоторое участие в формировании русских (масштаб чего значительно преувеличен недобросовестными или просто безграмотными идеологами настоящего и прошлого), то не могли вносить в наши ряды генофонд иной расы. Более того, тогда они сами тоже были ближайшими потомками людей европейского приледниковья, не имевшими иных расовых примесей.

Мы в данном случае говорим достаточно известные истины о некорректности путать расовые и этнические моменты. Но, к сожалению, мы должны это повторить, именно постоянные подмены расового и этнического понятий позволяют иным теоретикам утверждать, что русские есть результат «вселенского **расового** смешения».

Выводы приведенного нами критического анализа мифа о смешанности русских всецело подтверждаются самыми современными научными данными. Статистический разброс основных расовых признаков, от морфологии до биохимии, в русском населении **меньше**, чем у людей **почти всех** других народов Европы, за исключением прибалтов и финнов (но они почти на два порядка меньше по численности и не соприкасаются с ино-расовыми народами). Иными словами в биологическом и расовом отношении русский народ поразительно **монолитен**. И эта монолитность просто **уникальна** для народов такой численности.

Таким образом, русские имеют совершенно определенные генетические и психофизиологические предпосылки для формирования соответствующего общего национального характера. Драма же русского народа заключается в том, что многие сформировавшиеся де-факто стереотипы были нам навязаны и не соответствуют нашей биологической природе. Именно поэтому мы столь разительно отличаемся иногда от самых близких нам в расовом отношении народов.

Но это тема нашего дальнейшего обсуждения.

А пока лишь заметим, что исходно русский народ был и есть по природе «самым белым из белых народов земли».

Но не только это определяет нашу расовую сущность и природно обусловленные черты национального характера. Волею судеб большая часть потомков людей приледниковья попала потом в довольно комфортные условия проживания. Действительно, большая часть современной Европы весьма мало походит на саму себя во времена Валдайского оледенения. Нынешняя Россия тоже. Однако мы остались самым северным народом белой расы, народом, для которого стоявшая тысячи лет назад перед всеми белыми проблема борьбы с холодом никогда не исчезала окончательно.

И в этом плане русские и их ближайшие непосредственные предки никогда не попадали в условия, когда изначально эволюционно сформированные стереотипы поведения и генетически закрепленные психофизиологические черты могли бы подвергаться естественному ослаблению.

Нет, условия жизни в России были таковы, что все черты людей приледниковья должны были, как минимум, сохраняться или даже продолжать усиливаться.

Если природа достаточно благодатна, то первоочередной задачей всякого человеческого сообщества является обеспечение себя питанием. Условно эту деятельность можно назвать «битвой за хлеб». С ростом уровня развития «битва за хлеб» усложняется и превращается в «битву за хлеб с маслом» и т.д.

Однако благоприятных и богатых территорий для всех не хватает, хотя для всякого человеческого сообщества естественно добиваться как можно лучших условий для жизни и работы. Эволюционно и исторически сложилось так, что ряд народов оказались вытесненными с богатых территорий на земли, где помимо «битвы за хлеб», а иногда даже важнее «битвы за хлеб» оказались другие проблемы жизнеобеспечения.

Так, например, мусульманскую цивилизацию основали те, кто вынужден был прежде «битвы за хлеб» вести «битву за воду». Это требует дополнительных усилий и способствует возникновению традиций самоограничения, ибо прибавочный продукт на одного работника при прочих равных условиях в такой

ситуации ниже.

Однако без пищи человек может жить до двух месяцев, без воды больше суток. Голым на десятиградусном морозе человек не выживет и нескольких часов. Там, где **проблемы обеспечения теплом важнее проблем обеспечения водой и хлебом, сформировались цивилизации севера**. Цивилизации севера еще более аскетичны, чем даже мусульманские, ибо проблемы жизнеобеспечения стоят перед ними еще жестче, чем в пустынях. Тем более цивилизации севера отличаются от «цивилизаций благоденствия», объединившихся в итоге в одну современную западную цивилизацию.

Заметим, что не везде, где имеются условия для благоденствия, возникла западная цивилизация. Западная цивилизация — это, как мы уже говорили, цивилизация потомков людей приледниковья. Другие люди такую цивилизацию создать не могут. Но, с другой стороны, это цивилизация людей приледниковья, волею судеб оказавшихся или отвоевавших себе достаточно комфортные для проживания территории.

Кстати, очень многие современные политологи иронизируют над ролью природного фактора в становлении цивилизаций. Однако непреложным фактом является то, что граница распространения православия (пусть и навязанной, но тем не менее господствующей религии одной из цивилизаций) и распространения католицизма и протестантизма (религии другой цивилизации) в подавляющем большинстве случаев проходит вдоль изотермы января -2°C . Более холодный январь католикам и протестантам противопоказан. Хотя наши общие предки из приледниковья посчитали бы такую температуру просто курортной.

Цивилизация севера требует принятия определенных стереотипов жизни, не типичных и просто бесполезных как для западной цивилизации, так и для цивилизаций жарких стран. В то же время данные цивилизационные стереотипы **должны быть осознаны не как некие пережитки, или элементы «недоразвитости», а как совершенно необходимые для жизнеобеспечения** в данных регионах. Прогресс не отменяет этих стереотипов, а лишь помогает решать проблемы, из-за которых они возникли, с меньшими человеческими усилиями на все новых уровнях развития.

«Различия «северной» цивилизации от остальных цивилизаций заключается в иных приоритетах в процессе жизнеобеспечения. И это отличие приоритетов жизнеобеспечения не отменяется в процессе прогрессивного развития. В пустыне всегда будет идти «битва за воду», пусть ее получают хоть ядерным синтезом, что при капитализме, что при феодализме. На севере же всегда будет идти битва за тепло, пусть это тепло получается хоть на «Токомаках», что при социализме, что при капитализме». Эта мысль сформулирована в статье Ф. С. Тумусова «Полюсы и минусы цивилизационного кризиса» (НГ. 2001. 6 марта).

Мы готовы полностью подписаться под этой формулировкой известного якутского ученого, бизнесмена и политика. Более того, автору весьма приятна мысль о том, что столь близкие ему идеи формулирует коренной житель Севера. Это свидетельствует о наличии весьма сходных идей у представителей коренных народов, принадлежащих разным расам, но живущим в сходных природных условиях.

Вообще автору весьма интересна идея о перспективности плодотворного сотрудничества «людей Севера» как белой, так и желтой рас. Нам кажется, что все попытки вбить клин между белыми и желтыми людьми иницируются все теми же семитами всех мастей и оттенков, в антропологическом смысле потомками эволюционных аутсайдеров и эволюционных маргиналов.

Однако вернемся к нашей теме. Можно говорить о более типичных северных районах и менее типичных. Вологодчина — это типичный север. Однако в цивилизационном плане к тому же северу тяготеют и Ярославль, и Тверь, и даже Москва. Однако в России уже южнее Воронежа битва за тепло не намного более актуальна, чем битва за воду.

Симптоматично, что как раз самые южные части современной России входили в состав Хазарии, которая, согласно нашим реконструкциям, была одним из осколков Первой империи.

Если следовать требованиям научной корректности, то можно утверждать, что типичные регионы цивилизации севера — это 3/4 российских земель. Северная Евразия — земли цивилизации севера. Россия — государство цивилизации севера. Причем фактически **Россия — единственная страна северной цивилизации**. Расположенная на тех же широтах Канада заселена только по южной полосе, ограниченной с севера широтой Киева. «Северный» по западным меркам Монреаль находится на широте Симферополя.

Это данность, которую не изменишь ни политическими, ни экономическими мерами. Можно бросить все ресурсы большей части России на завоевание и последующее развитие южной или западной части России, но тогда страна становится «внутренней колонией» своей малой окраины и превращается в «евразийскую Канаду», 90% территории которой будут в запустении.

Цивилизация севера имеет свою специфику и свои традиции. Она требует особых правил поведения во всем — в организации производства, в труде, в бизнесе, а уже через это в этике, в политике, в культуре.

Рассмотрим эти специфические моменты подробнее.

Организация производства. Любое производство на севере отличалось и отличается сезонностью. Это не только сельское хозяйство, о котором так часто говорят. Это транспорт — летний и зимний. В Средневековье, например, он

отличался не только сезонным различием в транспортных средствах, но и в транспортных магистралях. Зачастую в качестве санного пути использовались замерзшие малые, несудоходные реки. Да и сейчас при освоении севера зимник чаще не соответствует летней трассе.

Однако тем большее транспортное значение имели реки судоходные, которые были естественными транспортными артериями и летом, и зимой, но для разного типа транспорта — водного и санного.

Помимо транспорта сезонностью отличались промыслы, горное производство и многое др. Сейчас сезонность сильно влияет на энергетику. Повторим и подчеркнем, что сезонность северных работ отличает **любой** вид деятельности. Для подтверждения этого достаточно сравнить специфику данной деятельности (от охоты и рыбной ловли до энергетики и авиации) в России и, например, в Италии.

Сезонность связана с **необходимостью концентраций усилий** в короткое время при одновременной длительной подготовке к сезону, когда не грех хорошенько все продумать, не спеша, тщательно приготовить оборудование и, конечно, расслабиться перед рывком.

То, что усталый или слабый человек в России иногда злоупотребляет спецификой сезонного ритма, не является большим пороком русских. Запад и Юг злоупотребляют другим.

Однако только русский человек способен к максимальной концентрации усилий, причем не на коротких, а именно на достаточно продолжительных «средних» дистанциях (любая, даже короткая работа — это все же не скорая драка и не набег). Русские всегда сводили с ума своих противников, именно изматывая их с достаточно высокой интенсивностью, но довольно продолжительное время.

Интересно, что среди русских преобладает т. н. «спринтерский» адаптационный тип, о котором мы писали в первой части. Но довольно высок и процент «стайеров». Однако важно другое. Русские «самые стайерские» из «спринтеров» и «самые спринтерские» из «стайеров».

Суровость условий и их динамизм предполагает **накопление большого объема резервов**. Но это не излишки, которые можно прокутить, а именно страховочный фонд, как необходимый элемент нормального производства.

Однако именно эти накопления вызывают вожделения чужаков с Юга и Запада, которые всегда зарятся на это добро. Однако русские защищают это добро не как полученную прибыль, а как необходимое средство жизнеобеспечения — жестко и стойко. Это вызывает непонимание у жителей более богатых регионов, они расстаются с излишками легче именно потому, что это излишки. И соответственно, легче на эти излишки посягают.

Трудовая этика. Обычно много говорят о коллективизме в процессе северного производства. Это так и не так. Северный русский коллективизм отнюдь не похож на коллективизм восточных строителей каналов, которые собирались десятками тысяч и не понимали друг друга (собственно, в этом и нет нужды).

На севере (не в концлагере, конечно) невозможно собраться десяткам тысяч. Северный коллективизм — это коллективизм слаженной артели, бригады, экипажа, где все понимают друг друга с полуслова, готовы друг друга поддержать, но при этом безжалостно элиминируют затесавшегося чужака (знаменитое «с ним в разведку идти нельзя»). Именно этот осознанный коллективизм в наибольшей степени подходит к формулировке де Голля: «Современная цивилизация возможна только как цивилизация единомышленников».

В данном случае русские традиции коллективного действия равноудалены и от Запада, и от Востока.

Северная деловая этика. Легендарными сейчас являются стереотипы отношений русских купцов, которые работали по большей части именно на «севере». Русская деловая этика, основанная на честном слове, ограничении прибылей, бережном отношении к основному капиталу, которым не рискуют в погоне за возможными сверхприбылями — все это **естественные** следствия северной экономики. Относительная скудость ресурсов не позволяет рисковать, ибо рискуешь не прибылью (которую можно иногда и проиграть), а основой жизнеобеспечения. Честное слово, необходимо, когда вольные люди не обращаются к услугам государства при оформлении сделок. А в этом случае и запись, и слово едины — и то, и то неформально.

Отступления от северной русской деловой этики неизбежно ведут к разорению, к подрыву самовоспроизводства. Нынешнее проникновение южной деловой этики на север обусловлено тем, что с некоторых пор стало возможным подрывать самовоспроизводство не собственного дела, а всего региона и таким образом перекладывать издержки нерациональности чуждой деловой модели на регион, достигая относительного благополучия своего дела.

Раньше в гораздо более давние времена за это убивали. Ибо подобное поведение есть покушение на жизнь всех проживающих в данном регионе. Так как без ресурсов они не просто обеднеют, они вымрут. А на угрозу жизни отвечают адекватно. Но когда адекватные меры противодействия стали невозможными, чуждая деловая этика проникла и на север.

Инновационные традиции. В суровых условиях выжить можно, только используя все возможности, данные человеку. Без ума, инженерных решений, технической сметки здесь не обойтись. Голой силой здесь не справиться. Глупость и неоптимальность («дурная голова рукам покоя не дает») невозможно

будет компенсировать обилием ресурсов. Одна из мудростей русского народа выражается пословицей: «Голь на выдумки хитра». И это шутовское упоминание одного из базовых русских архетипов. **Только в русском языке понятие дела и понятие мысли связаны** однокоренными словами «мысль», «промысел», «промышленность». Без инноваций северная цивилизация, вопреки расхожим мифам иных политиканствующих «интеллектуалов», невозможна в принципе.

Инновационная активность естественна и органична для северной цивилизации. Очень многие цивилизационные прорывы были разработаны именно на севере, на окраине господствующей «южной» цивилизации, навязанной семитами. Самым ярким примером такого рода является открытие железа, которое было осуществлено «варварами» Средней и Восточной Европы.

Таким образом, **предтечей всей современной цивилизации был север.** Северный образ жизни, северные требования и северная свобода творчества вывели человечество из средиземноморского тупика бронзовой эры.

Позже на севере не раз случались технологические прорывы, которые означали новый виток в развитии всей цивилизации. Достаточно вспомнить XX век и вклад России и СССР в развитие авиации, а затем космонавтики, ядерной энергетики.

Не вина, а беда севера, что зачастую его инновационные достижения гораздо активнее использовались потом югом. Утверждать на этом основании, что север всегда «только догонял» есть либо заблуждение, либо провокация. Северная цивилизация формировалась тысячелетия, а несколько сот лет правления Романовых, когда Россия действительно несколько раз осуществляла «догоняющую» модернизацию, есть эпизод в развитии севера, пройденный и преодоленный уже к 1950 году, когда СССР стал на равных соревноваться с лидером Запада, США, в военно-технической области.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, **что наличие цивилизации севера и соответствующих цивилизационных традиций в России есть непреложный факт.** То, что северная цивилизация не раскрыла и половины своих возможностей, объясняется только субъективными факторами, лежащими в узкой, по сравнению с общецивилизационной, сфере политики и экономики.

Если мы сравним то, о чем мы только что сказали о цивилизации севера и более ранних характеристиках цивилизационных тенденций, заложенных в приледниковье, то мы увидим, что русская северная цивилизационная традиция — это прямое и непосредственное продолжение традиций приледниковья, эволюционно свойственных всей белой расе.

Вместе с тем, не вызывает сомнений, что воплощение этих цивилизационных традиций у русских происходило крайне неравномерно. Одни тенденции нашли свое последовательное воплощение. Другие выражены достаточно слабо. А в

значительном числе случаев вообще произошел откат к классическим семитским цивилизационным схемам. И это при том, что мы имели все **естественные предпосылки** для сохранения и развития традиций приледниковья, развития архетипов белой расы.

В то же время наши европейские собратья, наоборот, пусть и в меньшей степени, но подавляющее большинство этих традиций развили и именно на их основе построили свою модель цивилизации, в которой уже на современном уровне воплотили большую часть всех перспективных цивилизационных тенденций, отвечающих природе белого человека.

Разумеется, и у них не обошлось без «семитского реванша». Но до совсем недавнего времени этот реванш был менее губителен для комплексного воплощения цивилизационных идей приледниковья.

Отчего же так произошло? Эту проблему мы рассмотрим в следующем разделе.

2. Генофонд и мемофонд. «Рано, видимо, плевать на королей». **Истоки русской силы и истоки русской слабости**

У читателя не должно создаваться впечатление, что автор является очень большим поклонником доктрины генетической предопределенности поведения человека. Отнюдь. Мы ни чем не склонны нарушать чувство меры. А потуги иных идеологов все многообразие жизненных позиций сводить к генетике считаем примитивным упрощением и, более того, скрытой формой оправдания собственной лени, а зачастую просто ничтожества.

Сидит такой «ариец», почесывая брюхо и гордясь «своим генофондом», оправдывает свое бездействие, вызванное иногда ленью, иногда трусостью, а иногда невоспитанностью волевых качеств. Которые, в свою очередь, никакими генами не гарантируются. Эти качества обретаются в процессе преодоления собственных слабостей и внешних вызовов.

Генофонд, конечно же, определяет некую предрасположенность к тому или иному поведению, но не более того.

Курьезно, но иные коллеги из националистического лагеря и не подозревают, что современная наука в целом во многом решила эту проблему. Потому что господа национальные идеологи почти ничего, кроме работ своих коллег и предшественников, не читают. Да и то не всех. Впрочем, это их проблемы.

Итак, согласно результатам современных научных исследований стереотипы поведения в коллективах, стаях, стадах и т. п. общностях формируются в рамках механизмов, которые чисто внешне очень похожи на генетические. В основе таких механизмов лежит **принцип наследования**. И это часто сбивает с толку наблюдателя.

Ведь в прямом смысле наследуются поведенческие стереотипы родителей или более отдаленных предков. Но на этом сходство с генетикой заканчивается. Ибо может буквально наследоваться поведение особей, которые оказали существенное влияние на формирование данного индивида.

Но это не наследование, это просто воспитание, скажет иной читатель. В том-то и дело, что нет. Ибо воспитание предполагает в идеале возможность «научить всему». Но, как оказывается, в конкретной обстановке (природной, климатической, социальной, культурной, хозяйственной и т. п.) существует не так много устойчивых моделей поведения. И принять можно только одну из таких моделей, либо некоторую комбинацию из них. Но только комбинацию, не содержащую непреодолимых внутренних противоречий.

Набор таких поведенческих моделей популяции (для группы людей или даже народа в целом) называется мемфондом. Впервые в научный оборот это понятие ввел английский биолог и специалист по системному анализу Дж. Докинс.

В итоге процесс наследования мемтипа (по аналогии с генотипом) чем-то напоминает именно наследование генетических признаков. Когда невозможно **произвольно** «по желанию воспитателя» унаследовать, образно говоря, крылья от птицы, а голову от коровы.

В то же время наследование мемтипа более гибкий процесс, чем наследование генотипа. Ибо мемтип зависит не только от мемфонда родителей, но и от мемфондов окружающих, а также от всей специфики жизненных обстоятельств. Если говорить образно, то наследование мемтипа в чем-то соответствует модели наследования, которую в свое время выдвигал неизвестный Т.Д.Лысенко. Вопреки тенденциозным представлениям, Лысенко был не так одиозен, как его пытаются ныне представить.

Во всяком случае, тигра из коровы он получать не пытался. Но инициирование закрепления в потомстве определенных приобретенных признаков он стремился достичь. Сейчас вопрос очень политизирован. Однако современная селекция в чем-то (мы подчеркиваем, лишь в чем-то) добивается достижения целей, которые в свое время ставил Лысенко. Правда, другими методами и опираясь на другую теоретическую базу.

Очень интересен вопрос о сочетании генотипа и мемтипа. В принципе каждому генотипу может соответствовать несколько вариантов мемтипа, причем вариантов, вполне гармонично сочетающихся.

Иллюстрацией данного тезиса, правда, не совсем корректной, можно назвать известные всем социологам факты об очень большом сходстве некоторых поведенческих установок полицейских и преступников. Физические типы «идеальных полицейских» и «идеальных преступников» тоже сходны (не

удержимся от реплики, что в современной России их часто не отличить).

Но в одном случае волею судеб реализуется все же мемотип преступника, а в другом — полицейского.

Физический типаж, физическая предрасположенность позволяют реализовываться двум мемотипам с почти равной вероятностью. Но случайные обстоятельства смещают это неустойчивое равновесие в одну из сторон.

Разумеется, мемотип в идеале должен находиться в гармонии с генотипом. Более того, установление этого соответствия является постоянно действующей тенденцией. Но возможно и противоречие между ними. Это противоречие способно спровоцировать душевные расстройства и даже физические болезни. В то же время мемофонд эволюционирует гораздо быстрее генофонда. Но если изобразить этот процесс математически, то модели эволюции генофонда и мемофонда будут весьма схожими, и различаться в основном скоростями соответствующих процессов. На это и обратил внимание Дж. Докинс.

Читатель, мы предприняли столь утомительный некоторым из вас экскурс в весьма специфическую научную область, чтобы лишний раз проиллюстрировать теоретическую корректность всех наших построений. Автор не идеологическое трепло, безмозглый политикан или холуйствующий полуученый. Автор профессиональный исследователь, который применяет те или иные понятия строго формализовано и научно.

А такая строгость нам сейчас понадобится. Ибо мы будем говорить о такой тонкой материи, как национальный характер. Так вот, с научной точки зрения национальный характер — это типичный мемофонд определенного народа.

Этот мемофонд разнообразен, но не бесконечен. Он ограничен строго определенным количеством поведенческих моделей, меньшая часть которых доминирует. А большая часть является необходимым стабилизирующим фактором и определяет возможности эволюции национального характера в ту или иную сторону.

При этом относительное количество разных моделей, образно говоря, героев и трусов, трудоголиков и лентяев, честных людей и мерзавцев, агрессоров, пассивных жертв и «отпорников» (Дж. Докинс называет «отпорниками» особей, **инстинктивно** дающих **немедленный** отпор на любую агрессию в их адрес, но не являющихся при этом агрессорами) и т. п., тоже вполне определено.

Этот мемофонд определяется и генофондом, и всей предысторией формирования национального характера. Со временем он меняется, по большей части исподволь, но иногда целенаправленно.

При этом мемофонд может быть в гармонии с генофондом. А может не быть. И

тогда несоответствия мемофонда и генофонда и вызванные этим душевные сложности сами становятся чертами национального характера.

Еще один источник противоречий состоит в том, что текущие условия могут не соответствовать мемофонду. Который в этом случае вынужден меняться аномально быстро, лишь увеличивая груз внутренних противоречий.

Итак, чем отличается генофонд белого русского человека? Это типичный генофонд потомка людей приледниковья. Русские генетически «самые белые из белых».

Исходный мемофонд русских вполне соответствовал генофонду. Более того, природные условия, как мы показали выше, только усиливали со временем архетипы людей приледниковья, подтверждая конструктивность и целесообразность этих архетипов, этого мемофонда.

Агрессивные особи или, как минимум, «отпорники» всегда были среди нас (довольно много среди русских «отпорников», они замещают в общем мемофонде нации нишу откровенных агрессоров). Но их суммарная доля в национальном генофонде была все же не столь велика, как в других народах. Ибо невозможно вести на пределе сил борьбу с природой и одновременно истерически «заводиться» на любую подначку, как это делают экспансивные южане.

Мало того, эта доля определенно снизилась в период, когда сразу после Сварога часть наших предков ушла в «походы возмездия» на Первую империю. Ибо ушли в первую очередь как раз носители этих вышеназванных мемотипов.

После этого русских довольно долго никто не трогал. Они занимали места, на которые никто не претендовал. Особо не роскошествовали, но и не вызывали вожделения у соседей. Ибо любые посягательства на нас были нерациональны с точки зрения критерия «затраты — эффективность». Впрочем, это верно лишь для соседей с неоформившейся государственностью, о чем мы скажем ниже.

Так и жили, спокойно и достойно, по принципу, зафиксированному в народной мудрости: «чужого не возьмем, своего не упустим». Пирамид не строили. Больших теорий на пустом месте не разводили. Но железо плавил лучше многих. Мечи ковали весьма неплохие.

При этом жили достаточно рассредоточено по территории. Ибо ландшафтные условия северной половины Русской равнины не столь однородны, как кажется. Они однородны «в целом», но весьма мозаичны. Угодья мелкоконтурны. Поэтому поселения не могут в принципе быть большими. По имеющимся данным вплоть до XV века средний размер деревень в России составлял 3-5 дворов.

Это фактически не деревня, а хутор. Товарной сельхозпродукции тоже не производили. Продовольствием обеспечивали только себя. Значительную часть пищевого рациона давала охота, рыбная ловля и лесные промыслы. Недаром в русской кухне столь разнообразны рыбные и грибные блюда.

Кое-что, конечно же, производили на экспорт, в основном продукцию лесных промыслов. Но предметов роскоши особо не накапливали, хотя некоторые вещи имели.

О тех временах сохранились легенды о «берендеевом царстве». А фактически о довольно рыхлом племенном союзе (кстати, Берендеево озеро — реальный объект во Владимирской области), где все жили довольно мирно, не богато, но очень весело и счастливо. Хотя и не беззаботно. Работать умели напряженно, а вызовы природы переносили с беспримерной стойкостью.

В это же время родственные нам племена белых потомков людей приледниковья в Западной и Центральной Европе оказались в гораздо более комфортных и богатых природных условиях. Это вызвало, с одной стороны, определенный всплеск творческой активности. Ибо переход от аскетизма к изобилию на первых порах всегда вызывает взрыв творческой энергии.

Но, с другой стороны, идет размывание соответствующего мемофон-да. Пока только лишь размывание. Но именно это обусловило тот факт, что взаимодействие наследников Первой империи в лице Рима с белыми людьми Европы не прошло для последних даром. Многие стереотипы империи европейские «варвары» в свой, уже подвергнутый размыванию мемофонд приняли. Ибо «свято место пусто не бывает». Когда же начался «железный марш», наши западные белые братья не ограничились, как мы, одним возмездием.

Хотя, надо отдать им должное, они весьма неплохо отомстили имперской мрази. Слово вандализм, в честь славного германского племени вандалов, разрушивших Рим, вошло во все языки.

Вандализм был первым проявлением наиболее конструктивной стратегии взаимодействия с империей. Все вычурные изыски имперской «культуры», а говоря современным языком, массового оболванивания, не имевшего ничего общего с научно-техническими ценностями, вандалы стерли с лица земли.

Стерли правильно и справедливо.

«Новые белые» точно так же сотрут деградантов модерна и постмодерна, освобождая место для новой цивилизации, где не будет места ни Голливуду, ни обезьяньей мазне разных Малевичей.

В германском марше на последние осколки империи есть что-то запредельно

сладостное. Как славно крушить былых кумиров, пытавшихся навязать всему миру свои извращенные стереотипы. Как приятно почувствовать, что хваленая сила лишь блеф. Как ясно и просто ответил Аларих II римлянам, пытавшимся запугать его количеством своих войск: «Чем гуще трава, тем легче ее косить».

Впрочем, об этом можно говорить очень долго, но мы отвлеклись от нашей темы.

Западноевропейские участники железного марша не только приняли в свой мемофонд некоторые имперские модели. Они еще остались в империи, попытавшись переделать ее «под себя».

На первых порах так оно и было. Но если посмотреть на баланс имперских приобретений и потерь, то в итоге белые европейцы не столько уничтожили имперский мемофонд, сколько дали ему возможность сохраниться в модернизированном виде.

Справедливости ради надо сказать, что это имело позитивные последствия. Европа получила прививку от имперской заразы. Упомянутая прививка в сочетании с переносом центров лидирующих отраслей экономики на Запад в процессе железной НТР дала возможность Европе избежать участи жертвы имперской частичной реставрации.

Но сама Европа при этом стала **источником и разносчиком** имперской заразы. Чего стоит одно только название «Священная **Римская** империя германской нации». Так и хочется сказать германским братьям: «Как же это вы, геноссен, не увидели курьеза в названии «Священная семитская империя германской нации»». Ибо Римская и семитская — это синонимы. Да и империя вообще может быть только семитской по духу. И не надо потом плакать о еврейском засилье на своей земле. Вы своими руками создали для этого все предпосылки. Не хотите этого, стройте не империю, а свободную федерацию свободных белых народов, федерацию регионов, управляемых, как в давние времена, по арийским моделям «военной демократии».

Впрочем, это тема для отдельного разговора.

В отличие от западных братьев, наши предки до поры до времени избегали имперской заразы. Но, как пел Владимир Высоцкий в одной из своих песен: «Рано, видимо, плевать на королей». Чем в более зрелом возрасте человека наступает детская болезнь, тем тяжелее она протекает.

Выше мы говорили о том, что Русь была не столь уж вожделенным объектом для завоеваний. Но это было лишь до той поры, пока вокруг нее не сформировались полноценные наследники Первой империи. После этого сама логика «государственников» потребовала экспансии, хотя на первый взгляд эта экспансия была не столь уж рациональна. Но взбесившийся хищник убивает не

только для того, чтобы поест, он убивает еще и из простого желания убивать. Точно так же ведет себя и сформировавшееся государство, которое, едва пережив «детские болезни» становления, тут же смотрит, кого бы ограбить. И если оно не плывет при этом за моря, то наваливается на тех, кто есть поближе.

Но еще более утрированно ведут себя в подобной ситуации «государственники-маргиналы», окраинные формирования молодых государств. Это, если можно так сказать, «хищники в квадрате». Но как раз такими оказались все ближайшие соседи племен Русской равнины.

Именно это и произошло после крушения Первой империи. Сначала формировалась государственность ее остатков и ее наследников (иногда захвативших это наследство силой, но это не меняет сути). Потом шло быстрое изживание самых «негосударственных» проявлений рыцарственности, там где они были. Рыцари превратились в феодалов. Об этом мы упоминали в прошлой главе, говоря об «арийских граблях».

А потом многочисленные «орлы» начали водить своими головами в разные стороны. И в итоге скорректированные варианты имперской государственности навалились на свободную Русь с Юга, Запада и Востока. Не принять в итоге одну из них было невозможно. Все перипетии официальной «истории России» сводятся лишь к тому, какой вариант или «коктейль» из каких вариантов принять.

Откровенно говоря, изучать все это не интересно. Все это частности. Главное, что данную модель не удалось отвергнуть в принципе.

И это закономерно. Решающего научно-технического превосходства над агрессорами не было. Второй Сварог не появился. Почему, это другой вопрос, который мы еще обсудим ниже. Организационные же возможности свободных племен всегда меньше возможностей «государственников».

Но, кроме того, Русь была еще и идеальным объектом для любого «государственника», который бы смог взгромоздиться на трон. Народ был приучен к аскетизму тяжелой борьбой с природой. Был физически крепок, а главное — вынослив. Был по природе неагрессивен. А значит, легко управляем. В то же время был умен, умен и развит. Был честен, а значит его легко было обмануть и оболванить.

Короче говоря, был идеальным **подчиненным**. При этом подчиненным, с которым можно не только каналы копать, но и начинать любой модернизационный проект.

Для любого политтехнолога это идеальный объект. Завоюй его. Пусть это будет на первых порах трудно. Но завоевать поначалу можно лишь незначительную часть.

Это будет «мясом» нового государства. Потом добавь туда «специй» из инородческой элиты. Этаких агрессивных, но, тем не менее, стратегически мыслящих игроков. Которые могут понять, то исходная скудость этих земель еще не повод для уныния. Сказочные богатства впереди гарантированы.

Потом с помощью столь идеальной машины завоюй всю остальную часть гигантской страны, где сопротивления не должно быть по определению. И ты получаешь все то же, но только в гораздо большем объеме.

А уж потом с помощью этой имперской кувалды попытайся захватить окрестные земли побогаче. Частично это наверняка удастся.

Ну а потом выжимай все соки из народа и природы еще более расширившейся страны и живи припеваючи.

Таким образом, программа гарантированного благоденствия на много поколений вперед для любого имперского бандита просматривается четко. И эта программа базируется всего лишь на двух составляющих:

1. Наличие уникального народа, прямого потомка людей приледнико-вьа, со всеми его уникальными плюсами и уникальной слабостью перед государственным насилием.
2. Наличие самого проекта, знание государственной модели.

Теперь остается только найти инструмент для запуска проекта. А попросту говоря, достаточно большую банду, авторитеты которой поняли бы грандиозность, перспективность, а главное, полное отсутствие риска в этом плане.

Читатель, мы много раз повторяли, политика — это не бином Ньютона, не освоение железа, не изобретение пороха, пенициллина, космического самолета (просим не путать это гениальное русское изобретение с вульгарным челноком типа шаттла). О сложности политики говорят лишь те, кто реализует «оболванивающую часть» в достижении проекта гегемонии. На самом деле, политика проста до предела. Более того, она не прерогатива человека разумного. Интриганство группового правления в стаде шимпанзе или стае волков не менее изощрено, чем управление мировой империей. Это доказано современной наукой о социальном поведении животных — этологией.

Поэтому то, что очевидно в политике нам, было столь же очевидно и тысячу лет назад. Только элементарная лень не позволила броситься на Русь сразу многим «жирным хищникам».

На Русь бросились тощие государственники-маргиналы.

И реализовали все положения вышеуказанного проекта.

С тех пор мемфонд русского народа формируется в постоянной борьбе не только с суровой природой, но и с государственным хищником. Формируется, исходя из взаимоисключающих требований, ломается, калечится. Он соткан из противоречий, главные из которых мы подробнее рассмотрим ниже.

Но под кровавой коростой тлеет ожидание.

Ожидание нового Сварога.

Услышь нас, наш Первобог, и пошли нам своего сына с новым волшебным мечем!

3. Клубок противоречий. Была ли Россия русской? Парадоксы российской государственности

В связи с только что сказанным интересно посмотреть под новым ракурсом на одну давнюю дискуссию о роли норманнов в становлении русской государственности.

Эта дискуссия идет уже почти три столетия. Но на то, что она достаточно бессмысленна, только недавно обратил внимание известный в русских национальных кругах востоковед, публицист и поэт Алексей Богословский. Он вполне справедливо отметил, что никакого комплекса по поводу норманнской теории русские не должны испытывать.

В самом деле, английская государственность тоже началась с норманнского завоевания. Французы, потомки галлов, получили самоназвание по имени германского племени франков. Вообще, чужеземное происхождение династий, основывающих государственность в странах Европы и не только Европы скорее правило, чем исключение.

А у эстонцев, например, вообще не было никакой собственной государственности, даже инициированной чужеземной династией. И ничего. От этого эстонцы не чувствуют себя хуже тех же кхмеров из Камбоджи, чьей собственной государственности больше тысячи лет.

Государственность вообще не может считаться самодостаточным достижением. Достижением является вклад в цивилизацию, а не наличие чиновников, полицаев, толпы вояк и кого-то на троне. Если с помощью всей этой государственной машины ничего не построено, она вообще бессмысленна, и, скорее, не достижение, а повод для наличия комплекса неполноценности.

Если с помощью государства построены лишь некие пирамиды или другие аналогичные объекты, пригодные лишь для последующего посещения

пресыщенными туристами, то это, по мнению автора, тоже не предмет для особой гордости. Возможности для развития туристического бизнеса в будущем не стоят крови, пролитой для смазки жерновов людоедской государственной машины в настоящем. Тем более, если эта кровь лилась сотни и тысячи лет.

Итак, гордиться можно лишь вкладом в цивилизацию. А государственность совершенно индифферентна к цивилизации. Когда помогает ей, когда тормозит. Не устанем напоминать, что современная цивилизация железного века началась с интеллектуального подвига Сварога. И никакое государство ему в этом не помогало.

В этой связи невозможно не вспомнить известную сентенцию, что государство создается не для того, чтобы построить рай на земле, а для того, чтобы не допустить на земле ада. Хорошее изречение. Только его нельзя назвать констатацией факта. Это, скорее, мечта и одновременно попытка оправдания государства как модели общественной организации.

Мы знаем, как государственная машина организовывала ад на земле. И не раз. Последние по времени примеры подобного рода из XX века — это Кампучия Пол Пота и Центрально-африканская империя Бокассо. А всего того, что было раньше, и упомнить невозможно. Вероятно, люди, которых заживо сжигал в печах «кроткий» иудейский царь Давид, не считали, что семитская государственность — это механизм для того, чтобы не допустить ада на земле.

Таким образом, споры о норманнском или автохтонном происхождении российской государственности для самосознания нации бессмысленны. Это споры о том, кто первым изнасиловал девицу, чужой дядька или родной папочка. Лучше бы не насиловал никто. А уж если такое случилось, то чужой дядька даже предпочтительней.

Однако эта дискуссия не столь уж бессмысленна. Но она имеет смысл только для тех, кто готов рассматривать российскую государственность как самостоятельную ценность. Более того, она не позволяет очень многим потенциальным оппонентам этой государственности предусмотреть для себя переход на более радикальные позиции. Она уводит в сторону от главного противоречия русской истории и манит несбыточной надеждой на «хорошее государство». Бессмысленной, как надежда оболваненного крестьянина на «хорошего царя».

Поэтому мы безо всяких экивоков признаем норманнскую теорию. И нам не важно, был ли легендарный Рюрик немцем, шведом или западным славянином. В конце концов, у русских есть примеры весьма сильной идиосинкразии к западным славянам. Полякам, например, которые долгое время считались чуть ли не злейшими врагами России. Почему же «поляк» Рюрик должен быть лучше «немца» Рюрика?

Оба хуже.

Итак, российская государственность начата не русскими. Начата завоеванием двух, в сущности, окраинных для Руси земель, — Новгорода и Киева. Потом, в полном соответствии со схемой, изложенной нами выше, пошло завоевание коренных русских земель, которыми нужно считать земли северо-востока Центральной России, земли нынешних Владимирской, Тверской, Ярославской, Костромской, Ивановской областей, земли в окрестностях легендарного Берендеева озера.

Именно в полном соответствии с этой схемой легендарный Добрыня призывал князя Владимира покорять сначала самые бедные территории, где люди «не носят сапог». После этого покоренное население использовалось в качестве «мяса» для государственной машины, которая стала замахиваться и на более жирные куски.

Вполне очевидно и не оспаривается никем, что при покорении Руси свора Рюриковичей вытесняла с административных высот местных авторитетов. Предводители свободных племенных союзов русских в число князей не вошли. Их, возможно, использовали на первых этапах как коллаборационистов, но потом вышвыривали в элитные низы.

Классическим примером выдавливания из власти чисто национальной русской элиты служит пример покорения Новгорода. Новгородским боярином мог стать только потомок новгородского боярина. Отчасти это напоминает даже некую кастовую этнократию. Ибо новгородские бояре были только русскими.

Но российское государство последовательно давило на Новгород. Это не удалось киевским князьям. Это не удалось даже во время весьма непонятной элитной разборки, носящей условное название «татарского ига». Однако упорство и последовательность российских властей в этом вопросе были поистине уникальными.

В итоге Новгород был фактически уничтожен, а его русское боярство истреблено. Курьезно, но немногие новгородские коллаборационисты тоже не были оставлены на родине, а «с понижением» в элитной иерархии и потерей части имущества были расселены по тогдашним окраинам России.

Весьма интересен новгородский пример еще одним моментом. Русские народные сказки сохранились по большей части лишь в тех областях, которые либо долгое время были составной частью новгородских земель, либо были заселены после новгородских погромов выходцами из Новгорода. А ведь сказки являются базой народной культуры и, более того, народного мифа. Без которого невозможна консолидация населения на «идейных» началах.

Истребление базы для сказок есть подрыв основ национальной

самоидентификации. Но российскому государству не нужна была нация (вернее, общность, которая со временем могла стать нацией). Ей нужно было неконсолидированное население и монополия государства на консолидацию.

Российскому государству не нужен был русский народ, а в более позднем, современном варианте — русская нация. Ему нужно было не помнящее родства и корней быдло.

Так что власть Рюриковичей не была русской.

И, пожалуй, главным доказательством этому служит тот факт, что именно Рюриковичи уничтожили местную религию и навязали Руси семитского бога. Но об этом несколько позже.

Сейчас также много спорят о т. н. «татарском иге». И в этом вопросе историки-«альтернативщики» приводят много весомых доказательств его отсутствия. Вернее, некоего русско-татарского симбиоза.

С нашей точки зрения, это тоже интересный, но второстепенный вопрос. Предки татар Русской равнины исходно были такими же потомками людей приледниковья, как и предки русских. И были также беззащитны против государственного насилия. И их по точно такой же, как и русских, схеме загнали в семитскую модель государственности, только это сделали другие маргинальные группировки и в другом, мусульманском варианте этой упомянутой модели.

Заметим, кстати, что мусульманство по общему мнению всех историков несколько моложе христианства (вопрос лишь, насколько?). Но выполняло точно такие же функции, как христианство, т. е. не давало государствам, возникшим уже не на западной, а на восточной окраине Первой империи либо самоуничтожиться, либо погрязнуть в дурмане «религий порока и кайфа».

В чем-то мусульманство более мягко по отношению «к своим». Наверное, потому, что моложе. А посему отдалено от рафинированных традиций Первой империи большим временным промежутком.

Поэтому татары в массе своей оказались в чем-то менее придавлены своими мусульманскими мурзами, чем русские своими князьями и боярами. И поэтому заняли в объединенном государстве лучшие места.

Может, это, в сущности, аппаратное превосходство и послужило источником легенд о «татарском иге»? Ибо, в самом деле, никаких особых свидетельств ига как такового нет. Об этом прекрасно сказано у всех уже упоминаемых историков-«альтернативщиков». И мы не будем пересказывать убедительную аргументацию Морозова, Фоменко, Валянского, Калюжного. Но о том же пишет и сторонник традиционной версии Л. Н. Гумилев. Так что откуда ни взгляни

классического татарского ига не было.

А было объединенное государство на Русской равнине. Государство, где «мясом», строительным материалом служили белые потомки людей приледниковья, а элиты были черт знает откуда. Маргиналы шведско-германские, маргиналы западно-славянские, маргиналы татаро-мусульманские.

Это государство, в силу отсутствия навыка у населения к отпору государственному гнету и в силу уничтожения собственной жреческой элиты коренных народов, легко повторило модель Первой империи в ее классическом варианте.

Разумеется, как и в Первой империи, это государство сотрясали межэлитные разборки. И верх брала то одна, то другая группировка. В итоге могло создаться поверхностное впечатление, что что-то изменяется по существу. Между тем, как становится известно сейчас, даже с этих «надстроечных» позиций ничего особо, по существу, не менялось.

Тот же Дмитрий Донской воевал с Мамаем не за освобождение Руси от татарского ига. Это все исторические легенды. Воевал Донской с узурпатором Мамаем, который в первую очередь **по ордынским правилам** был вне закона, т. е. Донской показал себя лояльнейшим вассалом Орды. Даже если принять традиционную версию «татарского ига» без оговорок.

Но для нас это не столь уж важно. Важно другое. И Рюрикович Донской и мусульманин Мамай были чужими для коренного русского белого населения.

И абсолютно вся элита, сформировавшаяся в то время, была такой же. Недаром среди столбового российского дворянства так модно было числить себя потомками чужеземцев. Любых. Только бы не иметь местных русских предков (сравните с этикой этнически чистого русского новгородского боярства).

А Иван Грозный вообще сказал знаменитую фразу, что он управляет «скотами», а не людьми. И не зная ни слова по-немецки, называл себя человеком «саксонских кровей».

Гордиться тем, что он чужой для народа своей страны, и ненавидеть этот народ — это уже аномалия даже для не ахти какого «гуманного» Средневековья. И такая аномалия свойственна **только России**. Именно потому, что русский народ оказался столь беззащитным против государственного насилия.

Так и хочется сказать, что белый человек без Сварога становится легкой добычей рабовладельца. Так было до Сварога. Так в итоге стало и тогда, когда его окончательно забыли.

И государственный насильник действовал среди русских как охотник с

автоматом в заповеднике.

Так что антинародный характер Российского государства был заложен при самом его основании. И все последующие наиболее одиозные проявления этой тенденции — от немецкого засилья при Бироне до еврейского засилья при Ленине—Троцком — лишь закономерные проявления этой так и неизжитой тенденции.

Что ж, за всю историю России она так ничего позитивного и не сделала для русского народа?! — возмущенно спросит у автора иной читатель. Почему же, ответим мы. Стопроцентно отрицательных явлений в природе не бывает.

Но перечислять все «заслуги» российской государственной машины мы не станем. Просто ниже мы покажем самый яркий пример достижений одного из вариантов Российской империи. И именно на этом примере увидим верхнюю грань наиболее позитивной имперской реализации. И пусть читатель сам судит, какова эта империя, если даже ее самый лучший вариант таков, каков он есть.

А пока лишь повторим и подчеркнем, что Россия никогда не была русским государством. Она всегда была уникальным и аномальным в истории повторением семитской модели Первой империи на оказавшемся благодатным для этого русском субстрате.

4. Армейская тема отдельной строкой. Что общего между Ермаком Тимофеевичем и Сципионом Африканским? Красноармейцы эпохи Цинь

А как же защита народа от внешних агрессоров?! — возмутится иной читатель. Вот для этого и нужна империя с ее огромной армией. Возражение не новое. И мы с удовольствием на него ответим. Но пусть этот читатель не обижается на нас. Тот, кто задал бы такой вопрос на открытой публичной дискуссии, образно говоря, «попался бы на встречный удар».

Ибо появление этого вопроса можно ожидать наверняка. А для ответа на него имеются многочисленные «домашние заготовки». С достаточным количеством аргументов отнюдь не в пользу вопрошающего, наивно и напрасно полагающего, что тут-то он, безусловно, прав.

Итак, начнем с самых больших угроз для народа, угроз геноцида. Были ли такие угрозы в истории после создания российского государства? Были. Это постоянные угрозы со стороны южных окраин. Степные хищники в этом отношении стали наследниками традиций, заложенными еще со времен Первой империи. Охотники за людьми творили постоянные набеги на южные окраины Руси.

Противостояла ли им государственная машина, созданная Рюриковичами?

Несомненно, противостояла.

И тут надо выделить несколько аспектов.

1. Непосредственно оборону во время набегов осуществляло в основном ополчение городов, т. е. структура отнюдь не армейская, не государственная. Это структура, составляющая основу модели управления по принципам «военной демократии».

2. Профессиональная армия тех лет, княжеские дружины несли в основном бремя организованных контрнаступлений на базы степных разбойников. Выполнили ли эти акции свою основную задачу избавить Русь от набегов с юга? Несмотря на отдельные успехи, например, войны Владимира Мономаха, — не выполнили. Набеги продолжались вплоть до первых Романовых.

3. А до возникновения государственной машины Рюриковичей с их армией выполнялись ли функции защиты южных рубежей иными способами. Да, выполнялись. Те же Змиевы валы — это по одной из версий следы гигантских оборонительных сооружений, прикрывавших Русь с юга. Типа Китайской стены. И построены они были довольно рыхлыми в государственном отношении племенными объединениями.

То есть некие оборонительные усилия, несомненно, были. Были ли они менее результативны, нежели усилия Рюриковичей и Романовых?

Во всяком случае, не намного. При тех уровнях развития военной техники, когда еще корректно сравнивать усилия легендарного вождя свободных племен Кия и тех же Рюриковичей, можно сказать, что ситуация коренным образом не менялась.

Что с государственной машиной, что без нее, набеги продолжались. Но севернее определенной линии захватчики не допускались.

4. Были ли некие особые издержки при реализации государственной военной политики в этой области? Борясь со злом, не делало ли государство буквально аналогичное зло?

Делало. Киевская Русь активно торговала рабами. Своими русскими людьми. Не хуже степных работорговцев. А в процессе межэлитных разборок князья активно привлекали степных кочевников и сами показали им дороги вглубь территории страны. Познакомили с театром военных действий.

Каковы же итоги анализа этого, самого первого опыта использования государственной машины для нужд обороны народа и страны?

Мы убедились, что: а) оборона осуществляется неэффективно, во всяком случае,

не более эффективно, чем это делалось догосударственными структурами; б) цена этой обороны — существование государства, которое само наносит стране и народу ущерб, сравнимый с ущербом от действий тех, против кого ведутся военные действия; в) оборона не может обойтись без привлечения догосударственных форм военной организации народа.

Таким образом, защита от реальных угроз стране и народу государственными военными структурами осуществляется весьма посредственно. Во всяком случае, не лучше, чем это делалось без государства.

В этой связи необходимо обратить внимание на следующие важные моменты. Блестящие военные победы не приводят к радикальному решению проблемы по существу. В самом деле, Святослав громит Хазарию. Но это не избавляет Русь от набегов. Место хазар занимают печенеги. Ярослав громит печенегов. Их место занимают половцы. Владимир Мономах устраивает чуть ли не геноцид половцев. Их место занимают татары.

В конце концов, непонятно, ставят ли князья вообще проблему по существу. Или просто занимаются «военным спортом» за счет народа? Ибо народу нужны не победы. Народу нужно устранение угрозы.

Вторым весьма интересным моментом во всей этой коллизии является искажение хозяйственной структуры страны в угоду нуждам «стратегии». Административные и хозяйственные усилия сосредотачиваются на юге. Сосредотачиваются для целей войны (как видим, войны бесперспективной). Но чтобы что-то сосредоточить, надо где-то изъять сосредоточенное. Изымаются ресурсы из внутренних, русских областей и перемещаются на «проблемную», в данном случае, южную окраину.

В результате развитие ядра страны тормозится.

А ведь можно поставить вопрос по существу, не только в узко военной области. А нужна ли вообще эта окраина? Не являются ли все эти степные войны вообще спровоцированными? Очень может быть, что и так. В этой связи напомним восстановленный нами очевидный план российских государственников. Им мало коренной Руси. Они хотят с помощью Руси отхватить себе еще куски потеплее и пожирнее.

И здесь ничего не меняется со времен Рюрика. Такова же политика Святослава, Владимира Мономаха, а потом и Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Ленина, Троцкого, Фрунзе, Сталина и иже с ними, всех тех, кто помышляет о великой империи или о мировой революции, о наступательных войнах (курьезно, но даже недобитые российские красные в массе своей мечтают «о восстановлении СССР», будто других проблем у русских нет). Русской России им всем мало. Она им неинтересна. Она им нужна только как средство, а не как цель.

Впрочем, российскую экспансию мы еще рассмотрим с точки зрения ее рациональности и иррациональности. А здесь лишь заметим, что Россия, действительно, расположилась на огромных территориях. И эти территории не могут не давать хоть что-то русскому народу.

Достаточно напомнить современному читателю, что сейчас страна на 3/4 живет за счет природных ресурсов, львиная доля которых находится на севере и востоке страны. Но являются ли эти приобретения результатом государственной, в том числе военной, политики?

Несомненно! — воскликнет иной читатель. Да это же очевидно!

Отнюдь не очевидно. Государственная военная политика — это политика построения и использования регулярной армии, профессиональной или массовой.

Иррегулярные вооруженные формирования остались стране в наследство от догосударственной общественной модели военной демократии. И государство сделало все, чтобы понизить роль этих формирований в своем военном потенциале.

До конца этого сделать не удалось. И несколько одряхлевшее государство смирилось с ситуацией. «Не можешь предотвратить, обязан возглавить», — эта мысль в столь законченном чеканном виде была лишь сформулирована замполитами Советской Армии. А известна она была уже очень давно.

Казачество и было таким остатком военной демократии. Остатком, с которым боролись. Но с которым потом смирились и который потом приручили. Но как раз казачество обеспечило свыше 3/4 российских территориальных приобретений. Сибирь империи преподнесли казаки. Почти что на «блюдечке с голубой каемочкой». Южную Россию тоже. В конце концов, российское государство по просьбе турецкого султана даже сдерживало донских казаков в их наступлении на Причерноморье и Северный Кавказ. А потом лицемерно «принимало» завоеванное казачьей кровью. Завоеванное не только без поддержки государства, но и при недоброжелательном нейтралитете его.

А Украина? Запорожское казачество было инициатором и ядром освобождения Украины от поляков. А потом, когда и казаки, и поляки предельно истощились во взаимной борьбе, Московское государство «милостиво» приняло Украину в свой состав, закрепив то, что было на 90 % уже завоевано самим запорожцами.

Но казаки не только были тараном территориальных приобретений. Казаки потом еще и обеспечивали закрепление результатов приобретений. Казаки, например, были решающей силой при штурме Очакова и Измаила, о чем по вполне понятным причинам умалчивает имперская историография. Трудно переоценить и роль казаков в разгроме Наполеона.

Без казаков невозможно было бы закрепление России на Северном Кавказе.

Если сравнить по критерию «затраты — эффективность» действия казаков и действия регулярной армии в процессе территориальной экспансии России, то окажется, что эти остатки догосударственных народных вооруженных сил как минимум на порядок результативнее государственных, имперских.

И это не только уникальный российский опыт. Мало кто знает, что победоносные римские легионы во многом были похожи на казачьи формирования. Легионы формировались из добровольцев. Оружие легионеры приобретали сами. И служили за... долю в военной добыче. Именно эти легионы завоевали для Рима всю Италию. Именно эти легионы выиграли тяжелейшие Пунические войны.

Именно с этими легионами Сципион Африканский стоял на развалинах взятого Карфагена.

Потом времена изменились. Легионеров снабжало оружием государство (кстати, оружие сразу стало хуже по качеству) и платило им твердое жалование. И эти легионы уже не были такими же непобедимыми. Их били даже рабы армии Спартака. А потом их втоптали в грязь парфянские всадники.

Таков опыт даже наследника семитской Первой империи Рима. Что же тогда ожидать от государств, населенных белыми народами. У них догосударственные воинские традиции гораздо сильнее и гораздо органичнее.

Так что в деле обороны страны и народа российская имперская армия показала себя неэффективной. В осуществлении территориальной экспансии тоже. Более того, как раз в деле территориальной экспансии ее действия можно сравнить с догосударственными народными вооруженными формированиями. И это сравнение просто убийственно для имперской военной модели по критерию «затраты — эффективность», разработанному, кстати сказать, именно для оценки военных программ.

Чем же особым отличалась эта армия и вообще имперская государственная военная политика? Чудовищными тратами ресурсов при ничтожестве полученных результатов. О том, что политические результаты несоизмеримо малы по сравнению с масштабом военных побед говорили и при Екатерине II, и при Александре I, и много позже. И так вплоть до наших дней.

Особенно тяжело это осознавать русскому человеку, знающему, какой ценой доставались эти победы. Известно замечание Меншикова Петру I по поводу больших потерь под Нарвой: «Ничего, государь, бабы еще нарожают». Однако не нарожали. Население России после Петра I сократилось на 20-25 %.

Известны колоссальные потери рекрутов во время войн с Турцией, которые вела

Екатерина II. Это были потери не боевые. Людей морили «в процессе сбора».

Делалось ли это нарочно? Возможно, нет, а возможно, да. На этот счет китайские имперские военные и политики были гораздо откровеннее. В эпоху Цинь, например, большие потери своих солдат были одной из целей военных кампаний. То, о чем в китайской империи говорилось открыто, тем не менее, свойственно любой империи. А признается это вслух или нет, не важно.

Не так ли «победоносный» Жуков бросал пехоту на минные поля, чтобы дать возможность пройти танкам. Хотя таких целей, как в империи Цинь, ему никто не ставил. Но напрашивается вывод, что аналогичные людоедские стереотипы по отношению к своим были просто вбиты в военный менталитет Российской империи. А СССР был прямым ее наследником, только под новой вывеской.

Если говорить обобщенно, то все недостатки военной политики, заложенные еще при Рюриковичах, были сохранены и в дальнейшем, вплоть до наших дней. Нарастал лишь масштаб негативных тенденций. Все результаты достигались в основном (исключения не в счет) за счет роста потерь. По стандартной имперской модели «единственного неограниченного ресурса государства — людей».

При этом военно-техническое развитие носило вынужденный, догоняющий характер. И всегда недооценивалось. Так, даже умнейший военный теоретик царской России генерал Драгомиров возражал против оружейных щитков. Они-де «поощряют трусость» у солдат.

Пожалуй, первым, кто по-настоящему оценил научно-технический фактор в войне, был «последний император» Сталин. Но об этом несколько позже.

Итак, подведем итоги оценки эффективности имперского нерусского государства в самой что ни на есть «государственной» сфере, в обороне:

1. Оборона осуществляется неэффективно, во всяком случае, не более эффективно, чем это делалось догосударственными структурами.
2. Цена этой обороны — существование государства, которое само наносит стране и народу ущерб, сравнимый с ущербом от действий тех, против кого ведутся военные действия.
3. Военная политика зачастую просто бессмысленна. Более того, вызывает ощущение, что нанесение ущерба самому русскому народу составляет ее главную цель.
4. Оборона не может обойтись без привлечения догосударственных форм военной организации народа.

5. Более того, наиболее конструктивные цели военной политики — территориальная экспансия и некие аналоги колониальных захватов — осуществляются в основном иррегулярными, догосударственными структурами вооруженного народа.

Именно в деле обороны страны и русского народа имперское государство показывает свою поразительно низкую результативность.

Весьма показательны, что наиболее масштабные победы последних двух столетий были достигнуты в войнах, получивших название Отечественных. То есть в войнах, где государство расписывается в собственной профессиональной беспомощности и призывает на помощь народ, давая ему некие подачки морального плана и некие обещания, которые потом не выполняет.

Закономерен вопрос: а нужна ли русскому народу такая, с позволения сказать, «оборона»? А нужно ли ему такое государство вообще?

5. К вопросу об экспансии. Кстати о нефти Центральной России

Имперская тема не обходится без обсуждения вопроса об экспансии. Защитники идеи имперской модели Российского государства постоянно педалируют вопрос о скудости ресурсов и суровости условий в Центре России. Ну никак не может просуществовать такой центр без различных бросков на юг или на запад.

Действительно, климатические условия Центра России более суровые, чем в Европе. Современная экономика России более энергоемка на единицу аналогичной продукции, чем экономика развитых стран Европы, на 20-30 %.

Но ведь и внутренние цены на энергоносители в России ниже мировых более чем в 2 раза!

Так что одной суровостью климата нельзя объяснять столь уж запрограммированную скудость русской жизни. Ресурс жизнеобеспечения надо рассматривать в комплексе.

Напомним, что в начале железного века именно Центральная и Западная Россия были наиболее благоприятны для того, чтобы сделать первый шаг в освоении железа. Следы одного из самых ранних производств железа находят как раз во Владимирской области.

Это ли не свидетельство, наоборот, аномально благоприятных условий для развития в те времена. Да и после имели место очень благоприятные сочетания условий для экономики как раз регионов, называемых ныне российской глубинкой.

В частности, наличие больших площадей лесных угодий, в то время как в

Западной Европе леса были почти повсеместно сведены, в России не было дефицита деловой древесины и дров. В период между «лесным кризисом» в Европе и началом «революции угля» на Западе горячая пища считалась привилегией знати. Простонародье ело пищу холодную. Отсюда такая богатая культура различных салатов и холодных блюд в Европе. И мылось европейское простонародье редко, в основном прохладной водой.

Не было топлива для приготовления горячих блюд и теплой воды для мытья. А в России в те времена с этим проблем не было. Следовательно, простые русские люди, каждый день евшие горячие щи и кашу и еженедельно парившиеся в бане, по этому критерию жили как европейская знать.

Это ли не парадокс «изначально нищей» России?

А знаменитый вопрос о русских дорогах? Да, зимний период, осенняя и весенняя распутица сильно осложняют перевозки грузов колесным транспортом. Но, если перевозить зимой грузы на санях, в том числе по замерзшим рекам, а летом водным путем по тем же многочисленным рекам, то окажется, что в России затраты на перевозку тонно-километра грузов будет ниже, чем того же тонно-километра гужевым колесным транспортом в Европе.

Кроме того, реки не надо прокладывать, как дороги. И это тоже снижает затраты на перевозку. Таким образом, транспортная связность территории России при тех транспортных технологиях была выше, чем в Европе. Где, кстати, вся зима была аналогично нашей осени, и телеги увязали в грязи по оси. Кроме того, большая часть Западной и Центральной Европы занимают среднегорья, что тоже не способствует эксплуатации колесного транспорта на дорогах с большим перепадом высот.

Так что и по этому критерию территория России была отнюдь не такой уж «бесперспективной» для хозяйственного использования. И одно время даже превосходила Европу.

Разумеется, все меняется. И когда колесные транспортные технологии сделали рывок вперед, а в России стали все в большей мере копировать Запад, тогда и вылезли те природно-обусловленные проблемы, которые позволяют говорить сейчас о России как о стране с аномально плохими дорогами.

Но не надо нынешние оценки распространять в прошлое и будущее. Технологии меняются. И в транспорте тоже.

Как видим, Центр России отнюдь не «самое гиблое место всех времен народов», как это пытаются представить некоторые. Более того, север вообще не противоречит цивилизованности и зажиточности. В той же России крестьяне наиболее зажиточно жили в Архангельской области. На самом, казалось бы, крайнем севере Европейской России. Курьезно, но в музее деревянного

зодчества под Архангельском в советские времена иногда экскурсоводам давали указание, рассказывая о простых крестьянских избах поморов, говорить, что это «боярские терема» времен Великого Новгорода.

Так богато, как дворцы и сказочные терема, смотрелись эти поморские избы XVIII-XIX веков на взгляд советских крестьян и пролетариев из-под Воронежа или Кременчуга. Крестьяне, по мнению советской пропаганды, «не могли» так жить «при царе».

Советская пропаганда не понимала, что поморы как раз жили «не совсем при царе». Они забрались от имперского государственного монстра на север, где этот монстр отчасти оставил их в покое. А без настырной опеки российского государства русский человек может жить на суровом Севере лучше, чем с такой опекой на самом благодатном Юге.

Так что не нужна была русскому человеку имперская экспансия. Не нужна для жизни. Ему всего было достаточно в России. Ибо сказал еще древний автор: «Красным красна и украсно украшена земля Русская». А что приобрел русский человек, то в основном, как мы сказали выше, без помощи государства. Приобрел сам на Севере и Востоке.

Но князья и цари, построившие на исконно арийских землях империю по семитским моделям, сначала сделали все, чтобы центр России оскудел. А потом «осчастливили» народ экспансией. Характерно, но их советские и нынешние, «россиянские» наследники уже обглаживают те регионы на севере и востоке страны, которые русский народ завоевал себе сам.

Это напоминает ситуацию, когда некто изведет законную хорошую жену, а потом дает мужу пятак на дешевую проститутку. И еще требует за это благодарности.

Но это противно русскому духу. «Чужого не возьмем, своего не упустим». Это идеал. К сожалению, упустили. Но «еще не вечер».

И в этой связи стоит сказать об одной, уже современной проблеме. По некоторым данным в Центральной России, на территории от Вологды до Рязани, возможны большие запасы нефти. По скромным оценкам — не менее миллиарда тонн, по оптимистическим — не менее 3,5 миллиарда.

Разумеется, все это требует еще очень детальной проверки. И вполне может оказаться ошибкой. Хотя новые теории о происхождении нефти вполне допускают возможность ее наличия в Центральной России. Более того, в Ярославской и на границе Московской и Рязанской областей уже найдены первые месторождения нефти.

Если все же нефть здесь найдут, никто не будет иметь права сказать, что

Центральная Россия скудна природными ресурсами. И ими по праву будет распоряжаться только русский народ. Возможно, делегировав оперативное управление этим богатством местным и региональным лидерам. А если для того, чтобы защитить свое национальное богатство от посягательств колониальной кремлевской администрации, придется «радикально реконструировать», наконец, построенную по семитским лекалам Россию, русский народ на это пойдет. Нам так кажется. Хотя, возможно, мы и ошибаемся в своих прогнозах.

Однако, если наши предположения верны, Москву ждет участь Рима, взятого вандалами.

Тогда было бы необходимо взять под охрану МГУ, МВТУ, МАИ, МИФИ, Первый и Второй мединституты и еще ряд вузов и научных центров. Остальное, увы, скорее всего, будет отдано волне народного гнева. Впрочем, Русской цивилизации от этого не убудет.

6. Государство и религия. Боги свои и чужие

Первым Рюриковичам потребовалось не так уж много времени, чтобы захватить всю Русь. Однако полностью подчинить себе население и территорию они не смогли. Степень эксплуатации народных масс и природных ресурсов в интересах захватчиков была еще низка.

Весьма показательна в этом плане судьба князя Игоря. Он «забыл» тогдашнее еще полурыцарское правило, гласящее, что князь и дружина только кормятся со своих земель, а богатеют от разорения чужих. Кстати, отступление от этого правила одного из первых Рюриковичей весьма показательно. Это демонстрирует истинные, далеко идущие цели династии в отношении народа.

По легенде Игорь погиб, собирая «сверхплановую» дань с древлян. Княгиня Ольга якобы отомстила за смерть мужа. Но не это главное. Вдовица быстро поняла, что голым насилием полного покорения страны не добиться.

И тут же в полном соответствии с теорией гегемонии начала религиозные искания. По официальной легенде она сразу приняла православное христианство. Однако в последние годы появляются все больше свидетельств, что исходно Ольга приняла католичество. И более того, достаточно интенсивно начала его распространение на Руси.

В самом деле, порядок месяцев в русском календаре православный. Но их название и нумерация соответствуют католической римской традиции. «Октябрь», например, — это в переводе восьмой, как в те времена в Риме, а не десятый, как у нас, месяц.

Впрочем, это только одно соображение. У современных авторов их много, и мы

не будем их повторять.

Мы склонны поверить в правдоподобность такой версии. Все же католичество в большей степени отвечает менталитету арийской варяжской дружины. Оно дальше от откровенного семитизма православия.

Говоря о семитизме православия, не стоит переоценивать его длительную борьбу с «ересью жидовствующих» (это не наше выражение, а официальный православный термин). Значит, было с чем бороться. Значит, изначально вместе с православием было занесено довольно много откровенно семитской заразы. Кстати, на «ветхозаветность» православия всегда указывали католики в своих дискуссиях с ним.

Не надо кивать и на ветхозаветный уклон в протестантизме. Напомним, что многие самые первые предтечи протестантизма, тот же Ян Гус, критиковали католицизм, в том числе апеллируя к авторитету как раз православия. К авторитету все той же ветхозаветности.

Ниже мы еще напомним, какую долю в православных богослужениях занимают именно ветхозаветные темы. Но дело даже не в этих деталях. Православие, несомненно, ближе имперской модели. Это признают все. А корень семитского духа лежит именно в этой модели. А не в деталях идеологического или обрядового оформления религии.

Итак, княгиня Ольга не смогла довести дело до конца. Вполне правдоподобно выглядит предположение, что на территории Руси началась тайная война агентуры влияния православных против агентуры влияния католиков. Именно православные попытались перехватить начатую католиками христианизацию Руси, пользуясь своей территориальной близостью к ней. Это противостояние настолько истощило обе стороны, что сын Ольги Святослав, поддержанный арийским жречеством и дружиной, прекратил процесс христианизации Руси, сказав свое знаменитое: «Вера христианска уродство есть».

В итоге Ольга обратилась за поддержкой к тем, кто оказался ближе, к византийцам. Приняла православие (повторно крестилась). И попыталась взять реванш уже с византийской помощью. Но потерпела поражение во внутреннем противостоянии.

А Святослав стал заклятым врагом Византии. Вероятно, в Святославе было что-то от истинного рыцаря. Он, в отличие от своего отца Игоря, понимал, что «князь кормится от своего народа, а богатеет за счет народа другого». Святослав разгромил остатки Хазарии. Разумеется, не из альтруизма к русским, а согласно все той же логике нормального князя, не испорченного семитским влиянием. Ибо в Хазарии было чего брать.

Потом настал черед Византии. На этом проекте Святослав сломался.

Совершенно нелепой в глазах современного политика, военного или спецслужбиста выглядит официальная версия гибели Святослава, будто он отправил часть дружины в Киев, сам пошел с малой дружиной, попал в засаду и был убит.

Очевидно, что Святослава элементарно «сдали» многие его недоброжелатели в элитных группировках Киева. И можно однозначно сказать, в каких именно. Разумеется, в православных группировках, связанных с последним крещением Ольги в Константинополе, которые были в наибольшей степени ущемлены Святославом.

Кстати, имеются данные, что перед возвращением в Киев Святослав пытался устроить чистку своего войска именно от православных, которых подозревал в предательстве. Видимо, «не дочистил». За что и поплатился.

Однако сразу захватить власть православному лобби не удалось. Началась череда междоусобиц, которые не способствовали поиску новой идеологической модели.

Сын Святослава Владимир, победивший в этих междоусобицах, недолго экспериментировал с традиционными языческими культурами. Понял, что они не соответствуют интересам власти, и принял решение крестить Русь. Причем крестить по самому ортодоксальному, про имперскому православному обряду, наиболее близкому исходному менталитету семитской Первой империи и наиболее соответствующему стремлению к абсолютной власти.

О перипетиях крещения Руси сказано много. А в последние годы особенно много. Теперь совершенно ясно, что крещение было насильственным и кровавым. Именно оно стало завершающим этапом завоевания Руси.

При этом важно даже не то, что Русь крестили. Важно то, что уничтожили старое языческое жречество. Народ лишился последней опоры в сопротивлении государственному гнету. Однако есть мнение, что за это русские получили некую «культуру».

Да, получили. Это была, широко говоря, культура православия. Но именно в рамках становления этой культурной традиции государство безжалостно уничтожало независимую народную культуру. Искусство скоморохов, народные песни и пляски, народные праздники, которые не смогли быть ассимилированы государственной культурой, преследовались.

Кстати, не только народное искусство искоренялось. Мы недоумевали, почему в России не оказалось народных школ единоборств. А оказалось, что они были, однако, вместе с песнями и плясками, вместе со скоморохами изведены и кулачный бой, и славяно-горицкая борьба. Сейчас они по крохам восстанавливаются энтузиастами.

В этой связи интересно отметить, что именно наступательный, победный дух, не имея национальной культурной окраски, обязательно реализуется в иноземных формах. Невозможно воспитать полноценного воина, предпринимателя, землепроходца, если нет соответствующего идеала. А если в национальной культуре, придавленной государством, «прописались» только униженные и оскорбленные? Русские мальчишки именно благодаря многовековым стараниям «православных государственников» могут учиться идеалам доблести и рыцарства у героев Дюма, Джека Лондона и Стивенсона, а укреплять свои мускулы в японских и китайских единоборствах. Таким образом, исподволь нарастает отчуждение наиболее энергичной части нации от культуры, **считающейся** национальной, а значит и от нации вообще.

А ведь были у нас и доблестные, веселые и удачливые воины, и мастера русского рукопашного боя. Однако сверхсильному государству нужно слабое, послушное в своей массе население. Поэтому о своих «мушкетерах» лучше забыть, а за образец взять чужих. А то, что накопление подобных тенденций в долгосрочной перспективе дает полное отчуждение нации и от государства, и от культуры, церковную бюрократию в данный момент не волнует.

Обязательно ли именно такое поведение правящей верхушки к культуре своего народа? Отнюдь. В Англии, например, кулачный бой стал основой современного бокса, английская народная баллада стала «международным эталоном». Иными словами, если исторически складывается ситуация, когда именно народные «низовые» искусство, спорт, бытовые традиции поощряются или хотя бы не преследуются государством, они развиваются и, отшлифовываясь профессионалами, становятся стандартами мировой культуры.

Таким образом, именно православию русский народ обязан тем, что у него нет положительной альтернативы западному влиянию: или отказ от жизни, проповедь убогости, или культурные стереотипы католическо-протестантского Запада.

И народ уже в XX веке выбрал в итоге эти стереотипы. Выбрал активную жизнь. Но ведь культура — это механизм порабощения более эффективный, чем голое насилие! И русский народ попал сейчас под каток этого насилия.

Но не православие может быть спасением от этого катка. Ведь именно оно подготовило условия для его нынешнего успеха.

Можно возразить, что православие консолидировало народ на борьбу с иноземцами, грозившими геноцидом. Как оказывается, это, мягко говоря, преувеличение. В самом деле, наиболее яркий пример такого рода — это участие Сергия Радонежского в подготовке русских войск к Куликовской битве.

Как теперь выясняется, не столь уж активное было его участие. Более того, вначале он вообще советовал Дмитрию оказаться в стороне от ордынских

разборок. А потом присоединился к возобладавшему в элитных кругах мнению. Да и сама битва была именно выполнением вассального долга Дмитрия по обузданию узурпатора Мамаю. Долга перед той же Ордой.

Это напоминает ситуацию такого рода. Допустим, сейчас некий американский деятель узурпировал бы власть в США. После последних президентских выборов это представляется вполне возможным. И законный президент США попросил бы своего вассала Путина (или его аналога) помочь восстановить порядок в Орде (пардон, в США). Путин-Донской соглашаются. Узурпатор злится и идет мстить России. Атака отбита. Узурпатор терпит поражение. Законный президент восстановлен на троне и едет собирать дань с вассальной России.

Как вам такой сюжетец, читатель?

Но ведь события вокруг Куликова поля примерно такого же характера.

И молчать надо о роли кого бы то ни было в этой разборке, а не выпячивать свое участие в ней.

Однако, продолжим нашу тему. Подчеркнем, что православие не внесло ни одного значимого вклада в русскую цивилизацию. С ним не связано ни одно научно-техническое достижение. Мы не говорим о достижениях, сравнимых по масштабу с подвигом Сварога, но хотя бы что-то аналогичное научной деятельности католических монастырей, а потом католических университетов.

Ничего. Полная пустота. Только голое оболванивание. Голое холуйство перед интернациональной империей. Голое вытаптывание народной культуры. Без попыток дать хотя бы суррогатные альтернативы тому, что там было.

Симптоматично, что и в мистических технологиях православие весьма слабо. Оно явно проигрывает даже разгромленным остаткам арийского жречества в лице колдунов российской глубинки. Тех гораздо больше, чем православных чудотворцев.

Более того, даже в чисто религиозных откровениях православие весьма «застенчиво». Оно просто боится их. В Средневековье тех, кого посетили откровения, в России сразу посылали на дыбу. Не нужны православию откровения. Оно их даже не пытается приспособить к своим нуждам. Слишком слабо.

Не стоит думать, что, критикуя православие, автор является апологетом католицизма. Более того, католицизм сделал много вреда Руси. Именно католическое миссионерство помешало объединению Руси вокруг арийского по духу Литовского княжества, где 2/3 населения и большая часть элиты были русскими. Ведическое Русско-литовское княжество могло бы дать цивилизации

очень много. Но католикам наплевать на цивилизацию. Во имя сиюминутных выгод они фактически внесли раскол в элиту этого княжества, который в итоге привел и к его политическому краху.

Но именно поэтому слабость православия виднее как раз на фоне хоть каких-то достижений западных вариантов христианства. Хотя автор отвергает все варианты этой семитской религии.

Разумеется, православие — это не аналог первой, еще террористической религии Первой империи. И не аналог второй, «наркотической». Православие — это вариант третьей попытки построить религиозные механизмы достижения гегемонии. Вариант, смягчающий не только пережесты первых религиозных моделей, но и пытающийся смягчить само государство.

Этакий стабилизатор, не дающий государству-людоеду обожраться и потом умереть от заворота кишок.

И в этой ипостаси оно часто видится внешнему наблюдателю чуть ли не «утешителем» и «усмирителем» государственного террора. Но видеть эти моменты и не видеть то, что за всем этим стоит, значит за деревьями не видеть леса. Православие сначала делает все, чтобы эта государственная машина установилась и набрала обороты, а потом немного ее «успокаивает». Но успокаивает не из абстрактных соображений, а лишь для того, чтобы эту машину не разнесло.

Спасает одну жертву, чтобы дать возможность сохранившемуся людоеду завтра сожрать еще десять.

Такое вот «милосердие».

Завершая разбор данной темы, подчеркнем, что выделять отдельно роль православия в драме российской истории вообще некорректно. Православие — это неотъемлемая важнейшая часть российской государственной машины. Без этой машины оно не мыслимо. В 1917 году, например, как только было отменено обязательное присутствие солдат на богослужениях, посещаемость служб упала в разы. И это на фронте, где стрессы стимулируют поиск «защиты для души».

Так что если одобряем мы действия государственной машины в целом, тогда надо одобрить православие. Не одобряем, тогда надо порицать и православие.

Позиция автора ясна. Мы людоедскую семитскую модель российского государства считаем антирусской. А значит, нам чуждо и православие.

Остальное уже частности. И тем не менее, мы не можем не упомянуть многие яркие эмоционально доходчивые детали, которые сейчас педальруются

радикалами русского движения, увидевшими истинный смысл православия.

Так, например, в церковных службах около 3/4 времени посвящено молитвам и проповедям на темы Ветхого Завета. Сплошная семитская история. Сплошные Абрамы, Сары и Исааки (после этого некоторые смеют обвинять в семитизме протестантов!), и ни одного Ивана, не говоря уже о Вячеславах или Святославах.

Совершенно не русский в этническом отношении клир, начиная с самых первых священников и высших иерархов Киевской Руси и заканчивая нынешними.

Кстати, о роли православия в нынешней ситуации можно говорить много. Мы ограничимся только несколькими наиболее яркими моментами. Так, в самые гнусные времена первой половины 1990-х годов православная церковь активно включилась в уничтожение русского народа. Имея льготы по торговле алкоголем и сигаретами, церковь интенсивно обогащалась, завозя в Россию отраву типа небезызвестного спирта «Роял».

В последующем даже официальные СМИ признавали, что в начале 1990-х в Россию поставлялись в основном вредные для здоровья суррогаты. И они сыграли двоякую роль, во-первых, элементарно отравляя русское население, и во-вторых, способствуя быстрому привыканию к алкоголю (гораздо более быстрому, нежели при приеме качественных напитков).

Вот в таких «проектах» уничтожения нашего народа православная церковь проявила активность, лицемерно взывая к «возрождению нравственности». Именно на эти «пьяные» деньги в 1990-е годы были отстроены или отреставрированы многочисленные православные храмы.

Но, более того, церковь участвовала не только в удушении народа, но и в удушении якобы «любимого» ею государства. Так, при возвращении церкви ее имущества, было уничтожено много исследовательских структур, обеспечивающих оборону государства. Первоначально такие структуры просто выкидывались на улицу из отдаваемых церкви зданий, а потом «за неимением места» расформировывались. Именно так распались несколько уникальных центров, причастных к обеспечению ядерной безопасности России.

Курьезно, но эта ситуация помогла многим понять, почему православная церковь не пострадала при татарском иге. Потому и не пострадала, что также сотрудничала с оккупантами и коллаборационистами, как в начале 1990-х годов сотрудничала с агентами влияния стратегических противников России.

Это реальные дела православной церкви в последние годы. На фоне этих дел совершенно ничтожными выглядят «патриотические» декларации ее отдельных иерархов. Эти декларации по сути не более чем дымовая завеса для неблагоприятных дел.

Дел, которые вредят русской нации сегодня так же, как и в прошлом.

Нет, не русский это проект.

Однако не о судьбах православия и его заказчика государства-копии семитской Первой империи надо думать нам. Надо думать, почему в свое время проиграли наши Боги? Почему оставили нас своей милостью? Почему так долго нет второго Сварога?

Обо всем этом мы еще поговорим ниже. Однако здесь, несколько забегаая вперед, лишь заметим, что Боги не помогают тем, кто их предает или забывает.

В свое время наши предки на какое-то время слишком уж ушли в быт. Забыли богов и забыли их жрецов. Забыли, что самим правом жить не в рабстве обязаны Сварогу. Поэтому и жрецы не возражали против вроде бы расово родственных Рюриковичей. А когда увидели, как сильно ошибались, было уже поздно.

Жрецы в итоге тоже оказались не на высоте.

Ибо Боги даруют озарение в решении реальных проблем, а также масштабных проблем бытия. Решения проблем людских взаимоотношений — не Божье дело. Эти решения должны находить сами люди.

И если уж жрецы не могут этого сделать, то не будет спущено им и прорывных решений более сложных задач.

Устройтесь сами по совести, Люди.

И только тогда вам помогут ваши Боги.

7. «Зачем прощать тому, кто тверд в грехе»

Название этого раздела взято из Шекспира. Нераскаявшийся злодей не просит прощения. Даже в крушении своих планов он трагедийно тверд.

Мы хотим продемонстрировать читателю, что, несмотря на многие перипетии, на крушения и чудесные воскрешения, на смену имен и оформление новых квазирелигий, Российское государство осталось все тем же. Пусть с переломанными частями своей машины, пусть лишившись многих провинций, оно остается все тем же.

Даже после Октября 1917-го и после августа 1991-го.

Но до этих дней от времен Рюрика надо было еще дожить. И государство дожило, всегда находя способы для сверхэксплуатации русского народа. О временах крепостного рабства в данном контексте говорили многие: от

Радищева до большевиков. Большую часть населения России составляли крестьяне, и их эксплуатировали нещадно. Крестьянский труд был основой процветания людоедского государства при нищающем народе и жирующей элите.

Сначала крестьянин по 5-6 дней в страдную пору работал на барщине. И только 1-2 дня на себя. При этом еще платил налоги и поставлял в армию рекрутов. Государство в данном случае выступало как прямой паразит и неприкрытый насильник, ничего не давая взамен.

И это было не просто эксплуатацией. Это было настоящим геноцидом. В итоге к началу XIX века естественный прирост крепостного русского населения был крайне низок, а к середине века стал отрицательным. Русская крепостная деревня вымирала. Весь объем русского демографического взрыва XIX века обеспечивался казачьими областями, Сибирью и Новороссией, где крепостное крестьянство отсутствовало либо его доля в составе населения была невелика, а помещичье-бюрократический гнет был не столь свиреп. Кстати, именно поэтому к середине XIX века крепостные уже не были большинством населения России, потому что просто повымирали.

В итоге крепостнический строй одряхлел до предела. Россия потерпела поражение от развитых держав в Крымской войне. И по тайному приложению к мирному договору обязалась отменить крепостное право. Но при этом власти умудрились сделать это так, что все осталось по-прежнему в главном.

В самом деле, в Воронежской губернии средняя арендная плата в 1904 году за одну десятину составляла 16,8 рублей в год, а доходность десятины была 5,3 рубля. Это означает, что крестьянское хозяйство было «более эффективное, чем капиталистическое, фермерское», как пытаются представить это иные «традиционалисты»? Да нет же. Просто капиталист никогда не будет так рвать жилы, как крестьянин.

И не будет отдавать деньги, превышающие прибыль (доход). А крестьянин, вроде бы формально свободный, а на самом деле все так же привязанный все системой хозяйства к земле, вынужден отдавать необходимое для воспроизводства и вымирать от непосильного труда.

По существу, это все тот же рабский, крепостной труд. И ни о какой «повышенной эффективности» речи не идет. Можно говорить лишь о повышенной эксплуатации. В концлагере подсчитанная таким же образом «эффективность» труда была бы еще больше.

И крестьянин, наконец-то, плюнул на эту империю. Грянул 1917 год. Вроде бы сменилось все, что только можно. АН нет. После примитивных попыток вернуть рабство в рамках модели военного коммунизма строители семитской империи наконец-то нашли адекватную новым условиям модель эксплуатации человека.

Грянула коллективизация.

И если в 1925 году загруженность крестьянина была 92 дня в году, то в 1932 году стала 148 дней, а 1940 году — 254 дня. Можно подумать, что в 1925 году крестьянин «балдел»! Нет, просто он работал не на износ. И в русских деревнях было тогда по 5-7 детей.

Но новый вариант все той же семитской империи нашел способ снова эксплуатировать людей на износ. И число детей в деревенских (мы сейчас не говорим о городе) семьях сократилось до 1-2.

Причем, все это касается, прежде всего, русских людей. Так, в Советском Союзе при проведении коллективизации в русских областях раскулачиванию безоговорочно подвергались хозяйства размером более 5 гектаров или имеющие в распоряжении трех и более лошадей.

Вместе с тем в Советском Союзе, в Грузии размер только **личных** приусадебных участков вплоть до 1990-х годов составлял до 5 гектаров, а особое разрешение требовалось только при превышении этого размера (что, однако, бывало нередко). А в Татарии и республиках Северного Кавказа в **личном семейном** хозяйстве разрешалось держать лошадей, количество которых нередко превышало три.

Все это не могло не сказаться на демографических процессах. Демографический потенциал республик бывшего СССР после революции, основной жертвой которой стал русский народ, стремительно рос. Так, например, русское население за годы советской власти возросло всего лишь в полтора раза, в то время как население республик Средней Азии и Закавказья в 2-4 раза. Русские в СССР пережили в чем-то аналогичную с крепостными в царской России (тоже русскими, кстати) демографическую ситуацию. Их опять стало только около половины. Но при этом не было тех аналогов «не крепостных» русских областей, которые обеспечили русский демографический взрыв XIX века.

Итогом такой ситуации не могло не стать усиление давления азиатско-кавказских элементов в союзной элите. А она, в свою очередь, все активнее перераспределяла средства в указанные регионы. В качестве примера вспомним хотя бы незабвенного замминистра водного хозяйства Полад-Заде, под руководством которого перекачали из бюджета России около 150 миллиардов рублей (это в ценах 1980 года) в Среднюю Азию и Закавказье.

Но вот высосав все, что можно из русского народа, СССР рухнул.

И что же?

Дотации России азиатско-кавказским паразитам продолжают. В самом трудном переходном 1992 году они составили 45 миллиардов долларов и

обусловили 72% гайдаровской гиперинфляции. Потребление в бывших республиках СССР в 1992-1994 годах более чем на 30%, обеспечивалось безвозмездной российской помощью.

И это в то время, когда русский народ буквально вымирал от непосильных стрессов. Так, за 1993 год средняя продолжительность жизни в России сократилась с 69 до 64 лет, рождаемость упала до величин, характерных для самого трудного периода войны (в 1942-1943 годах).

Что же за мерзость такая это российское государство? Почему оно постоянно, в любых ипостасях ведет войну с русским народом? Почему оно благодетельствует всякой нерусской мрази? Не пора ли русскому народу понять, что именно этот монстр является главной причиной его бед. Не пора ли прервать существование этой «твердой в грехе» копии семитской Первой империи.

Но при этом народ должен рассчитывать только на себя. Нельзя надеяться на структуры того же государства. Например, на армию, которая перемалывает остатки национальных резервов в бессмысленных авантюрах. И продолжает калечить прежде всего свой собственный народ.

И при этом тоже «тверда в грехе». Простой пример. Некий чин везет подмосковных призывников в Забайкалье. И заявляет в телекамеру, что мест в вагонах на всех нет. Ничего, это будет началом «воинской закалки». Спать и сидеть по очереди, как в карцере.

Самодовольный ублюдок. Это не закалка, это издевательство над людьми, недопустимое ни в одной армии белой страны. Для сравнения, даже на фронте немецкий солдат имел индивидуальную железную койку и постельные принадлежности. А русский солдат не имеет своей койки в вагоне на долгом пути из Москвы в Забайкалье в мирное время.

В этом отличие армии белого государства от антинациональной армии государства древнесемитского образца.

Прекрасно сказал по этому поводу последний рыцарь, покойный генерал Рохлин: «Не можешь накормить, не призывай». Между тем призывают, обеспечивая финансирование питания только на 40 % (данные середины 1990-х годов). Мы уверены, однако, что будет вполне корректно понимать эту емкую формулировку генерала Рохлина широко. Не можешь обеспечить всем необходимым, не ставь под ружье, не делай из человека пушечное мясо.

А мыслящий иначе деятель в погонах пусть не надеется, что кто-то заступится за него и его поганую антирусскую армию, когда ему не выплатят зарплату, отключат электричество или вообще его армию сократят до нуля. Так ему и надо. Пусть идет охранять ларьки. На большее он не способен.

Русскому народу не нужна такая армия. Не нужна ни одна государственная структура, которая «тверда в грехе».

Нет им прощения. Никому.

Тем более, что они его и не просят.

8. Последний император. Слово о Сталине

Прочитав предыдущие разделы данной главы, где весьма нелицеприятно характеризуется российское и советское государство, читатель ждет, что автор наверняка использует фигуру Сталина для того, чтобы лишний раз подтвердить свои тезисы, приведя массу соответствующих фактов, столь щедро введенных в оборот в последние годы.

Эти ожидания вполне понятны. Но автор назвал бы подобные взгляды «арифметическими». Поясню свою мысль. В свое время, учась на Механико-математическом факультете МГУ, автор немало удивился, услышав от одного из своих преподавателей следующую мысль: «Не путайте высшую математику с арифметикой. Высшая математика, как правило, не дает конкретного решения. Математика в первую очередь показывает, существует ли в принципе решение данной задачи или нет. Математика оценивает верхнюю и нижнюю границу данного решения и т. д. Иными словами, математика, вопреки обывательскому мнению, — это, в первую очередь, не наука «о цифрах», а наука об оценках, наука находить решение в произвольном случае в максимально широком диапазоне условий».

Да простят меня коллеги за цитату столь «лирического» характера, тем более содержащую много, говоря математическим языком, «некорректностей». Но она глубоко верна по сути. Можно сказать, что исходно неустойчива система, если ее существование зависит от параметров, малое изменение которых влечет ее гибель. Более того, таких систем в природе практически нет.

Аналогично неверно решение сложной проблемы, если это решение качественно изменится, если несколько изменятся численные оценки исходной информации.

Поэтому зачастую, если спор начинается вестись вокруг точности неких цифр, можно смело утверждать, что сама по себе задача поставлена неправильно. В политике и политологии это означает, что обывательская «арифметика» стремится заменить собой «высшую математику».

Проиллюстрируем наш математический подход совершенно конкретной ситуацией. В настоящее время в политизированной прессе и в книгах идет горячая полемика о том, кем был маршал Жуков — автором Победы в великой войне либо «мясником», который играл роль «погонялы и толкача».

В этой полемике сторонники различных точек зрения приводят разные цифры. И, разумеется, ловят друг друга на ошибках, неточностях, передержках и умолчаниях. Чем больше цифр, тем больше возможностей для их опровержения. Одна неверная цифра в подобной ситуации часто ставит под сомнение правомерность выводов иной книги.

Это типично «арифметический» подход. Между тем, можно было бы задать минимум вопросов, чтобы оценить такое явление, как «жуковский стиль» военного руководства, да собственно, и любой другой стиль любого другого военного деятеля.

Вопрос первый. Действительно ли во всех своих кампаниях некий генерал имел больше сил и средств, чем противник? Для начала не важно, насколько больше: на 20% или в 5 раз.

Вопрос второй. Действительно ли потери войск некоего генерала всегда были больше потерь противника? И опять же не столь важно, насколько.

Вопрос третий. А как оценивается деятельность других полководцев, соотечественников и современников данного генерала по тем же критериям?

При этом стоит для начала взять цифры, которые приводят как раз сторонники и апологеты данного генерала. Если мы увидим, что даже по данным поклонников рассматриваемого деятеля, он всегда имел преимущество перед противником и нес потери, большие чем противник, то мы скажем: «Нет, не Бонапарт. Такие пятикратно превосходящего противника, как Наполеон при Аустерлице, не разгромят».

Однако если качественные оценки деятельности всех других товарищей данного генерала аналогичны, то мы скажем: «Ба, да они там все такие».

И не нужно дальнейшее уточнение цифр. «Такой хоккей нам не нужен», — как шутя говорили в СССР.

Причем же здесь Сталин? — спросит иной читатель. А вот при чем. Существует точка зрения, на которой сейчас сходятся многие совершенно разные по взглядам деятели (такие как ультралевый патриот Юрий Мухин и предатель СССР Виктор Резун, литературный псевдоним которого Суворов). Она состоит в том, что все армейское руководство СССР времен Великой Отечественной войны было глубоко бездарно.

И эта точка зрения, если взять за основу современный критерий «затраты — эффективность», весьма обоснована. В такой ситуации вклад руководства страны в Победу заключается в умении организовать подготовку резервов, в решении все той же архетипической государственной задачи **мобилизовать и концентрировать ресурсы**.

А как раз это Сталин сделал блестяще. И чем ниже мы оценим высшее военное руководство страны, тем выше мы должны оценить Сталина.

Так же блестяще реализовывал он и все другие проекты, за которые брался. Он умел в любой ситуации мобилизовывать и концентрировать ресурсы. А именно это отличает государственного деятеля. Ибо основная миссия государства, как мы показали выше — мобилизовывать и концентрировать. Для этого и создавалась данная структура безотносительно страны и специфики той идеологии, которая принята в данное время и в данной стране для оболванивания населения.

Однако напомним, что единственным оправданием людоедской государственной машины вообще является применение сконцентрированных ресурсов на нужды развития или на нужды выживания страны в случае внешней угрозы. С выживанием все ясно. Сталин направлял сконцентрированные ресурсы на военные нужды.

Но и цивилизационное развитие было в числе приоритетов Сталина. Здесь не надо никого особо убеждать. И электрификация, и индустриализация, и культурная революция, и ядерная программа, и аэрокосмическая программа — все это результат работы страны под руководством Сталина.

Напомним, как высок был при Сталине статус учителя и вузовского преподавателя. Напомним, что даже в гуглаговском рабстве инженеры и ученые пользовались особым статусом в т. н. «шарашках». Да, свобода лучше неволи, но в данном случае мы рассматриваем **относительные** оценки статуса тех или иных профессиональных групп. И если «сидели все», то надо признать, что физики, авиаконструкторы и математики «сидели в гораздо лучших условиях».

Да, при Сталине статус ученых и технократов был высок. При Сталине (на рубеже 1940-х и 1950-х годов) доктор наук получал около 10 тысяч рублей в месяц, в то время как средний рабочий получал около тысячи, а рабочий квалифицированный не больше 3 тысяч рублей. Примерно столько же, сколько средний рабочий, получал милиционер.

Сейчас все изменилось. Реальная зарплата (с учетом почти узаконенных взяток) любого «правоохранителя» не меньше тысячи долларов в месяц. Рабочий в Москве может получать до 300-400 долларов. А доктор наук получает... меньше 100 долларов в месяц.

Как говорится, «почувствуйте разницу».

Как лучший памятник цивилизационным усилиям Сталина высится на Ленинских горах новое здание МГУ, настоящего храма науки. Храма, оставшегося таковым даже в наше гнусное бессмысленное время.

Мы не будем далее иллюстрировать нашу мысль. Все ясно без лишних слов.

Однако наш потенциальный оппонент может возразить нам следующее. При Сталине отнюдь не все средства, выжатые из народа, шли на оборону, науку и технический прогресс, были совершенно бессмысленные затраты на различные политиканские проекты. А в научно-технической политике были именно Сталиным сделаны серьезнейшие ошибки. Само по себе государственное давление на народ было «излишним», те же результаты можно было бы получить и несколько более мягкими мерами.

Все сказанное уважаемым оппонентом правда. Но не вся правда. Да, было и бессмысленное политиканство, и стремление «откусить больше, чем можно проглотить». В качестве примера можно привести то же присоединение Западной Украины. Действительно, не было бы «западеньской» проблемы, может быть, Украина не в такой мере была бы потом захвачена самостийностью, которая инициировалась, прежде всего, из ее западных областей. А осталась Украина в СССР, может быть, и сам Союз был бы цел.

В этом вопросе Сталин, вроде бы, не предвидел явной угрозы или, во всяком случае, проблемы. Но ведь есть и примеры иного толка. Например, совсем недавно достоянием публики стали свидетельства о том, что именно Сталин противился авантюристическим попыткам советизировать Грецию. В то время как на этом настаивал один из будущих «коммунистов с западным обликом» Тито. А еще раньше, в 1920-м году, Сталин весьма осторожно относился к идее завоевать Польшу.

Аналогичным образом Сталин не стал бороться за иранский Азербайджан после войны.

Так что при ближайшем рассмотрении Сталин оказывается довольно умеренным экспансионистом. Он не швыряет деньги на советизацию Греции и иранского Азербайджана, а тратит их на ядерную и ракетную программы.

Что касается ошибок в научной политике, недооценки кибернетики и генетики, то и здесь не все так уж однозначно. Не вдаваясь в детали, отметим, что Сталин в итоге поддержал мнение, вначале победившее **в самом научном сообществе**. Его личная роль в этих ошибках, как минимум, преувеличена. Как, впрочем, преувеличены и сами ошибки в научной политике.

Этот вопрос очень интересен и заслуживает отдельного рассмотрения. Но он выходит далеко за рамки нашей книги. Поэтому ограничимся лишь краткой репликой на этот счет.

Даже если принять мнение противников научной политики СССР конца 1940-х годов, все же придется признать, что соответствующие силы в самом научном сообществе не сумели отстоять своих убеждений. При всем уважении к

профессионализму и личному мужеству ряда генетиков и кибернетиков той поры, стоит напомнить, что их собратья по научному цеху, физики и ракетчики, сумели доказать руководству страны все то, что было нужно для выработки адекватной научной политики в этих областях знания.

Если же говорить об «излишнем гнете», то надо набраться мужества называть вещи своими именами. Доказательством «излишеств» критикам Сталина служит в основном сравнение его практики с практикой его «тоталитарного коллеги» Гитлера. Да, фашисты были куда как гуманнее к **своему собственному народу**, чем сталинисты.

Но ведь и сравнивать по этому критерию Гитлера и Сталина нельзя. Гитлер строил **национальное государство** (хотя называл его империей). А Сталин строил новый вариант **классической империи** (хотя и не называл его так). Но дело не в названиях, а в сути.

И мы показали выше, в первой части нашей книги, что национальное государство **по определению** всегда будет гуманнее к собственному народу, чем классическая империя.

Но даже в этом вопросе сталинская практика не столь уж однозначна. Да, была потогонная изнурительная система эксплуатации трудовых ресурсов. Но в то же время были и определенные социальные достижения. Достаточно вспомнить, что именно при Сталине в стране был побежден туберкулез. Болезнь, лечение которой требует большой «возни» с каждым больным. И государственная медицина сталинской эпохи «возилась» с туберкулезниками не в пример лучше современного здравоохранения «свободной» от совести и ума полуколониальной России.

Все только что приведенные примеры говорят об одном.

В качестве фактического императора Сталин был далеко не самым отъявленным людоедом, каковыми являются **все государственники по самой своей сути**. Во всяком случае, теоретически рассуждая, мог бы быть и похуже.

В том же качестве императора Сталин по максимуму использовал возможности государственной машины для организации цивилизационного рывка России. Поэтому в корне неверны обвинения Сталина в том, что он якобы умел только завоевывать власть и удерживать ее. Отнюдь. Как раз Сталин умел **пользоваться** властью для решения конструктивных задач. А вот сумели бы пользоваться властью для чего-либо другого, кроме ее удержания, его противники — очень большой вопрос. Наше мнение состоит в том, что не сумели бы.

Поэтому можно утверждать, что все же ужасы сталинского режима есть в первую очередь ужасы имперского строительства как такового. По самой своей

сути эти ужасы сродни ужасам Древнего Египта, Ассирии, Вавилона и т. п. древних империй. При этом технический уровень XX века, с одной стороны, ограничивал государственное людоедство. Офицеров авиации нельзя пороть до полусмерти, как пороли пехотных и кавалерийских офицеров в Древнем Египте (провинившихся солдат, просто убивали). В противном случае летчики не смогут летать. Но, с другой стороны, прогресс давал и новые технические возможности для реализации программ имперского массового людоедства.

Так что с точки зрения «политической высшей математики» не Сталин лично виноват в том, что империя была людоедской. Все мерзости 1930-х-1940-х годов определяются выбранной политической моделью, имперской по своим системообразующим признакам.

Но имперский выбор был в итоге выбором большинства народа в результате Гражданской войны. Иные остряки называют любую гражданскую войну «вооруженным референдумом». И этот «черный» юмор весьма верно передает суть процесса.

Надо только заметить, что большинство «избирателей» в любом таком референдуме стремятся «воздержаться». Но от этого «выборы» не объявляются несостоявшимися.

Гражданская война в России 1918-1920 годов не была исключением. И не надо говорить о том, что ту или иную страну «поддерживали извне». В итоге оказывается, что поддерживали и тех, и этих. Причем на разных этапах и в разных эпизодах войны одна и та же внешняя сила поддерживала различные стороны конфликта. Та же Германия, поддержав большевиков в 1917-м, сама же чуть не свергла их власть в 1918 году.

Так что в первую очередь решал все же сам народ.

Как это ни странно, но ведь и белые не смогли выдвинуть альтернативы империи. Колчак отказался в 1919 году признать независимость Финляндии и тем сорвал ее вступление в войну против большевиков. Тем самым он спас режим Ленина—Троцкого—Свердлова, который тогда висел на волоске.

Деникин и Врангель повторили ту же ошибку в отношении поляков и петлюровцев.

Так что и Колчак, и Деникин, и Врангель в итоге хотели «единой и неделимой». Хотели все той же империи, но в несколько другом варианте. А в империях варианты один хуже другого. И, скорее всего, оппоненты и конкуренты Сталина построили бы, в случае своей победы, тоже империю. Но империю бессмысленную, как Ассирия. И, слава Богу, что победил именно Сталин.

Но тогда оказывается, что правы иные консервативные патриоты,

утверждающие, что как раз большевики предъявили народу наиболее жизнеспособный имперский проект. Однако эти патриоты даже не догадываются, насколько глубоко они правы. На свою беду. Ибо восхищаясь имперской реставрацией, они расписываются в своем пренебрежении русскими интересами.

Увы, «голосуя» за империю, народ в итоге сам выбрал свой путь. Но не стоит лицемерно «обвинять» народ. Крестьянская масса и не могла выбрать путь современного национального государства. Не могла, что называется, «физически». Путь национальной модернизации может выбрать только городской по преимуществу народ.

В этой ситуации Сталин сделал максимум того, что можно было сделать в рамках имперского проекта. И, кстати, сделал русский народ городским, чем и предопределил в итоге крах империи.

В высшей математике есть раздел, который называется «Методами оптимизации». Автор писал свою дипломную работу на Мехмате МГУ именно по этой специализации. Говоря популярно для непрофессионалов, методы оптимизации призваны находить решения, которые реализуют максимум того, что можно реализовать. Например, перевезти по железной дороге столько грузов, сколько физически позволяет ее пропускная способность, или построить мост, затратив минимум материалов.

Как правило, достичь такого оптимального решения очень трудно. Это очень редко удается на практике. Когда не было формальных методов оптимизации, чисто эмпирически к оптимальным инженерным решениям вообще приходили считанные единицы, которых недаром называли «мастерами», а то и «гениями».

Но никакой гений не сможет организовать перевозку грузов по однопутной дороге с интенсивностью, характерной для дороги четырехпутной. Аналогично нельзя построить мост, не затратив на него ни одного грамма железа и т. п.

Говоря шире, нельзя заставить птицу нырять, как кашалот, а рыбу подолгу парить в облаках. Врач должен лечить, ставить на ноги даже тяжело больных, телохранитель должен не допускать убийства охраняемого лица, а наемный убийца, наоборот, должен убивать тех, кого ему закажут.

Нельзя путать жанры и требовать от профессионального убийцы лечения.

Государственный деятель в самом непротиворечивом, чистом виде этого института, в империи, должен мобилизовывать и концентрировать. Если вам не нравится, как это делается, откажитесь от государственности как формы. В первую очередь, от имперского государства, построенного по семитским лекалам Первой империи. Видоизмените общественную организацию. Но не

надо пенять на того, кто идеально исполняет порученное ему дело.

Тем более, что это дело, как оказывается, поручили ему ваши же отцы и деды.

Сталин был, наверное, последним императором на Земле. И он был гениальным императором. Никто не смог бы **на его месте** сделать для России больше.

Больше и с гораздо меньшими потерями мог бы сделать для русской России не император, а строитель национального русского государства. Но в начале XX века ни народ, ни его идеологи, ни его неформальные руководители (корпус «авторитетов», как сказали бы мы сейчас, совмещая политологическую и уголовную терминологию) не ставили задачи построения русской России.

Поставили бы такую задачу, может быть, все вышло бы совсем по-другому. Но история не знает сослагательного наклонения.

И сейчас всем и каждому русскому человеку надо четко ответить для себя на один вопрос: «Готовы ли Вы к повторению режима Сталина **со всеми** его издержками?» Ибо в принципе не бывает империи без государственного людоедства. А Сталин был гениальным, но далеко не самым злым императором. И его империя была не самым мерзким примером этой модели общественной организации в истории человечества.

Если вы не хотите этого, то на ваш выбор предлагается только два варианта — колония Запада или русское национальное государство.

И не надо думать, что можно долго «отсиживаться» за паллиативными моделями застоя. Неважно, с Брежневым или с Путиным во главе.

Выбирать все равно придется. И мы уверены, что уже большинство русских людей выбирает свое национальное государство. Без ГУЛАГа, без инородческого правительства, будь то правительство Ленина (Бланка) или Гайдара, без приватизации по Чубайсу и без уничтожения ЖКХ по Касьянову.

9. Последний акт. Взгляд из 1993 года

Итак, никакой человеческий гений не может отменить (во всяком случае, пока это никому не удавалось) законы природы, в том числе природы больших систем. А согласно самой природе модели общественного устройства семитской Первой империи, она не могла жить без кризисов.

Каждый раз, вновь возрождаясь после очередного краха, она теряла многие свои черты. И, в конечном итоге, все же рухнула.

Будучи воссоздана на территории Руси, политическая модель Первой империи тоже постоянно подвергалась кризисам. Мы не рассматривали каждый такой

кризис по отдельности в нашей книге. Заметим лишь, что иногда, при стечении определенных обстоятельств и объективных, и субъективных, некий очередной вариант этой модели приобретал квазистабильный характер.

В этом случае можно было даже предположить, что эта ситуация «на века». Но это каждый раз являлось ошибкой. Чем стабильнее выглядела ситуация, тем большим кризисом она должна была завершиться. И рано или поздно, но один из таких кризисов должен был бы стать крахом империи.

По объективным обстоятельствам, этот крах должен был наступить еще в 1917 году. Однако империю удержали от развала обстоятельства субъективные. В итоге мир мог наблюдать чуть ли не буквальное воссоздание модели Первой империи в виде СССР. Гений Сталина максимально продлил эту, говоря медицинским языком, «ремиссию». Но ремиссия (временная стабилизация состояния больного) не может быть бесконечной.

Гибель империи была предрешена.

Брежневщина была ее агонией. А череда быстро умирающих его приемников — ее смертью.

Собственно приход Горбачева, по логике вещей, был приходом похоронной команды. На месте СССР должно было быть, наконец, создано русское национальное государство. В расширенном понимании, как союз всех славянских народов одного корня, или в узком, сугубо великорусском варианте.

Однако «покойный» был слишком огромен, да и многочисленные его грехи не пускали не то, что в рай, но и в ад. Поэтому труп все еще не погребен.

Надеемся, читателю понятно наше образное изложение. Просто в ином случае мы должны были бы затратить на те же тезисы гораздо больше места.

Тем не менее, русскому читателю в принципе небезынтересно было бы взглянуть на процесс естественного ухода империи более подробно. Ибо актуальность тех событий еще не выветрилась. Автор предлагает сделать это следующим образом. Мы взглянем на события из 1993 года, когда сами события были еще свежи. Наши оценки их носили конкретный, даже, можно сказать, приземленный, а не столь глобальный характер, как сейчас.

Итак, приглашаем читателя перечитать нашу статью «Третий путь», опубликованную в газете «Литературная Россия» 26 марта 1993 года:

«По ряду обстоятельств, как субъективного так и объективного характера, к началу 80-х годов в России создалась кризисная ситуация, основными моментами которой были:

1. Замедление научно-технического прогресса, моральный и физический износ оборудования в большинстве отраслей.
2. Отставание инфраструктуры при наращивании объемов производства.
3. Ресурсный кризис в связи с перемещением основного объема добывающих отраслей в труднодоступные районы.

Эти моменты ни для кого не являлись секретом, их обсуждали с начала 80-х годов в кругах экспертов и специалистов Госплана, ГКНТ, АН.

И выход, в общем, тоже ни для кого не был секретом. Надо было разрабатывать и внедрять энерго- и ресурсосберегающие технологии, всячески развивать инфраструктуру. Именно по этому пути шел Запад с начала 70-х годов.

Впрочем, не только Запад и не только в 70-х годах XX века. Нравится кому-то это или нет, но модернизация производства, вовлечение новых видов ресурсов, увеличение коэффициента их полезного использования — единственная возможность человечества выжить. И занималось оно этим с тех пор, как слезло с дерева. Ну, а у тех, кто этим не занимался, ресурсы обычно кончались, и никакое государственное устройство не спасало население «остановившихся» в развитии регионов от вымирания или порабощения.

Итак, к началу 80-х СССР стоял перед необходимостью начать очередной этап модернизации. Для этого нужны были средства, и они объективно были. Однако, помимо объективных, существовали субъективные обстоятельства.

В силу сложившихся реалий СССР поддерживал в виде прямой помощи, а чаще в виде неэквивалентного, невыгодного для себя обмена, ряд зарубежных государств. Иными словами, СССР содержал на иждивении ряд «дружественных» режимов и множество политических партий левого толка.

Не проста была ситуация и внутри страны. Многие специалисты отмечали ненормальное межрегиональное перераспределение валового национального продукта внутри страны. Известное в конце 70-х годов сравнение СССР с тарелкой характеризовало относительно низкий уровень потребления и реальных доходов в центре страны (в основном в России) и относительно высокий на окраинах (в основном в республиках) — в итоге получалась тарелка, края которой приподняты над центром.

Таким образом, не только СССР дотировал зарубежье, но и Россия дотировала республики. Между тем именно в России сосредоточено около 80 % ресурсного потенциала СССР и львиная доля наукоемких производств. Таким образом, и ресурсные отрасли, и отрасли — потенциальные лидеры модернизации, были расположены в России.

Именно Россия в случае принятия программы модернизации должна была получить все имеющиеся союзные резервы. Однако этого не произошло.

Программа модернизации не была принята в начале 80-х. Вместо нее продолжалось экстенсивное развитие сырьевых отраслей, причем не всегда оправданное даже с точки зрения чисто сырьевой стратегии.

Россия выручила с начала 70-х годов около 150 миллиардов долларов от продажи нефти. Часто спрашивают, куда же они делись? Вряд ли можно исчерпывающе ответить на этот вопрос. Но один источник все же можно назвать.

За эти же годы в развитие мелиорации (в основном в республиках Средней Азии) было вложено около 150 миллиардов рублей (не нынешних, а тех, что почти были равны доллару). Отдачи от этих средств в союзный котел практически не было.

Только треть средств попадала на самые простые и малоэффективные мелиоративные мероприятия — открытый дренаж, а попросту на рытье канав, остальные разворовывались. «Нам не нужен канал, нам нужно строительство канала», — частенько говаривали ответственные лица тех или иных азиатских регионов.

Но «разворовывалось» — это не научный термин. Строго говоря, эти средства шли в фонд личного потребления населения соответствующих регионов (нас не интересует в данном случае, как конкретно они там перераспределялись). Союз же (а по существу, Россия) получал в оправдание вложенных инвестиций растущие приписки, т. е. воздух вместо хлопка.

Именно накопленные запасы товаров, материалов, денежных средств и позволяют всему Закавказью, например, уже 4 года жить практически ничего не производя, а не производящему зерно Узбекистану держать цены на хлеб в 10 раз меньшие, чем в России.

По подсчетам, сделанным в 1989 году, объем фактических дотаций Россией республик составил 50 миллиардов долларов в год.

Это только частные примеры того общего положения, сложившегося в начале 80-х годов, которое не дало возможности начать программу модернизации России. Эти примеры можно множить, здесь же следует упомянуть и Афганистан, и Африку, и многое др.

Продолжение такой линии развития было тупиковым для России и неприемлемым для ее населения.

«Перестройка» первоначально подавалась как некое политическое

сопровождение «ускорения», т.е. по существу модернизации производства. Но «ускорение» 1987-1988 годах исчезло, осталась одна «перестройка». Именно тогда и был забыт вопрос «Для чего делать?»

Нельзя сказать, что «ускорение», т.е. модернизация, с самого начала была блефом. Однако, во-первых, средств, выделенных на модернизацию, было недостаточно. Оно и понятно, продолжались совершенно ненужные России траты как за рубежами СССР, так и внутри его. Союзные (по существу, российские) резервы шли в республики, в Афганистан и прочим «друзьям». Так что средства для модернизации попытались взять не из реально существующих резервов, а за счет раскручивания инфляции.

Во-вторых, сама стратегия модернизации была выбрана неверно. Вместо всемерного поощрения российских наукоемких технологий, стали закупаться за рубежом продукты наукоемких производств. Это порочный путь, никого еще не приведший к успеху модернизации.

Бытует мнение, что данная стратегическая ошибка лежит в сугубо «бытовой» области — всегда приятнее и выгоднее для представителей руководства «работать в делегациях», чем заниматься собственной промышленностью.

Однако, по. нашему мнению, причина гораздо глубже. Стойкое «нутряное» неприятие нашей науки и инженерии со стороны партийной верхушки и ее партийно-гуманитарной околонучной обслуги, начавшееся еще с 1917-го года.

Модернизация с опорой на собственные силы неизбежно повышает роль в обществе отечественных научно-технических кадров, чего бездарные гуманитарии от КПСС всегда боялись, если и шли на это, то со страшным скрипом и только под давлением обстоятельств.

В этой связи припоминается презрительный афоризм по поводу премьера Рыжкова, который в 1987-1989 годах бродил в кругах близких нашей экономической «элите»: «Инженер в премьерах — это бедствие». В 1992 году мы на собственной шкуре узнали действительное бедствие, когда в премьерах оказался политэконом от КПСС. Итак, модернизация («ускорение») потерпела неудачу, однако «перестройка», лишенная после краха «ускорения» реального смысла, продолжалась как сугубо политическое, надстроечное действо.

В результате подобного перекоса к руководству процессом реформ пришел слой правящей верхушки, политическая карьера которого была связана с демонтажем как таковым существующей системы, и в частности СССР. Данный демонтаж не выступал как средство для облегчения модернизации, но как средство захвата и удержания власти.

Заметим, что это было бы невозможно, если бы не существовало бы объективных предпосылок данного процесса. Россия не была заинтересована в

существовавшем варианте СССР, он не позволял ей начать модернизацию. Республики не были заинтересованы в другом варианте СССР, когда надо было бы начать оправдывать вложенные в них инвестиции, а попросту — отдавать долги. Отсюда, кстати, их дружный вопль об их мнимом грабеже центром.

Итак, СССР был разрушен, а Россия оказалась еще дальше от возможности решить проблемы модернизации, чем в начале 1980-х годов, ибо за это время инфраструктура еще более расшаталась, богатые месторождения, разведанные и освоенные в 70-х годах, еще более истощились, оборудование предприятий еще более устарело.

К этому следует добавить потери, связанные с влиянием разрыва хозяйственных связей вследствие развала СССР. Хотя данную причину зачастую очень сильно выпячивают. Это, может, и имеет смысл, но не для России. Гораздо важнее общее истощение экономики вследствие затягивания неотложных мер по модернизации и развитию инфраструктуры в течении 1980-х годов.

Пришедшим к власти кругам, которые «всплыли» уже на холостом ходу перестройки и сделали карьеру на разрушении СССР, было нелогично с политической точки зрения и невозможно практически выставлять модернизацию России в качестве своей цели.

В этой ситуации был провозглашен, причем довольно открыто (что делает честь существующему режиму) курс на превращение России в сырьевой придаток Запада.

Необходимо отметить, что сама по себе сырьевая направленность экономики отнюдь не является априорным грехом. Здесь следует отметить только следующий момент. Ни одно государство в XX веке, которое реально имело возможность сделать выбор, не выбирало сырьевой путь развития.

Это является частным проявлением более общей тенденции. В международном разделении труда государства-лидеры стремятся занять «верхние» места. Иными словами те, кто это может, развивает у себя наукоемкие перерабатывающие, малоотходные производства. При этом отказываются не только от чисто добывающих отраслей, но и от металлургии, иногда даже тяжелого машиностроения.

Наиболее яркий пример этой тенденции — Япония, которая намеренно свернула у себя весьма развитую металлургию на последнем этапе своей модернизации.

Упомянутые отрасли стараются передислоцировать в слаборазвитые государства. Иногда туда же передислоцируют и конвейерные, сборочные производства, которые связаны с монотонным, непристижным трудом. Однако никто не передает своим слаборазвитым партнерам ни науку, ни аэрокосмическую индустрию и т. п.

В самом общем виде объяснения такой стратегии достаточно очевидны. Государства, развивающие технотронные отрасли, оставляют у себя все знания, полученные в результате развития и функционирования современных производств. Иными словами, собственностью этих государств остается все «ноу-хау». Элементом высоких технологий является развитая транспортная, информационная и социальная инфраструктура. Она тоже оплачивается потребителем конечной продукции, в том числе и из слаборазвитых стран, но остается в государствах-лидерах. Эти же государства сохраняют свои ресурсы и высокое качество окружающей среды.

Сырьевые же государства остаются в итоге без своих ресурсов, с истощенной природой, с инфраструктурой, развитой в минимально необходимом для обеспечения добычи объеме, без своего «ноу-хау», с парком стремительно устаревающего оборудования.

В этом месте от потенциального оппонента обязательно последует вопрос: «А как же Кувейт?» Ну, во-первых, у Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов не было выбора. Для них развитие однозначно определялось сырьевой ориентацией в силу сложившихся реалий. Во-вторых, рассматривая успех этих стран, следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

Для безусловного социально-экономического успеха сырьевой стратегии мало иметь запасы ресурсов. В Кувейте и ОАЭ они а) сконцентрированы на относительно малой площади в непосредственной близости от незамерзающих удобных портов, что делает минимальными внутренние транспортные издержки, которые оплачивает добывающая сторона и б) принадлежат государствам с малым населением, в силу чего доля сырьевых прибылей на душу населения весьма велика.

Очевидно, что вышеупомянутые условия встречаются не столь часто, и для России они не характерны.

Таким образом, сугубо сырьевая стратегия не может принести успех России. Но дело не только в этом.

Процесс «перестройки» индустриально-сырьевого СССР в сырьевую Россию принял неуправляемый характер. Даже те временные и незначительные выгоды, на которые могла рассчитывать Россия в случае относительно цивилизованного свертывания своей промышленности, не реализуются в силу следующих причин. Россия несет сейчас двойное бремя.

Во-первых, продолжается и нарастает неэквивалентный обмен с «дальним» зарубежьем. Теперь этот процесс идет не под политическими, но под экономическими лозунгами. Однако фактический объем вывоза российских товаров по заниженным ценам не уменьшается.

Во-вторых, несмотря на развал СССР, не прекращается дотирование Россией «ближнего зарубежья». Причем этот процесс идет как традиционно, так и в новых формах, которые состоят в том, что республики стали «посредниками» в торговле с Западом, оставляя себе львиную долю прибыли. Всем известны достижения Латвии и Эстонии в торговле нефтью и цветными металлами, которых у них нет.

Пожалуй, именно активизацией «доения» России «ближним зарубежьем» объясняются ошибки в прогнозах стабилизации, которые давали эксперты правительства Гайдара совместно со специалистами МВФ.

Складывается парадоксальная, не просчитанная никем ситуация, когда репутация МВФ подвергается сомнению в результате деятельности полукриминальной буржуазии «ближнего зарубежья».

Мы не склонны к идеализации политики Запада в отношении России, однако то, что конкурентом США или ФРГ в борьбе за дешевые российские ресурсы оказываются Латвия или Грузия, звучит явно гротескно.

Такое интенсивное разграбление России не дает возможности провести даже временную стабилизацию, на которую рассчитывали, отказываясь от модернизации и переориентируя экономику на роль сырьевого придатка Запада.

Но в этом варианте развития событий кроется угроза для успеха даже сырьевой эксплуатации России Западом. В отличие от Кувейта, наши ресурсы надо еще довести до границ, что в условиях хаоса, вызванного катастрофическим спадом и обнищанием, весьма проблематично.

В данной ситуации видится только три реальных варианта дальнейшего развития событий.

Первый вариант — это продолжение радикально-либеральной экономической стратегии, обеспечивающей скорейшее и безоговорочное превращение России в сырьевой придаток Запада.

Следствием такого развития событий станет полная деградация экономики, составной частью которой будет деградация коммуникаций и транспорта. В силу этого (чисто технически) станет невозможен вывоз из России сырья по традиционным каналам на Запад. Для обеспечения сырьевого экспорта из Сибири и Дальнего Востока придется создавать новые транспортные артерии с выходом на берега Северного Ледовитого океана и значительно расширять транспортную инфраструктуру вывоза сырья на Восток.

Потенциально заинтересованные в таком развитии событий страны Запада и Япония теоретически могут взять на себя финансирование этих работ и самим организовать эксплуатацию российских минерально-сырьевых ресурсов. Однако

эта эксплуатация потребует: а) не учитываемых сейчас затрат на создание новой транспортной инфраструктуры; и б) на поддержание стабильности в «Российских Кувейтах» в условиях катастрофически нестабильного окружения.

Весь вопрос состоит в том, стоит ли такая игра свеч для самого Запада. Надо ли лидерам цивилизованного мира идти на значительные инвестиции в регионы, являющиеся островами в море конфликтов, чтобы получить довольно дорогое сырье с учетом его долгой транспортировки по исключительно труднодоступным территориям.

Мы не думаем, что такое развитие событий: а) не будет осознано Западом и б) будет выгодно Западу как экономически, так и политически.

Поэтому реализацию данного варианта мы считаем маловероятной, хотя теоретически возможной. Этот вариант может реализоваться только в силу грубейших субъективных ошибок руководства Запада, если оно во что бы то ни стало, не считаясь с затратами, будет поддерживать нынешнее руководство России. Причем такая эмоционально обусловленная слепота Запада должна сочетаться с не меньшей слепотой реальной российской элиты — директорского корпуса и руководства силовых структур.

Второй вариант развития событий предполагает отказ от крайностей гайдаризма. В этом варианте сырьевое развитие России должно проходить в условиях стабильности и нормального функционирования коммуникаций на территории Европейской России.

Коль скоро эта цель будет поставлена, к власти придет правительство пусть и прозападное, однако более профессиональное и менее связанное с коррумпированными структурами «ближнего зарубежья». Перед ним будет стоять задача обеспечить хотя бы минимальную социально-политическую, а следовательно и экономическую стабильность в несырьевых регионах России (сырьевые регионы в этой ситуации получают часть прибыли от эксплуатации ресурсов, и конфликты могут быть только из-за доли этой прибыли, оставляемой в регионах) и прежде всего не допустить массовой безработицы, хотя бы и структурного характера.

Обеспечение данной задачи потребует поддержания на некотором минимальном уровне обрабатывающей промышленности и науки, минимального обновления инфраструктуры. Все это потребует средств. Возможно, часть средств предоставит Запад, развивая на территории России грязные энерго- и материалоемкие производства. Однако эти средства вряд ли будут достаточны (Запад не платит лишнего для развития своих потенциальных сырьевых источников), особенно, если разворовывание России «ближним зарубежьем» сохранится в существующих масштабах.

Единственным достаточным источником средств для стабилизации обстановки

в этой ситуации может быть только сокращение трат России на содержание «ближнего зарубежья» и потерь от наиболее одиозных форм неэквивалентного обмена с Западом, вернее, даже не с Западом как таковым, а с полукриминальными западными структурами.

В этом варианте развития государство должно обладать достаточной силой для контроля над обстановкой. Идеологическое обеспечение прекращения дотирования «ближнего зарубежья» может обернуться некоторым поощрением умеренного русского патриотизма.

Технологически данный вариант будет выражаться в перманентной недостаточно энергичной и недостаточно обеспеченной средствами «взлотекущей» модернизации, обеспечивающей некоторую стабильность и некоторые социальные перспективы российскому населению, стабильность и минимум управляемости России как единого целого.

Однако при таком развитии событий Россия будет сохранять некоторое отставание от Запада. И это отставание лучше всяких политических ухищрений будет обеспечиваться хроническим недостатком средств на полномасштабную модернизацию.

В таком варианте в очень дальней перспективе Россия станет государством со специфическим хозяйственным комплексом, где будут на равных присутствовать сырьевые отрасли и грязные ресурсоэнергоемкие отрасли. При этом Россия может быть даже лидером в очень узком кругу наукоемких отраслей, что однако не будет определять ее общего уровня. Технологическая зависимость от Запада будет нарастать. Инфраструктура будет медленно развиваться, обеспечивая все более легкий доступ ко все более отдаленным территориям. Однако опережающего развития инфраструктуры, обеспечивающего рывок в экономике, не будет.

Возможно, это самый желательный вариант развития России для дальновидных политиков Запада и для значительной части нынешней российской политической элиты. С политической точки зрения, это наиболее приемлемый вариант, который в явном или неявном виде планируется, по-видимому, большинством лидеров центристского толка.

Иными словами, это в ближайшей перспективе объективно легко реализуемый план действий, субъективно наиболее приемлемый для реальных политиков как России, так и Запада.

Однако данный план легко начать реализовывать (и наверное, он начнет реализовываться), но трудно выдержать до конца. Подобное развитие весьма неустойчиво.

Любое падение российской экономики, вызванное экологическими кризисами

(что в условиях такого типа хозяйства всегда вероятно), недостаточно жесткой политикой в отношении контроля российских богатств, дестабилизирующими усилиями криминальной буржуазии «ближнего» зарубежья, межрегиональными проблемами и т. п. может привести к прогрессирующим последствиям и, в конечном итоге, к скатыванию к первому варианту развития событий.

В этих условиях гарантом экстренной помощи мог бы стать дальновидный Запад. Однако Запад, даже если бы захотел, в силу собственной нестабильности и противоречий не может долго выдержать подобную роль.

Иными словами, в данном варианте Россия, предоставленная в основном сама себе, будет некоторое время балансировать в опасной близости от заведомо неприемлемого дезинтеграционного, либерально-криминального первого варианта развития событий. Такое балансирование не может продолжаться бесконечно, и если России суждено не погибнуть, то она должна будет отойти от этого края и, рано или поздно, прийти к третьему варианту своего развития.

Суть третьего варианта состоит в более активном и последовательном соблюдении эгоистических государственных интересов России вначале в рамках второго варианта.

Повторим, что у России нет других путей быстрого увеличения своих текущих ресурсов, кроме отказа от дотаций «ближнему зарубежью». Полный отказ от этих дотаций при некоторой рационализации торговли с Западом могут дать столь быстрый и наглядный эффект, что руководство, вполне вероятно, решит развить данную стратегию.

Разумеется, мы не можем немедленно перейти на неэквивалентную, но уже в нашу пользу, торговлю с Западом. Однако наше геополитическое положение позволит сделать это в отношении «ближнего» зарубежья.

Сейчас это уже не является проблемой. В силу своего геополитического положения Россия остается «дирижером» единого хозяйственного комплекса бывшего СССР. С отделением республик бывшего СССР Россия получила полное право поступать с ними как с иностранными государствами. Россия имеет возможность именно их снимать с «ресурсно-энергетического довольствия» в первую очередь. То сравнительно немного (не более 15%), что требуется России от республик, можно получить по льготным для России ценам, учитывая возможность экономического давления со стороны России через контроль межреспубликанских транспортных связей и энергоснабжения. Чтобы экономически выжить, республики пойдут на принятие любых выгодных для России условий.

Можно будет в любое время прекратить то положение, когда узбекский хлопок мимо простаивающих комбинатов Иванова практически беспошлинно идет в Эстонию, а украинский сахар — в Среднюю Азию. Для этого нужна только

политическая воля.

В такой ситуации, когда Россия будет не теряющей, а собирающей, иные внутрироссийские «суверены» сто раз подумают, к какой категории примкнуть, прежде чем заявить о своей независимости.

В результате укрепится единство России, улучшится материальное положение ее населения, появится возможность экономического маневра.

Такая политика не вызовет резкого противодействия на Западе, ибо на первых порах даже укрепит позиции солидного западного капитала внутри стабильной и крепнущей России. Да и на что в общем может решиться Запад в этих условиях? На свертывание отношений с Россией? Бога ради. Россия всегда найдет каналы получения малотоннажных грузов с Запада через третьи страны, были бы средства. А вот откуда возьмет Франция, Германия и Италия треть своего потребления газа (а Финляндия 100%) — это еще вопрос.

Относительный избыток ресурсов в условиях крепнущей государственной власти не может привести к их бездумному проеданию. Руководство, начавшее именно этот путь развития, независимо от личных пристрастий, будет стремиться каким-то образом укрепить престиж России дальнейшим наращиванием экономических достижений. Для этого просто нет другого пути, кроме проведения полномасштабной модернизации, и это понимают все реальные политики.

Но так же как для Гайдара, пришедшего к власти на плечах общего развала, отбросившего Россию на 30 лет назад, было невозможно принять программу модернизации, так же и для политиков, которые первыми объявят о государственном эгоизме России, как основе своей стратегии, будет невозможно не объявить программу модернизации.

Тем самым эти политики будут первыми, кто за последние десятилетия прямо и честно ответят на вопрос: «Для чего делать?» — и не использовать такое преимущество они не смогут, иначе к власти попросту придут другие.

Единство России сейчас просто технически не может быть далее обеспечено без опережающего развития инфраструктуры. Коль скоро на это появятся средства, инфраструктура будет развиваться. Именно развитие инфраструктуры будет стимулировать рост товарного с/х производства (уменьшение потерь).

Техническое перевооружение отраслей также невозможно будет затормозить, если на эти цели появятся средства. Ибо продолжать бесконечный ремонт уже физически невозможно. Гайдар отнял ресурсы и сказал: «Люмайте». Тот, кто даст ресурсы, может даже ничего не говорить, на производствах люди и так знают, что делать, чтобы все крутилось как надо.

Перевооружение производства не может не стимулировать отраслевую науку, а соображения престижа — науку академическую. Таким образом, и этот аспект модернизации не будет обойден. Интересна роль человеческого фактора в модернизации. Современные технотронные производства не могут обслуживаться персоналом, не обеспеченным неким минимумом социальных и бытовых условий. Чем выше уровень технологий, тем выше этот уровень.

Политика, провозгласившая приоритет государственных интересов России, не может добиться выполнения этих интересов без проведения модернизации. Следовательно, эта политика не может не обеспечить некоего гарантированного минимума экономического, социального и психологического комфорта россиян.

Какой бы строгой, «правой», репрессивной, наконец, не была бы эта политика в отношении внешних противников и внутреннего криминалитета, она не может быть такой же в отношении собственных законопослушных граждан в условиях проведения модернизации в конце XX века.

Вот основные черты третьего варианта развития России. Вероятность реализации такого варианта мы оцениваем довольно высоко.

В завершении нашей статьи заметим, что, рассматривая стратегические проблемы развития России, мы не претендуем на ответы на вопросы «Что делать?», «Как делать?» и «Кому делать?».

Повторяем и подчеркиваем, что идеологическое и политическое оформление каждого из путей развития России может быть самое разное. Мы еще, вероятно, увидим не один, на первый взгляд, совершенно невероятный политический альянс.

Однако за каждым из этих альянсов будет реально стоять только одна из перечисленных стратегий развития, и мы не скрываем своих симпатий к тем, кто выберет третий путь».

Как может убедиться читатель, 10 лет назад автор исповедовал гораздо более умеренные взгляды, чем сейчас. Но жизнь не стоит на месте. Если же говорить по существу, то Россия продолжает балансирование в рамках «второго пути» развития, в чем-то приближаясь к первому, в чем-то к третьему.

А в целом мы предугадали общий ход событий. Например, появление «умеренного патриотизма». Не представляя, правда, насколько он будет казенным, беззубым, лояльным любой власти. Предугадали мы и сокращение дотаций паразитам из СНГ с 45 миллиардов долларов в год «всего» до 20 миллиардов.

К сожалению, «второй путь» — это паллиатив. Новый застой.

И главная причина этой застойности и бесперспективности — это сохранение остатков имперской государственности. Имперские пережитки тянут нас вниз, высасывая скудеющие резервы.

Пользуясь первым ближайшим кризисом, народ должен окончательно сбросить с себя имперские оковы семитской государственной модели.

10. Русский эпизод белой драмы. Общие проблемы белой цивилизации. Решения английские, немецкие, русские

Как мы не раз говорили выше, белая арийская цивилизационная традиция по самой своей сути противоположна семитской цивилизационной традиции, главной ценностью которой является государство. В основе белой традиции решение всех проблем, по существу, в системе «человек—природа». В основе семитской традиции паллиативное решение всех проблем за счет других людей в системе «человек—человек».

Гармония между этими традициями невозможна. Возможно лишь временное, относительно короткое в масштабах времени существования цивилизации, сосуществование.

Одним из наиболее приемлемых, с точки зрения ценностей белой расы, формой сосуществования является национальное государство. Эта форма, как мы писали выше, зародилась в Европе на фоне успехов промышленной революции. Зародилась в процессе длительных, напряженных войн, которые постепенно превращались из войн между королями, в войны между нациями.

Подчеркнем, тем не менее, что в этих войнах постепенно изживались многие элементы семитской модели Первой империи. Но одновременно находились функциональные аналоги этих форм. Ибо в противном случае имперская модель вновь начала бы свою экспансию. Особо просим отметить, не некая **конкретная империя**, а именно **имперская модель** первого государства.

Первой задачей, которую надо было решить в процессе замены имперской модели на что-то более приемлемое белому человеку, была задача концентрации усилий многих людей на достижение конкретных целей. И здесь место насилия и оболванивания постепенно занимал групповой интерес. В свою очередь оболванивание постепенно вытесняло насилие.

Второй задачей являлось привлечение дешевых трудовых ресурсов. Ибо отнюдь не все, особенно на начальных этапах промышленной революции, можно было обеспечить только за счет изобилия ресурсов и достижений НТР. Но и в дальнейшем, к сожалению, нельзя было совсем обойтись без, по крайней мере, эпизодического привлечения легко управляемых и доступных людских ресурсов. Это вполне понятно, хотя бы на примере больших войн и чрезвычайных ситуаций.

Белое решение этой проблемы было вполне в духе биологической природы человека, в рамках системы «свой—чужой». Рабский труд был сброшен на «чужих».

При этом самое радиальное решение и первой, и второй задач нашла Англия. После насильственной мобилизации собственного населения на достижение целей промышленной революции и колониальных завоеваний, она переложила все самые неприятные задачи на «чужих». При этом «чужие» были люди иных рас. Их и эксплуатировали как рабов на плантациях Америки. Их эксплуатировали в качестве совершенно бесправных крестьян и чернорабочих в Индии. Ресурсы же брались бесплатно в колониях. При этом их просто отнимали у туземцев.

Характерно, что подобная политика одновременно способствовала и сплочению самой нации. Она выступала коллективным эксплуататором, «чужих», и каждый имел с этого свою долю.

Разумеется, здесь мы схематизируем и упрощаем процесс. Но на уровне тенденций все было именно так.

Надо признать, что как раз успех подобной политики не всегда способствовал стимулированию научно-технического прогресса. Все было «хорошо и без этого».

Германия решала аналогичные задачи. Но в силу обстоятельств не могла делать это так же радикально, как Англия. «Своих негров» у Германии не было. Пришлось искать их в ближайших окрестностях. Мало кто знает, что крепостное право в странах Центральной и Восточной Европы (которые экономически были довольно тесно связаны с Германией в лице всей совокупности германских королевств и княжеств) обрело наиболее одиозные формы именно после Тридцатилетней войны, когда с нарастающим темпом начала реализовываться промышленная революция в Германии. Соответственно, усилилась и норма эксплуатации крепостных крестьян восточных соседей Германии.

Впрочем, одновременно не значит взаимообусловлено. Здесь есть много нюансов.

Но, тем не менее, дешевое сельскохозяйственное сырье с востока послужило определенным подспорьем в промышленной революции Германии. В России это продолжалось вплоть до 1914 года. Кстати, превращение России в сырьевой придаток Германии было одной из причин того, что российская элита в целом не сопротивлялась Мировой войне. Хотя ее негативные последствия для России легко просчитывались.

Таким образом, Германия эксплуатировала «чужих» опосредованно, руками

российских, польских, украинских, венгерских и румынских помещиков и продажной бюрократии этих стран.

Однако драма данного процесса заключается еще и в том, что «неграми» в данной ситуации были люди белой расы. Более того, именно успех этого проекта послужил предтечей желания определенных кругов Германии совершить «Дранг нах остен». Проект, совершенно губительный с точки зрения долгосрочных интересов народов белой расы, достижение которых невозможно без русско-немецкого единства.

В то же время германский путь был не столь выигрышным, как английский. Поэтому Германия в итоге была вынуждена при первой же возможности максимально интенсифицировать НТР. И перегнала в этом Англию. С другой стороны, Германия не смогла столь же радикально избавиться от пережитков имперской государственности по отношению к своему народу.

Россия в этом ряду занимает самую невыгодную позицию. От имперских пережитков она до недавнего времени даже не пыталась избавиться. Этапы промышленной революции проводила в догоняющем режиме, за счет эксплуатации собственного народа. Да еще и обеспечивала за счет этой же эксплуатации многие этапы промышленной революции в Центральной Европе (что, кстати, отнюдь не способствовало проникновению идеи белого единства в русский менталитет).

Успешные, по-настоящему колониальные акции России вообще можно пересчитать по пальцам. Наиболее яркими были кампании Ермолова, Грибоедова, а позже Паскевича против Персии, где была взята большая добыча, и генерала Скобелева в Туркмении. Остальные территориальные захваты не обогащали, а истощали Россию. Особенно бессмысленными с прагматической точки зрения были кавказские войны.

Спасали Россию ресурсы Урала, Сибири, затем Дальнего Востока. Ресурсы территорий, присоединенных усилиями самого народа под руководством казаков. Ресурсы, на которые потом наложило лапу имперское государство.

Так что этап построения классического национального государства для русских пока не наступил. Между тем объективно созрели условия для следующего этапа создания общественной организации по типу «негосударственного», национально-аристократического государства, о котором мы писали в первой части.

Этот этап неизбежен для всех белых народов. Нынешние проблемы Европы, которая скоро превратится в помойку усилиями цветных мигрантов, просто вопиют о тупиковости нынешних политических моделей.

Этот тупик определяется тем, что национальное государство, достигнув

расцвета, на определенном этапе потеряло ориентиры. Без деления на «своих» и «чужих» национальное государство деградирует. Оно сначала приобретает имперские черты, где господствуют модели оболванивания (что мы имеем в настоящее время). Но потом вполне может вернуться к самым свирепым имперским моделям устрашения.

Подвиг Сварога может пропасть втуне не только для России, но и для всего белого мира, который, как тысячи лет назад, может превратиться в окраину некой империи с перемешанным населением. Плоды железного марша исчезнут.

Почему так произошло, когда зародилась эта тенденция, мы особо распространяться не будем, потому что все и так ясно. Семитские модели через несилловые структуры управления захватили государства белого мира. Попытка противостоять им со стороны Германии в XX веке провалилась. Провалилась, в основном, потому, что национал-социалисты боролись с семитами, а не с семитскими моделями государства. Более того, они сами хотели эти имперские модели воспроизвести.

И потерпели поражение. На семитском игровом поле семиты победят всегда.

Таким образом, белый мир начал превращаться в мир имперский.

Мы уверены, что имперская модель — это тупик. Но лучше в этот тупик не входить вообще, чем позже из него выбираться с кровью и потом.

И если у Европы осталась хоть капля чувства самосохранения, она, несомненно, должна начать поиск альтернатив. И самой кардинальной альтернативой будет только национал-аристократическое государство. Вернее, союз белых национал-аристократических государств.

Но, вот парадокс судьбы, ближе всех к созданию такой модели стоит Россия.

Сейчас, как и во времена Сварога.

11. Итоги расследования. Разгаданные загадки русской души. Феномен русской интеллигенции

Загадочность чьей-либо души всегда определяется противоречием. В самом деле, если нет противоречия, нет загадки. Смелчак всегда смелчак. Трус всегда трус. Трудоголик всегда трудоголик. А лентяй всегда лентяй.

Но если трус вдруг ведет себя как герой, а трудоголик вдруг бросает все на свете, уходит в лес, ложится под сосну и плюет на все на свете, тогда возникает недоумение. Возникает загадка.

Такого рода загадками наполнен национальный характер русских людей. Все

национальные и зарубежные исследователи, поэты, писатели, философы единодушно констатируют противоречивость русского национального характера. Но дальше констатации дело не идет.

В итоге появляется знаменитое: «Умом Россию не понять». Современное поколение русских националистов, национал-модернистов, уточним мы, всегда раздражала эта формулировка. Возник даже весьма грубый слоган: «Давно пора, е... на мать, умом Россию понимать».

Без ложной скромности автор заявляет, что он, по своему разумению, разгадал главную загадку русской души и объяснил большую часть противоречий русского национального характера.

Основной причиной всех противоречий русского мемуфонда является противоречие между архетипами белой расы, подтвержденными всей жизнью в условиях Севера уже после ледниковья, и архетипами семитской государственности, сформированной за тысячи километров от России и совершенно не соответствующей природе белого человека.

Русские «самые белые из белых» оказались вынужденными жить по «самым семитско-имперским» лекалам общественной жизни.

Природа требует жить «по закону зимовки», а государство — «по закону джунглей».

Природные условия Руси требуют жить хуторами, как эстонцы, финны или поморы. А князья и бояре сгоняют народ в огромные села. А потом эту тенденцию уже в современных условиях подтверждают «ученые» типа Т. Заславской, которая сначала ревностно служила КПСС, а потом не менее ревностно перед «реформаторами».

Интересно, «когда придут наши, в лаковых сапогах», эта дама не постесняется полизать оные сапоги? В фигуральном смысле, разумеется.

Природные условия заставляют интенсивно, даже лихорадочно заниматься инновациями, а государство, что СССР, что царская Россия, что «свободная Россиянин» делают ставку на природные ресурсы или эксплуатацию людей.

Курьезно, но в такой холодной стране, как Россия, причем уже без партаппаратчиков и совковых бюрократов, никак не удастся пробить разрешение на выпуск, бытовых обогревателей, работающих по типу тепловых насосов, которые сокращают расход тепла на объем обогреваемого помещения в 7-10 раз.

Особый юмор заключается в том, что эти установки уже работают более 5 лет. Но «как экспериментальные» на промышленных объектах. В бытовом же

варианте их просто невозможно легализовать в качестве экспериментальных. А получить лицензию на бытовой вариант просто невозможно.

Такова «свободная» от ума и совести нынешняя Россия. Впрочем, она всегда была свободна от этих черт. Поэтому называть «свободной» только Россию путинско-ельцинскую несколько некорректно.

Впрочем, пакет инноваций, которыми сейчас располагает российская инженерия, настолько огромен, что даже чтобы упомянуть важнейшие из них, не хватит целых томов. Но эти инновации не нужны государству, главная цель которого — держать русский народ в нищете и помогать инородцам грабить русские ресурсы.

Принципы построения цивилизации Севера требуют честности, предельной простоты отношений, гибкого мышления, поиска инженерных решений во всем, товарищества, неагрессивности, умения собраться.

Принципы жизни в империи, построенной по семитским лекалам, требуют лживости, изощренной двусмысленности отношений, формализованного до предела мышления, презрения к поиску инженерных решений (в случае чего напряжем людишек), агрессивности, умения отлынить от работы (в противном случае просто сдохнешь от перенапряжения), истеричной агрессивности.

В таких условиях можно просто сойти с ума. Однако не может же народ состоять из одних сумасшедших. Хотя лиц «с пограничным состоянием» ума и души в России действительно много.

Русский человек решил все эти проблемы следующим образом. Во-первых, народ разделился. Верхние слои общества в России всегда были преимущественно «имперскими» по менталитету. При этом этнически русских подонков для формирования верхнего слоя всегда недоставало (что может служить комплиментом русскому народу). И там была масса инородцев.

Какой только нерусской швали не перебивало на российских верхах. Вспомним всех этих Рененкампов, Мемель-Закомельских, Каульбарсов, которые отличались только карательными акциями против русских крестьян и рабочих, но были куда как «скромны» на полях сражений Японской и Первой мировых войн. А еще раньше, во времена того же Ермолова — сплошные Бенкендорфы, Ливены, Нессельроде.

Да и потом, все эти Ленины (Бланки), Троцкие, Раппопорты, Ап-пельбаумы и прочая, прочая. Вплоть до наших похабных дней.

Основная же масса народа оставалась русскими, «самыми белыми из белых», идеальными товарищами и идеальными подчиненными. Кстати, именно в этом основная сила русской армии. В аномальной, запредельной стойкости русского

человека. Но это обычная стойкость людей Севера, воспитанная еще в приледниковье у наших самых дальних предков. И государство просто безвозмездно эксплуатирует ее.

Вместе с тем, будучи в течение многих поколений аномально стрессированными и природой, и обществом, многие простые русские люди просто впали в апатию. Они люди Севера, но лишены северной инициативы. И это вполне естественная адаптационная реакция на хронический стресс и постоянное раздвоение целеполагания.

Аномальный стресс к тому же не мог не сказаться на менталитете русского народа еще вот в каком моменте. Русский народ, предельно «зажатый» иногда, при определенных обстоятельствах может взорваться. Хотя в целом русским трудно сопротивляться государственному гнету. Ибо а) человек Севера вообще не силен в политической борьбе и б) не было позитивного опыта такого сопротивления. Или хотя бы «перекройки» государственной модели «под себя», как в национальных государствах Европы (пока это единственный в истории позитивный опыт компромисса белого менталитета и семитской государственной модели).

Но потенциал взрыва всегда есть в народе. Он исчезнет только, если мы перестанем быть белыми людьми Севера и станем «ментальными семитами», или если мы до конца изживем семитскую имперскую государственную модель в своей стране.

Третьего не дано.

Поэтому социальные катаклизмы всегда подспудно тлеют в народе. И русский бунт, осмелимся заявить, не «бессмысленный и беспощадный». Он осмыслен. Его цель весьма конструктивна — уничтожить убийственную кабалу. Но трагедия русского народа заключается в том, что в таких акциях надо сразу же иметь цивилизационную альтернативу. А ее нет. Ее могут дать только жрецы, только Сварог или его наследники. Но без альтернативы все возвращается на круги своя. И тогда взрыв для внешнего наблюдателя действительно выглядит бессмысленным.

Впрочем, это относится отнюдь не только к русскому народу. Восстание всегда бессмысленно, если у восставших нет альтернативной цивилизационной модели. Вспомним знаменитые Гуситские войны. Почти 30 лет непрерывных военных побед восставшего народа, а в итоге фактическая самоликвидация гуситского сообщества, которая была всего лишь «оформлена» в одном проигранном сражении. Но с чисто военной точки зрения это сражение было отнюдь не решающим и просто физически не могло перечеркнуть 30 лет побед.

Впрочем, мы отвлеклись.

Возвращаясь же к характеристике русского народа, отметим, что самые низы его, увы, зеркально повторяют верхи. Это люди, сознательно отказавшиеся от своего «белого» менталитета. Именно они являются «демографическим плодом» империи. Люди, принявшие имперский миф, не соответствующий генофонду белой расы. Истеричные, агрессивные, подлые, патологически не способные к производительному труду. Курьезно, но многие криминальные структуры в карикатурном виде повторяют как раз модели семитской Первой империи, но в миниатюре.

Впрочем, предостережем читателя от упреков автору в приверженности примитивной уравниловке. Наше сравнение верхних слоев российского общества с самыми его низами отнюдь не является отрицанием роли элиты в развитии стран, народов и цивилизации в целом.

Совсем наоборот, элита жизненно необходима любому народу. В конце концов, разве не элитой были ученики Сварога, доведшие его дело до конца? Без элиты, без «ядра» невозможна реализация любого дела, любого замысла. Так было всегда, так есть и сейчас. Настоящая элита является главным субъектом исторического процесса.

В качестве примера приведем один из эпизодов мировой политики последнего времени. В начале апреля 2002 года в Анголе фактически завершилась многолетняя гражданская война. Основной оппонент правительства, УНИТА, разоружилась и согласилась стать одной из обычных оппозиционных партий. С учетом африканских реалий, это просто капитуляция. Причем не очень-то и почетная.

Однако отметим, что окончательная капитуляция УНИТА произошла почти в одночасье. Сразу же после гибели ее бессменного лидера Савимби.

Такова роль лидера в истории. И это частный случай роли элиты в жизни стран, народов и политических течений. Заметим, что согласно данным науки о социальном поведении животных — этологии, роль элиты является просто критической для выживания популяций в живой природе. Эти результаты по вполне понятным причинам замалчивались в СССР, где формально уравниловка была краеугольным камнем политического оболванивания масс.

И только в конце 1980-х годов эти результаты были опубликованы в научной печати. Нельзя удержаться от нескольких примеров, поразительных по своей яркости.

Так, в стаях волков действия вожака и нескольких самцов-доминантов обеспечивают до 80% добычи стаи. Лишившись вожака и одного-двух доминантов, стая может просто умереть от голода.

А в стадах крупных копытных иногда вообще наличие только одного аномально

крупного быка обеспечивает защиту стада от хищников. В науке известны случаи, когда особо крупные быки могли победить тигра. Возглавляемые ими стада были в 2—3 раза более многочисленны, чем стада других вожаков. И при этом благоденствовали, защищенные от атак хищников.

Но самый яркий пример являют нам стаи перелетных птиц. Вожак стаи и два его «ассистента» ведут клин. «Ассистенты» периодически подменяют вожака. Теоретически до места зимовки стаю могут довести вожак и один «ассистент». Но если погибнет вожак или два «ассистента» сразу, то стая гибнет полностью.

Дело в том, что три головные птицы берут на себя основное сопротивление воздуха. И летящие в хвосте стаи молодые и слабые птицы могут вообще «еле шевелить крыльями». Стая «тащит» аутсайдеров в воздушном коридоре, создающемся ее основанием.

Разумеется, в мире природы роль доминантен, роль элиты понимается на инстинктивном уровне. И именно в целях коллективного выживания вожакам достается первый кусок и приоритетный доступ к самкам.

Человек, во многом «обманув» природу, не обошел своим обманом взаимодействия масс и элит. Очень часто в человеческом обществе элиты подменяются псевдоэлитами, которые имеют все элитарные преимущества, но не выполняют элитарных функций.

Это, однако, не означает, что роль элит в человеческом обществе не имеет объективно обусловленного смысла. Реально от элит в человеческом обществе зависит очень много. И человечество бы деградировало, если бы в течение всей истории у всех народов на месте элит сидели бы псевдоэлиты.

История наполнена многочисленными примерами, когда элитные группировки вели себя должным образом и предпочитали гибель неудаче доверенного им дела. При этом героизм представителей элиты был действительно массовым.

Например, в трагичной для конфедератов битве при Геттисберге во время гражданской войны в США из 12 бригадных генералов южан, участвовавших в сражении, 7 были убиты, а 5 тяжело ранены. Ни один не остался целым и невредимым.

А в знаменитом английском десанте в Галлиполи во время Первой мировой войны первая штурмовая рота состояла сплошь из добровольцев, представителей британской высшей знати и королевской фамилии. После атаки из этой роты не выжил никто.

Русская история тоже знает много подобных случаев. Вспомним хотя бы легендарное святославо: «Мертвые сраму не имут».

К сожалению, империя не совместима с истинной элитарностью. Россия периодически переживала периоды катастрофического загнивания элит, которые верховные власти были просто вынуждены кардинально менять в целях самосохранения страны. А менять их можно только методом тотальных чисток, в стиле Ивана Грозного или Сталина. И здесь было невозможно «искать вину». Элитные группировки в массовом порядке просто физически устранялись с политической сцены.

Это одна из специфических черт России, которую тоже ошибочно считают **национальной** чертой русских. На самом деле это не русская национальная черта, а типичная черта классической имперской модели. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать жуткие истории постоянных заговоров и тотальных чисток в древних деспотиях, возникших на месте Первой империи.

К сожалению, русский народ оказался слишком идеальной жертвой для имперской модели. И продолжал демонстрировать ее уродства в то время, как в остальных странах она уже исчезала.

Однако технические реалии промышленной революции, возросшая плотность коммуникаций и т. п. факторы привели (не могли не привести) к адекватному убыстрению политической жизни. Поэтому процесс насильственной смены мгновенно сгнивающих имперских элит шел со все убыстряющимся темпом. А к началу XX века принял просто калейдоскопический характер.

Перед 1917 годом уже вся страна остро ощущала ущербность и вырождение элиты. Напомним, что никто из той же императорской фамилии не встал против революции. Но ради пресловутой «конструктивности» и «реалистичности» ее представители отказывались от престола и от борьбы вообще. А великий князь Кирилл даже нацепил красный бант.

Совершенно очевидно, что с такой элитой царская Россия не могла сохраниться.

Но в еще меньшей степени наименованию «элита» соответствовала т. н. «ленинская гвардия». Из всех репрессированных Сталиным красных боссов застрелились считанные единицы. Наиболее известными из них являются Томский и Гамарник. А на открытое сопротивление при аресте вообще решился один Буденный. Чем и спас себе и жизнь, и карьеру.

Впрочем, это может быть и мифом, имеющим целью показать, что не все же «ленинцы» были баранами, попавшими во власть лишь случайно. Хотя тот же Буденный был вообще-то на периферии элиты, в строгом понимании этого слова.

Верхушка же КПСС конца 1980-х годов была просто верхом ничтожества, с которой даже бороться всерьез было не надо.

Таким образом, можно утверждать, что лишенное настоящей элиты общество, государство или политическое движение уже обречены на провал. Даже если этому государству, например, «везет», как нынешней России, и его никто не собирается серьезно сокрушать.

А уж если соберутся, тогда точно конец.

Таким образом, истинная элитарность предполагает необходимый элемент жертвенности во имя той общности, которая выдвинула человека в элиту. Можно много дискутировать, насколько в современных условиях нужно быть жертвенным. Надо ли быть готовым на мученическую смерть или достаточно быть просто не продажным? А может, даже всего лишь не продажным по дешевке?

Не в этом дело. Но элемент жертвенности, несомненно, должен присутствовать в элите. Это ее первый признак.

Еще одним системообразующим признаком элиты является ощущение ее общности с той средой, которая эту элиту сформировала. Образно говоря, «со своим стадом», выдвинувшим тебя в вожаки.

Этот тезис даже не нужно доказывать. Ибо в противном случае элита как структура не функциональна. А нефункциональные структуры в процессе эволюции не сохраняются.

Третьим признаком элиты служит ее умение смотреть вперед, стратегически мыслить. Это уже чисто человеческий признак. Ибо только человек воплотил в практику известный тезис о том, что разум — это лучшая разновидность когтей и клыков, сформулированный нобелевским лауреатом графом Альбертом де Сент-Дьерди.

Стратегическое мышление — очень важный признак, без которого не мыслима элитарность. И автор готов подписаться под каждой строкой поэта: «Ответствую тебе, среди вырожденцев земных, в особенности три породы гадки — безмозглый шах, скупой богач, ученый муж, на деньги падкий». Отметим, безмозглый шах поставлен на первое место по степени гадкости.

Можно возразить, что в истории очень часто высшие слои в массе не обладали подобными качествами. Но государства и народы от этого немедленно не рушились и не исчезали с мировой арены.

Это, однако, не аргумент. Если внимательно взглянуть на историю, то можно увидеть, что допустившие замену элиты псевдоэлитой или просто потерявшие свою элиту государства рушились. И первым признаком такого обрушения всегда была как раз потеря истинной элиты.

Правда, в прошлом жизнь, в том числе политическая, была в силу технических ограничений не столь быстрой, как сейчас. Поэтому процесс крушения государств мог быть длительным. И они достаточно долго могли существовать с выродившейся элитой.

В наше время плотных коммуникаций и относительно быстрого транспорта все изменилось.

Пример с Савимби и УНИТА — ярчайшее тому свидетельство. Погиб лидер, через неделю капитулировало движение. В недавней истории нашей, достаточно инерционной страны процессы были те же, но несколько более долгие.

Сталин и Великая Отечественная война худо ли бедно ли, но сформировали, пусть и не оптимальную, но все же реальную элиту государства. Стоило умереть Сталину, как начался распад этой элиты. В сущности, не так уж много, по историческим масштабам, времени прошло, и этот распад завершился в конце 1970-х годов, в период «позднего застоя».

А на рубеже 1980-х и 1990-х страна рухнула без единого выстрела со стороны противника.

Сейчас Россия — это страна без элиты. Вся верхушка власти и бизнеса — это псевдоэлита. Большая часть системной элиты не имеет связи с собственной страной и представляет интересы другой страны — США. Но является ли эта колониальная администрация частью американской элиты?

Нет. Ибо трудно представить Гайдара, Чубайса и Касянова, жертвующих жизнью за интересы Америки, как генералы южан при Геттисберге.

Так что большой ошибкой считать «реформаторов» элитарной группировкой. В последнее время в маргинальной прессе появились утечки о том, как готовилась команда Гайдара—Чубайса—Авена в рамках замыслов Андропова создать «новую элиту». Сразу отметим, что эти утечки верны, но преподносятся в совершенно неверном ракурсе.

Ибо попытки модернизации страны как раз и потерпели крах оттого, что новая элита так и не была создана. Взяли молодых представителей маргинальных слоев номенклатуры. Отметим, пусть и маргинальных, но все же номенклатурных. Позволили им игнорировать самые примитивные пропагандистские догмы. Дали некоторые знания в рамках участия в международных проектах Международного института системного анализа в Вене.

Вот и вся элитарность.

Вместо смелости и жертвенности позволенная сверху фронда.

Вместо связи с народом собственной страны — отдаление от этого народа, изначально обусловленное происхождением из антинациональной номенклатурной среды, а затем подкрепленное заграничным обучением.

Вместо стратегического видения проблем — полная замена стратегии тактикой в рамках уже устаревшей для самих ее создателей примитивной радикальной рыночной парадигмы.

Такая, с позволения сказать, «элита» изначально не была способна ни на что иное кроме мародерства и предательства, т. е. выполнения роли псевдоэлиты.

Не ясно, был ли элитарен сам Андропов. Но в этом проекте он оказался явно лишенным одного из основных элитарных свойств — стратегического видения. Из того материала, что по его указаниям набирался в «новую элиту», ничего путного нельзя было получить изначально. И это легко просчитывалось.

Но, в конце концов, не только т. н. «реформаторами», т. е. прямой агентурой влияния США, исчерпывается формальная элита нынешней России. Есть ведь еще и «просвещенные патриоты» из высшей бюрократии. Тот же Путин и его «чекисты».

Если посмотреть на этих «патриотов», то у них есть одно непереносимое свойство. Они очень буржуазны в бытовом плане. Это гедонисты. Пристрастие к бытовой роскоши несовместимо с жертвенностью. Тот же Путин, имеющий в 6 раз больше загородных резиденций, чем Буш, по сути очень буржуазен. Более того, он даже не понимает, насколько это очевидно и насколько это противоречит элитарной роли.

Так, даже в своей книге он сам признается, что уже в 1990-м году понял, что СССР рухнет, и начал искать «запасной аэродром». В этих настроениях признается не продавец гвоздик, а офицер службы безопасности того же СССР. Этаким «кшатрий» по своему положению, но типичный «шудра» по менталитету.

Разумеется, с такими «кшатриями» страну можно только потерять, а не создать.

Под статью Путину и его «чекисты», испытывающие болезненное пристрастие ко всей атрибутике «красивой жизни» (типа джипов и мерседесов), свойственной разве что «браткам».

Этот гедонизм совмещается в казенных патриотах с весьма скромными способностями и средним профессиональным уровнем. Никто из них не прославился ни одним по-настоящему масштабным проектом. В данном случае мы не имеем в виду созидательный проект. Но, ей богу, в тех же «деликатных» делах иной «браток» даст сто очков вперед «кремлевским чекистам» (не говоря уже об их коллегам 1937-1953 годов).

При прочих равных, «браток» будет результативней. Уж он то, поняв противоречие своих интересов интересам того же Чубайса или Касьянова и обладая теми возможностями, что есть у «кремлевских чекистов», давно бы устроил «реформаторам» «массу проблем», не прибегая к помощи прокуроров.

Таким образом, казенные патриоты, хоть и смутно ощущают свою общность со страной, но лишены и жертвенности, и даже элементарного профессионализма. Между тем стратегическое видение, свойственное элите, формируется обычно через элементарную схему восхождения по лестнице «профессионал—мастер—философ», где только «философ» поднимается для обобщений, необходимых представителю элиты.

Они же еще даже не профессионалы.

Итак, господа казенные патриоты, это не элита.

Так, может быть, элитой является системная оппозиция? Тоже нет. Мы не станем долго доказывать свой вывод, но обращаем внимание читателя на один из ярких примеров последнего совсем недавнего политического прошлого. Деятели типа Селезнева и его коллег, не способных ни на какую жертвенность (не то, что жизнью, но даже не заработанной трудами, легко доставшейся казенной дачей) элитой быть не могут.

В нашем перечне остается только маргинальная оппозиция. Но, увы. Она тоже далека от элитарности. Конечно же, в ней присутствует связь со страной и народом. И только.

Деятели маргинальной оппозиции, как оказывается ныне, долго готовились еще в недрах СССР. Этих деятелей рекрутировали из явных шизофреников или мелких преступников. Последним, в обмен на свободу от ответственности, давали возможность стать лидерами того направления, которое еще Андропов планировал как заведомо маргинальное. Именно эти деятели своим ничтожеством должны были оттенить «гениальность» «новой элиты».

И они действительно оттенили. Правда, «новая элита» не стала действовать в рамках «мудрых» замыслов шефа КГБ. Но это уже второй вопрос.

И вот воришки, гомосексуалисты и кандидаты в сумашедший дом плотно блокируют национальный радикализм. Говорить об элитарности этих деятелей бессмысленно. Значительная их часть не способна на жертвы, а еще большая часть тупа и дремуче необразованна. Так что о стратегическом мышлении не может быть и речи.

Отметим, что отказывая соответствующим псевдоэлитам в элитарности, мы не утверждаем, что людей элитарного склада вообще нет в России. Они есть и даже иногда достигают политических высот. Именно таким рыцарем без страха

и упрека был, например, генерал Рохлин. Но сколоченная из откровенных человеческих отбросов нынешняя российская псевдоэлита умеет элиминировать из своих рядов случайно затесавшихся в нее достойных людей.

И это относится как к тем, кто ныне обладает всей полнотой власти и собственности, так и к тем, кто на это только претендует (пусть даже из самых маргинальных оппозиционных слоев).

И здесь поначалу чисто теоретическая часть нашего сюжета переходит в практическую плоскость. Наш анализ доказывает, что из всех мыслимых сейчас политических сил элитарностью не обладает никто.

Поэтому искать пути возрождения России, апеллируя к любому из нынешних более или менее заметных политических направлений, не стоит. Ибо каждое из этих направлений не обладает истиной элитой. И уже только потому совершенно бесперспективно.

Требуются принципиально новые подходы. Это тема для отдельного исследования, но тем не менее, заметим, что «в третьем эшелоне» и бизнеса, и силовой бюрократии есть определенный элитарный потенциал. Есть он и у части региональной власти. Есть он и у неформальных лидеров на местах. Проблема состоит лишь в том, чтобы объединить все эти силы.

Но не вокруг некой организационной или политической структуры.

По нашему мнению, они могут быть объединены только на основе «новой веры», вокруг неких принципиально новых идей, лозунгов и этических ценностей.

Заметим, однако, что реально искать решения только тех задач, которые это решение имеют. Именно поэтому в самой точной из всех наук, математике, прежде чем решать задачу, доказывают существование ее решения. Мы поступим почти аналогичным образом. Не имея возможности строго доказать возможность формирования новой настоящей элиты в России, прибегнем к аналогам из биологии.

Известен опыт, когда популяцию мух стрессировали и выбивали лучших представителей в течение 147 поколений. А потом просто сняли давление. Популяция восстановилась (в том числе и группы с элитарными свойствами) в течение примерно 14 поколений. В данном случае биологи говорят, что мухи были взяты просто для быстроты эксперимента, а результаты опыта верны для популяций любых видов.

В том числе и человека.

Так что возможность восстановления элиты в России есть. А значит страна не

лишена стратегического будущего.

Обобщая же тему финала элитной драмы России, заметим, что она тоже является индикатором конца имперского периода. Страна должна либо а) распасться, возглавляемая сгнившей псевдоэлитой, либо б) уничтожить элиты со скоростью и радикальностью гораздо большей, чем при Иване Грозном и Сталине, либо в) уйти от чуждой имперской модели.

Последнее в интересах самой нынешней псевдоэлиты, над которой постоянно висит дамоклов меч уничтожения «в санитарных целях».

Очень интересно решил ментальную проблему русский средний слой. Он остается русским, белым, арийским, но научился «переключать режимы» своего поведения. С имперцами он имперец, с арийцами ариец. Психологическая трудность для русского человека среднего слоя при такой структуре поведения заключается: а) в некотором дискомфорте одновременного поддержания двух совершенно разных поведенческих моделей и б) в трудности оценки контрагента, решения вопроса, кто перед тобой — ариец или имперец. Вследствие этого не могут не возникать ошибки и сбои.

Особенно в отношениях с западными «братьями по классу», которые одновременно и органично и арийцы, и имперцы в одном лице, при этом нашедшие внешне непротиворечивую модель такого, в целом, 'противоестественного сочетания.

Именно в этом заключается нелогичность поведения русского человека среднего класса. Но эта нелогичность раздражает прежде всего его самого. Ибо арийская душа жаждет ясности. Симптоматично, но в данном случае русский представитель среднего класса оказался в ситуации, свойственной началу антропогенеза. Он страстно жаждет решить проблему «свой—чужой» и вернуться к арийской простоте взгляда на жизнь.

Заметим, что русский средний класс по сравнению со средним классом Запада, очевидно, более неуравновешенный, ибо вынужден жить одновременно «в двух измерениях». Белый человек Запада не более логичен, чем русский. Просто его логичность и арийская ясность личности лежат на поверхности. Он не должен постоянно «переключать режимы». Разумеется, есть сложности и на Западе. Но мы отнюдь не намерены сейчас поверхностно рассуждать о деталях различных вариантов западного менталитета.

Мы говорим о менталитете русском. Но все познается в сравнении. И именно поэтому мы упомянули белых людей Запада, которые на определенном этапе, несомненно, укротили имперский характер своей государственности. Поэтому в итоге в меньшей степени изуродованы этой государственностью. И оказались в большем ладу с ней.

Но, напомним, они добились этого дорогой ценою. Они «поддались, чтобы победить». Но, поддавшись семитской государственной модели отчасти добровольно, они заключили союз с дьяволом. А в этом союзе стратегического успеха достичь нельзя.

В итоге дьявол переиграл. И сейчас Запад на всех парах мчится к воссозданию Первой империи, повторяя в обратном порядке этапы ее деградации. Сейчас он находится на этапе «религии порока и кайфа». На очереди реставрация этапа голого устрашения. Не позавидуешь западному обывателю, который в одночасье может оказаться в лапах тоталитарного имперского государства.

Но за союз с дьяволом надо в итоге платить.

Вот уж когда начнутся у несчастных западных масс запредельные стрессы, к которым они, в отличие от нас, совершенно не подготовлены. Тогда-то западный средний класс сможет, наконец, понять нас. Правда, нам добытое такой ценой понимание совершенно не нужно. Попробуйте понять нас умом, а не «шкуркой», западные коллеги.

И разорвать этот союз с дьяволом пока не поздно. Впрочем, мы считаем, что для США и Англии это уже поздно. Шанс остается только у Европы, хотя не такой уж большой. Мы оцениваем его в 20-25%. И его легко посчитать. Это столько, сколько, например, во Франции голосует за Ле Пена.

Русский же средний класс, к его чести, в союз с имперским дьяволом никогда не вступал. Он всегда был в душе на антиимперских позициях.

Здесь самое время сказать о феномене русской интеллигенции, которая для большинства ассоциируется именно с «профессиональной борьбой с империей». Сразу оговоримся, что интеллигенция, как ее не определяй, не составляет большинства среднего класса. Более того, это довольно небольшая часть даже среди более узкого круга лиц интеллектуального и квалифицированного труда. Кстати, один из самых выдающихся интеллектуалов за всю современную историю, Дмитрий Иванович Менделеев, с нескрываемым скепсисом относился к термину «интеллигенция». Но об этом выдающемся человеке мы скажем несколько ниже.

Итак, русская интеллигенция — эта малая часть русского среднего класса. Вся драматичность судьбы этого класса свойственна и интеллигенции. Но она имеет еще и собственную особую драматическую компоненту в своем менталитете. Дело в том, что интеллигенция — эта та часть среднего класса, которая всегда смутно искала возможность стать неким «коллективным жрецом».

Что характерно, задача более чем конструктивная. Но, увы, амбиции у этого коллективного жреца были весьма велики. Как будто он уже выполнил «миссию Сварога». А вот с самым выполнением этой миссии дело обстояло гораздо

скромнее. Она не выполнена до сих пор.

И, более того, не могла быть выполнена в рамках предлагаемых интеллигенцией методов. Ибо она хотела выполнить ее, не выходя за рамки системы «человек—человек», т. е. по все тем же имперским архетипам. Напрасное занятие.

Карикатурным при этом выглядели естественные для русского среднего класса антиимперские настроения. Этакие «антиимперские имперцы», что-то типа «жаренного льда». В этом, когда драматичном, когда карикатурном противоречии и заключается вся история русской интеллигенции.

Впрочем, возникает ряд естественных вопросов. Почему такая вроде бы неорганичная и нефункциональная среда с завидным постоянством воспроизводилась в России? Почему это именно российский феномен? Почему столь безуспешны были попытки империи справиться с этой, открыто антигосударственной социальной группой? Почему в «русской» интеллигенции на определенных этапах было так много семитов, которые, надо признать, вполне органично вливались в ее ряды?

Ответы весьма просты и даже, мы бы сказали, очевидны. Определенная устойчивая социальная группировка не может существовать, если не опирается на некие реальные тенденции в обществе. И интеллигенция опиралась на подспудно присущее русскому народу подсознательное отрицание имперской государственности, насильно навязанной ему и несовместимое с его расовым архетипом.

Она потому и была «властителем дум» среднего класса (до народа плоды интеллигентных изысков не доходили, хотя бы в силу его неграмотности до определенного момента), что этот класс вообще был органично антиимперским.

Русский купец уходил от империи в бизнес и откупался от нее взяткой. Русский инженер или врач, уходили от империи отчасти так, как это делал купец, отчасти скрываясь за ширмой своего профессионализма, когда надо, откровенно надувая бюрократа. Они решали вопрос выживания в нечеловеческих имперских условиях на личном уровне. И не пытались научить других тому, чего сами до конца не умели делать. Что, кстати, вполне трезво осознавали.

Но (и это свойство человеческой психики) весьма приятно было этим представителям среднего класса хотя бы на уровне фантазии, в которую не веришь до конца, но в которую хочешь верить, посмотреть, как «щиплют» империю «профессионалы», интеллигенты.

Именно потому, что российская государственность была особо несовместима с русским народом, потому что именно в России так нужна была «миссия Сварога», феномен русской интеллигенции был присущ именно нашей стране. И не имел аналогов на Западе, где эти проблемы не стояли так остро и не было

социальной потребности в аналогичной прослойке.

Но попытки антиимперской борьбы интеллигенции были, как мы говорили выше, заведомо обречены на провал. В то же время, классические интеллигенты блокировали реальные попытки реализовать «миссию Сварога». Поэтому они были нужны государству. Вряд ли это альянс всегда осознавался в явном виде (хотя гениальный Сталин это как раз осознавал, более того, когда интеллигенция стала слишком сервильной, он лично инициировал создание «гнезда оппозиционной мысли» в «Литературной газете»).

Тем не менее, на подсознательном уровне по большому счету борьба государства с интеллигенцией была «борьбой нанайских мальчиков». Эти персонажи были нужны друг другу. Несмотря на отдельные драматические и даже трагические моменты этой борьбы, в целом она оказалась фарсом.

В то же время деятельность интеллигенции внутри имперской модели концентрировалась в сфере несилowych структур общественного управления. Но борьба за власть внутри несилowych структур управления — это же прерогатива остатков семитской элиты Первой империи!

Это вполне соответствует семитским постимперским стратегиям! Но сами семиты до поры до времени осуществляли эти стратегии в основном в Западной и Центральной Европе. А потом начали делать и в России, вполне органично войдя в сферу деятельности интеллигенции.

Сейчас трудно сказать, были ли первые российские интеллигенты все осознающими откровенными шарлатанами, разыгрывающими перед публикой «борьбу с государством». Или некие маргинальные части элиты совершенно случайно освоили эту перспективную нишу, став русским аналогом семитских несилowych элит Западной Европы. Но, «что выросло, то выросло».

И российская русская, а затем все больше и больше нерусская интеллигенция плотно заняла соответствующую общественную нишу.

Миссия интеллигенции всегда была многослойной и неоднозначной. Но чем более реальным становилось осуществление «миссии Сварога», тем все менее конструктивной с точки зрения цивилизационной и национальной (а отнюдь не государственной) становилась деятельность интеллигенции.

То, что сейчас эта интеллигенция стала по большей части нерусской и откровенно холуйствует перед нынешним колониальным российским режимом — вполне естественный конец эры русской интеллигенции, окончательное занятие ею соответствующей ниши, аналогичной западноевропейской нише оболванивающих структур управления, монополизированных семитами.

Попытки же отдельных, патриотически настроенных, этнически русских

интеллигентов переломить эту тенденцию обречены на провал. Ибо эти деятели (в основном гуманитарии) ставят перед собой невыполнимую и неконструктивную задачу — реставрацию государственной модели, построенной по классическим семитским, по определению не арийским, имперским лекалам. Но якобы в «русском» варианте. Очередной «жареный лед» и «холодный кипяток».

По большому счету эти деятели просто мешаются под ногами у «нового Сварога». Возможно, поэтому, так снисходителен к ним нынешний антирусский режим.

Интеллектуальный и моральный прорыв не имеет ничего общего с потугами этих имперских реликтов.

Наметки этого прорыва появились в среде «не интеллигентных русских профессионалов», после краха «последней имперской попытки» Сталина. Здесь и появилась, наконец, надежда на успех «миссии Сварога». Технократическое и биологическое мышление, при полном отрицании всей бредятины как империи, так и попыток ее преодоления в рамках традиций русской интеллигенции способны, наконец, вывести на поиск реальных путей сокрушения имперского монстра.

И эти пути совершенно не стыкуются с предрассудками русской интеллигенции о «всеобщности», «мессианстве», опоре на простонародье, отрицании национализма и расизма.

Русский средний класс, наконец-то, преодолел в себе интеллигентность. И сейчас он всей своей предысторией, всей своей природой больше всех на земле подготовлен к идеалам нового белого технократического и биологического национализма.

Он будет со своим белым человеком Севера. А чужих вообще не будет считать за особей своего вида. Вот тогда и будут востребованы людоедские навыки имперской жизни в проклятой Российской империи (ибо людоедским навыкам она нас все же за столько столетий хотя бы на уровне ремесла обучила). Но на этот раз для конструктивного применения в интересах белой расы.

А имперцам мы устроим «мини-империю» в качестве анклава.

Сами же будем жить среди своих в национал-аристократическом государстве. Вместе со своим упорным и трудолюбивым белым народом, неотъемлемой частью которого мы являемся.

12. Казачья песня в качестве эпиграфа для эпилога. «Вашу руку, пан Корчинский!»

Продолжать темы предыдущих разделов можно было бы очень долго. Хватило бы на отдельную книгу. И не одну.

Но, по нашему мнению, в целом и так все ясно. Российское государство принесло очень много зла русскому народу. В последние годы это стали понимать очень многие идеологи и мыслители русского направления. Для примера можно привести эволюцию взглядов довольно известного в соответствующих кругах публициста Алексея Широпаева, который начинал в 1990-х годах как певец империи, а на рубеже веков пришел к полному отрицанию российского государства в своей, получившей почти скандальную известность книге «Тюрьма народа».

Впрочем, в наши задачи не входит анализ имеющих сиюминутный интерес проблем эволюции незадачливого русского движения 1990-х годов. Для подкрепления наших теоретических выводов не надо обращаться к трудам наших политизированных коллег.

Достаточно обратиться к народной мудрости, запечатленной в тех же народных песнях. Приведем в качестве примера лишь одну казачью песню, распространенную на Дону:

И Россия нам не мать, мачеха немилая.
Ах ты, доля казака, доля несчастливая.

Несчастлива в России доля не только казака, но и коренного великоросса, украинца, белоруса. Поразительно, но именно в России «привилегия» быть крепостными рабами предоставлялась как раз в первую очередь представителям государствообразующего триединого русского народа (великороссам, украинцам, белорусам).

В то время как дворянство, владеющее этими рабами, было по большей части нерусским. Напомним ставший известным в начале 1990-х годов факт. Так называемое «русское» дворянство к середине XIX века было едва ли наполовину православным. При этом «в зачет» шли «не совсем православные» грузины, армяне, греки, сербы, румыны, а кроме них вообще все крещенные инородцы. То есть даже среди «православных» дворян этническими русскими были далеко не все.

Но около половины дворян не были даже православными! Следовательно, этнических русских среди российского дворянства было, дай Бог, 1/3. Между тем подавляющее число крепостных были именно русскими.

В итоге, несколько огрубляя численные оценки, можно утверждать, что

российское государство отдало в крепостное рабство русских людей на 2/3 этнически нерусскому дворянству.

Для убежденного русского националиста этой характеристики российского государства вполне достаточно. Другие характеристики излишни.

Отметим, кстати, что подобные оценки «оккупационного» по отношению к русским характера российского государства отмечали многие русские мыслители. Например, С. Т. Аксаков. С этими оценками царское правительство и его апологеты вели борьбу.

Вполне понятно также, почему об этом аспекте идеологического противостояния в царской России так мало известно широкой публике, несмотря на весьма пристрастную критику царской России в советское время. Советская Россия осталась таким же антирусским государством, как и Россия царская. Поэтому критиковать своих предшественников за их «практическую русофобию» большевики-интернационалисты не стремились.

Мы не будем здесь останавливаться на перипетиях этой борьбы. Много работ на этот счет было опубликовано в национал-патриотической печати в конце 1990-х годов. Отметим лишь, что для современного политтехнолога вполне понятна и эта борьба и ее роль в поддержании устойчивости государственного механизма российской империи.

Между тем в этой борьбе есть один очень интересный момент, на котором стоит остановиться особо.

Рассмотрим ситуацию с точки зрения современного политтехнолога. На одной стороне имеется мощная государственная машина интернациональной антирусской империи. Кроме того, на стороне этой машины официальная религия. И эволюционно сформировавшийся, укоренившийся в массах миф о том, что российское имперское государство есть государство русское.

С каких позиций можно бороться с этим антинародным монстром? С позиций революционных, либеральных и, в конечном итоге, опять же интернациональных. И с позиций, которые можно условно назвать позициями «буржуазного национализма».

Пусть простит искушенный читатель за столь упрощенные характеристики. Но у нас просто нет возможности вдаваться в тонкости. А с другой стороны, не столь уж наша схематизация груба. Многие народы земли избавлялись от феодализма именно через те политические тенденции, которые в итоге привели к появлению классического буржуазного национализма.

Итак, проблема потенциального «русского буржуазного националиста» в Российской империи в том, что националистические чувства почти невозможно

пробудить при наличии чужой интернациональной религии (при отсутствии пусть и катакомбной, но национальной, альтернативной религии) и при укорененности мифа о русском характере российского государства.

Эти факторы не дают возможности начать идеологическую борьбу, успех которой является обязательной предпосылкой для начала борьбы политической (без этого начинать серьезную политическую борьбу вообще бессмысленно).

Как преодолеть эти барьеры? Очевидно, на пути «регионального национализма». Иначе говоря, объявить свою общность «не русской» и начать борьбу за ее «особые права» против якобы «русской» России.

Были ли подобные попытки в Российской империи? Разумеется, были. От гнета поддерживаемого официальным православием российского государства стремились уйти путем регионального, «корпоративного» или конфессионального русского национализма.

Имели место, хотя и не до конца оформились, попытки казачьей, поморской, сибирской «не русской» самоидентификации. Широкая столичная публика слабо представляет себе глубину подобных тенденций. Между тем их отголоски дожили аж до советских времен.

Так, в начале 1970-х автор, работая в Средней Азии, был искренне удивлен вопросом: «Ты русский или уралец?» Оказывается, в те места «при царях» ссылали уральских казаков-староверов. А они всегда подчеркивали, что они «не русские, а уральцы».

Кстати, тенденция к отдельной самоидентификации русских староверов прослеживается очень отчетливо. А для староверов очень сильны мотивы деления людей на «своих» и «чужих», типичные именно для националистического менталитета. Напомним, кстати, что среди российского крупного купечества более 2/3 составляли староверы, т. е. налицо все та же пресловутая тенденция «буржуазного национализма». Но национализма «особого», как бы и не русского.

На самом деле все эти попытки самоидентификации были как раз именно русскими, глубоко народными, но не российскими. Даже, в неявном виде, антироссийскими.

Эти попытки в итоге или провалились, или, как минимум, не развились. Причем не только политически, но и на предварительном, идеологическом этапе.

Примером немногих удач на этом пути стал украинский национализм. Он явился результатом успеха долгой и последовательной борьбы с интернациональной империей. Белорусский пример менее ярок, более случаен. Хотя в итоге и оказался гораздо более выигранным. Но для анализа все же

более подходит украинский пример как иллюстрация именно целенаправленной борьбы.

Автор, возможно, задевает чувства иных украинских национал-радикалов, но мы считаем великоруссов, украинцев и белоруссов действительно единым народом. Тех же пресловутых различий в русском и украинском языках гораздо меньше, чем различий в прусском и баварском диалектах немецкого или пьемонтском и сицилийском диалектах итальянского.

И по всем системообразующим признакам украинский национализм является просто доведенной до конца тенденцией обособления, имеющейся у многих и в самой России. У тех же упомянутых нами уральских казаков-староверов. Возможно, при других обстоятельствах мы могли бы сейчас говорить об «уральцах» и их «самостийном» государстве, в то время как украинцы оставались бы частью русского народа.

Итак, мы считаем украинский национализм реализовавшимся примером весьма широкой, можно сказать общерусской, но антироссийской тенденции.

Мы сейчас не будем обсуждать роль внешних сил в становлении украинского национализма. Она очевидна. Не будем также говорить об издержках этого национализма с точки зрения общерусских целей. Они тоже очевидны.

И, наконец, не будем касаться тех проблем и тех нереализованных возможностей, которые имеют место на самой Украине. Тем не менее, подчеркнем, что большая часть украинских просчетов, если внимательно приглядеться, обусловлена как раз попытками сохранить имперские бюрократические (и не только бюрократические) структуры и стереотипы жизни уже без империи.

Можно посочувствовать делу украинского освобождения и процветания. Но надо согласиться, что преодолевать имперские пережитки без империи все же легче, чем при ее сохранении. В этой связи нелишним будет напомнить, что у Украины и Белоруссии все же нет «своих Чечни и Дагестана», которые являются головной болью нынешней России. А в Белоруссии даже нет (вот счастье-то) и чеченской мафии. Впрочем, и других кавказских мафий (а на долю кавказцев приходится более 2/3 тяжких преступлений в России) там тоже нет.

За одно это уже стоило без оглядки бежать из интернациональной российской империи.

Кроме того, повторим тривиальную истину. Войн без жертв не бывает. В том числе войн политических и идеологических. Да, победа украинских националистов в итоге оказалась пирровой, что становится очевидным сейчас.

Но только ли они виноваты в этом?

Пусть русский читатель вдумается и примерит на себя положение «малоросса»-украинца. Основатель литературного украинского языка Т. Шевченко именно волею российского государства отдан в крепостное рабство немецкому помещику. А после того, как он был освобожден из рабства усилиями частных лиц (пусть среди них были не только этнические русские, но тем не менее), российское государство опять погружает украинского гения в полурабское состояние российского солдата.

Разумеется, драма Шевченко наиболее известна. Но является ли она и наиболее трагичной? Боюсь, что нет, при всем трагизме судьбы поэта.

Вспомним, как украинскими крепостными русские цари наделяли «грузинских гусар». Пусть современный читатель, знакомый с ситуацией на московских рынках, попытается представить, как славные «белые» украинские девушки и женщины целыми деревнями попадали в рабскую зависимость от сластолюбивых «черных» «горных орлов». Зависимость не только фактическую, но и формальную. Зависимость полную.

Ну, русский читатель, напряги свое воображение! Представь себе реалии и подробности подобной ситуации!

А если представил, правдиво ответь на вопрос, что должны чувствовать украинцы к российскому государству, «подарившему» им такие сюрпризы? И не надо разводить политическую арифметику типа «освободили от польского помещика, отдали грузинскому».

В том то и драматизм, что даже и от польского толком не освободили. Привилегии польских дворян по большей части никто не трогал. Даже когда поляки почти 100 лет доказывали свою враждебность российскому государству, оно продолжало вплоть до столыпинского премьерства защищать его интересы в ущерб интересам украинского и белорусского крестьянства.

Напомним, эта коллизия стала одним из оснований для критики и недовольства Столыпиным «сверху». Недовольства, которое разившись в других эпизодах, в итоге и привело к гибели этого деятеля. Мы не склонны идеализировать Столыпина. Однако даже его робкий «национальный» патриотизм был отторгнут той империей, которую он искренне пытался спасти.

Не нужен российской империи даже намек на русский народный национализм.

Однако, вернемся к основной канве нашего изложения. Освобождение от гнета интернациональной империи, отдающей белых женщин в рабство к «черным» и другим инородцам, есть цель вполне достойная и справедливая.

И часть единого русского народа — украинцы — достигла этой цели на путях «регионального» национализма.

К нашему великому сожалению, этого не удалось сделать без очень больших издержек. Впрочем, заметим, освобождения без жертв вообще не бывает. Ведь и бегущих из лагеря встречает не курорт, а холодная тайга, полная опасностей. И все же свобода дороже.

Тем не менее, не только и не столько ситуационные издержки освобождения сопровождают украинский эксперимент. Главное — это разрыв общерусского единства и расхождение в разные стороны единой великой культуры.

Кстати, одним из аспектов данной драмы является появление отчетливой неприязни к русским на Украине. У русских может возникнуть законный вопрос: «Почему?»

Автора всегда коробил примитивный «пролетарский» или «селянский» национализм с его откровенным хамством и иррациональными перехлестами. В том числе подобный вариант национализма украинского. Поэтому прошу читателя не записывать меня в адвокаты наиболее радикальных групп в УНА-УНСО.

Но давайте попытаемся встать на точку зрения самого рационально мыслящего и интеллигентного украинского националиста.

Куда еще до недавнего времени звало если не большинство, то, во всяком случае, значительная часть российских русских патриотов?

Назад в империю. Назад к наследию тех, кто отдавал белых женщин в рабство черным помещикам.

Может ли украинский националист приветствовать такое? Нет.

Далее. Никакое государство не может существовать без наличия «молчаливого большинства» тех, кто если и активно не поддерживает, то, во всяком случае, мирится с его политической практикой. И, к сожалению, российская интернациональная империя (в любых ее проявлениях и исторических формах) в значительной степени была сильна этим русским «молчаливым большинством».

И тем, кого данная империя давила, совершенно все равно, что сами русские попали в число этого «молчаливого большинства» силком и обманом.

Кстати, в свое время это большинство во многом обеспечивалось украинцами. Но теперь-то украинцы сбросили это иго. А русские продолжают быть базой его остатков.

Все это не дает возможности самому что ни на есть разумному и умеренному, но тем не менее убежденному украинскому националисту испытывать теплые

чувства к русским.

Однако, обусловлено ли это генетически? Является ли ситуация необратимой?

Разумеется, нет.

Если русскому народу суждено выжить, то он выживет, только уничтожив имперские остатки и пережитки. К сожалению, этого практически невозможно сделать, не пожертвовав в той или иной степени целостностью нынешнего русофобского российского государства.

Истинным русским националистам в отношении российского государства еще предстоит стать в некотором роде «украинцами». Через региональный национализм только и можно спасти остатки России-страны от инородческих московского и питерского центров, которые отождествляются с Россией-государством.

Всем белым народам, кто был под гнетом людоедского интернационального монстра государства России, русский народ, если он хочет выжить, должен будет спеть что-то типа:

Ведь это я привел ее тогда,
И вы ее оставьте мне, ребята...

Мы сами, своими руками должны удавить эту издыхающую гадину. И только тогда мы, представляя уже не Россию, а конкретно Владимирщину и Ярославщину, Дон и Кубань, Урал и Поморье, не «систему», а людей, сможем с чистой совестью сказать нашим украинским и белорусским братьям: «Давайте подумаем, а не стоит ли нам жить вместе, белым братством без...» Впрочем, всем заинтересованным лицам ясно, без кого.

Возможно, тогда все досадные перегибы последних лет будут исправлены.

И русский националист сможет с чистым сердцем сказать своему украинскому коллеге что-то вроде: «Вашу руку, пан Корчинский!»

Разумеется, совершенно не очевидно, что это предложение будет принято.

Но надо сказать, что только если подобное предложение будет **отклонено в подобной ситуации**, можно будет всерьез обсуждать вопрос о том, являются ли украинские националисты вульгарными агентами Запада, а не искренними защитниками своего народа.

А пока мы будем руководствоваться «презумпцией порядочности».

И, в конце концов, не в украинских националистах дело. Дело в нас самих, в

русских. Неоднозначный украинский опыт «изживания империи» через «макрорегиональный» патриотизм и «макрорегиональный» национализм должен послужить уроком для России.

Имперское, людоедское, не русское российское государство демонтировать все равно придется. Но при этом надо не потерять России-страны. Именно русской России, а не остатков не нужной русским имперской «территории».

Своеобразие регионов все равно придется учитывать при построении новой модели русской цивилизации в гораздо большей степени, чем это было дотеле при построении российского государства.

«Действовать регионально — мыслить глобально» — таков был лозунг знаменитого Римского клуба, в 1980-х годах пытавшегося сформулировать альтернативу дебильному неолиберализму. Попытка не была завершена. Но она хотя бы была и доставила немало головной боли примитивным либералам.

«Действовать регионально — мыслить общероссийски» — таков неизбежный лозунг грядущего российского возрождения. Которое, автор уверен в этом, доставит гораздо больше головной боли либералам и ростовщикам всего мира.

При этом надо не потерять единства русского народа.

Это трудно?

Не легко. Но возможно.

ЧАСТЬ III

Русская перспектива

Глава 1

Россия и золотой миллиард

1. Общество потребления

Выражение «золотой миллиард», обозначающее численность той части человечества, которая может при любых условиях жить по американским стандартам потребления, появилось в средствах массовой информации сравнительно недавно. Однако процессы, ведущие к формированию золотого миллиарда, начались гораздо раньше.

В 30-е годы XX столетия, учтя опыт Первой мировой войны, Октябрьской революции в России и Великого кризиса, целый ряд политических деятелей и ученых Запада пришли к выводу о бесперспективности дальнейшего развития общества по пути «классической» рыночной экономики. В рамках этой социально-экономической парадигмы народ был обречен на обнищание, а производство на кризисы. Единственным «лекарством» от такого развития событий была безудержная внешняя экспансия, с неизбежностью приводящая к мировым войнам. Последние, как показал опыт, грозили не только возможностью поражения, но, что было еще опаснее для правящих кругов, революциями по типу Октябрьской.

Выход из положения предложил ставший впоследствии весьма известным экономист Кейнс. Суть предлагаемой им стратегии сводилась к следующим моментам. Основным стимулом производства становился не внешний, а внутренний рынок. А чтобы он был способен выполнять такие задачи, он должен был быть «не насыщаемым». Иными словами, внутреннее потребление должно было постоянно расти, причем расти именно за счет массового, народного потребления.

Первой среди стран, принявших такую стратегию, была Америка, руководимая президентом Рузвельтом с его знаменитым «новым курсом». Прекращалось обнищание народных масс, устанавливался социальный мир. Однако все это действовало лишь внутри страны.

На международной арене страны общества потребления действовали еще жестче, чем раньше, борясь за ресурсы для стремительно развивающейся экономики. Следует признать, что в данных условиях внешняя экспансия, направленная на обеспечение экономических интересов своего народа, получала

гораздо большую поддержку масс, чем раньше.

Иными словами, происходил своеобразный «экспорт» внутренних проблем во внешний мир. Кризиса потребления удавалось избежать, но приходилось жить в условиях постоянной угрозы кризиса ресурсного.

Окончательно общество потребления оформилось на Западе только к началу 1960-х годов. Оно было настолько внешне привлекательно, что стало эталоном, целью для подавляющего большинства стран мира, за исключением социалистических. Именно эта привлекательность позволила заменить прямой грабеж колоний так называемым неокOLONиализмом, когда развитые страны предоставили местным политическим элитам свободу. Однако это был точно рассчитанный шаг. Слаборазвитые страны «копировали Америку», однако, играя по правилам, которые придумывались не ими, они сами залезали в финансовую, технологическую, информационную кабалу и были принуждаемы идти на неэквивалентный торговый обмен с Западом, превращаясь в «сырьевые придатки» развитых стран.

Апологеты общества потребления в своих пропагандистских кампаниях всегда делали упор на некую особую эффективность экономических механизмов и высокие научно-технические достижения в странах Запада. На самом деле это не совсем так. И организация производства, и технологии в массе своей в ведущих странах общества потребления не настолько лучше, чем в тех же странах бывшего социализма, чтобы обеспечивать столь разительный контраст в уровне жизни.

Американское чудо, прежде всего, обусловлено возможностью эксплуатировать большую часть ресурсов земного шара. Так, Америка, население которой составляет 5% от населения мира, потребляет свыше 40% расходуемых ресурсов мира и выбрасывает свыше 50% мировых отходов (т. е. использует ресурсы крайне «размашисто»). Начиная с самых нижних звеньев технологических цепочек, Америка позволяет себе брать лучшее. Например, американская металлургия не работает с рудами, содержащими железо ниже 52%. Для сравнения, в России используются и руды с 30%-м содержанием железа. Таким образом, Америка напоминает телку, которая дает много молока не потому, что обладает особой породой, а потому, что ее смолоду поили жирным молоком и продолжают весьма неплохо кормить.

Таким образом, следует признать, что конструируя общество потребления, его авторы никогда не ставили себе целью «осчастливить все человечество». С другой стороны, не были они, наверное, и сказочными злодеями, планировавшими удушение большинства стран. Они были просто прагматиками, служившими своим и только своим народам. Ограниченность ресурсов для обеспечения общества потребления ощущалась ими изначально, как и необходимость борьбы за них. Однако какова будет численность населения

земли, какая часть этого населения сможет насладиться благами общества потребления, на какой объем каких ресурсов можно будет рассчитывать, — такие вопросы, по-видимому, не ставились. Просто констатировалось, что сильнее всего хватит. С другой стороны, налицо были явные надежды на научно-технический прогресс, позволяющий в определенных пределах проводить замену одних дефицитных ресурсов другими, более распространенными.

Общество потребления изначально развивалось «на грани фола». Иными словами, для его успешного существования требовалось слишком много условий. Страны третьего мира должны были находиться в таком положении, чтобы, с одной стороны, они не могли достигнуть уровня западных стран, с другой стороны, чтобы они были достаточно стабильны для успешного выполнения тех функций в международном разделении труда, которые на них возложили «хозяева жизни».

Однако этой стабильности достичь было не так-то легко, ибо внутреннее положение сырьевых придатков не могло быть стабильным по самой своей сути. Действительно, в эти страны «экспортировались» все проблемы «дикого капитализма», от которых избавлялись у себя страны-лидеры. Кроме того, в странах третьего мира оставались все проблемы традиционных обществ — клановость, необразованность, коррупция.

Сюда следует прибавить и противоборство СССР странам Запада в третьем мире, которое мешало развитым странам безраздельно хозяйничать там. Следует, правда, справедливости ради заметить чисто экономическую обоснованность усилий стран Запада в этих регионах. Они дрались там за экономические интересы собственных народов, чего нельзя сказать о СССР, ибо эксплуатировать на пользу собственному населению завоеванные зоны влияния СССР не хотел и не умел.

Однако, так или иначе, к середине 1960-х годов общество потребления динамично развивалось в перманентном противоборстве с социалистическим блоком, поддерживая свое влияние на большей части земли и обходя угрозы ресурсных кризисов. Ничто не сулило больших потрясений.

2. Экологический кризис

Первой ласточкой «весны тревоги» для Запада стал энергетический кризис, разразившийся в связи с сокращениями поставок нефти арабскими странами, оказавшими, таким образом, давление на Запад во время арабо-израильского конфликта. С этим кризисом Западу удалось справиться, однако уже тогда появились сомнения, что рост потребления может продолжаться такими же темпами.

1970-е годы были отмечены целым рядом локальных конфликтов, которые на Западе склонны были объяснять дестабилизирующими усилиями СССР. Однако

это было не так. Третий мир и без усилий СССР утрачивал управляемость. Практически повсеместно начал проявляться демографический кризис. Население стран третьего мира катастрофически росло, продовольствия не хватало на всех. А тут поспел и экологический кризис. Вопреки имеющемуся заблуждению, он проявился вначале в странах третьего мира и выражался в деградации переистощенных сельскохозяйственных угодий. Иными словами, здесь экологические проблемы выступали как проблемы «земли и воды».

Экологические, продовольственные и демографические проблемы в одночасье лишили значительную часть третьего мира управляемости. Ресурсы кризисных регионов оказались слишком трудно эксплуатируемыми для Запада, когда их добыча стала протекать по принципу «себе дороже». Именно в такой ситуации во второй половине 1970-х годов экологический кризис стал проявляться и на самом Западе. Здесь он выступал уже не как традиционный ресурсно-экологический кризис, а как кризис среды обитания. На Западе стало просто трудно жить. Весь мир обошли фотографии залитых нефтью пляжей и полицейских, стоящих на перекрестках в противогазах. Экологическими проблемами Запада стали проблемы «воздуха и воды» и определялись эти проблемы возрастающим объемом выбросов.

Кардинальным решением такого кризиса могло быть либо сокращение потребления, либо резкое уменьшение объема выбросов на единицу продукции. На первое Запад пойти не мог, это означало крах общества потребления. Второе решение было предпочтительнее и показалось поначалу достаточно доступным. Действительно, сумели же на Западе резко сократить энергоемкость хозяйства в период энергетического кризиса.

Однако комплексное полное переоборудование производства в условиях, когда надо одновременно осваивать новые материалы и энергоносители (для выхода из ресурсного кризиса) и добиваться в принципиально новых изделиях высокого коэффициента использования сырья и энергии (для выхода из экологического кризиса), потребовало совершенно новых форм организации экономики, резкого, непривычного даже для Запада, возрастания роли науки, повышения роли личности в высокоэнергетичном производстве, практической «безошибочности» всех производственных процессов.

Осознавая, что эти проблемы рано или поздно все равно надо будет решать, ведущие аналитики Запада поняли, что время для решения крайне мало. С конца 1970-х-начала 1980-х годов множатся пророчества, что мировая цивилизация захлебнется в волнах ресурсного и экологического кризисов в окружении погруженного в хаос неуправляемого третьего мира. В этих условиях каждая очередная локальная проблема могла спровоцировать глобальную катастрофу. Поэтому выделяется много средств на науку и прикладные исследования, возрастает цена «прорывных» стратегических идей. Именно в это время на Западе всерьез рассматривают российский интеллектуальный потенциал, как

возможный источник нахождения «рецептов спасения».

3. Неожиданное спасение

И вдруг, как по мановению волшебной палочки, напряжение и страхи исчезают. Было найдено, правда, широко не афишируемое, типичное для общества потребления паллиативное решение. Страны третьего мира стали рассматриваться не просто как сырьевые придатки, но и как промышленно-сырьевые придатки. Там стали развивать не только горнодобывающую промышленность, но и металлургию, нефтепереработку, большую химию. Туда же, в страны третьего мира, охотно передавались непрестижные сборочные производства.

Этот тип развития получил одобрение стран третьего мира, он воспринимался как настоящее полноценное развитие. Западные ценности в очередной раз продемонстрировали свое превосходство, авторитет стран-лидеров укрепился. По времени это совпало с началом краха системы социализма. Запад восстановил на первый взгляд полное влияние на третий мир. Теперь он управлялся уже через более устойчивую систему «внутренних лидеров» — промышленно-сырьевых стран третьего мира.

В то же время научный бум начала 1980-х годов также принес свои плоды. В целом ряде производств на верхних звеньях технологических цепочек коэффициент полезного использования энергии и материалов резко возрос. А нижние звенья, так называемые базовые отрасли, развитые страны вывели за пределы своих территорий. Таким образом, Запад преодолел экологический кризис и в очередной раз «экспортировал» свои проблемы другим. В этих условиях эффективными оказались и вложения в экологию, и охрану природы, которые завершили полную «ликвидацию» экологического кризиса в развитых странах.

Они получили возможность продолжать развиваться как общество потребления.

4. Золотой миллиард

Однако развивающиеся страны остались со своими проблемами. Гордость национальных элит от развития своей промышленности (правда, грязных отраслей) не заменит эффективной стратегии борьбы с ресурсным, экономическим и демографическим кризисами. Народы третьего мира тоже хотят иметь чистую природу, хорошие дороги, развитую социальную сферу, производство самолетов, автомобилей и электроники, науку и опытные производства.

Однако им четко сказано, что этого быть не может. Такие условия в настоящем и обозримом будущем смогут иметь только народы золотого миллиарда. Теперь уже окончательно и обосновано подсчитано, что экологический и ресурсный потенциал позволит существовать в режиме общества потребления только

миллиарду человек. Счастливы будут без спешки, с чувством, толком и расстановкой увеличивать уже не количественные, а качественные показатели своей жизни. Это совпадет с прогрессом на верхних звеньях технологических цепочек и со стабилизацией населения данных государств.

Интересно, что биологи и антропологи, независимо от экономистов, посчитали, что комфортное существование человека как вида не может быть обеспечено при населении земли, превышающем 1-1,5 миллиарда человек по чисто биологическим причинам.

Ну, а кто не успел, тот опоздал. Остальное население планеты должно смириться с ролью придатков на долгие годы, пока не будет найдено решение всех проблем. То, что это решение не будет найдено достаточно скоро, очевидно.

На этих основах и предлагается зафиксировать новый мировой порядок. Следует признать, что это типичный мирный договор между победителями и побежденными. В борьбе за природу и ресурсы Запад, где силой, где хитростью, где благодаря тупости своих противников выиграл. Именно так следует рассматривать решение Западом своих проблем. Он не в честном бою один на один с природой нашел развязку кризисов, а за счет других стран и народов. И ему уже не нужно напрягать силы, в то время как этим странам надо, используя ресурсы только своей земли в условиях несправедливого обмена, решать свои проблемы.

Рассчитывать на возможность сохранения в этих условиях достаточной управляемости Западом странами, не попавшими в золотой миллиард, по меньшей мере, наивно.

5. СССР и общество потребления

Россия несколько раньше Запада вынуждена была решать проблемы «дикого капитализма» и нашла выход на пути восстановления тотальных государственных структур. Именно восстановления. Ибо то, что было построено после 1917 года, по всем системообразующим свойствам соответствовало древним военно-бюрократическим империям Египта, Вавилона, Ассирии, Средней Азии и Китая.

Данная система государственного построения в качестве основного ресурса экономики предполагает неограниченную эксплуатацию собственного населения. А так как в этой ситуации население постепенно вымирает, то необходимо постоянное расширение границ и вовлечение в данный тип хозяйства все новых масс народа. Такой тип экономики и государства был в древности довольно распространен, однако по мере развития производства оказался в чистом виде неконкурентоспособным.

Индустриальный этап развития технологий позволил модернизировать данный тип цивилизации. Наряду с эксплуатацией населения эффективной оказалась неограниченная эксплуатация природных ресурсов. Так, например, за последние 70 лет своего существования Россия потеряла не менее 30% потенциала почвенного плодородия, не менее 50% реально доступных для эксплуатации лесных ресурсов, не менее 60% луговых угодий, не менее 80% рыбных ресурсов внутренних вод. Аналогичная в целом картина и по минерально-сырьевым ресурсам.

В этих условиях можно было поддерживать стабильность населения, наращивать объем производства, компенсируя любые сбои хозяйственного механизма понижением уровня реального потребления. Разные этапы развития социализма в России сопровождались перемещением центра тяжести с эксплуатации одних видов ресурсов на другие. Так, если на первых этапах (до 1950 года) эксплуатировался в основном демографический потенциал, то затем упор был сделан на эксплуатацию природно-ресурсного потенциала. Это произошло не столько от «гуманизации» верхов, сколько от глубокой подорванности демографического потенциала после периодов коллективизации, индустриализации и особенно после Великой Отечественной войны.

Если говорить о привлекательности социализма как модели, то уровень жизни в СССР был несколько выше, чем в странах третьего мира, и намного ниже, чем в странах общества потребления. Богатейший ресурсный потенциал не дал до времени проявиться в СССР ресурсному кризису. Однако экстенсивное развитие природоэксплуатирующих и базовых отраслей обусловили экологический кризис в СССР не менее острый, чем на Западе.

Следует отметить, что реальных путей решения глобальных проблем социализм был дать не в состоянии, однако при полном отсутствии внешнего давления он мог бы продержаться довольно долго до полного исчерпания всех ресурсов и последующего постепенного вымирания населения при падающем уровне потребления и катастрофической деградации среды обитания. Собственно, мы уже были близки к этому. С конца 1970-х годов уровень жизни практически не рос, население собственно России имело прирост, близкий к нулю, а площадь зон экологических бедствий постоянно росла.

Однако СССР волею судеб оказался в конфронтации с Западом. Суть этой конфронтации состояла в первую очередь в том, что СССР «мешал» Западу установить мировое господство стран общества потребления над остальным миром. В таком противостоянии было много ошибочного. СССР физически не мог противостоять Западу там, где для этого не было естественных предпосылок, например, в Афганистане. И в то же время Запад не мог эффективно контролировать ряд регионов, где влияние СССР вовсе отсутствовало, но были объективные возможности для успешного противостояния Западу. Примером могут служить «наркопартизаны» Колумбии.

Измотав и по сути разгромив СССР в «холодной войне», Запад не решил проблем достижения полной управляемости третьим миром. По сути, это была победа в некоем открытом столкновении, которой, как известно, добиться легче, чем в партизанской войне.

Проблемы XXI века будут во многом обусловлены «партизанской холодной войной», которая придет на смену «регулярной холодной войне». И в этой, новой войне добиться победы вряд ли будет возможно.

6. Россия и золотой миллиард

Чтобы правильнее понять перспективы мирового развития в XXI веке, следует оценить возможные варианты решения глобальных ресурсного, экологического и демографического кризисов. Следует также очертить те контуры новой реальности, которая может установиться как результат достижения нового динамического равновесия между природой, обществом и цивилизацией. Это равновесие возможно только в том случае, если страны и народы научатся решать все свои проблемы и динамично развиваться, используя некий наличный ресурсный, экологический, научный и производственный потенциал, не рассчитывая на потенциал соседей, который, в конечном итоге, также ограничен. Иными словами, чужой «каравай» может только отсрочить кризис, но не спасет от него.

Возможности такой стратегии просчитаны, известны и, в общем-то, никем серьезно не оспариваются. Это стратегия опережающего развития науки и образования, «безошибочного» производства, минимизации потерь и выбросов путем максимально полного использования материалов и энергии, вовлечения в производство ранее не использовавшихся ресурсов, активной природоохранной деятельности. Такая стратегия должна сопровождаться результативной социальной и демографической политикой.

В рамках такой стратегии развития, с одной стороны, резко повышается роль личности на каждом рабочем месте и уровне управления, с другой стороны, повышается роль дисциплины и, особенно, самодисциплины, умения работать в команде. Дисциплина в данном случае определяется не угрозой, а принципом «единение ради выживания».

Все эти принципы возможно воплотить при кардинальном улучшении культурного и морального уровня людей. Особенно возрастают требования к руководству всех уровней, его компетентности и порядочности. Такое руководство должно сочетать современный профессиональный уровень, аристократизм (в лучшем смысле этого слова) и экологическое (в широком смысле) мышление. Последнее особенно важно. На любом уровне принятия решения надо помнить, что вне блага своего народа, вне своей природы, цивилизации и культуры невозможно достигнуть личного благополучия вне

зависимости от высоты занимаемого поста.

Интересно отметить, что в рамках данной парадигмы, называемой «устойчивым развитием», оставлены и наиболее привлекательные черты общества потребления. Стратегия обеспечения потребления в данном случае не требует отказа от улучшения уровня жизни, а вводит этот процесс в некие рамки. Иными словами, это должен быть процесс контролируемого, однако постоянного улучшения уровня и качества жизни при доминировании именно последнего элемента.

Несмотря на кажущуюся декларативность изложенных принципов, они в сущности легко формализуются и объяснимы на уровне численных оценок и расчетов. Повторяем, среди исследователей стратегий развития эти принципы уже стали аксиомой. Проблема не в этом. Проблема состоит в том, что реально к стратегии устойчивого развития сможет прийти 1-2 миллиарда людей. Это во-первых. А во-вторых, реальная политика не обойдется без попыток первыми прийти к устойчивому развитию за счет других (хотя бы на переходном этапе), иными словами, попыток переложить тяготы переходного периода на других.

Совершенно очевидно, что наиболее вероятна попытка стран золотого миллиарда построить общество устойчивого развития для себя. Однако для этого потребуются жесткая управляемость стран третьего мира, что, очевидно, невозможно.

Сочетание отдельных технических достижений (в основном в военной сфере) с дикостью традиционного кланового общества, с безграмотностью и коррупцией правящей элиты, в условиях экологического кризиса и неуправляемости демографической ситуации, делает третий мир, во всяком случае, наименее развитую его часть, зоной перманентного конфликта в течение ближайших десятилетий. Ресурсы данной зоны потеряны для Запада не в результате козней мирового социализма, а в силу объективных причин.

Интересно развитие ситуации и в странах «внутренних лидеров». Они будут напрягать все усилия, чтобы вскочить в поезд, увозящий золотой миллиард в будущее устойчивого развития. Бесспорно, что для этого будут использоваться как внутренние, так и внешние ресурсы. «Внутренние лидеры» третьего мира, очевидно, не откажутся от попыток повторить путь Запада в ограблении менее развитых стран.

В самих странах Запада, очевидно, будут нарастать тенденции к разобщению. Лишившись общего врага в лице СССР, они потеряли наиболее действенный стержень, обеспечивающий их единство. В то же время любые потрясения в окружающем мире, глобальные климатические и экологические изменения, наконец, будут по-разному сказываться на их состоянии. Таким образом, стремление вырвавшихся вперед переложить бремя переходного периода не

только на дальнего, но и на ближнего соседа будут нарастать.

Все эти противоречия не решишь наращиванием военных усилий по типу третьей четверти XX века. Мир перейдет к целой серии «партизанских холодных войн» между развитыми странами, полномасштабных «макрорегиональных» войн между странами — «внутренними лидерами» третьего мира и попросту бандитских потасовок между странами-аутсайдерами. В XXI веке Запад потеряет возможность прямо или косвенно эксплуатировать ресурсы зон многочисленных конфликтов, а пойти на внутренние жертвы не сможет.

Однако даже не это главное. Выбраться на путь устойчивого развития будет трудно в первую очередь по моральным причинам. В ситуации всеобщей конфронтации невозможно сформировать разумную и моральную политику. К устойчивому развитию первой придет страна, которая будет стоять в стороне от всеобщей потасовки.

Эта страна должна быть обеспечена собственными ресурсами.

Эта страна должна иметь достаточно мощную армию, способную сделать неприемлемым для любого агрессора посягательство на ее ресурсы.

Эта страна должна иметь экономику, в максимальной степени независимую от поставок извне.

Эта страна должна иметь достаточно высокий образовательный уровень населения.

Эта страна должна иметь невысокий текущий уровень потребления.

Эта страна не должна испытывать проблем перенаселения.

Эта страна, наконец, должна иметь хоть какой-то источник улучшения своего состояния, не связанный с грабежом соседей, например, выиграть от глобального потепления климата.

Эта страна называется Россией.

В России живет 150 миллионов человек — это седьмая часть от формирующегося нового золотого миллиарда. Россия занимает одну восьмую часть суши и владеет в сумме не менее одной пятой мировых ресурсов. Россия, стряхнув с себя Кавказ и Среднюю Азию, не имеет проблем с перенаселением. Россия (и пожалуй только она) выиграет от глобального потепления климата (ее ближайшие соседи проиграют). У России есть все возможности, проводя жесткую политику невмешательства, оставаться в стороне от всех грязных разборок мировой политики.

Россия, если ее политики найдут в себе ум и волю следовать русской народной мудрости — «чужого не возьмем, своего не упустим», первой войдет в новый золотой миллиард устойчивого развития, в то время как весь остальной мир еще долго будет приводить в соответствие свои амбиции, численность населения и самодисциплину с возможностями, данными нам природой.

Глава 2

Россия в новом мировом порядке

1. Что такое новый мировой порядок?

Чтобы понять, что же такое новый мировой порядок, приведем несколько широко известных специалистам цифр. Мировой продукт в 1972 году оценивался в 3,652 триллиона долларов. А в 1981 году он оценивался в 12,279 триллионов долларов. Рост мирового продукта в долларовом исчислении, если верить приведенным цифрам, составлял около 14% в год.

Однако, очевидно, что физический рост мирового производства не может быть таким высоким. Специалисты оценивают его за рассматриваемый период не более, чем в 5%. Следовательно, реальный объем производства за это время вырос гораздо меньше, чем его долларовая оценка, а значит, доллар должен девальвироваться. Между тем этого не происходит. Таким образом, благодаря согласованным действиям стран Запада курсы их валют вот уже несколько десятилетий удерживаются на повышенном уровне. Этот безотказный механизм помогает выкачивать из стран, не имеющих счастья состоять в группе «развитых», реальное сырье и товары в обмен на крашенную бумагу «твердой*» валюты.

Именно благодаря этому механизму США используют около 40% мирового объема добываемых ресурсов и весьма расточительно их обрабатывают, выбрасывая 50% мировых отходов.

Такой грабеж не имеет прецедентов в мировой истории. Впервые так нагло обираются страны, которые формально не проиграли войн, не оккупированы, не аннексированы, но которые добровольно платят победившей западной плутократии огромную «контрибуцию», обеспечивая столь высокий уровень потребления в «странах-победительницах». Именно этим незаметным грабежом, а не каким-то чудесным уровнем научно-технического развития, обеспечено сказочное изобилие Запада. И это основной вопрос, поняв который, мы поймем суть нового мирового порядка.

Данный механизм давно был понят в кругах специалистов по глобальным проблемам. Причем к подобным выводам одновременно пришли как несколько независимых исследовательских групп в России, так и ряд исследователей Запада, в числе которых наиболее четко сформулировал соответствующие положения американец Линдон Ларуш.

Что характерно, «ворованная шуба не греет» — возможность без усилий и борьбы решать свои проблемы за счет других тормозит развитие науки и техники. Зачем думать и исхитряться, если можно просто безнаказанно взять у других. Любое же реальное сопротивление — политическое, экономическое, военное, наконец, — стимулирует развитие технологий и дает предпосылки решать действительно существующие мировые проблемы на путях технического совершенствования. Именно этот путь способен кардинально разрешать реальные проблемы развития, ибо чужие ресурсы все равно исчерпаемы если не сегодня, так завтра.

2. Кому нужна стабильность?

С развалом СССР Запад стал безраздельно доминировать в мировой политике. Конечно же, Россию не приняли в стан «хозяев мира», что мы, ее граждане, регулярно чувствуем на собственной шкуре. Мы присоединились к обираемым и «гоним» на Запад от 30 до 95% (по различным товарно-ресурсным позициям) добываемых нами ресурсов по совершенно грабительским ценам, взамен получая залежалую отраву типа спирта «Роял».

Теперь Западу нужно закрепить свою победу. Именно ему в первую очередь необходимо, чтобы в сырьевых регионах исправно добывалось сырье, чтобы транспортные артерии были в состоянии это сырье перегнать в развитые страны. Надо отдавать себе отчет, что перебои в сырьевых поставках мгновенно вызовут системный кризис западной экономики, ведь даже США по некоторым сырьевым позициям (например, по ряду редких и цветных металлов) на 100% зависит от внешних поставок.

Нас не должно смущать не согласующееся с высказанным тезисом устойчивое падение мировых цен на сырье. Как мы показали выше, мировая финансовая система построена таким образом, что заинтересованные производители никогда не получают реальную оценку своих богатств в долларовом исчислении.

Теперь зададимся вопросом. Что будет, если в каких-либо регионах дестабилизируется обстановка. Во-первых, данная территория будет недоступна для эксплуатации. Во-вторых, там в силу нарушения «мирового порядка» могут найти сбыт товары, в том числе и оружие из стран, не допущенных в разряд «развитых». В-третьих, зона нестабильности может расширяться, и уже на новых территориях могут возникнуть вышеназванные проблемы для стран Запада.

Именно в силу указанных причин Запад добивается стабильности любой ценой. Пусть нарушается справедливость, пусть существующий статус-кво не соответствует оптимальному способу территориального администрирования, пусть консервируются на неопределенно долгое время любые несутрастности — главное, не допустить нарушения стабильности. Это не бремя всепланетного

«добротворца», это полицейская функция хозяина рабского барака, который следит, чтобы рабы не разодрались между собой, принеся убыток своему владельцу.

Исключением из политики поддержания мировой стабильности являются только случаи, когда необходимо максимально ослабить однозначно неприемлемый режим. Однако после падения СССР эти ситуации редки. Тем большее уважение должны заслуживать режимы, не поддавшиеся на дешевые приманки нового мирового порядка. Этому могут быть разные причины, и вряд ли всех «лидеров сопротивления» можно считать ангелами добра, справедливости и прогресса, однако все они, несомненно, заслуживают глубочайшего уважения за мужество и государственную прозорливость. Их потомки скажут «спасибо» своим предтечам за сохраненные от хищников и паразитов ресурсы, за собственную национальную культуру, не испоганенный язык, за возможности политического маневра при выборе государственной стратегии.

Итак, требование мировой стабильности есть просто одна из основ политики эгоистических интересов хозяев «нового мирового порядка». Однако даже здесь в самом механизме поддержания этой стабильности заложено стремление сэкономить свои усилия за счет чужих. Именно поэтому так настойчиво вербуют в «миротворцы» лидеров образовавшихся после развала СССР государств. Воистину, нет предела тупому эгоизму победивших мировых паразитов.

3. Россия в новом мировом порядке

Чем характеризуется экономическая и производственно-технологическая ситуация в России в последнее десятилетие?

Во-первых, уровень промышленного производства резко упав, лишь в последние годы начал медленно расти. Шла настоящая деиндустриализация России. При этом падение объемов производства в сырьевых отраслях было незначительно.

В то же время наблюдалось ускоренное падение в наиболее технологически развитых отраслях. Причем, чем выше технический уровень, тем значительнее был спад.

Таким образом, произошла структурная перестройка хозяйственного комплекса в сырьевой придаток Запада. Собственно, это на определенных этапах и не скрывалось, достаточно вспомнить высказывания Гайдара периода начала 1992 года. Сейчас некоторые деятели лицемерно льют слезы по поводу научно-технической деградации России. Однако это крокодиловы слезы. Приоритетными опять называют добывающие отрасли, а опытно-конструкторские работы практически не финансируют. Объем финансирования

науки с учетом инфляции и роста энерготарифов уменьшается. Таким образом, критикующие ученых крепкие хозяйственники недалеко ушли в своем проамериканском рвении от откровенных подмастерьев Джеффри Сакса.

Вторым моментом современной российской действительности является беспрецедентная по объемам помощь странам СНГ. На эти цели в явной или скрытой форме уходит до четверти валового внутреннего продукта России. Именно эта помощь стабилизирует политическую ситуацию в республиках, обеспечивая им до 30% внутреннего потребления за счет российской помощи (официальной и неофициальной).

На первый взгляд, это может показаться даже политикой возрождения державного величия России мирными средствами (через пряник безвозмездной помощи). Однако это не так. Россия, проигравшая научно-техническую гонку, превращенная в сырьевой придаток Запада, никогда не станет великой державой, какую бы территорию она не контролировала. Поэтому, поддерживая антирусские агрессивные проамериканские и протурецкие этнократии Средней Азии и Закавказья, Россия всего лишь задаром выполняет роль стабилизатора в регионах, богатства которых намерен эксплуатировать все тот же Запад под ее прикрытием.

Таким образом, роли России в новом мировом порядке не может не увидеть только очень предвзятый политик. Это в первую очередь роль сырьевого придатка Запада и дармового подручного в поддержании так нужной Западу мировой стабильности.

4. Стабильность — враг национального возрождения России

В раздираемой проблемами России очень важна каждая капля материальных, сырьевых и финансовых ресурсов, которые можно было бы направить на возрождение и модернизацию российской экономики. Да, ныне Россия на пути окончательного превращения в сырьевой придаток Запада. В этой ситуации патриотам необходимо понять, что чем выше цены на сырье, тем больше возможностей у России. А при каких обстоятельствах высоки цены на сырье? При нестабильности в ресурсо-добывающих регионах мира.

Далее, в России еще остаются «реликты» военно-промышленного комплекса. Сейчас они лишены сбыта своей продукции. В условиях нарастающей нестабильности эти предприятия смогут найти сбыт своей продукции и дать России финансовые резервы.

Итак, совершенно очевидно, что чем больше нестабильности в мире — тем объективно лучше России. Могут возразить, что эти возможности все равно не использует антинациональный режим. Да, однако чем выше нестабильность, тем меньше внимания Запад может оказать своим российским слугам. И в нашей внутренней борьбе мировая нестабильность — союзник сил,

стремящихся к возрождению России.

Надо четко осознавать, что в нашей заинтересованности в нестабильности мы не одиноки. Не все страны попались в капкан нового мирового порядка. Через нестабильность, через разрушение паразитарных мировых структур только и может прийти освобождение выброшенным на обочину мира обиравым народам. Именно страны и политические течения — лидеры мирового сопротивления — Иран, Ливия, Куба, Сербия, Китай, Индия, палестинское движение и другие подобные центры политического действия должны осознать свою близость патриотической России. Лидерам этих стран надо четко осознать, что в России решается сейчас судьба мира, их судьба в том числе.

Только действенная помощь этих стран российской патриотической оппозиции даст последней возможность достаточно окрепнуть и прийти, наконец, к власти в своей стране. А патриотическая Россия — это гарант крушения нового мирового порядка. При этом не надо пугать всех мировой войной. Для того, чтобы новый порядок рухнул, достаточно просто самого факта существования развитой, независимой, сильной России. Запад на пороге сильнейшего системного кризиса своей цивилизации, для запуска этого кризиса достаточно малых усилий, достаточно выбить у мировых паразитов только одну-две ресурсные опоры.

Лидеры мирового сопротивления не должны пристрастно педалировать разногласия между своими идеологемами и идеологией российской оппозиции. Что хорошо для одной страны, не всегда хорошо для другой. Но честные патриоты двух любых стран поймут друг друга гораздо быстрее, чем каких-либо представителей интернациональной плутократии. Взаимное уважение позволит нам помогать друг другу, не влезая в идеологические тонкости наших политических программ.

Таким образом, для собственного спасения, для спасения мира в целом лидеры мирового сопротивления должны всячески помогать российским национально-патриотическим силам. Даже малая толика такой помощи даст эффект гораздо больший, чем прямые усилия по противодействию новому мировому порядку в любом другом месте.

Глава 3

Технические реалии новой цивилизации и ее политические последствия

1. Суть научно-технического развития

Согласно ранее изложенной нами теории развития технологий (глава «История технологий и технология истории» первой части нашей книги) уровень технического развития всего хозяйственного комплекса определяется совокупностью технически приемлемых для использования в рамках данного технологического уклада (или типа цивилизации) материалов и энергоносителей и коэффициентом их полезного использования. Заметим, что подобная концепция является результатом многолетних междисциплинарных научных исследований, проведенных в 1980-е годы.

Именно этот подход впервые позволил, отвлекаясь от многих частных деталей, количественно и строго объективно оценивать уровень технического развития. При подобном подходе были разрешены неразрешимые ранее вопросы типа «Что является более прогрессивной технологией — системы управления на основе пневматики или электроники?», которые прежде зачастую решались субъективно на основе «технической моды». Более того, изложенный нами подход позволил представить развитие техники как процесс, органично вытекающий из наиболее общих закономерностей развития природы.

Научно-технические революции (НТР) согласно нашей концепции являются освоением принципиально новых, ранее активно не используемых (либо вообще не используемых) энергоносителей и материалов. Это сразу снимает вопрос о дефицитности ресурсов. Старая, уже исчерпанная ресурсная база заменяется (полностью или частично) новым видом ресурсов, которых на начальном этапе в избытке.

Именно так на рубеже бронзового и железного веков железа было в избытке для нужд тогдашней металлургии по сравнению с дефицитной медью. Именно так начало использования угля резко увеличило энергетическую базу для промышленности и коммунального хозяйства стран Европы, страдавшего от дефицита горючего, обеспечивающегося дровами в условиях катастрофической деградации лесов.

Любая научно-техническая революция, помимо всего прочего, дает огромный

выигрыш трудозатрат на производство единицы продукции.

Следует подчеркнуть, что любая НТР всегда имеет громадные политические последствия. И здесь стоит отметить две общие закономерности всех НТР.

Во-первых, реализация любой радикальной НТР наиболее вероятна в странах, которые, с одной стороны, достаточно продвинуты в научно-техническом плане, а с другой — все же находятся на некоей «обочине» ядра цивилизации, господствующей в настоящий момент. Именно так на окраине тогдашнего цивилизованного мира возникла металлургия железа. Даже зная о железе, древние металлурги «развитых стран» тех лет были слишком сильно связаны с производством бронзы. Чем более развита инфраструктура того или иного производства, тем более трудно от нее отказаться в пользу принципиально новой технологии. Аналогичные примеры имели место и позднее. Самый последний в этом ряду — свертывание работ по термоядерной энергетике в США под давлением нефтяных кампаний.

Вышесказанное в двух словах можно кратко выразить: «От хорошей жизни цивилизационными поисками не занимаются, однако не занимаются ими и слишком отсталые».

Во-вторых, переход к новой цивилизации — это решение большинства текущих экономических, социальных и политических проблем для стран, решившихся стать на этот путь. Здесь опять же приведем многократно упоминаемый нами классический пример. Обладающие бронзовым оружием развитые государства древности использовали окрестные племена как источник рабской силы, осуществляя эту политику, опираясь на свое превосходство в вооружении (бронза у окрестных племен была в большом дефиците). Освоившие железо бывшие аутсайдеры вырвались вперед, прекратили грабеж собственных народов и в ответных набегах (успешных из-за достигнутого превосходства железного оружия над бронзовым) вернули награбленное.

Заметим, цивилизационный прорыв, являющийся неизбежным следствием НТР, — всегда самое эффективное решение текущих политических и экономических проблем, гораздо более действенное, чем любые политические усилия и экономические маневры на пространстве сокращающихся ресурсов.

Итак, после осуществления НТР, далее уже в рамках нового типа цивилизации идет эволюционное развитие технологий, которое определяется последовательным ростом коэффициента полезного использования материалов и энергии (в частности, ростом КПД двигателей). При этом могут появляться все новые разновидности верхних звеньев технологических цепочек. Это совершенствование верхних звеньев технологических цепочек может заметно изменять производство и быт, однако данный процесс происходит все-таки внутри некоего типа цивилизации в промежутке между двумя соседними

научно-техническими революциями.

Следует заметить также, что эволюционное развитие технологий в рамках одного типа цивилизации всегда имеет свой предел, ибо коэффициент полезного использования не может превысить единицу. Впрочем, до такого «малоотходного» этапа эволюционное развитие обычно не доходит. Производство в рамках старого типа цивилизации как правило становится ресурсно-энергетически нерентабельно задолго до достижения своего эволюционного предела.

Реальная жизнь всегда сложнее схемы, и эволюционное развитие технологий зачастую сопровождается некими, если так можно выразиться, «мини-революциями». Например, освоив ископаемые углеводороды как источник энергии, человечество расширило круг используемого сырья, присоединив к углю нефть и газ. Попутно уже в рамках в основном эволюционного развития технологий паровой двигатель был заменен карбюраторным и дизельным.

Изменило ли это технологическую ситуацию? Безусловно, да. Но было ли это изменение столь же революционным, как первое применение угля в качестве источника энергии для производства? Безусловно, нет. Замена дров на уголь увеличила потенциальную энергообеспеченность человечества в сотни и тысячи раз (во столько раз энергия, аккумулированная в разведанных на тот момент запасах угля, была больше соответствующей энергии дров), а применение нефти параллельно с углем не увеличило потенциальную (не путать с реальной!) энергообеспеченность даже в два раза (мировые запасы нефти, оцененные в т. н. тоннах условного топлива, меньше соответствующих запасов углей).

Аналогично обстоит дело и с традиционной ядерной энергетикой. По своим возможностям традиционная ядерная энергетика (не путать с термоядерной, еще не освоенной, а также с некоторыми новыми технологиями ядерной энергетике) лишь подспорье, пусть и важное, но подспорье тепловой электроэнергетике. А с учетом транспортного энергопотребления, в обеспечении которого ядерная энергетика занимает еще меньшую долю, можно сказать, что настоящей «энергетической революции» она не обеспечила.

Эти наши замечания очень важны для дальнейшего понимания. В настоящее время в науке преобладает концепция т. н. «технологических укладов», которая отличает один уклад от другого по чисто формальным признакам наличия в хозяйственной структуре той или иной страны наиболее современных отраслей типа тонкой химии или электроники. С внешней точки зрения все правильно. С конца XIX века в связи с массовым применением электричества, освоением некоторых новых конструкционных материалов, применением электроники в системах управления и т. п. новшествами производство и быт развитых стран, действительно, сильно изменились.

Но все эти изменения явно меньшего масштаба (при всей их значимости), чем замена меди на железо, замена дров на уголь и замена лошади на тепловой двигатель. И сейчас никакая электроника не спасет человечество от хозяйственного краха, когда будут исчерпаны запасы нефти, газа, качественных углей (что при сохранении нынешних экономических тенденций прогнозируется даже оптимистами не позже второй половины следующего столетия, несмотря на прирост разведанных запасов нефти в последние годы типа каспийских, якутских или эвенкийских перспективных месторождений).

Касаясь эволюционного развития технологий, автор не хотел бы предстать перед читателем таким верхоглядом с прямо-таки «кавалерийским» темпераментом. Мы признаем всю серьезность проблем этапов эволюционного развития технологий. Более того, именно эти этапы и занимают большую часть истории техники, именно в рамках этих этапов зреют предпосылки радикальных НТР. Однако любой этап эволюционного развития технологий имеет свой предел, когда решить проблемы можно только в процессе новой НТР. И не следует путать задачи и принципы управления в рамках эволюционных этапов и задачи и принципы управления на этапе радикальной НТР.

Мы убеждены и можем доказать с цифрами и фактами, что новая НТР назрела. И попытки решить кардинальные проблемы новой НТР некими мероприятиями лишь на верхних этажах технологической пирамиды (в информатике, электронике, тонкой химии и т. п.) нынешней индустриальной цивилизации обречены на неудачу.

В этой связи особенно драматично выглядит положение в информатике. По существу, возможности современной информатики выходят далеко за пределы потребностей нынешней индустриальной цивилизации. Информатика уже готова к обеспечению соответствующих потребностей гораздо более развитой цивилизации.

Однако эта новая цивилизация еще не создана, и не информатика будет ее основным «создателем». В отрыве же от реальных потребностей информатика становится все менее функциональной, все более «вычурной», «оформительской», нацеленной на внешние эффекты, иными словами, становится родом прикладного искусства. И находит все меньше пользователей, желающих оплачивать ее развитие. Это замечают мировые производители ЭВМ и программного обеспечения. Однако они не находят ничего более лучшего, чем увеличение расходов на рекламу и создание некой управленческой моды. Порочный путь. Он вреден и для самой информатики, ибо после начала новой НТР ей потребуется снова обрести деловой стиль. А это не столь легко для отрасли, обретающей все более «богемные» черты внутреннего функционирования.

Однако не в одной информатике дело. Мы привели ее лишь как пример

кризисных явлений отрыва верхних звеньев технологических цепочек от нижних, что характеризует неспособность при нынешней стратегии технического развития решительно осуществить новую НТР.

В данной связи уместно сделать еще большее обобщение. Не только отрыв верхних звеньев технологических цепочек производства от нижних чреват крахом всей производственной пирамиды. Отрыв науки (и вообще всех источников знаний) от внедренческой практики приводит к краху и производство, и науку. Да, и наука, и верхние звенья технологических цепочек могут стать (и зачастую становились) источниками для подъема всего производства. Кстати, именно это позволило на определенном этапе назвать науку непосредственной производительной силой.

Однако такое положение достигается отнюдь не автоматически. Зачастую ни наука, ни производство не могут самостоятельно «запустить» внедренческий процесс. Для этого необходимо либо довольно благоприятное сочетание условий, либо целенаправленная деятельность. Характерно, что в последнем случае такая деятельность должна быть планируема и управляема. Соответствующие методы планирования и управления были созданы относительно недавно в рамках концепции так называемого «нормативного прогнозирования» научно-технического прогресса, успешно примененного в ряде крупных научно-производственных проектов в разных странах во второй половине нашего века.

В более ранние периоды такая деятельность не была столь же осознанной, целенаправленной и успешной. История знает примеры, когда результатом стихийно реализованной НТР мог стать отказ от оказавшихся ненужными для нового производства верхними звеньями старой технологической цепи, старой науки и даже старой культуры вообще. Именно такими процессами во многом сопровождался переход от бронзы к железу.

В этой связи мы убеждены, что если бы достижения Ньютона и Лейбница не были хотя бы частично востребованы уже в ходе первой промышленной революции (в частности, в проектировании машин и механизмов) и в прямом смысле этого выражения «закреплены в металле», то их ждала бы участь знаний утраченной древнеегипетской науки и культуры. Одним строительством различных «пирамид», мало значащих для хозяйства, какими бы грандиозными они не были, знания не закрепляются. Естественный ход вещей жестоко мстит снобам, оторвавшимся от целей реальной жизни. Очень жаль, что в процессе такого радикального отказа от старой культуры теряются многие знания и навыки, которые пригодились бы позже (иногда значительно позже). Однако следует все же признать, что в целом развитие было бы невозможно без отказа от не оправдавших себя, оторвавшихся от жизни культурно-цивилизационных укладов.

Это не противоречит ранее высказанному нами принципу получения знаний и весьма полезных навыков от зачастую избыточной и практически бессмысленной в настоящий момент деятельности. Полученное в такой деятельности знание просто должно успеть закрепиться в практике до тех пор, пока оно не будет забыто. Зачастую это удавалось. Примеры этому мы приводили выше в главе «История технологий и технология истории». Однако так происходит далеко не всегда, и история техники или, еще шире, история цивилизации просто пестрит различными «утерянными секретами».

Драматизм и противоречивость настоящего момента заключаются в том, что в современной науке об управлении социально-экономическими и производственно-техническими системами прекрасно известны все упомянутые проблемы и способы их решения. Однако некоторая общая деградация осмысленности жизни и управления, происшедшая в конце нашего века (не будем здесь касаться ее причин), обуславливает забвение этих принципов нынешними лидерами мирового производства. Между тем, если раньше еще можно было рисковать отказом от оптимальной стратегии развития в угоду политиканским интригам, то сегодня в силу гораздо больших масштабов нынешнего производства (да и любой деятельности вообще) такое поведение неизбежно ведет к краху.

В этой ситуации никакие подвижки на верхних звеньях технологических цепочек и в науке не спасут от кризиса, если не будет немедленно проявлена воля по использованию этих достижений для выхода из тупиков нынешней цивилизации.

2. Ресурсные и технологические тупики современной цивилизации

Автор понимает, что он приблизился к тонкой грани, отделяющей научно-популярную статью от аналитического материала или научной публикации. Поэтому мы просим у читателя извинения и не будем уходить в дебри численных сравнений, чтобы доказать свою точку зрения. Надеемся, тем не менее, что мы достаточно убедили читателя в том, что все развитие в течение последних полутора-двух столетий, столь внешне бурное и яркое, описанное в современной науке через смену пяти технологических укладов, остается все же в рамках одной индустриальной цивилизации.

И эта цивилизация близка к своему концу. Основной, пока не решенной проблемой современной цивилизации является исчерпанность возможностей развития «энергетики ископаемых углей и углеводородов». Причем, подчеркнем, качественных углей и качественных углеводородов, ибо относительно низкосортное горючее мы пока использовать, по существу, не умеем или не хотим (даже если умеем), а его запасы не менее чем в 3 раза больше запасов качественного горючего, используемого сейчас. Парадоксально,

но нынешняя близорукая экономическая политика поощряет процесс использования преимущественно качественного горючего. При этом отказываются не только от использования низкосортных бурых углей, но свертывают потребление угля вообще.

Вторым источником возможного краха современной цивилизации являются экологические проблемы, обусловленные, в основном, слишком большими выбросами загрязнителей на единицу продукции, что, в свою очередь, определяется недостаточно высоким коэффициентом полезного использования сырья и энергии в технологических цепочках, особенно в их нижних и средних звеньях.

Здесь мы должны сделать важное замечание. Одним из недостатков господствующих сейчас попыток оценок технического развития является их ориентированность на частности. В рамках такого подхода, например, решение своих экологических проблем развитыми странами Запада преподносится в качестве образца для подражания остальному миру. Это неверно. Страны Запада решили свои экологические, ресурсные и многие другие проблемы, просто «сбросив» их в страны третьего мира. Мы писали об этом выше.

Здесь еще раз повторим, что нынешнее хозяйство, действительно, носит мировой характер. Бедствующие страны и регионы надо рассматривать в едином комплексе с процветающими и оценивать тенденции мирового развития «в среднем». Без дешевого сырья и полуфабрикатов, произведенных по примитивным «грязным» технологиям в странах третьего мира (а теперь и в России), «чистая» экономика Запада функционировать не в состоянии.

Так называемое «постиндустриальное общество» пока во многом миф. Постиндустриальные реалии могут позволить себе немногие. Постиндустриальная цивилизация не самодостаточна, поэтому она не есть цивилизация, а является только верхушкой общемировой все еще индустриальной цивилизации. Особенно это видно на примере так называемых «азиатских драконов», производящих «чистую» продукцию на экспорт и потребляющих чужое сырье, энергию, материалы и продовольствие. Полнейшую зависимость экономики «азиатских драконов» от всего мирового хозяйства и от тех, кто этим хозяйством «дирижирует», продемонстрировал биржевой кризис зимы 1997-1998 годов.

Между тем тенденции развития современной цивилизации весьма неутешительны. Ее так или иначе ждет крах. В подобной ситуации, как показывает опыт, весь наносный лоск сходит, и поведение начинает подчиняться принципам примитивной «лагерной этики» — «умри ты сегодня, а я завтра». Но это завтра наступит и для развитых стран-лидеров, и достаточно скоро... если не спасет очередная настоящая, полноценная научно-техническая революция.

3. Контуры очередной научно-технической революции и технические реалии новой цивилизации

Основой новой научно-технической революции видится прежде всего революция в энергетике. При этом потенциальные возможности энергетики должны возрасти не на десятки процентов, а в разы. Одновременно с таким ростом должно резко возрасти КПД силовых установок (чтобы избежать экологического кризиса).

Уже сейчас имеются соответствующие технологии. Необходима только небольшая доводка их и активные усилия по внедрению в массовое производство. Основой новой энергетики должны стать установки по производству электроэнергии, использующие низкосортные и относительно низкосортные (прошу извинения у специалистов за столь произвольную терминологию, неизбежную в популярном изложении) угли. Запасы этих углей в единицах условного топлива не менее чем в 3 раза превышают соответствующие запасы нефти и газа вместе взятых.

В то же время имеются разработки энергоустановок с высоким КПД (до 65%), использующих именно низкосортное горючее. Мы в данном случае не касаемся вопросов коренного перевооружения ядерной энергетики на реакторы типа «бридеров», которые также позволят резко повысить производство энергии. В развитии ядерной энергетики есть много проблем. Нам представляется, что они будут успешно решены и обновленная ядерная энергетика станет одной из основ новой цивилизации. Однако использование низкосортного горючего на установках с высоким КПД представляется нам на начальном этапе более простым и быстрым решением задачи резкого увеличения производства энергии.

Массовое перевооружение энергетики на подобные установки позволит преодолеть энергетические ограничения современной цивилизации. Более того, это создаст типичный для истинной научно-технической революции избыток энергии. Этот избыток никак нельзя рассматривать в качестве ресурса для продолжения тенденций нынешнего развития. Давно назрела необходимость замены железа в качестве основного конструкционного материала. Сплавы железа слишком тяжелы. Они подвержены коррозии. А высококачественные нержавеющие стали требуют слишком большого объема легирующих добавок, ограниченность сырья для которых (хромовых, молибденовых, вольфрамовых, никелевых и т. п. руд) становится лимитирующим фактором развития современной черной металлургии.

Между тем имеется достаточно прочный, легкий, нержавеющий металл, содержание которого в земной коре в 3 раза превышает содержание железа. Это алюминий. Симптоматично, что очень многие технические «прорывы» XX века связаны с применением алюминия. Это, прежде всего, авиастроение. Можно

привести и более частные примеры. Так, легендарный Т-34 стал во многом возможен благодаря применению алюминия для изготовления многих узлов его мощного и рекордно легкого (для танка такого класса) двигателя.

Применение алюминия тормозится тем, что его получают только из бокситов и отчасти из нефелинов-минералов, не столь распространенных. Положение в алюминиевой промышленности сейчас напоминает ситуацию в древней металлургии, когда использовалось только редкое метеоритное железо, в то время как другие железные руды были в достатке в прямом смысле «под ногами».

Производство алюминия из алюмосиликатов (наиболее распространенных пород земной коры) сейчас невозможно вследствие высокой энергоемкости этого процесса. Относительный избыток энергии снимет это ограничение. Вдумаемся — в подмосковных глинах (в грязи у нас под ногами!) около 10 % алюминия. При наличии достаточной энергии подмосковным алюминием можно насытить промышленные потребности всей Европейской России. Им можно будет в прямом смысле этого слова мостить дороги.

Итак, первым этапом новой промышленной революции должно стать использование низкосортного горючего в энергоустановках с высоким КПД, достижение «энергетической избыточности» и освоение на этой основе энергоемкого производства алюминия из алюмосиликатов с последующим постепенным вытеснением железа из машиностроения (поначалу транспортного) и заменой его алюминием, который будет применяться гораздо шире и в строительстве.

«Энергетическая революция» с использованием низкосортного горючего возможна уже сейчас вследствие практической решенности не только научных, но и большинства соответствующих технических проблем. Характерно, что соответствующее быстрое перевооружение энергетики также вполне реализуемо и технически, и организационно, и экономически без «запредельных» затрат с использованием по большей части нынешнего стандартного оборудования, комплектующих деталей и узлов. Для ее начала требуется только политическая воля какой-нибудь крупной нации, осознавшей необходимость подобных действий. С учетом того, что большинство технических исследований подобного рода были проведены в России, можно надеяться, что это произойдет именно у нас. О политических предпосылках реализации данной стратегии мы скажем ниже.

«Энергетика низкосортного горючего» и сопутствующая «алюминиевая революция», между тем, — только первый этап новой НТР. Уже на подходе создание предпосылок ее второго этапа, обусловленного появлением термоядерной энергетики. Здесь положение не столь определенное, как в «энергетике низкосортного горючего», не решены многие научные проблемы и

большинство технических. О производственно-технологических, организационных и экономических проблемах не приходится и говорить.

Тем не менее, при соответствующей концентрации усилий (а первый этап новой НТР должен дать выигрыш в производстве, результаты которого можно направить на обеспечение второго этапа НТР), проблему термоядерной энергетики можно окончательно решить за 20-30 (максимум за 50) лет. Термоядерная энергетика на долгие годы снимет энергетические ограничения с развития производства.

На этой основе окончательно завершится «алюминиевая революция». Алюминий станет основным конструкционным материалом в промышленности, транспорте, жилищном и дорожном строительстве.

Претерпит значительное изменение и сельское хозяйство. Избыток энергии позволит производить ценнейшее азотное удобрение, аммиачную селитру без ограничений в любом месте при наличии воды и воздуха. Отсутствие энергетических лимитов даст возможность резко расширить источники потенциального сырья для производства калийных удобрений. Единственной проблемой интенсивного сельского хозяйства останется проблема обеспечения фосфорными удобрениями. Однако это не сможет препятствовать интенсификации земледелия, обусловленной увеличением его энерговооруженности и полным обеспечением азотными и калийными удобрениями.

Это позволит сократить посевные площади при одновременном росте валовых объемов сельскохозяйственного производства. Сельское хозяйство станет более экологичным, что особенно актуально для России, где наблюдается явная переэксплуатация земельных угодий.

Следует ответить, что в процессе новой НТР могут возникнуть и еще ряд иных, не предусмотренных нами здесь технологических прорывов. Однако даже тех черт новой НТР, которые мы привели здесь, достаточно, чтобы кардинально решить основные технико-экономические проблемы нынешней цивилизации, определяющие ее возможный крах.

В качестве примера, как эти революционные технические решения могут повлиять на ряд отраслей опосредованно, приведем транспорт. Массовое применение алюминия уменьшит вес транспортных средств. Это позволит при создании новых образцов автомобилей, например, внедрять новые технические решения, которые раньше были невозможны. Одно дело ставить электродвигатель на автомобиль весом в полторы или две тонны, а другое дело — ставить его на автомобиль весом в полтонны. Одно дело предусматривать необходимость замены проржавевших деталей, другое дело использовать нержавеющей металл, что может упростить конструкцию.

Продолжая тему возможных сценариев влияния новой НТР на решение транспортных проблем, следует остановиться еще на одном, возможно, специфическом, но очень ярком и важном прежде всего для развития России, примере. В свое время, при обсуждении в Госплане проблем освоения новых месторождений в Сибири довольно основательно обсуждался вопрос — что лучше: прокладывать дороги в сложных инженерно-геологических условиях российского Севера и Востока или наладить массовый выпуск гражданских вертолетов различных модификаций с целью обеспечения транспортного обслуживания отдаленных территорий в основном по воздуху. При тогдашних технических и экономических условиях традиционный путь освоения оказался предпочтительней.

В процессе новой НТР наверняка произойдет удешевление воздушного транспорта. Это позволит по-новому оценить проекты значительного перераспределения грузовых и пассажирских потоков в пользу воздушного транспорта. При этом весьма перспективными и сразу же востребованными практикой могут оказаться новые типы воздушного транспорта. Мы имеем в виду прежде всего известные в кругу специалистов экранопланы, представляющие собой универсальное транспортное средство на воздушной подушке, которое в основном летит над поверхностью (земли, воды, болота и т. п.), потребляя при этом энергии в расчете на тонно-километр перевозок не намного больше автомобиля и намного меньше вертолета. Близкой к экранопланам представляется технология полетов на, условно говоря, «летающих крыльях», когда корпус летательного аппарата является одновременно аналогом крыла самолета.

Характерно, что все эти изделия уже созданы в России, прошли опытные испытания и не внедряются в производство только из-за относительной (подчеркнем — только относительной) дороговизны. Не касаясь здесь чисто политического аспекта нынешней экономической напряженности, заметим, что даже в условиях экономики СССР, когда отсутствовала нынешняя разруха, внедрение подобной техники ставилось под вопрос. Очевидно, что помимо чиновничьих интриг, были и объективные причины отказа от этих прорывных технических решений. В рамках устаревшей модели технической цивилизации подобные изделия по многим показателям уступали традиционным. Решающей предпосылкой для изменения подобных оценок и резкого повышения роли воздушного транспорта станет именно «алюминиевая революция» и «изобилие горючего» любых типов, о чем мы скажем несколько ниже.

Поэтому можно уверенно прогнозировать, что в процессе реализации новой НТР будет создан и новый массовый воздушный транспорт, что особенно резко изменит технико-экономическую ситуацию прежде всего в России с нашими пространствами и бездорожьем.

Интересно отметить еще один момент. Во всех предыдущих рассуждениях мы

пока не предполагали решающих изменений в используемых на транспорте двигателях. Однако, даже если транспорт будет продолжать использовать традиционные двигатели внутреннего сгорания, ограничений по обеспечению транспорта горючим не будет. При избытке энергии можно производить качественное, обогащенное водородом синтетическое горючее из низкосортных углей и даже торфов. Это преодоление дефицита топлива также серьезно изменит ситуацию на транспорте.

Здесь стоит сделать одно отступление. Внедрение принципиально новых «прорывных» технических решений обычно способствует решению целой цепочки проблем в различных отраслях хозяйства, на первый взгляд, не связанных с отраслью, где происходит внедрение.

В качестве примера можно привести одну из основных проблем московских властей на рубеже XIX и XX веков. Рост городского и личного транспорта на конной тяге породил проблему уборки конского навоза. Экстраполяция в будущее тенденций начала века (рост населения Москвы и одновременный, даже опережающий рост конного транспорта) позволяла предположить, что к середине 20-х годов Москва будет завалена конским навозом на полметра и убирать его не будет никакой возможности. Прорабатывались различные решения этой проблемы. Однако все они были малоэффективны.

Замена в городском транспорте «коней на машины» позволила забыть о существовании столь острой проблемы. Однако изыскания городских специалистов здесь были ни при чем. Это были результаты одной из «малых НТР» начала XX века.

Подобным же образом, очевидно, сами собой «автоматически» решатся многочисленные технико-экономические проблемы сегодняшнего времени при переходе к новой цивилизации, которые в рамках нынешней промышленной цивилизации решены быть не могут.

Мы не будем далее вдаваться в изложение дальнейших возможных деталей технических реалий новой цивилизации. Отметим несколько ее основных черт, важных с политической точки зрения.

Во-первых, новая цивилизация будет способствовать резкому сокращению дальних перевозок. Ценность рассредоточенного по разным месторождениям уникального сырья, которое сейчас надо возить от мест добычи к местам переработки, упадет. На втором этапе НТР основные виды сырья — воздух, вода и алюмосиликаты — будут «на месте» в большей части регионов. Да и на первом этапе низкосортные горючие ископаемые позволят обходиться без транспортировки нефти, газа и электроэнергии во многие, сейчас зависимые от этого регионы. Роль межрегионального обмена резко упадет.

Важным, однако, частным моментом в этой связи будет являться потеря

привилегий для регионов и стран, обладающих нефтью и газом.

Во-вторых, ценность многих нынешних производственных комплексов сильно упадет. Соответствующие производства просто захиреют, как захирело производство качественной бронзы после начала «железного века», или как деградировала во всем мире угольная отрасль с расцветом нефтяной промышленности (кстати, реализация новой НТР будет способствовать новому расцвету угольной отрасли, и это автоматически решит проблемы перспективного развития ныне бедствующих угольных регионов). Соответственно лидерство в ряде производств, достигнутое ныне теми или иными государствами и регионами, перестанет определять их политическое лидерство (и наоборот).

В-третьих, основными ограничениями новой цивилизации будут экологические. Ценность, таким образом, будет иметь территория как таковая, способная вместить производство и население без ущерба для пригодности проживания на ней, а не ее уникальные минеральные ресурсы или природно-климатический потенциал.

4. Экологические реалии новой цивилизации

Говоря об экологии новой цивилизации, следует отметить, что масса нынешних экологических проблем по мере становления новой цивилизации будет решена автоматически. Новая «энергетически не ограниченная алюминиевая» цивилизация будет менее материалоемкой по сравнению с нынешней и, если говорить образно, более «легкой». Намного меньше будет тратиться энергии на перевозки масс крупнотоннажных грузов на дальние расстояния (напомним, что сейчас в России транспортные расходы составляют от 20 до 40%, а иногда и до 50% в себестоимости произведенной продукции). Возможно даже, что в результате этого энергопотребление в итоге возрастет не так сильно, как может показаться на первый взгляд. Уменьшатся площади сельхозугодий.

Именно поэтому нынешние экологические проблемы, связанные, например, с загрязненностью среды нефтью или загрязнением поверхностных вод смывой почвой, решатся сами по себе. Исчезнут или сократятся соответствующие воздействия, их порождающие.

Мы не будем приводить здесь развернутые доказательства своих выводов, однако смеем утверждать, что новая цивилизация, несомненно, будет экологически чище современной.

На втором этапе НТР сократятся и выбросы углекислого газа в атмосферу. Таким образом, может быть решен беспокоящий сейчас многих вопрос о глобальном потеплении вследствие роста выбросов углекислого газа (что, впрочем, не вполне еще доказано).

Между тем в перспективе именно вопросы потепления станут основными проблемами экологии новой цивилизации. Резко возрастающее энергопотребление рано или поздно скажется на климате Земли. И если потепление, инициируемое выбросами т. н. «парниковых газов», во многом гипотетично, то реальное потепление, вызванное «энергетическим подогревом», в новой цивилизации будет несомненно.

Однако в вопросе о глобальном потеплении циркулирует много мифов. Главные из этих мифов таковы:

Во-первых, более теплый глобальный климат объявляется аномалией. Это неверно. Большую часть геологической истории земли было теплее, чем сейчас. Так что аномалией является нынешний холодный климат.

Во-вторых, утверждается, что от глобального потепления пострадает экономика всех стран мира. Это опять неверно. Больше всего пострадает экономика США и некоторых прибрежных регионов, в том числе Западной Европы. Экономика России от глобального потепления значительно выиграет. Это многократно доказано многими специалистами.

Таким образом, новая цивилизация не имеет никаких ограничений, в том числе и экологических, для своего становления именно в России.

5. Новые приоритеты во всемирной битве за ресурс

Если говорить упрощенно, то все биологическое развитие до появления человека, собственно становление человека как вида и его уже политическая история есть непрекращающаяся битва за ресурс. Краткие паузы в этой битве человечество могло себе позволить только в периоды относительного избытка ресурсов, наступавшего после каждой серьезной НТР. Но, возможно, за исключением «золотого века» кроманьонцев, эти паузы были не повсеместны и не долги.

В результате новой НТР реально, как видно из вышесказанного, вернуть на новом витке развития «золотой век» кроманьонцев. Ресурсные ограничения, особенно после начала реализации второго этапа новой НТР, будут в основном преодолены. Интересно, что преодоление ресурсных ограничений может сильно «регионализировать» современный «глобализированный» мир. На втором этапе НТР многие регионы просто станут самодостаточными, что принципиально невысказано сейчас. Но это пока лишь заметка на память. А сейчас рассмотрим неоднозначные результаты преодоления ресурсного дефицита.

Итак, выход из тисков нынешнего «ресурсного дефицита» не снимает всех проблем битвы за ресурс.

Во-первых, снижается спрос на многие ныне ценные ресурсы — нефть, газ,

железную руду, сырье для производства нитратов и т. п., но, возможно, не на все виды ресурсов. Что-то останется уникально ценным. И за эти уникальные ресурсы борьба не прекратится.

Во-вторых, появляется новый основной тип ресурсов — территория как таковая, обеспеченная лишь водой. Территории будут представлять ценность, несмотря на полное отсутствие ископаемых и низкий биоклиматический потенциал. Раньше большая часть таких территорий ресурсом не была.

Следует отметить, что новая НТР впервые будет протекать в принципиально новой обстановке. Простое увеличение продукции промышленности и сельского хозяйства будет недостаточно для комфортного обеспечения жизни все большего числа людей. Как мы упоминали ранее в статье «Россия и золотой миллиард», даже при наличии всех необходимых ресурсов и технологий, земля не обеспечит комфортного проживания такой массы народа, какая живет сейчас. Даже сытые и обеспеченные люди чисто по биологическим и психофизиологическим ограничениям не могут достойно жить при «китайской» или «бангладешской» плотности населения.

Таким образом, борьба за территорию (за обретение или сохранение ее) получает не только и не столько ресурсный статус, сколько статус борьбы за само право жить комфортно в соответствии с биологической природой человека.

В-третьих, битва за ресурс отчасти модифицируется в битву за глобальное потепление (или похолодание), в отношении чего интересы разных стран прямо противоположны.

В-четвертых, не все страны и не все социально-профессиональные группы будут заинтересованы в приходе новой цивилизации. Мы уже упоминали, что именно могущественные нефтяные компании в США добились свертывания работ по термоядерной энергетике, хотя в этих исследованиях, наконец, стал заметен прорыв.

Таким образом, борьба за ресурс модифицируется в «борьбу за сохранение дефицита ресурсов», борьбу с новой цивилизацией. И то, что реакционеры в подобной борьбе в перспективе обречены на поражение, ничуть не снижает ее остроты в настоящем.

Нынешние мировые лидеры постараются «выжать все» из современной индустриальной цивилизации, где они занимают верхний уровень иерархии. Обогнать их на этом поприще невозможно. Но это и не нужно.

Стратегически победа обеспечена тем, кто первый освоит новую высокоэнергетичную алюминиевую цивилизацию. Им будет принадлежать право на выживание. Остальным это право будет предоставляться по остаточному принципу, невзирая на место в нынешней уходящей цивилизации.

Поэтому в переходный период станет важным не только и не столько борьба за «старые ресурсы», сколько концентрация уже имеющихся ресурсов на достижение научно-технического прорыва. В этой гонке победит отнюдь не самый обеспеченный, но самый дальновидный и организованный. Фактор времени в данной ситуации может компенсировать недостаточную оснащенность. Кто первым сумеет подняться над суетой так называемой «текущей политики», кто первым осознает необходимость грядущей НТР и начнет целенаправленно осуществлять ее, тот имеет все шансы на захват и удержание лидерства.

Таковы общие контуры нового противоборства, складывающегося в связи с новой НТР. Некоторые важные для России частности этой борьбы мы рассмотрим в следующем разделе.

6. Новая политика и новая геополитика. Перспективы и интересы России в новой цивилизации

Следует сразу подчеркнуть, что «новая цивилизация» как бы создана специально для России. Обеспеченность территориями, сейчас зачастую довольно бедными (вся Россия — это отнюдь не сплошная Тюмень, Кубань или золотоносный Восток), в России на душу населения самая высокая. Так называемая «экологическая емкость» территорий далеко не исчерпана. Глобальное потепление не представляет угрозу для России. Научные наработки для начала первого этапа новой 1ГТР созданы именно в России, да и в создании термоядерной энергетики. Россия продвинулась достаточно (сейчас эти работы свернуты, но разработчики остались). Наконец, наши бесплодные глины центральной России, в отличие от плодородных карбонатных суглинков Украины, содержат в себе не менее 10% алюминия.

Интересно, что освоение низкосортного горючего сразу решит проблему энергообеспечения центра России и без сибирских нефти и газа. Запасов бурых углей центральной России для этого хватит.

Революция на транспорте, являющаяся частью новой НТР, также особенно благоприятна именно для России с ее пространствами и нерешенными транспортными проблемами.

Таким образом, Россия больше всех заинтересована в новой НТР и создании новой цивилизации.

Кто будет противиться новой цивилизации внутри России? Конечно же, сырьевое лобби, фактические властители нынешней России, пристегивающие ее к летящей под откос телеге «мировой экономики» (да и то в качестве придатка). Компрадорский сырьевой капитал России является, таким образом, не просто внутренним политическим врагом национальных интересов, но врагом цивилизационным.

Таким же врагом новой цивилизации являются те, кто, находясь ныне на содержании у компрадоров, активно работает на дебилизацию населения, работает против цивилизации вообще. Эти «мастера культуры», а на самом деле вульгарные шоумены, способные только на те или иные варианты стриптиза — натурального или морального. В цивилизационном плане их существование бессмысленно. Их задача весьма локальна — развлекать уставшую публику, да и то лишь публику непритязательную. Вхождение их в дела управления — яркий пример паразитарной подмены социальных функций.

Ранее, когда цивилизационные парадигмы оформлялись в религиозные формы, не было войн более жестоких, чем религиозные. Так и сейчас цивилизационные противники России (внутренние и внешние) должны вызывать у сторонников национального возрождения не меньшую ненависть, чем религиозные противники в эпоху Средневековья. Компрадоры-сырьевики и их «гуманитарная услуга» должны быть сметены. И они будут сметены новой цивилизацией. Формы этого процесса могут быть самые радикальные.

Поэтому, в частности, наивно уповать только на парламентские методы политической борьбы. По наивности это было бы аналогично упованию на парламентские методы в религиозных войнах. Прогнозируя именно цивилизационный характер будущего внутреннего конфликта, мы можем с уверенностью сказать, что он попросту не может быть «вялым» или «бархатным». Это не значит, что полномасштабная гражданская война обязательна. Однако известный зюгановский «лимит на революции» является еще более грубой ошибкой в оценке ситуации.

Веря в победу цивилизации, мы не впадаем в идеалистический оптимизм. Да, новая цивилизация победит неизбежно. Объективные закономерности определяют то, что эта цивилизация расцветет именно на территории России и с опорой на русскую цивилизационную традицию. Именно в новой цивилизации многие недостатки российской системы хозяйства будут преодолены автоматически, а положительные черты проявятся с максимальным эффектом.

Однако, смотря правде в глаза, следует признать, что Россия может победить сама, а может победить и с помощью неких «варягов». Так что отсутствие сомнений в победе не означает нашей уверенности в отсутствии проблем для нынешнего населения России и ее элиты в случае, если они окажутся не на высоте.

Прогнозируя возможные реалии борьбы за новую цивилизацию, интересно было бы определить, кто именно — какой регион, лидер, какой социальный слой — возглавит этот процесс. И здесь прогноз становится менее четким и обоснованным. Есть только потенциальная предрасположенность к выполнению миссии лидера новой НТР и новой цивилизации.

На уровне социальных слоев, впрочем, это довольно очевидно. Ученые-естественники, инженеры и менеджеры-производственники сохранившихся предприятий перерабатывающей промышленности будут наиболее активными и заинтересованными участниками новой НТР, а также те профессионалы политической, экономической и пропагандистской борьбы и высшие управленцы, которые выберут для себя службу делу новой цивилизации.

Что касается регионов и лидеров, то тут ситуация изменчивая. Можно сказать лишь, что идущая сейчас в России регионализация отчасти (но только отчасти!) объективно совпадает с тенденциями новой цивилизации. Возможно, что толчок к политическому возрождению на новой цивилизационной основе будет дан именно из провинции. Но, возможно, он будет дан и извне и только подхвачен в России.

Впрочем, на постсоветском пространстве уже сейчас есть государственная структура, которая могла бы стать заинтересованным инициатором цивилизационного возрождения. Это не потерявшая промышленного и инженерного потенциала, не попавшая под власть компрадоров Белоруссия.

Стратегия производственной кооперации российских регионов при одновременной стратегии политической регионализации России, проводимая под неформальным руководством одного из российских промышленных регионов или Белоруссии, может (пока только потенциально!) создать предпосылки для концентрации усилий на инновационный прорыв.

Далее эта (назовем ее так) «региональная коалиция», решая текущие задачи экономической и политической взаимопомощи, копит усилия для освоения и внедрения технологий «энергетики низкосортного горючего». Освоив эти технологии, промышленные регионы сначала выходят из под диктата сырьевиков внутри России, затем сметают власть компрадоров. При этом могут быть применены не только политические технологии, но и чисто экономические.

Технологически не завися от сырьевиков, можно начать давить на них, постепенно «зажимая» им пути транспортировки. Экономическое истощение сырьевиков-экспортеров неминуемо приведет и к падению их политического влияния.

Разумеется, что после установления нового режима установятся и новые реалии, детальный разбор которых не входит в наши задачи.

Впрочем, автор отдает себе отчет в том, что любое моделирование деталей переходного периода, в том числе политических, некорректно с точки зрения методологии системного анализа. Поэтому вышеприведенные построения не более, чем эскиз.

Гораздо более четко прогнозируемыми являются процессы более общего характера. Становление геополитических конфигураций как раз относятся к таким общим процессам. И здесь итоговые последствия становления новой цивилизации гораздо более очевидны.

Как только начнется реализация нового цивилизационного проекта, мир вновь, как в недавнем прошлом, окажется расколот на два лагеря. Тех, кто этот проект будет выполнять, и тех, кто будет этому препятствовать, борясь за сохранение своего лидерства вместе с уже отжившей цивилизационной системой. Лидером реакционеров, скорее всего, станут США и всегда идущая у них в фарватере Англия. На этом пути они получают поддержку нынешних монопольных владельцев нефти и газа. Нефтяные шейхи, используя свои возможности, мобилизуют на борьбу с новой цивилизацией значительную часть, если не большинство мусульманского мира. Кстати, политические предпосылки союза США с мусульманами уже есть в той же Боснии.

Впрочем, нефтяные шейхи могут рассориться с США по причинам, совершенно не связанным с новой цивилизацией. И тогда Америка окажется без их поддержки в своей антицивилизационной деятельности.

Возможно и другое. Не весь мусульманский мир будет на стороне нефтяных шейхов и королей Аравийского полуострова. Традиционное внутриисламское противостояние суннитов, неформальным лидером которых является Саудовская Аравия, и шиитов, лидером которых является Иран, с наступлением новой НТР может усилиться. В конце концов, антиамериканский Иран, экономика которого намного шире, чем собственно нефтяная отрасль, вполне может стать союзником новой НТР, в то время как для аравийских королевств и княжеств, целиком зависящих от нефтяного экспорта, победа новой цивилизации означает полный крах.

Впрочем, у этих сил есть блестящая возможность вписаться в новую цивилизацию, уже сейчас вложить имеющиеся у них колоссальные свободные средства в соответствующие проекты. Как говорится — идеи наши, бензин ваш. Это было бы поистине достойным проявлением восточной мудрости.

Противодействие новой цивилизации со стороны США и их возможных мусульманских суннитских приспешников будет носить не характер борьбы с целью «завоевать», а борьбы с целью «не допустить». То есть будет иметь подлый и, на первый взгляд, бессмысленный для агрессора характер, наподобие того, что мы наблюдаем сейчас в отношении России на Северном Кавказе. Кто знает, может, это интуитивно понятая борьба не с уже и так сдохшим российским бюрократическим монстром, а именно превентивная мера мировых реакционеров против возможного рывка России в новую цивилизацию? Может, это проявление завистливой злобы тех, кто не способен по тупости, лени или заносчивости на соучастие в новой НТР?

Однако, рассматривая вопрос о «внутренних региональных врагах цивилизации» в России, еще раз подчеркнем — новая цивилизация даст новый виток регионализму в противовес глобализму. Глобализм есть порождение необходимости использовать чужие ресурсы и бороться за них. В новой цивилизации эта борьба бессмысленна. Поэтому оборонительная политическая стратегия с элементами изоляционизма органична для строителей новой цивилизации.

Это положение имеет одно важное -следствие. Как только кто-либо начнет новую НТР, усилия по территориальной экспансии, а иногда даже по удержанию своих неблагоприятных регионов, охваченных сепаратизмом, станут противоречить целям построения новой цивилизации. В связи с необходимостью как можно раньше начать новую НТР, следует четко осознать, что *каждый рубль, потраченный на неоправданные экономически политиканские игры по «захвату» или «удержанию» цивилизационно бесперспективных территорий мог бы быть уже сегодня потраченным на организацию технологического рывка.*

А как мы говорили ранее, фактор времени и фактор целенаправленной концентрации усилий очень важен при построении новой цивилизации. И самой острой здесь является именно проблема распределения ограниченных сил и средств на различные мероприятия экономического, организационного и политического характера.

Итак, резюмируем важнейшие моменты политического оформления стратегии новой НТР, обратив особое внимание на проблему оптимизации распределения усилий.

Первое. Следует еще раз подчеркнуть, что стратегию новой НТР может начать осуществлять по объективным и субъективным предпосылкам очень ограниченный набор стран. Эти страны должны одновременно:

а) быть аутсайдерами в нынешней международной экономической иерархии, не имеющим шансов быстро и безболезненно улучшить свое положение, не заинтересованными в продлении порядка, обусловленного нынешней индустриальной цивилизацией, и не связанными слишком большим объемом «устаревших» с точки зрения новой производственной структуры производств (их, говоря просто, было бы «жалко бросать»);

б) обладать большим нереализованным научно-техническим потенциалом;

в) обладать достаточно образованным в целом населением и в особенности неким минимальным количеством высококвалифицированных кадров;

г) быть достаточно большими, ибо цивилизационный рывок может реализоваться, а его результаты закрепиться, только охватив достаточно

большую хозяйственную и территориальную структуру;

д) иметь необходимый минимальный набор природных предпосылок;

е) не иметь демографических проблем, связанных с перенаселенностью, что очень осложняет модернизационные усилия.

Главным потенциальным претендентом на такой цивилизационный рывок, очевидно, является Россия и именно нынешняя Россия.

Второе. Политический режим, решившийся на подобный рывок, неминуемо должен быть национально ориентирован и достаточно эффективен. Говоря более просто-, он на этапе, когда суть своей стратегии уже невозможно будет скрыть, будет неминуемо иметь «националистические», «мобилизационные», «авторитарные» и «технократические» черты. Мы берем эти слова в кавычки, потому что в данном контексте не имеем возможности до конца разъяснить наши позиции и применяем некоторые понятные всем, однако несколько неадекватные политизированные термины. Впрочем, некоторые моменты подобного рода мы проясним в следующей главе.

Третье. Очевидно, что Россия, начавшая цивилизационный рывок, не вызовет симпатий ни у Запада, ни у Востока, хотя этими действиями и не затронет их прямо. Враги и конкуренты будут искать те или иные предлоги, чтобы помешать модернизации России в процессе новой НТР. И, что характерно, возможности для этого у них будут.

Четвертое. Совершенно очевидно, что силы и средства у России, начавшей реализацию рассматриваемой стратегии, будут крайне ограничены.

Пятое. Реализация новой НТР будет проходить с опорой только на собственные силы. Помощь извне маловероятна и возможна только вследствие некоторых особенно умелых и искусных действий руководства нового режима (хотя в современном мире есть несколько растущих центров силы, с которыми Россия могла бы наладить эффективное взаимовыгодное сотрудничество и которые на начальном этапе, возможно, даже помогли бы новой России, однако это отдельный вопрос).

Главным из всего вышесказанного является вывод о необходимости максимальной экономии сил и средств. Это не значит, что Россия должна отказываться от политических акций по сохранению своего цивилизационного поля, его расширению и по присоединению территорий, населенных русскими. Проблема заключается в другом. Следует ли проводить эти акции с большой затратой сил и средств, следует ли при этом «подставляться» под контрмеры противника и т. д.?

Представляется очевидным, что нет. Россия, избравшая политику

модернизационного рывка (нравится это кому-либо или нет) будет вынуждена до тех пор, пока не принесет плоды модернизация, ограничиться в обеспечении своих естественных политических претензий, присущих любому «националистическому режиму» только двумя моментами. Это, во-первых, некими декларациями о своих правах (по типу заявлений ФРГ о единстве Германии в 1950-1980-е годы), а во-вторых, действиями, требующими малых затрат, несравнимых с затратами на нужды модернизации.

Полномасштабной политической и экономической экспансии для присоединения своих соотечественников Россия себе *на этом этапе* позволить не сможет.

Заметим, что модернизация, причем модернизация не так называемого «догоняющего типа», а радикальная, в рамках новой НТР, — *единственный шанс* для России не стать колонией. Не будет этой модернизации, не будет России. И все вопросы о воссоединении соотечественников станут бессмысленными. С колониями не воссоединяются.

Поэтому сначала модернизация, а потом воссоединение. Но именно воссоединение с теми, кто этого хочет, с теми, кто может влиться в новую цивилизацию. Завоеваний не будет. Они станут бессмысленны после реализации новой НТР.

Поэтому тех, кто готов бороться и ждать, новая Россия примет, как только окрепнет. И усилия тех, кто работает на этот результат, не пропадут даром.

Однако приоритеты выживания русского народа и российской цивилизации безоговорочно требуют: «Первым делом самолеты...»

И политики национально-патриотической ориентации должны считаться с этими объективными требованиями (в противном случае, это политики другой ориентации). В подобной ситуации собственно политическое мастерство национально ориентированных российских политиков состоит в том, чтобы способствовать становлению такой системы управления в России, которая будет наиболее адекватна требованиям русской национальной модернизации при проведении новой НТР и становлении новой цивилизации.

Глава 4

Идеология и стратегия оптимизма

1. Почему я их не люблю? Певцы и «интеллектуалы» мотыги. Двойные стандарты «борцов с прогрессом». Завещание деда

Наша книга близится к концу, мой дорогой читатель. И позиции автора по всем затронутым вопросам уже давно высказаны. Фактически последняя глава — это несколько расширенное послесловие. И здесь автор хочет высказаться не только по тематике этой книги, но и по вопросам, условно говоря, лежащим «вокруг» затронутых тем.

Для читателя незнакомого или слабо знакомого с русским движением последних лет многие взгляды автора могут показаться излишне резкими, хотя, возможно, читатель признает их не лишенными оригинальности. Для некоторых дотоле «нейтральных» читателей эта книга станет откровением. И они безоговорочно поверят автору и будут готовы воплотить прорывные идеи книги в жизнь.

Но в России уже более 20 лет идет непрекращающаяся борьба за русскую идею. Борьба, замалчиваемая и искажаемая как советскими, так и российскими «реформаторскими» СМИ. И многие читатели, причастные к русской борьбе, взявши в руки эту книгу, сразу поймут, что автор все эти годы боролся вместе с ними за общие идеалы. Но, тем не менее, такие читатели не раз в процессе прочтения книги испытают некоторое смущение. Очень многое из того, что сказал автор, совершенно не стыкуется с тем, что повторяют признанные и, скажем прямо, изрядно «раскрученные» (на чьи бы это денежки?) «национальные идеологи» русского движения.

Увы, читатель, я не собираюсь подлаживаться под них. Более того, скажу прямо, большинство из них я не люблю.

Я не люблю тех, кто «говорит под руку», кто отвлекает от дела, а тем более борьбы, в ответственный и трудный момент. Отвлекает, ставя ложные цели и выставляя «дымовые завесы» бредовых идей. Я не люблю тех, кто при всех властях и режимах оказывается все равно в весьма неплохом положении. Кто числит себя «в борцах», разъезжая на «Мерседесах».

Я не люблю недобросовестных конкурентов. Тех, кто постоянно «передергивает». Я не люблю тех, кто строит из себя мэтров просто потому, что им удалось вовремя очаровать крупных спонсоров или вообще тайно продаться

врагу.

Я не люблю «патриотов», которые в душе недовольны своей землей. Тех, кто страстно хотел бы жить в теплых краях. Для них Русь не цель, а средство. И какой только бредятины они не навдумывают, чтобы обосновать свои претензии жить в Греции или Италии, но при этом оставаться русскими. Хотите жить в Греции — становитесь греками, господа. И не забивайте головы людей выдумками о «русском Средиземноморье». Средиземноморье семитское. А Ярославщина, Владимирщина, Вологодчина и т. п. области русские. И надо уметь жить на своей земле, обустраивать и любить ее, не раскрывая постоянно рот на чужое.

Я не люблю лакействующих перед любым силовикам в надежде на то, что иные цепные псы режима «переродятся». Черного кобеля не отмоешь добела. А те военные и спецслужбисты, которые готовы встать за русскую идею, в дешевом заигрывании не нуждаются. Более того, оно их должно оскорблять. И «патриоты», лижущие задницу всем без разбора носителям погон, напоминают мне проституток на милицейском «субботнике».

Я не люблю тех, кого используют «втемную». Мы в ответе за то, как нас могут понять и интерпретировать.

Но особенно я не люблю тех, кто предал свое ремесло. Для белого человека, который живет работой, а не разбоем или интригами, его ремесло — это жизнь. Жизнь его и его семьи. Предающий свое ремесло перестает быть белым. Он становится семито-кавказоидом.

Как по житейски омерзителен сантехник, который, получив деньги за свою работу, вместо того, чтобы ее сделать, вдруг начнет говорить, как славно иметь туалет на улице и каким излишеством является горячая вода.

Но неужели те бывшие ученые бывшего СССР, которые теперь плюют на науку, технику, прогресс, лучше того сантехника. Нет, они гораздо хуже. Они не просто оставили или сменили свое ремесло (это вполне понятно и в новых условиях нормально), но топчут и дискредитируют его. Его и тех, кто еще верит в него, кто заинтересован в его результатах. Кто надеется на Разум в наше время тотального оболванивания.

Можно понять обнищавших ученых, которые ненавидят нынешние колониальные российские «реформы». Но при чем же тут реформы совковых гуманитарно-партийных лакеев и научно-технический прогресс? При чем тут сама по себе идея развития и совершенствования?

И не льют ли такие критики прогресса воду на мельницу все тех же реформаторов, которые открыто говорят, что заинтересованы в децивилизации России. А может они просто из одной команды?

Очень часто в русских националистических кругах задают вопрос: почему же нынешняя власть столько раз подставлялась, а все не падает, почему нет успеха нам? А потому, что нет попутного ветра капитану, который не знает, куда плыть. Но ведь «капитаны» русского движения 1990-х годов, нахапав партийных денег и неплохо устроившись под различными весьма прочными «крышами», по большей части несли все это время такую ахинею, что будь автор на месте Бога, ни за что бы не послал удачу таким кретинам, которые все время пытаются идти вперед с повернутыми назад головами.

И главным «ударным» моментом этого кретинизма является восхищение прошлым. Но не прошлым подвигом выносливого, честного и упорного русского народа, а мишурой прошлых имперских моделей. Восхищаются палачами, насильниками, обманщиками. Кто восхищается Российской империей, кто СССР. Уморительно смотреть, как спорят эти деятели, что же было лучше, совершенно не понимая, что обсуждают одного и того же персонажа, только в разном историческом возрасте.

Весьма симптоматично, что эти восхищающиеся, кто СССР, кто империей, господа смеют говорить о «порочности» Запада. Например, потому, что там «нефы были рабами». Да, нефы были рабами у белых. А в ваших монструозных империях белые были рабами у семито-кавказоидов, что при крепостном праве, что в советском ГУЛАГе.

Именно поэтому белый человек и ненавидит ваши империи. Хотя при этом он может и открыто не любить Запад.

Мой дед, памяти которого я посвящаю эту книгу, был простым крестьянином. Он всю жизнь хотел, чтобы его сын стал инженером. И мой отец стал инженером. Он хотел, чтобы его сын стал профессором. И я стал профессором.

И как профессиональный ученый этой своей книгой я хотел показать всем, кто захочет меня услышать, что наша дорогая горькая Русь имеет все шансы на беспримерный цивилизационный взлет. Для этого все готово. Надо просто увидеть эти решения, лежащие буквально перед глазами.

Как учил видеть их наш Первобог Сварог.

2. Неизбежность развития. Еще раз о Божьем замысле. Так ли страшен близкий «конец света»?

В первой части нашей книги мы говорили об этике эволюции. Допустим, что Некто, кто создал этот мир, задавал существующие правила игры вполне осознанно. Тогда стихийно сформировавшееся направление эволюции и ее этика вполне закономерны и соответствуют Его замыслу.

Значит, развитие необходимо. Значит, человек обязан в отдаленном будущем

овладеть всей энергией Вселенной и довести КПИ (коэффициент полезного использования) этой энергии до 99,9%. При этом человек не должен надолго останавливаться и расслабляться. Если он это делает, если начинает почитать на лаврах, судьба посылает ему сначала предупреждение, а потом испытание.

И дальше идут только те, кто это испытание прошел. И осознал, зачем оно ему было послано.

Это назначение не только человека. Человек лишь вершина всего живого. И Создатель чутко следил, чтобы биосфера земли не «застаивалась». Какой, кажется, пышной и разнообразной была биосфера динозавров. Но это был совершеннейший тупик. Пирамида, на вершине которой стояли огромные, постоянно что-то жрущие монстры. И на землю обрушился астероид. «И первые стали последними, и последние стали первыми».

Симптоматично, что зашедшая в тупик западная цивилизация потребления так обожает динозавров в своих шоу, фильмах, современных сказках и прикладном дизайне. Вероятно, обожравшийся монстр США чувствует нечто родственное в этих безмозглых рептильных тварях.

И сдохнет так же, как они.

Тут самое время сказать о предсказанном Библией конце света. Автор верит в пророческий дар создателей Ветхого и Нового Завета. Дело только в том, что не одни они обладали таким даром. Просто семиты умеют рекламировать все свои продукты: от «ножек Буша» до пророчеств Апокалипсиса.

Конец их света действительно близок. Это конец цивилизации железа. В свое время Христос спас семитскую империю от краха в новой цивилизации. Но, обладая пророческим даром, он понимал, что следующей цивилизационной революции имперские последыши не переживут. И он заранее жалел «своих сынов». Ибо им уготована участь реликтов. И в физическом, и в ментальном плане. И единственный шанс для них спасти хоть часть своего коллективного душевного опыта (ведь не бывает 100% отрицательного опыта души) — это уверовать в Христа. Чтобы с его помощью оставить хотя бы часть своей убогой души в коллективном Разуме Вселенной.

Пророк Мохаммед был еще критичней по отношению к своим подопечным. Он предрек, что спасутся последователи лишь одного из многих «масхабов», т. е. версий его учения. Логично предположить, что это будут те, кто во время цивилизационной революции поддержат арийцев в борьбе с убудским монстром «Нового Вавилона» в лице США.

Цивилизация алюминия и высоких энергий, цивилизация воздушного транспорта окончательно сметет последние остатки имперской государственности и культуры, а вместе с ними остатки подлости, бюрократии,

торгашества, людоедства. Всех тех условий, где «так вольно дышит» человек семитского менталитета (совсем, кстати, не обязательно этнический семит).

Легкая и радостная цивилизация крылатого металла станет цивилизацией арийской свободы.

Для них это будет концом света.

Для нас — его началом.

3. Как избежать ошибок? Манифест интеллектуального бесстрашия

Не будет преувеличением сказать, что главной ошибкой всех попыток арийского контрнаступления на семитскую империю и ее последышей было принятие ее правил игры. Белые люди все время пытались построить «свое» государство. И в итоге становились частью семитской модели. В процессе нового белого контрнаступления, связанного с алюминиевой НТР и русским пробуждением, надо будет избежать прошлых ошибок. В деталях это описать будет довольно трудно, но в общих чертах вполне возможно.

Еще раз повторим, чем сильно государство. Оно может концентрировать людские и материальные ресурсы и этим, при прочих равных условиях, превосходит своих противников. Уметь концентрировать ресурсы весьма полезно.

Однако в чем была ущербность государственной модели достижения такой концентрации? В том, что а) концентрировались в первую очередь людские ресурсы и б) ресурсы расходовались **истощительно**.

Отсюда государственное людоедство, отсюда тупики имперского развития, отсюда вынужденная подлость тех, кто принужден жить в этих условиях.

Выйти из этого тупика можно, если беречь своих, но концентрировать и истощать ресурсы «чужих», как это принято в английской модели. Это допустимо, но лишь как временное решение. «Чужие» могут со временем передохнуть, и тогда вновь придется браться «за своих».

Кардинальное решение возможно лишь при отказе от концентрации людских ресурсов вообще. А как минимум — в отказе от их эксплуатации в истощительном режиме. Это вполне достижимо. Уже современная цивилизация позволяет обходиться без этого. Для примера можно взять те же армии западных стран. Жизнь в которых, с российской точки зрения, есть нечто среднее между спортивным лагерем и курортом.

Будущая цивилизация лишь усилит эти тенденции.

Поэтому можно уверенно планировать целенаправленный демонтаж структур, насильственно концентрирующих людские ресурсы, а тем более эксплуатирующие их истощительно. В частности, безусловному демонтажу подвергнутся армии-толпы, формируемые по насильственному призыву.

Отказ от концентрации людских ресурсов сразу сделает государство «негосударственным».

В то же время «негосударственное» национал-аристократическое государство по-прежнему должно будет уметь концентрировать материальные и природные ресурсы. С материальными ресурсами все понятно. В условиях перманентной НТР, где государство будет главным дирижером этого процесса, лучшие материальные ресурсы, овеществленные в новой технике, и так будут концентрироваться у государства.

Сложнее обстоит дело с природными ресурсами. Здесь предстоит выработать сложный, индивидуальный для каждого региона способ дележа ресурсов между индивидуумами и структурами управления всех уровней.

Мы были бы просто шарлатанами, если бы взялись решить столь сложную проблему с наскока. Тем не менее, одно можно утверждать уверенно. Все экологические и медико-санитарные издержки от любого производства в любом регионе должны компенсироваться и людям, здесь проживающим, и региональным органам управления.

Совершенно дикими в этом случае видятся некие централизованные фонды, создаваемые для подобных целей. Экологические издержки проявляются на местах. На местах они должны и компенсироваться.

Следующей проблемой, которая несомненно встанет перед национально-аристократическим государством, несомненно станет проблема элиминации «чужих», как расово и этнически чужих, так и своих перерожденцев. Здесь тоже не стоит наступать на семитские государственнические грабли. Раздутые профессиональные полицейские структуры — это шаг к закабалению. Они могут иметь лишь строго ограниченный и вспомогательный характер.

Основу безопасности на местах должен обеспечивать вооруженный народ, который должен иметь свободу действий в отношении всех чужаков.

А собственных перерожденцев стоит по-арийски прощать в мелких прегрешениях, предупреждать в отношении прегрешений средней тяжести и убивать за тяжкие или повторные прегрешения. Весьма результативна в данном случае и древнеисландская схема объявления отъявленных злодеев «вне закона» народными собраниями.

Это достаточно общая схема, которая, тем не менее, весьма результативно

работала и у казаков, и у исландских викингов, и у первых золотоискателей Австралии и Калифорнии.

Кстати, весьма распространенное заблуждение, что с преступностью борются правоохранительные органы. Правоохранительные органы монополизируют борьбу с преступностью. И у них две равнозначные задачи — сама эта борьба и недопущение к этой борьбе иных субъектов. И еще неизвестно, какая миссия для них важнее.

Между тем известен факт, что и в Калифорнии, и в Австралии, пока правопорядок поддерживали сами золотоискатели, преступность была минимальна. После же появления полиции и свертывании народной правоохраны **преступность возрастала в разы!**

Более того, общеизвестен факт, что полиция зачастую не только борется, но и поощряет преступность. Интересно в этой связи отметить, что в СССР преступность среди студентов-юристов была выше средних показателей преступности в студенческой среде.

Так что только народная правоохрана спасет нас от криминала, причем во много раз лучше любой полиции. Вооруженный народ и «Комитеты бдительности» по типу калифорнийских образца 1849 года.

Дикий Запад! Калифорния 1849 года! Да автор призывает к суду Линча! — воскликнет иной читатель.

Дорогой читатель, автор призывает к тому, к чему он призывает. А если это имеет некоторые аналоги в прошлом, которые успели стать отрицательными символами семитской пропаганды, то автору на эти пропагандистские изыски плутократов глубоко наплевать.

Кстати, в названии следующего раздела будут фигурировать слова «Новый порядок» и «Каждому свое». Это тоже может вызвать некоторые ассоциации. Но, допустим, что на воротах Освенцима было бы начертано « $2 \times 2 = 4$ ». Что же, после этого вы бы «из принципа» говорили, что « $2 \times 2 = 5$ ». И мало того, именно этим правилом руководствовались в расчетах?

Как же легко дестабилизировать всю вашу жизнь и вашу психику, дорогой мой читатель. Впрочем, автор уверен, что говоря здесь и там «иной читатель», он имеет в виду явное меньшинство. Большинство же читателей, которые возьмут в руки эту книгу, я уверен, согласятся со мной по большей части затронутых вопросов.

Именно для них я пишу прямо и открыто. Никому не льщу. Пусть даже «в политическом плане» это и невыгодно для меня.

Но я не политик. Я ученый. То, чего я достиг в науке, я достиг честно и самостоятельно. Не собираюсь становиться еще чем-то типа «академика», подстраиваясь для этого под менталитет своих коллег по научному цеху. Мне достаточно моего.

Кстати, самый выдающийся русский ученый и мыслитель Дмитрий Иванович Менделеев не был академиком. Его не избрали в Академию либерально настроенные коллеги, потому что Дмитрий Иванович стоял у истоков того общественного течения, которое в итоге оформилось как движение «Союз русского народа», больше известного под именем «Черная сотня».

Но черносотенец профессор Менделеев был весьма самостоятелен и во всех других вопросах. Так, он женился вторым браком, несмотря на церковный запрет. Да, были люди среди русских интеллектуалов первой величины.

Так что всем нынешним честным русским интеллектуалам есть на кого равняться.

Нам всем надо отбросить навязанные стереотипы: «Ах, национализм!», «Ах, фашизм!», «Ах, еще какой «-изм»». Кстати, автор отнюдь не пристрастен, отрицая либерально-плутократические ценности. Когда мы считаем нужным и правильным, мы не стесняемся нелицеприятно говорить и о своих «товарищах» из лагеря русских националистов. Если русский националист ведет себя как провокатор, а мыслит и говорит как дурак, то мы не остановимся в адекватной оценке такого «партайнгеноссе». Ибо, как известно, дурак опаснее врага.

И самое лучшее, что может сделать национально мыслящий русский интеллектуал, это рассуждать профессионально, а говорить правдиво. Мы должны мыслить в категориях наших естественных и технических наук, не уподобляясь гуманитарным лакеям любой власти.

Мы должны называть вещи своими именами.

Что автор делает в меру своих скромных сил.

4. Новые порядок, этика, эстетика. «Каждому свое». «Лишь тот достоин жизни и свободы...». «Баня против пляжа»

Мы не раз говорили, что наша книга посвящена «драме идей», рассмотрению самых общих мировоззренческих вопросов. Поэтому несоответствием жанру было бы пытаться давать некие развернутые схемы реализации наших идей. Однако даже в конкретных вопросах подобного рода, помимо общих подходов, можно выделить некие четкие установки.

В предыдущей главе мы так и поступили, отметив главные технологические, ресурсные и экологические моменты новой цивилизации. Цивилизации, которая

принесет расцвет Руси и русскому народу, а также всем белым народам мира. И народам, которые осознанно примут арийский менталитет, имея для этого хотя бы частичные расовые предпосылки.

В этой главе мы касаемся отдельных моментов организационного оформления новой цивилизации, плоды которой не совместимы с семитским государством и в его террористическом, и в его оболванивающем варианте.

Мы назвали нашу модель общественной организации «негосударственным», или «национально-аристократическим», государством. В ней можно выделить ряд моментов. Разумеется, они отнюдь не исчерпывают названной модели. Более того, они даже не составляют ее большей половины.

Но в этих моментах заключается значительная часть того элемента новизны, которая отличает модель «негосударственного», или «национал-аристократического», государства от модели имперского государства и более современной модели национального государства.

Центральной идеей этой общественной модели можно считать справедливость. Причем в понимании этого термина не только и не столько эмоционально, но как некий расширенный аналог «разумности» и «сбалансированности». Реализацией этого общего принципа будет правило: **«Где проблемы — там и ресурсы»**. Это означает резкое **перераспределение власти в пользу регионов и мест**. Центр имеет только то, что дают ему регионы. Регионы просят у центра решить проблемы, которые они не могут решить сами. И дают ресурсы на решение этих проблем.

Автор сформулировал данный принцип в стиле современной российской действительности, чтобы русскому читателю было понятней. Но мы можем сформулировать те же мысли и в стиле белых племен приледниковья, и в стиле древней русской федерации окрестностей Берендеева озера.

Просто эти принципы едины для общественных ассоциаций белых арийских племен. Они укоренены в древнюю русскую национальную традицию. Традицию, которая старше семитско-российской централизованной государственности в 10 раз. Поэтому Россия сильна столицами, Новая Русь будет сильна каждым своим поселком, каждым своим хутором.

Обратные принципы — это принципы семитской империи. И, возвращаясь к современным российским проблемам, автор хочет заявить всем российским регионалам; **«Хотите жить достойно — поддерживайте принципы построения арийской государственности. Поддерживайте распространение белых идей. А нынешняя «Россиянин», построенная по лекалам семитской Первой империи, обдерет вас как липку, а потом оставит один на один со всеми вашими проблемами»**.

Важнейшим вопросом любой общественной ассоциации является доступ к ресурсам. Здесь тоже вполне **естественно** кристаллизуется ряд принципов.

1. Невозобновимые ресурсы, в том числе ресурсы минерально-сырьевые, — общенациональное достояние. Каждый «гражданин» (хотя в новом государстве это понятие будет иметь несколько иной смысл) имеет право на равную с другими часть природно-ресурсной ренты. Как осуществляется реализация этого права — вопрос технический. Но это право незыблемо.

2. Возобновимые ресурсы (почвы, леса, луга, водные ресурсы, промысловые животные, рыба и т.д.) находятся в преимущественной собственности тех, кто рядом с этими ресурсами, на этой земле, у этого водоема обитает. Не Москва должна решать, кому и сколько рыбы ловить на Дальнем Востоке, а Владивосток, Петропавловск, Южно-Сахалинск. И они должны решать, насколько можно допустить к этим ресурсам «Москву».

Автор просит извинения у читателя за повторное скатывание на нынешние преходящие российские реалии. Но, право, они настолько яркие, что лучшей иллюстрации просто не придумаешь.

Но что же остается государству! — воскликнет иной читатель. Напомним, однако, что у нас государство «негосударственное». Поэтому будем точны. Центру, а вернее «распределенной по территории объединяющей нацию структуре», которую мы с очень большой долей условности лишь для удобства изложения в дальнейшем будем называть «государством», или «Центром», достается... цивилизация.

Все новые производственные отрасли, наука, энергетика, инфраструктура и т. п. В этих видах деятельности могут на долевых основаниях участвовать все желающие, но контрольный пакет всегда останется за Центром.

Более того, именно эти отрасли должны (и станут!) давать тот доход, на который и будет содержаться государственная машина. Вернее, те части классической государственной машины, которые останутся от классической государственной модели.

Но это утопия! — воскликнет читатель. Да нет же, не утопия. Пусть знающий проблему читатель посчитает, а не знающий поверит нам на слово, какую массу денег могла бы принести нынешней России **неограниченная** торговля оружием, ракетными и ядерными технологиями. Сколько в пакете не востребуемых инноваций, разработок, которые могут принести сотни миллиардов долларов в год. Гораздо больше, чем вшивый «российский» бюджет Путина—Касьянова—Кудрина—Чубайса, держащийся «на ниточке» грабежа общенационального ресурсного достояния. Но эти разработки нынешнее российское государство **запрещает** к использованию.

Космические самолеты, стартующие с обычных аэродромов и выходящие на орбиту 200-километрового радиуса; обогреватели по типу тепловых насосов, которые снижают расход тепла на обогрев в 7-10 раз; универсальное средство для лечения рака; энергоустановки, работающие буквально «на дерьме» с КПД 70%; летающие тарелки (их делают аж на трех(!) заводах), способы практически неограниченного продления жизни (да, да, есть и такие) и т.д.

Мы повторяем: таких прорывных не открытий, а уже **готовых изделий**, часть из которых даже работает (но подпольно), в России буквально десятки тысяч.

Доход от внедрения этих изделий, за которые можно долго брать **монопольно высокую цену**, ибо эти изделия еще долго будут эксклюзивными, позволит новому государству существовать, **не взимая налоги**, и запустить инновационный процесс на будущее, чтобы поток таких изобретений и изделий стал перманентным. И доходы от них не иссякали бы в будущем.

Вместо этого нынешняя семитская «Россиянин» и ее прикормленные «бизнесмены» грабят дальневосточных рыбаков, ростовских шахтеров, норильских металлургов, а коммунальщики так вообще по всей стране.

Но не будем о грустном. И, возвращаясь к нашей теме, скажем, что центр в национально-аристократическом государстве — это что-то типа сверхгигантской научно-технической и производственной корпорации с мощными собственными службами безопасности, просто вооруженными космическими самолетами и ядерным оружием.

И, кстати, в этой «корпоративной службе безопасности» найдут себя очень многие нынешние «казенные» силовики. И весьма выиграют. Ибо, если говорить нынешними терминами, носящий погоны получает на порядок меньше своего коллеги в соответствующих службах процветающих фирм. А что уж говорить о нашей «сверхпроцветающей» «корпорации Центр».

Это коллективный арийский Сварог. Только такой, который не бросит свой народ, понадеявшись на его собственный разум. Как показал опыт Сварога, это было преждевременно. Сварог должен оставаться со своим народом, не давать тому впадать в спячку, после которой его завоевывают по семитским схемам, рожденным в Первой империи.

Итак, этой же корпорации регионы делегируют право «дирижировать» использованием минеральных ресурсов, имеющих общенациональное значение. Но не в качестве некой «естественной монополии». Центр организует доступ к ресурсам на конкурсной основе всех желающих внутри страны. А сам имеет за это оговоренную долю ресурсов, которую он может эксплуатировать в своих интересах.

Но и Центр, и все другие хозяйствующие субъекты эксплуатируют ресурсы

только в производственных целях. Внешняя торговля сырьем разрешается лишь при отсутствии внутреннего заказчика на соответствующие объемы.

Кроме того, Центр руководит работой магистральных коммуникаций общенационального значения. Впрочем, никто не запрещает всем иным хозяйствующим субъектам строить свои системы коммуникаций любого масштаба.

Но как же так, — воскликнет все тот же «иной читатель». Ведь в корпорации нет выборов. Там все может быть «непрозрачно». Правильно, особенно если эта корпорация еще и выполняет функцию «коллективного арийского Бога».

Но кто сказал, что выборы это самоцель. Мы убедились на собственном опыте, сколь пошлы и лживы могут быть выборы. Лучше бы их не было вообще, чем такие, какими мы их видели в России после 1993 года.

Да и смотря правде в глаза, система «один человек — один голос» порочна в принципе. Не может голос изобретателя нового самолета или нового лекарства равняться голосу бомжа. Не может голос женщины, в одиночку вырастившей одного или двоих детей, равняться голосу молодой, избалованной девки, только что получившей паспорт. Не может голос гения или героя равняться голосу карманника или шлюхи. Не может голос генерала Рохлина равняться голосу мелкого взяточника из ГАИ.

Классические выборы по мажоритарной системе возможны и нужны там, где все выбирающие полностью компетентны в обсуждаемых проблемах, т. е. на местном уровне. Региональные же выборы нужно проводить уже не как классические выборы, а как достижения приемлемого квазиконсенсуса (например, большинством в 2/3 участников) между всеми местными лидерами, реально обладающими влиянием.

В свою очередь регионы заключают «общественный договор» с «коллективным арийским Богом» в лице Центра, живущего по законам закрытой корпорации. Или законам жреческой касты, если угодно.

При этом строго соблюдается принцип «каждому свое». Никаких «двойных подчинений». Центр не имеет права вмешиваться в дела регионов, регионы — в дела местных органов самоуправления.

Как и что будет делиться в рамках данного принципа, невозможно предугадать. Да это и не составляет предмета данной книги. Но автор уверен, что русский народ решит эти проблемы легко. Не бином Ньютона. Наш народ решал проблемы и посложнее.

Но «коллективный Бог» может злоупотребить своим положением, — скажет «иной читатель». Как? — спросим мы в ответ. Центр не имеет права

мобилизовывать людей. В принципе не имеет права. Это базовое положение «общественного договора». Центр не имеет права монополизировать природные ресурсы. Это тоже базовое положение.

И Центр не имеет механизмов насильственно изменить это положение. Ибо его силы неадекватно велики для гражданской войны. Они рассчитаны на внешнего врага. Космическими самолетами и атомной бомбой в окрестностях собственных объектов не воюют. А внутренних войск нет. Это тоже принципиальное положение общественного договора. И весь народ вооружен. И все коммуникации «сверхкорпорации Центр» проходят через территории, где проживает этот вооруженный народ.

Не может Центр воевать с народом и регионами. Он может только навязывать такие темпы научно-технической гонки, чтобы остальные подтягиваясь за Центром и уважали его как «гуру». Навязывать этику, эстетику, контролировать квалификационные вопросы, задавать (но ненасильственно, а через пропаганду престижности собственных стандартов) параметры образования. Не хочешь быть в этом отношении на поводку у Центра — выдумай нечто свое. Преврати, например, воду в бензин. И получи по общественному договору право на монополию в такой технологии и в таком использовании водных ресурсов.

Механизмы подобного рода можно продумать. Вот тогда у Центра всегда будет «за спиной» несколько альтернативных «сверхкорпораций», которые ничего не отнимают у него, но предлагают свои **конструктивные** цивилизационные альтернативы **параллельно, а не вместо** существующей модели жизнеобеспечения.

И когда масса этих альтернатив перешагивает критическую величину, большинство просто начинают жить по-новому с новым «коллективным Богом», с новым набором ресурсов, с новыми базовыми технологиями. А старый Центр либо вливается в новые структуры, либо уже просто как частная корпорация ищет пути новых прорывов.

Ну а люди всегда будут иметь выбор. Делать карьеру в «корпорации Центра», «параллельных» корпорациях, делать свой бизнес или просто фермерствовать, пользуясь льготными горючим, энергией и пониженными транспортными тарифами. Которые Центр по общественному договору **обязан** обеспечить в обмен за право быть контролером и диспетчером ресурсов и коммуникаций.

Мы не намерены далее заниматься несвойственным нам делом. Благожелательный читатель и так понял основной ход наших мыслей. А в данном разделе они имеют характер иллюстрации базовых положений. Не более того. Если благожелательный читатель, согласный с нашей общей доктриной, внесет нечто свое в рамках реализации идей, проиллюстрированных здесь, мы с радостью встретимся с ним (автор надеется) на народном собрании в новой

свободной Руси. Ну а если кто-то не согласен с нами, убеждать его мы не намерены. На фронтах будущей гражданской войны (возможно, в совершенно необычных, «холодных», формах), которая по мнению автора неминуема, нас рассудят наши Боги.

Русские с нашей стороны, семитские со стороны наших оппонентов.

Однако продолжим нашу тему.

Принцип «каждому свое» в этическом смысле конкретизируется в гениальной фразе Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». В арийском белом государстве паразитов не будет. В любой сфере деятельности каждому будет воздаваться по делам и талантам его.

Общество без принуждения, общество равных возможностей, равного доступа к природным ресурсам. Такое общество не может по самой логике вещей плодить зависть. Если завидуешь кому-то, у тебя есть все возможности напрячься и превзойти его. Не в этой сфере, так в другой.

Такая этика должна восторжествовать в будущем обществе. Объективные предпосылки для этого очевидны. Что же касается предпосылок субъективных, то автору кажется, что они сложатся при формировании русской **нации** на базе русского **народа**.

Это будет непростой задачей. Ибо для любой масштабной цели необходимо консолидированное, активное ядро. Всем же нынешним российским политикам, знающим состояние русского народа, совершенно очевидно, что это ядро будет выделить очень трудно.

Ясно, что придется призвать на помощь региональный патриотизм. Более наглядные региональные цели смогут легче консолидировать альтернативную элиту хотя бы на местах.

И, тем не менее, даже этого «сильного лекарства» может оказаться недостаточным. Контрэлита должна быть региональной по практическому целеполаганию, но спаянной в масштабе всей страны общим новым менталитетом. Элита, прагматичная в делах, но романтическая по духу. Элита, не допускающая вмешательства в сферу своей компетентности, но безоговорочно признающая некие общенациональные моральные и интеллектуальные авторитеты.

При этом альтернативная «элита прорыва» должна быть русской национальной по духу и по крови, а значит относиться к народу, к «своим» бережно. Однако одновременно эта элита должна активно противодействовать весьма распространенным, самоубийственным для русских, пережиткам интернационального имперского менталитета. Менталитета, на котором играет

не только нынешняя власть, но и значительная часть оппозиции, не имеющей стратегического видения ситуации.

Известно, между тем, что конкурент опаснее врага, предатель опаснее конкурента, а дурак опаснее предателя. Русской национальной контрэлите, увы, придется иметь дело с весьма многочисленными конкурентами, предателями и еще более многочисленными дураками.

Мы верим, что таких будет меньшинство. Возможно, даже ничтожное меньшинство. Но не менее очевидно и то, что всех их, опять же, увы, не перевоспитаешь. Придется записывать их в «чужие» и поступать с ними как с «чужими». Поэтому очевидно, что будущая современная русская нация будет составлять только часть нынешнего русского **народа**.

И это, несомненно, придется неким образом оформлять. В частности, как-то «маркировать» своих и чужих.

И в данном процессе, несомненно, будет востребован и опыт казаков, и опыт староверов, и украинский опыт.

Очевидно, что вряд ли целесообразно, да и вообще возможно будет использовать некие тенденции языкового обособления. Но тем более активно должны будут использоваться все иные формы национальной самоидентификации — новые мифы (в современном понятии этого термина), новая этика, новая эстетика, новые формы массовой культуры.

Таким образом, сама по себе новая этика станет маркером, идентифицирующим «своих».

Ну а потом все пойдет по системе дедушки... Нет, не Дурова, а Дарвина. И в итоге оставшиеся скажут, что «чужие здесь не ходят».

Впрочем, мы опять уходим в детали.

Завершая же данный «иллюстративный» раздел, хочется сказать несколько слов о новой эстетике. Мы говорили выше, что считаем сексуальное начало одним из самых сильных консолидирующих моментов. С модели группового поведения по типу обезьян верветок только что распрямившийся предок человека начал трудный отбор по новым правилам. Отбор, который в итоге и сделал его человеком.

Мы показали, как потом эротический момент использовался для пропагандистских целей в едином комплексе «религия — зрелища — оргии».

Не будем пересказывать соответствующие главы нашей книги. Здесь лишь обратим внимание читателя на один важный момент недавнего прошлого.

Сталинская модель, копирующая ранние варианты Первой империи, была аскетична. Помимо террора использовалось лишь устрашающее оболванивание и истерически-романтическое оболванивание.

До религии «порока и кайфа» официальная пропагандистская машина СССР так и не дошла. Она остановилась на «четверти пути». И это стало одной из причин поражения СССР. Пусть читатель не смеется. В свое время «религия порока и кайфа» спасла Первую империю.

Совсем недавно переход от пуританских установок к сексуальной революции спас западные режимы. Нежели у кого-нибудь хватит наивности подумать, что столь массовая кампания была просто стихийной или просто погоней за сиюминутной выгодой отдельных бизнесменов от СМИ. Нет, сексуальная революция была четко и грамотно спланированной акцией. Она почти в точности повторяет основные черты перехода оболванивающей подсистемы Первой империи с модели «религии устрашения» на модель «религии порока и кайфа».

Это оружие. И этого оружия не было у пропагандистов СССР.

Этим оружием у СССР отняли молодежь. В самом деле, Запад ассоциировался со свободной реализацией одного из самых сильных человеческих инстинктов. А собственная страна — с фактическим отказом от них. Все люди старшего и среднего возраста помнят знаменитое: «У нас секса нет».

В итоге обозленный человек в душе «выбирал Запад». На самом деле он просто выбирал секс.

Через эротические механизмы можно внедрять в массы любые установки. Если... Если конкурирующая сторона эти механизмы не использует. Этим очень часто пользовались в истории семитские пропагандисты.

Не стоит подставляться аналогичным образом еще раз. Очень велика ставка в этой «последней войне» цивилизационных моделей.

Западной и семитской эротической культуре надо противопоставить культуру белую. При этом не просто пытаться «обойти конкурента на повороте», но эти повороты срезать. Не просто пытаться копировать их приемы, но применять приемы свои.

В первую очередь должны пропагандироваться русские идеалы красоты и гармонии. Худосочные «женщины пляжа» с неясным цветом кожи должны всячески дискредитироваться. Вплоть до применения спецприемов формирования соответствующих негативных инстинктов в контролируемых государством СМИ. Специалисты знают, как это делается. Но в данном случае важно поставить цель.

Идеалом должна стать русская статная сильная женщина. Не толстуха, как ехидно поспешат заметить иные злопыхатели, но именно статная сильная белая женщина. Эротике пляжа должна быть противопоставлена эротика бани.

В эротике бани гораздо большее место в идеале красоты займет фактура и цвет кожи. Переливающаяся игра полутонов бело-розовой кожи статной белой женщины в легком мареве банного жара или на фоне голубоватого снега — вот новое направление эстетизации тела и поиска гармонии.

Этого нет и физически не может быть ни у негритянок, ни у семитокавказоидок.

Целесообразно также возродить в полном объеме арийские языческие праздники с элементами эротики. И стилизацию этих праздников в рамках рафинированного «профессионального» искусства.

При этом данные праздники не должны превращаться в вульгарное массовое совокупление, как в культурах «второй религии Первой империи». Различные соревнования, воздушные шоу и т. п. мероприятия должны создавать возвышенный «дневной фон» для последующей «русальной ночи».

Это направление пропагандистской работы выбьет из рук противников «эротическое оружие». И более того, будучи гораздо более естественной для белого человека, такая эротика, такая эстетика сама станет сильнейшим пропагандистским приемом «последней войны» с остатками семитской империи.

5. Глобальные выводы. Русский оптимизм

Итак, Россия-Русь стоит на пороге цивилизационной революции. И для этой революции есть все перспективы.

Во-первых, в настоящее время впервые возникла возможность (а по сути, даже необходимость) поставить цивилизационные проблемы во главу угла и исследовать их без каких-либо идеологизированных рамок.

Во-вторых, сейчас Россия в рамках нынешней цивилизации является маргинальной окраиной, сырьевым придатком Запада. В такой ситуации России нечего терять и нет смысла цепляться за старую цивилизационную модель.

В-третьих, у России все-таки есть производственная инфраструктура, достаточная для начала цивилизационной революции.

В-четвертых, в России имеется огромный научно-технический задел по базовым направлениям цивилизационного рывка — новая энергетика, новое материаловедение, новый транспорт.

В-пятых, эти направления обеспечены в России соответствующими типами сырья.

В-шестых, Россия получает от судьбы огромную фору в цивилизационной гонке — глобальное потепление.

Об этом следует сказать особо. Многие в мире озабочены идущим глобальным потеплением. Последние четыре года показали однозначно, что это уже не просто прогноз ученых, а реально и весьма ощутимо проявляющийся процесс. Следует отметить, что для большинства регионов мира глобальное потепление и повышение уровня океана действительно несут определенные (а для некоторых, например американцев, ведьма большие) проблемы. Одним из немногих территорий, для которых потепление, в основном, благо, является северная половина России. Потепление благотворно скажется на сельском, лесном, водном хозяйстве. Но особенно выиграет энергетика. Потепление на 1°C несет России годовую экономию топлива в размере 50 миллионов тонн условного топлива.

Есть и другие аналогичные оценки. Так, обеспечение одного рабочего места при среднегодовой температуре ниже -1°C в два раза при дальнейшем похолодании на один градус. при аналогичном потеплении цена обеспечения одного падает. В России большая часть территорий имеет среднегодовую температуру меньше одного градуса Цельсия. Северная Россия выигрывает от подобного потепления. Более того, открываются перспективы более интенсивного освоения ранее необитаемых мест.

Справедливости ради следует отметить, что потепление несет определенные проблемы газовой отрасли.

Однако пора перестать отождествлять Россию с Газпромом. В целом же по суммарному эффекту потепление пойдет во благо России.

Россия в этом отношении — единственная страна в мире. Она (а в первую очередь ее северные регионы) становится мировым резервом, который, однако, принадлежит только нам.

И в этой связи следует заранее позаботиться об обеспечении своих интересов. Северная по сути мудрость «чужого не возьмем, своего не упустим» в этой ситуации как нельзя кстати.

Помимо перечисленных в сущности объективных причин, есть причины субъективные. Цивилизационная революция, несомненно, вызовет небывалые политические изменения. Но сама по себе она еще не определяет, во всяком случае, на первых порах, направление этих изменений. Направление этим изменениям, как только они начнутся, несомненно, определит накопившийся уже в сугубо политической системе России кризисный потенциал.

И главное в этом потенциале то, что российский средний класс вполне созрел для восприятия нормального, здорового, безоговорочного русского национализма и мирового белого движения. С другой стороны, Россия не может далее игнорировать проблемы русского народа.

Либо это государство само начнет соответствующую мягкую коррекцию политической модели, либо оно будет просто взорвано. Взорвано возмущенными регионами. Показная стабильность нынешнего российского режима есть блеф. Это стабильность до зубов вооруженного злобного сифилитика, разбитого параличом.

Надо просто знать, что сифилитик уже разбит параличом и не может и пальцем двинуть, чтобы использовать свое оружие против своего народа.

Все в больший кризис втягивается и современный Запад, решивший, не мудрствуя лукаво, попробовать восстановить Первую империю. Это попытка заведомо провальна.

Поэтому у России в ближайшее (по историческим меркам) время будут развязаны руки.

У русского народа нет сейчас другой возможности выжить. Он должен сокрушить семитскую российскую государственность и, не задерживаясь на модели национального государства, немедленно начинать строить государство национально-аристократическое.

Только такое государство сможет вывести Россию в резкий отрыв и сделать ее навеки недоступной для вмешательства в ее внутренние дела. После чего русский народ на местах разберется со всеми, кто мешает ему жить по его собственным, биологически обусловленным моделям бытия, свойственным белому человеку.

Для каждого русского сейчас как никогда актуальны слова Высоцкого: «Кто хочет жить, кто весел, кто не тля, готовьте ваши руки к рукопашной. А крысы пусть уходят с корабля. Они мешают схватке бесшабашной».

Победив в этой борьбе, русский народ спасет себя.

У нас нет никаких долгов ни перед кем. Но, тем не менее, спасая себя, мы дадим пример спасения и всей белой расе. Уже 10 тысяч лет мы «самые белые из белых». И мы, наконец, вновь подтвердим свое право называться так.

Мы вновь, как во времена нашего Первобога Сварога, покажем всем белым способ избавления от ига семито-кавказоидов.

Мы смоем с себя тысячелетнюю грязь и развеем мрак семитской империи и

семитских богов. Мы вновь обретем себя. И сможем спеть вслед за нашим,
убитым подлой империей бардом:

«И наградой за ночи отчаянья

Будет вечный полярный день».

Москва—Александров,
1998-2003

Послесловие, или размышления о национальной идеологии

И все же, что получилось в итоге? На что претендует автор, выпустив эту книгу. Без ложного жеманства скажем — это мировоззренческая база современной национальной идеологии. Разумеется, автору очень хотелось бы, чтобы его достижения были взяты на вооружение именно русским национальным движением. Однако автор реалист и знает, что у нас «нет пророков в своем отечестве». Поэтому в данном случае вопрос остается открытым...

Итак, еще раз заметим, что любая идеология состоит из трех частей:

1. Некая теоретико-методологическая или мировоззренческая (в широком смысле этого слова) конструкция, так или иначе оформленная (в виде веры, научной теории, комбинированной системы из мифов и теории).
2. Система пропаганды этой идеологии.
3. Система идеологического контроля политики (всегда) и быта (только в тоталитарных вариантах идеологии).

Мы не останавливаемся сейчас на п. 2 и 3 идеологии. Тем более, что без п. 1 их разработка затруднена, ибо соответствующие механизмы пропаганды и контроля должны быть адекватны идеологической теории (или вере) или хотя бы некой ее модификации, скорректированной с учетом практики. Но для модификации надо иметь что модифицировать.

Что же представляет собой тот круг вопросов, на который должны иметься ответы в мировоззренческой базе любой идеологии (в данном случае мы не интересуемся, **как** отвечать, сосредоточившись только на самой необходимости ответов). Для примера возьмем христианство, иудаизм, ислам, коммунизм и нацизм. Все эти учения стали основой многих идеологий в полном понимании этого слова, со своим мировоззрением, системой пропаганды, навязыванием языка формулировки политических решений, контролем быта и т. п.

Какие же вопросы затрагивала теоретико-идеологическая и мировоззренческая основа упомянутых учений:

1. Основы мироздания. Вопросы строения мира. Космогония. Основные закономерности развития мира. (Христианство, ислам и иудаизм в учении о сотворении мира. Коммунизм в диалектическом материализме и конкретно в диалектике природы. Отчасти нацизм в трудах своих «не классиков, но авторитетов». Например, в доктринах о «вечном льде» или «вогнутой земле».)

2. Происхождение и развитие жизни. (Христианство, ислам и иудаизм в учении о сотворении мира. Коммунизм в диалектическом материализме. Отчасти нацизм в заимствованных им положениях теории социал-дарвинизма.)

3. Происхождение человека. (Христианство, ислам и иудаизм в учении о сотворении человека. Коммунизм в теории о роли труда в происхождении человека. Отчасти нацизм в обосновании расовой теории.)

4. Движущие силы, закономерности и основные этапы истории человечества. Вопросы происхождения государства и смысла власти. (Христианство, ислам и иудаизм в соответствующих преданиях о священной истории. Коммунизм в историческом материализме. Нацизм в изложении истории с точки зрения расовой теории.)

5. Происхождение наций. Роль наций в истории. (Иудаизм в учении об избранном народе, изложенном в Ветхом Завете и развитом в Талмуде. Христианство в Ветхом Завете. Менее четко в исламе. Коммунизм в историческом материализме, работах Ленина и Сталина. Нацизм в расовой теории и, прежде всего, в главном труде нацизма «Майн кампф».)

6. Констатация основных проблем текущей ситуации на момент создания соответствующего учения. (Христианство, ислам и иудаизм в соответствующих разделах, например, в посланиях апостола Павла. Коммунизм в собственно научном коммунизме. Нацизм в большей части своих основополагающих классических работ.)

7. Объяснение основных текущих проблем и предложение стратегий их решения. (Христианство в посланиях апостолов, иудаизм в Талмуде, отчасти ислам в своем обосновании всеобщей «борьбы с неверными». Коммунизм в учении о классовой борьбе, в политэкономии социализма, в трудах последнего классика научного коммунизма — Сталина. Нацизм в «Майн кампф» и прочих основополагающих трудах.)

Заметим, что все 7 групп вопросов так или иначе затронуты в любом из названных учений (первые две иногда весьма схематично и с сильными заимствованиями, но тем не менее). Вопросы же с 3-го по 7-й с той или иной степенью детальности отражены во всех учениях. И даже нацизм, не затронувший четко первые две группы вопросов в собственном учении, тем не менее, «по касательной» «неоднозначно» высказался по 1-му вопросу. И косвенно затронул 2-й вопрос, приняв в качестве одной из глубинных теоретических основ учения модифицированный («извращенный», как сказали бы некоторые) вариант дарвинизма.

В результате нашего экспресс-анализа можно утверждать, что любое учение, претендующее стать идеологией, как минимум, должно содержать изложение вопросов о происхождении человека, движущих силах исторического процесса

и сути государства, происхождения наций, констатировать основные проблемы текущего (как правило, кризисного на момент создания учения) момента, дать его объяснение и обоснованную стратегию решения упомянутых проблем.

Все это должно быть изложено с единых позиций и иметь «сквозной» характер изложения. При необходимости заимствований (как в нацизме в вопросе о дарвинизме) соответствующие учения модифицируются и «огрубляются». Однако возможности подобных «чистых» заимствований ограничены.

Зададимся вопросом: для чего вообще нужны ответы на эти вопросы для достижения чисто утилитарных политических целей?

Во-первых, политической группе, желающей править всерьез и надолго, действительно необходимо знать объективные тенденции общественного развития. Незнание этих закономерностей увеличивает вероятность политического краха. В случае явной ошибочности взглядов политической группы, захватившей власть, этот крах может быть весьма болезненным не только для страны и народа, но даже для самой правящей группировки. За примерами подобного рода далеко ходить не надо.

Во-вторых, с чисто пропагандистской точки зрения очень важна возможность заявить, что стратегический успех данной политики **предопределен** (волей Бога, законами природы или законами общественного развития). Кстати, именно поэтому столь важно в любой настоящей серьезной идеологии затронуть проблему человека. Что есть человек по своей природе, кто он — людоед или альтруист, труженик или лентяй и т. д. Соответствие предлагаемой социальной и национальной политики «природе человека» — важнейшая предпосылка уверенного следования выбранному политическому курсу.

Итак, именно предложенный минимальный перечень проблем (с 3-й по 6-ю, с частичным освещением 2-й и 7-й) и был затронут в нашей книге. При этом собственно прикладная 7-я проблема из вышеприведенного перечня намерено дана схематично и фрагментарно. Все же политика невозможна без известной «свободы рук», и чисто тактические и злободневно пропагандистские моменты идеологи и теоретики должны уметь тактично оставлять политикам.

С высоты достижений современной научной мысли автор спокойно смотрит на возможных конкурентов. Среди современных идеологических конструкций, циркулирующих в России (кроме ортодоксальной коммунистической идеи, которая остро нуждалась в коренной модернизации еще в 1960-е годы и не менее ортодоксального Православия, возможности которого прекрасно продемонстрировала Октябрьская революция 1917-го года), нет ни одной теории, где хотя бы затрагивался требуемый комплекс вопросов в полном объеме. Все т. н. идеологии (если они вообще не являются набором примитивных и вдобавок малоэффективных злободневных агиток) сводятся к

анализу тех или иных моментов мировой или российской истории и навязыванию современникам и ближайшим потомкам давно устаревших и практически исчерпанных идей и стратегий.

При этом даже среди упомянутых частных идеологов нет практически ни одной, которая бы использовала современные достижения естественных наук и опиралась бы на методологию системного анализа (автор не рассматривает здесь несколько современных карикатурно псевдонаучных теорий, которые наполнены столь большим количеством фактических ошибок, что возникает вопрос: «А заканчивали ли эти авторы хотя бы среднюю школу?»). Но без применения современных естественнонаучных и системных методов, как мы показали выше, не может быть успешного политического и стратегического планирования в XXI веке.

Поэтому автор уверен — его работа рано или поздно будет востребована теми силами, которые реально станут хозяевами в России, а следовательно, и на всей планете. Ибо новая модель цивилизации может быть создана (именно создана, а не воссоздана) в России и только в России.

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

ХОМЯКОВ Петр Михайлович



Доктор технических наук, профессор. Родился в 1950 году в Москве. Трудовую деятельность начал младшим техником-геологом.

Работал в геолого-разведочных и инженерно-исследовательских экспедициях, служил в Советской Армии. Окончил географический и механико-математический факультеты МГУ. С 1981 года работал в системе АН СССР, ГКНТ и Госплана, РАН. Занимался проблемами информатизации государственного управления, природно-ресурсного обеспечения устойчивого функционирования отраслей народного хозяйства, регионального управления, участвовал в исследованиях по глобальным проблемам. Автор свыше 70 научных статей и 7 монографий.

С конца 1991 года, не прерывая научной работы, принимает участие в общественно-политической деятельности, занимается журналистикой и политической аналитикой. Был экспертом Верховного Совета РСФСР. В качестве аналитика консультировал РНС, ФНС, НРПР.

Был политическим советником генерала Рохлина.

Работал аналитиком и обозревателем в РИА «Новости», ИТАР-ТАСС, Международной информационной корпорации.

Известен своими статьями в газетах и журналах «Литературная Россия», «Русский Собор», «Российская газета», «Независимая газета», «Парламентская газета», «Коммерсантъ», «День», «Интервью», «Дуэль», «Stringer», «Национальная газета», «Респектабельная республика», «Правда-5», «Юность», «Наука и промышленность России», «Химия и жизнь».